

СМЕНА

июль
2000

О, казино, казино!

Ю. Кривевский

Прокофьева **Кино, разведка и любовь**

ВМЕСТЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«ЛУКОЙЛ» ориентируется на потребителя и выпускает широкий ассортимент масел как для двигателей подержанных автомобилей, так и для двигателей последнего поколения.

«ЛУКОЙЛ» ценит свой товарный знак , поэтому качество масел контролируется в течение всего процесса изготовления, и каждая партия продукции перед отправкой проверяется и сопровождается паспортом качества.

ТЕЛЕФОН: (095) 207-1441.
ТОЛЬКО ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

ЛУКОЙЛ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Тамара Чинна

7 **2000**
июль (1629)

Сдано в набор 19.5.2000.

Подписано к печати 16.6.2000.

Печать офсетная.

Заказ № 1464

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@gnar.net.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Reg. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПЮ "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПЮ "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2000.

26 *Александр Еланский*
**СНАЧАЛА УМИРАЕТ
 НАДЕЖДА**
 Рассказ

86 *Роберт Силверберг*
КОНТРАКТ
 Фантастический рассказ

136 *Алексей Ашеев*
МАРА
 Мистическая повесть

4 *Александр Калинин*
**ОТ БЕЖИНА ЛУГА
 ДО КАЛИНОВА**

16 *Елена Обвинникова*
**"ЛЕТАЮЩИЙ ТАНК"
 И ЕГО СОЗДАТЕЛИ**

55 *Александр Астафьев*
**О ЧЕМ ВЕЩАЮТ
 КОЛОКОЛА**

67 *Лора Великанова*
СЕКС-ЛОХОТРОН

78 *Михаил Ширвиндт:*
**"ПРЕВРАТИМ
 РОССИЮ В СТРАНУ
 ДРЕССИРОВАННЫХ
 СОБАК"**

116 *Юрий Кричевский*
О, КАЗИНО, КАЗИНО!

240 *Галина Калинина*
**А ДУШУ МОЖНО ЛЬ
 ИСЦЕЛИТЬ?**

253 *Сергей Каленикин*
**ОТ ВЕКА
 АТОМНОГО —
 К ВАКУУМНОМУ?**

стр. 98

стр. 266

44 *Любовь Русева*
ЧУДОТВОРЕЦ

62 *Евдокия Ферманова:*
**"НЕ УМЕЮ ЖИТЬ
БЕЗ РОМАНОВ"**

98 *Ирина Беспалова*
ВЕРОНЕЗЕ

128 *Светлана
Бестужева-Лада*
**ДВАЖДЫ ЖЕНАТЫЙ
ХОЛОСТЯК**

224 *Елена Прокофьева*
**КИНО, РАЗВЕДКА
И ЛЮБОВЬ**

266 *Маргарита Белая*
**В СТРУННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ...**

стр. 116

14 *Андрей Шауков*

Игорь Гамзатов
**КАПКАН ДЛЯ
МИЛЛИОНЕРА**

Только увидев, что за налоговое преступление грозит реальная, а не виртуальная тюрьма, наши подпольные миллионеры начинают делиться с государством, подпитывая своими налогами социальные программы. Очерк написан по материалам нескольких громких судебных дел в Саратове, после чего за тюремной решеткой оказались крупные предприниматели.

*Михаил
Казовский*
МАЙОР ПРОНИНА

Наш сюрприз для гурманов детектива — детектив в стихах. Такого вы еще не читали! Дочь знаменитого майора Пронина (героя повестей Льва Овалова) — сама майор и инспектор уголовного розыска Людмила Пронина не хуже своего папаша вынимает нутро из самых матерых жуликов.

август'2000

8

АНОНС:

От Бежина до Ко

Ясная Поляна и Спасское-Лутовиново — это не только усадьбы знаменитых писателей, но еще и села, некогда принадлежавшие им. И если усадьбы стали музеями, центрами духовной и культурной славы Отечества, то и села — вольно или невольно — тоже становились музеями, свидетельствуя о политических и социальных экспериментах двадцатого века.

В Ясной Поляне и Спасском-Лутовинове я больше ходил не по тихим музейным залам и выметенным от февральского снега или осенних листьев аллеям бывших барских парков, а по деревенским улицам да деревенским домам, интересуясь не столько историей, сколько жизнью нынешних крестьян, деды и прадеды которых называли себя "толстовскими" и "тургеневскими".

Дворянское гнездо

Спасское-Лутовиново прекрасно с высоты птичьего полета осенью, когда среди золота листвы вдруг, полыхнув на солнце, обожжет неземным огнем купол храма, и возликует душа, купаясь в голубых глазах озер, в белизне старинных усадебных построек. Хорошо оно и весной, когда расцветают вокруг яблоневые сады, а над великолепным тургеневским парком, над Бежиным лугом, над всей орловщиной летят косяки журавлей, гусей, уток. Нескольких диких уток однажды облюбовали озерцо возле Спасского. Но местный мужик, лесник-правдолюбец Некрасов, умеющий красиво пого-

Луга Линова

ворить о несправедливости земного бытия, но на работы неторопливый, ленивый, выловил их всех на удочку, насадив на крючок вместо приманки листы молодой крапивы, за что директор музея Николай Ильич Левин обещал утопить в том же озере его самого. До рукоприкладства, однако, дело не дошло, Некрасов раскаялся и больше уток на удочку не дергал, да они и не прилетали, а Левина закружили дела будничные, когда порой некогда и оглянуться.

Левин с Некрасовым не птицы, они ходят по земле. По земле ходит и Петр Васильевич Нурочнин, бывший директор совхоза "Тургеневский". Потому красота,

которую видят птицы, оттирается как бы на задний план делами земными. Вместо того, чтобы любоваться золотом листвы и куполов, он месит сапогами грязь. Но не та грязь тяготит, которая липнет к сапогам, а — которая к душе.

Нурочнин не руководит больше хозяйством, не дает нарядов на работу, не подписывает бухгалтерские ведомости. Он продает на городском рынке овощи и фрукты с собственного приусадебного участка. Да еще корзины и табуретки, которые мастерски научился плести из лозняка. А в редкие свободные минуты рисует картины. Характерный мужик, ис-

тинно русский. О таких Розанов писал: посмотришь на него острым глазом, посмотрит он на тебя, и все понятно, и не надо никаких слов. Он землю чувствует не подошвами сапог и даже не голыми пятнами — душой. Но турнули его с директорства московские криминальные тузы, затеявшие купить и перепродать принадлежавшую некогда Тургеневу землю. Вначале скупил контрольный пакет акций у ставшего вдруг акционерным обществом совхоза "Тургеневский". А потом и до земли добрались. Давеча даже покупатели приезжали — ходили по полям, по тому же Бежину лугу, изучали структуру почвы, да что-то не сладилось — не сторговались или помешало что. Курочкин пробовал было сопротивляться такому произволу, да его выкинули, как ощипанного петуха, за ворота, на улицу, пригрозив, что если будет еще трепыхаться, то пусть не забудет о собственной дочери, которая учится в Москве и живет в общинности. Курочкин и замолчал, как будто зерном подавился. Ушел в себя. Односельчане его еще пытались выказать свою волю, да какая там воля, когда голоса скуплены. Ори не ори, все равно выйдет по-инхнему. Так и вышло. Формальным хозяином Спасского Лутовинова стал вначале предприниматель Зенин, родственник главного люберецкого новорудела. Потом, когда "хозяин" сделал совхоз лишь приложением к своему магазину, стал продавать общественное добро направо и налево, богател, провел к магазину газ, а остальная деревня сидела без денег и тепла, люди взбунтовались, вытурили-таки люберецкого ставленника с лутови-

новского престола — тот даже за броней контрольного пакета акций не усидел, и призвали на "жняние" местного фермера Петра Егоровича Пузырькова, рассудив так, что если свое хозяйство в исправности содержит, то и с общественным справится. Но свое оно всегда своим было. И опять ничего путного у лутовиновских крестьян не получилось. Скотины становится меньше, поля зарастают, а "живые" деньги уж забыли когда и видели.

Осатанев от хронического безденежья, многие коренные жители запили горькую. Другие поставили крест на своем привычном сельском ремесле и занялись отхожим промыслом. Кто встал за прилавок на мелкооптовом рынке, кто строит дачи богатым москвичам, некоторые подрабатывают на стройках столицы. Оставленные ими места на полях и фермах заняли беженцы из Казахстана. Лишенные всего, они согласны работать без денег — за натуральную оплату молоком, мясом, скотиной, яблоками или зерном. Ряды любому жилью — в подсобке совхозной столовой, в закрытой совхозной бане и даже в бывшем красном уголке коровника.

Все смешалось в бывшем имении Тургенева. Как жить дальше? Кому кланяться еще, чтобы не пропасть вовсе?

Прежде по всякому поводу шли на поклон к барину. Было дело в прошлом веке — запили мужики похлеще нынешнего, благо кабак располагался тут же, на окраине Спасского-Лутовинова, где теперь шнола, носящая, разумеется, имя писателя. Пошли скандалы в семьях, разоры и без того небогатого крестьянского хозяй-

ства. Тогда, исчерпав терпение, и снарядили отчаявшиеся женки делегацию к барину. И выход нашли — построили возле кабака часовенку, освятив ее именем Александра Невского. А по тогдашнему закону кабак рядом с церковью соседствовать не должен. Так и протрезвело село. А часовенка эта стоит до сих пор, напоминая о былом единстве села и усадьбы.

Спасское-Лутовиново так и осталось дворянским гнездом, брошенным великим барином, уехавшим жить и умирать за границу. А барин уехал — и слуги в бега. Где немой Герасим и Фома по прозвищу Бюрюк, где знаменитая мельничиха? А нет. Не сыскать уже и потомков тех крестьян, которые стали прототипами литературных героев. Ного война посекала, ного жизнь пораскидала. Приехали на их место иные люди, никак с именем Тургенева не связанные. Вот Валерий Труфанов, тоже бывший лесник и охотник, известный в деревне тем, что дал себя порвать обложенному в лесу барсуну. Вот Галина Догадова, бывший культпросветработник, которая вследствие интриг вынуждена была покинуть культурную ниву и совершенствует теперь сервис на автостоянке, где всегда полно туристов. Вот кузнец Николай Киринос, которого за большой рост и огромную силу односельчане зовут Вакулой и который теперь работает нем придется, потому что кузницы уже нет. Есть еще Валентина Александровна Зубова, заведующая отделом кадров, которая ныне вроде отмененного секретаря парткома — и жизненный совет даст, и политическую ориентировку. Многие люди достойны ува-

жения. К примеру, Надежда Михайловна Хомич, заведующая кафе, воспитывает вместе с мужем двоих сыновей да еще приютила у себя пятерых переселенцев из Казахстана. И — никаких просьб к власти или начальству, надежда только на свои руки. "Чертоломют без выходных", — говорят о них в деревне. Вот Татьяна Владимировна Борисова, сельский библиотечарь. Я зашел к ней не из простого любопытства — искал интересных людей в тургеневских местах, а кому как не библиотечарю знать своих односельчан. Татьяна Владимировна куталась в теплый платок и грела ноги у электрорегратора. Библиотека четвертую зиму не отапливалась. Раньше была своя котельная. Потом к ней подсоединили многоквартирные дома. Потом эти дома перешли на газовое отопление и котельную сломали. И нищая библиотека стала замерзать. У нее не было денег не только на газ, но и на новую литературу. С началом перестройки фонды ее не пополнились ни одним томом. Если чего и может она себе позволить сегодня, так это несколько недорогих газет да журналов. Есть, правда, полочка из пожертвованных книг, но это в основном бульварные любовные романы, которыми ныне завалены все российские книжные лотки, и которые давно прочитаны местными книголюбями. Остальные книги ветшают, но списать их нельзя, потому что заменить нечем. Один из столов заставлен детскими поделками из папье-маше, соломы, других подручных материалов. Кандая из них согрета душевным теплом лутовиновских ребятишек. Татьяне Владимировне Борисовой очень хоте-

лось бы развести в библиотеке цветы. Но увы, одного душевного тепла им мало.

Приезжие люди осваивали и отстраивали село Спасское-Лутовиново после войны, когда от него почти ничего и не осталось. С тех пор пути усадьбы и села разделились. Усадьба процветает. Начав со статуса филиала областного музея, она вскоре обрела самостоятельность, став памятником культуры республиканского значения. Увеличиваются штаты, растет научный потенциал, пополняется парк техники, выстроено кафе, в котором торгуют не Бог весть чем — водной да сигаретами, водой да горячим чаем, но которое тем не менее дает музею существенный доход. Село, наоборот, хиреет, разделяя судьбу всего колхозно-совхозного строя России. Насса пуста, технический парк разваливается, даже кузница и баню пришлось закрыть.

Потому село не любит усадьбу, считая ее нахлебницей, легкотрудицей, закрывая глаза на то, что усадьба пашет своими тракторами частные огороды, мостит дороги, обеспечивает работой и заработком значительную часть селян. А когда наведавшийся в Спасское тогдашний президент России Ельцин дал денег на восстановление усадебной церкви, село и вовсе ошалело — экие деньги на ветер пускают. Да их бы на ремонт тракторных мастерских, где мужики на холодных снвознях теряют последнее здоровье! Как-то подсчитали и ахнули: до пенсионного возраста ни один лутовиновский мужик не дожил.

И хотя дело спорное, что важнее: церковь, врачующая душу, или железо, которое все равно бу-

дет разворовано и пропито, обещание денег усадьбе вызвало неприкрытое раздражение села. Село считает себя приоритетным уже потому, что производит хлеб и мясо, хотя дохода эта работа в последние годы не приносит вовсе, и акционерное общество "Тургенев", как ныне именуется бывший совхоз, в долгах как в шелках. И село никак не поймет, нужно ли оно нынешней России? А если нужно, то в качестве кого? В качестве кормильца державы? Или в качестве приложения к частному магазину Зенина или ферме Пузырьнова?

Ясная Поляна: жизнь после жизни

Хорошо в Ясной Поляне летом промчаться верхом на лошади по аллеям парка и дальше, на Калинов луг, за рену Воронку, где и впрямь, как через некую мистическую воронку, проходит время, что-то немилосердно руша, унося с собой, а что-то милуя, где воздух зимой свеж от хвои и снега, а летом настоен травами. Промчаться, а потом, умаявшись и напившись родниковой воды в ключах, которых тут много, упасть в траву, раскинув руки, и смотреть в небо, думая о вечном. Но Ясная Поляна — не только это...

Деревенская улица. По дороге рядом с медленно двигающейся машиной идет парень. Время от времени он останавливается возле какого-то дома и стучит кулаком в высокие железные ворота:

— Хозяин, комбинорм нужен?

— Почем?

— Шесть рублей ведро.

Все знают, что комбинорм сворован у кооперативных коров. Как

бы оправдывая это воровство, парень говорит:

— Кому теперь они нужны, оперативные-то? Свои — другое дело.

На скамеечке возле дома греется на весеннем солнышке старичок.

— Как зовут-то тебя, дедушка? — спрашиваю.

— Львом Николаевичем, — отвечает.

— Уж не Толстым ли?

— Не-ет, Румянцев я. А дед-то мой, слышь-но, Семен Николаев, у Толстых поваром был. 36 лет отслужил в усадьбе. Так когда большевики к власти пришли, он "золотые" честно на почту сдал, а "кережки" под стропила спрятал. Крышу чинили — нашли, да какой с них уж был толк?

Односельчане кличут Румянцева Гайкиным. Это прозвище перешло к нему от отца — Николая Семеновича, который по заказу тульского завода делал детали для самоваров.

— И много ли в деревне Львов Николаевичей?

— Было пятеро, да двое недавно померли. Так что трое нас осталось.

Здесь живут не пришлые, не беженцы, как в Спасском-Лутовинове, а именно потомки тех толстовских крестьян, которые обслуживали его усадьбу, ходили в его школу, становились прототипами его произведений. Ну, например, Филиппок — помните того мальчика, который страсть как хотел учиться, да мать не пускала, и он сам украдкой ушел в школу?

— Филиппок-то? — спрашиваю. — Так он на Красной улице живет. Только зовут его теперь по-другому — Ухарь.

— Это отчего же?

— Голос в детстве был хороший. А сосед научил его песне "Ехал на ярмарку ухарь-нупец", он и пел ее по заявлениям подвыпивших мужичков. Да и теперь запоет — ни с кем не спутаешь.

Ухарь оказался Михаилом Федоровичем Макаровым. Мать его, Ольга Филипповна, была дочерью Филиппка, которому в школу ходить родители так и не позволили, полагая, что полезнее учиться практическому крестьянскому ремеслу, нежели грамоте, и он, имея своих лошадей, всю жизнь занимался, как и многие, извозом, благо симферопольская дорога проходила в то время аккуратно вдоль деревни. Внук Филиппка тоже не шибко учен — война позволила окончить ему всего шесть классов. Потом ремонтировал паровозы, рубил уголь в шахте, где его дважды заваливало, но, слава Богу, вовремя успевали откопать. Теперь получает пенсию, которой делится с сыном, дочерью и внучкой — те хоть и выучились, и работают, а сидят без копейки. Сын Сергей — правнук Филиппка — приехал в отпуск из Тулы и отцу подкормиться. И двухлетнего Андрюшку с собой привез — праправнука, значит.

Хорошо, справно живут потомки толстовских крестьян, лучше, чем крестьяне тургеневские. Говорят, что могучая энергия, которая была у Толстого при жизни, по закону сохранения энергии нигде не исчезла. И люди, которые здесь живут и работают, чувствуют это на себе. Действительно, Толстой и после смерти как бы опекает свою усадьбу. Паломничество к его могиле принудило

власти уже в 30-х годах содрать с крестьянских изб солому, заменив ее черепицей. Впоследствии в каждый дом подвели воду, электричество, газ, покрыли асфальтом главную деревенскую улицу. Немцы, наступавшие на Москву, не успели ни разграбить усадьбу, ни сжечь ее. Даже чернобыльская туча, наследившая в Тульской области, и та обошла Ясную Поляну стороной.

Вот и нынче дома почти все крыты черепицей или железом. Почти у каждого сад. Дворы спрятаны за высокими железными воротами. Многие постройки дополняются гаражами.

Впрочем, справно — еще не значит ладно. В иных местах жители боятся детдомовцев, стерегут от них свои сады и огороды, а тут — детдомовцы боятся местных. "Оставишь без присмотра доску ли, кирпич — тут же и слязят, — жалуется директор Яснополянского детского дома Татьяна Алексеева. — Ребенок тяпку на поле забудет, через два часа ее уже нет".

Между жителями то и дело возникает споры, за разрешением которых идут к местному голове Владимиру Коношевичу. А потому как их разрешением редко бывают довольны обе стороны, то весь их гнев выливается на голову Коношевича.

Бывшие толстовские крестьяне, рассказывает ведущий сотрудник музея-усадьбы "Ясная Поляна" Нина Алексеевна Никитина, после революции то приходили всей деревней каяться на могилу Толстого, то грозились сжечь усадьбу. Так и ныне. С одной стороны, вроде как почитают гениального писателя и свято

блюдут места, где он ходил, но, с другой стороны, при случае не упускают возможности прирезать к своему земельному наделу и кусок усадебной земли. Некто Арбузов распахал свой огород аж до графского пруда и летом отгоняет от "своего" берега купающихся сотрудников музея, полагая, что он имеет на этот участок пруда прав более, нежели сам граф Толстой.

— Людям нынче разрешили быть плохими, — вздыхает старейшая яснополянская учительница и краевед Мария Константиновна Нукульская, — а это значительно легче, чем быть хорошими.

Но все-таки доброта не покинула Ясную Поляну. Это видно и по отношению к ничейным детям. Многие учителя, музейные работники приглашают их к себе на чай. Один из мальчиков до того привязался к агрономам-садоводам Наталье Сергеевне и Владимиру Николаевичу Чистяковым, что месяцами живет в их семье. Хотя сами Чистяковы небогаты, от сироты не отмахиваются, помогают ему в учебе. Да и директор музея-усадьбы Владимир Ильич Толстой часто ходит к детям, а дети — к нему. Девочка, которая была очень привязана к Толстому, но которую в силу ее умственных возможностей вынуждены были перевести в специнтернат, пишет ему письма, а на каникулы приезжает в гости, Толстой тоже интересуется ее судьбой.

Яснополянцы делятся на коренных и приезжих. Власовы, Ореховы, Зябровы, Малаховы, Макаровы — эти коренные. Коренной и Андрей Деев. Его прадед Никита Евдонимович служил

у Толстого краснодеревщиком. Сработанная им резная деревянная чернильница с надписью "Что написано пером — не руби топором" до сих пор украшает дом-музей Толстого. Жена Никиты Еддомимовича Анна Петровна Деева стряпала на графской кухне, а в свободное от стряпни время любила почитать Марна Аврелия. Андрей же работает в усадьбе лесником. Зарплата невелика, зато платят день в день и можно хоть как-то планировать свои расходы. Андрей Деев удивительно жизнестойкий человек и на обстоятельства жаловаться не любит. Да, трудно, да, порой в доме даже чая нет, так ведь сколько целебной травы в лугах, рыбы в рене, грибов-ягод в лесу. Так и живут с женой Натальей, полагаясь только на себя.

Коренные не то чтобы не любят приезжих, но — сторонятся их. Они — не графские и многое не понимают из того, чем гордится и что оберегает Ясная Поляна. Дома продают им неохотно. И все-таки половина деревенских — приезжие. Большинство — из стран ближнего зарубежья. Евгений Николаевич Чебанов, например, приехал из Средней Азии. Работал в Туле в политехническом институте. Человек исключительного таланта. По заказу Минздрава изобрел робот-массажер. В Министерстве изобретение приняли с восторгом, однако денег на производство робота не дали, и тот умер, так и не прикоснувшись к телу человека. Тогда Евгений Николаевич, дабы как-то подкормить себя, решил поработать на родную армию и изобрел конструктивно новый пистолет. В Ми-

нобороны тоже сказали "Ах!", но денег опять не дали. И Евгений Николаевич, уйдя на пенсию, переключился на сад-огород. "Я мог бы что-то другое изобрести, но не знаю, что кому надо", — говорит он.

Так и живут — коренные и приезжие. Кто-то лучше, кто-то хуже. Отличить их нынче можно разве что по жаргону. Например, что такое "графская дорога", знает лишь коренной яснополянец. Это дорога, по которой Лев Николаевич любил хаживать из усадьбы в деревню. Однажды именно "коренной яснополянец" агроном Лавров взял и построил на этой дороге дом. Потом понял, что сделал неладно, и дом продал. Однако этим мало что изменил. Хозяин сменился, а дом так и остался стоять на "графской дороге".

Графа Владимира Толстого, праправнука писателя, коему выпала доля обустроить музей-усадьбу, власти вначале как бы опасались: стоит ли создавать прецедент возвращения в имение бывших владельцев. А ну как те возьмут и заявят о своих правах на усадьбу. Но, во-первых, Толстых в мире около 200 человек и ни у кого нет преимущественного права на наследство, во-вторых, перед кончиной Софья Андреевна завещала, чтобы Ясная Поляна была общенародной и общегосударственной. Опасность же отчуждения музея возникла оттуда, откуда не ждали — из правительства Российской Федерации. В недрах Белого дома однажды родилась программа, которая предполагала перевод ряда музеев, в том числе Спасского-Лутовинова и Ясной

Поляны, с федерального уровня на региональный, то есть снижение их статуса.

— Это влекло за собой целую цепь совершенно разрушительных для культуры последствий, — говорит Владимир Толстой, — ведь если сбросили с одного уровня, то будут сбрасывать еще ниже. А потом там была такая фраза: в случае несогласия организация ликвидируется, а ее фонды... распродают с аукциона. Что это значит, надеюсь, понятно.

Благодаря вмешательству межрегиональной ассоциации музейных работников, которую возглавляет опять же Владимир Толстой, удалось сорвать эту скрытую распродажу национальных культурных ценностей.

— Владимир Ильич, что стоит за словами "возродить былую славу Ясной Поляны", которые вы любите повторять?

— Понимаете, слово, произнесенное и написанное Толстым здесь, влияло на судьбы не только России, но и мира, — говорит Владимир Ильич. — К нему сюда со всего света стремились люди за поддержкой, за мудрым советом. Среди них замечательные писатели, музыканты, художники. Ясная Поляна была живым местом, где все кипело вокруг Толстого. И сегодняшней России необходимо место, где так же кипела бы духовная жизнь. Вот мы и хотим сделать таким местом Ясную Поляну.

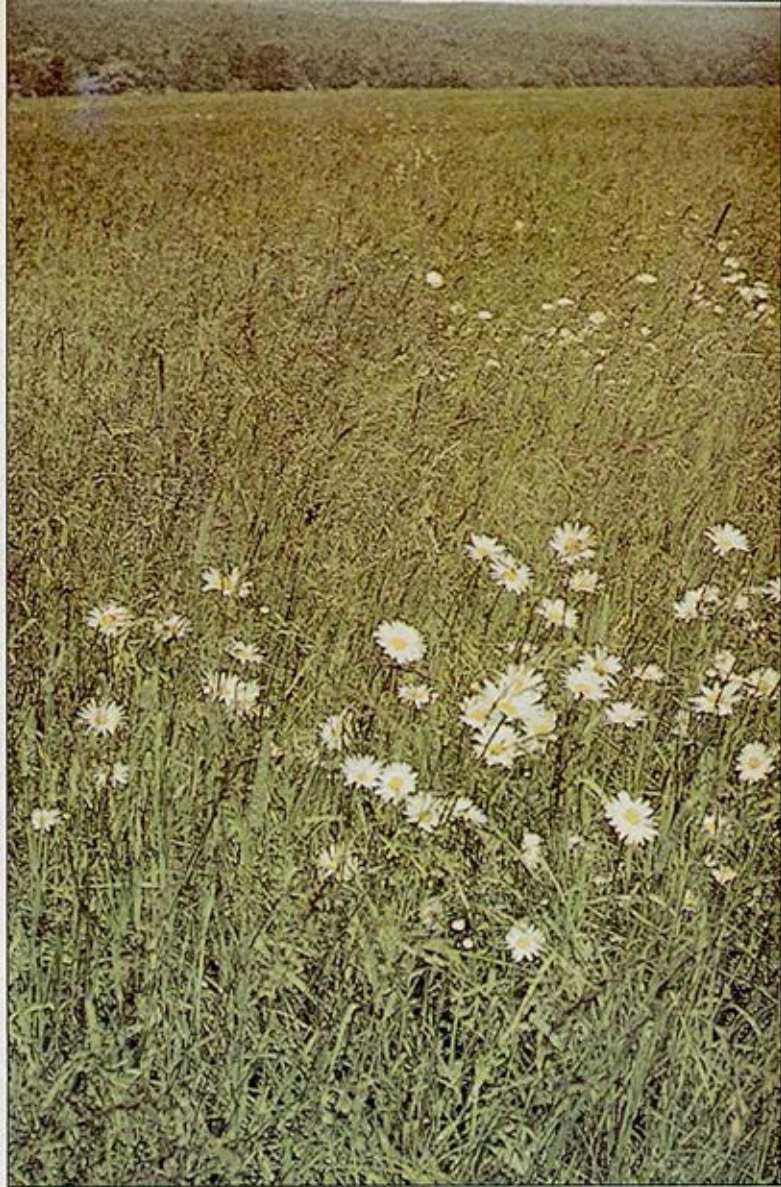
"Живите в доме — не рухнет дом". Усадьба, по замыслу работников музея, должна стать не лубочной, а естественной, живой. Для этого с нее необходимо снять искусственную лакировку. Снять в прямом смысле этого

слова. Сдрать краску с деревянных полов, убрать металлическую сетку, огораживающую сад, и многочисленные запрещающие таблички. Чтобы гость, приехавший в Ясную Поляну, мог искупаться в пруду, где любил купаться Толстой, сорвать яблоко с яблони. Чтобы на кухне пахло пирогами, а в конюшне — лошаадьми. Чтобы в кузнице звенел металл, а в гостиной кипели литературные споры. Это в конечном итоге и является целью программы, которую надлежит выполнить Владимиру Толстому и которая, по его словам, сейчас активно воплощается.

Интерес к Толстому, к его родовому гнезду, где писатель провел большую часть своей жизни, растет, как ни странно, за рубежом, особенно на Востоке, где Толстого почитают за великого учителя, поклоняясь ему, как посланцу небес. Мне рассказывали, что один японец, всю жизнь занимавшийся продажей автомашин, уйдя на пенсию, уехал в горы, где воссоздал подобие Ясной Поляны — с ее постройками, садами, прудами, лесом, даже обстановка дома такая же, и часы на стене показывают минуту смерти Толстого. Там и живет "странный японец", отдавая все время чтению произведений русского писателя и уходу за усадьбой.

Настоящая же Ясная Поляна живет так же непросто, как и Спасское-Лутовиново, как вся страна...

А в Спасском-Лутовинове однажды неглупый мужичок предложил директору музея-усадьбы Левину: "Чего бы тебе, Николай Ильич, не взять нас к себе всех ско-

Налинов луг

лом? Деревней то есть. Мы бы за тебя проголосовали". "Нет, — ответил Левин, — не проголосовали бы". "Это почему?" — удивился мужик. "Да потому, что я бы уволил

с работы всех, кто пьет, и сдал в милицию всех, кто ворует". Почесал мужик затылок: "Пожалуй, Ильич, ты прав — не проголосовали бы". ■

Андрей ШАЦКОВ

О ПРОШЛОМ

*Я снова в прошлом,
Прошлое болит
Тебе одной завещанною болью,
Той, что зовется Вечною Любовью
И прорастает сквозь забвенья плит.
Пусть неприметным — скромным горлицей
Бессмертником, зажженным звездным светом,
Сорвавшимся с заоблачных орбит.*

*Я снова в прошлом,
Прошлое подчас
Уводит в заповедное былое,
Гнетущее подспудной кабалою,
Таящейся в морщинах возле глаз:
Размытых бесконечными дождями,
Тоскующими вместе с журавлями
О юности, о нежности, о нас!*

*Я снова с прошлым в прошлом остаюсь
Навеки,
У зеркального затона,
Где отразилось небо, как икона,
А на иконе губ твоих искус.
Где до зимы хотелось верить счастью
Но полынья сомкнулась волчьей пастью,
И замер мир... И рухнул неба груз!*

ЖУРАВЕЛЬ

*Мне в ночь приснился серый журавель.
Один, среди змеиного болота —
Случайной цели звездного полета...
У каждого своя судьба и цель.*

*Он, меткой дробью встреченный, не мог
Нести в зенит израненное тело.
Сукровицей на кочках клюква рдела
И солнца шар проваливался в мох.*

*Последний луч, сорвавшийся с небес
В прореху журавлиного конвоя
Пером крыла над ширью вековой
Кружил, не опускаясь в черный лес.*

*Мне вновь приснилась птица — журавель,
Или журавль? Кто ж тому виною,*

*Что в криках птиц над Родиной ржаною
Тоскует расставания свирель?!*

*Не все взлетят в целительную синь,
Оставшись навсегда на склоне лета,
Где все туманней время до рассвета
И все печальней свет Звезды-Польнь.*

РЕКВИЕМ ЖАРКОМУ ЛЕТУ

*Мне лето в этот год не удалось.
Я ждал его, как утренней побудки,
Я брел к нему простуженный насквозь —
Со Сретенья иতোжа дни и сутки.*

*Шел Червень в разноцветье буйных трав,
Варился тут кисель из голубики,
Бесстыдное, подол листвы задрал,
Хмелело лето.*

*Солнечные блики
Пятнашками носились по воде.
На Тихона затихнул птичий гомон.
Хлеб доспевал на теплой борозде.
Был оком распарен и огромен.*

*Гремели грозы, солнце жаром жгло,
Спалив лугов зеленую заплату.
А время шло... И вовремя пришло
К осеннему Андрею-страдилату.*

*Шла осень в караванах журавлей
И в криках лебединого изгона.
Над зябью перепаханых полей
Висела мглы свинцовая истома.*

*На перепутье всех лесных дорог
Горел листвы чахоточный румянец,
Вставал октябрь — целителен и строг.
И благостен, как Радонежский старец.*

*Я предъявляю лету полный счет
За все, что не сбылось и не сложилось:
За то, что солнце больше не печет,
За то, что стынет кровь в потертых жилах.*

*За то, что был застигнут на беду
Холодной лаской позднего привета...
Любимая, ты слышишь, я уйду
Но видит Бог, опять вернется лето!*

**Елена
ОВЧИННИКОВА**

«Лета

Так уж сложилось,
что имена
создателей
стрелкового оружия
входили в историю
одновременно с их
изделиями:
**автоматический
пистолет**

ЮЩИЙ ТАНК” и его создатели

**Игната СТЕЧКИНА,
автомат Михаила
КАЛАШНИКОВА,
пистолет Николая
МАКАРОВА.**

**А вот “танка Валерия
ВЕНЕДИКТОВА” нет.**

**Как нет и “танка
Владимира ПОТКИНА”...**

За завесой секретности

“Вагоны на Уралвагонзаводе тоже делают”, — с этой фразы началось лет пятнадцать назад мое знакомство с предприятием, вошедшим в книгу рекордов Гиннеса в качестве крупнейшего по территории танкопроизводящего завода в мире. Но предприятие это, расположенное в Нижнем Тагиле Свердловской области, не просто завод, хотя — и завод *тоже*. Семь его научно-исследовательских, конструкторских и технологических бюро занимаются уникальными разработками в области космической техники, металлургии, вагоностроения. Но, безусловно, главный козырь и визитная карточка предприятия с 1941 года — танки.

Почти за шесть десятилетий истории российского танкостроения эти грозные и по-своему красивые машины совершили в своем развитии скачок, сравнимый разве что с броском человека в небо. Первый рядом с современным “Т-90С” смотрится, как средневековый рыцарь, закованный в

Валерий Николаевич Венедиктов

латы, рядом с суперменом из спецназа. И судьба российского танкостроения, по большому счету, — это судьба Главных конструкторов, в разные годы создававших "броню Родины".

Главный конструктор Уральского конструкторского бюро транспортного машиностроения Валерий Николаевич Венедиктов — один из них. Его жизнь прошла за завесой постоянной секретности, и лишь узкие специалисты, допущенные к самым тайным нюансам производства оружия, знали настоящую цену его фанатичному труду.

Да, "танка Венедиктова" нет. Есть "Т-72" — красивая, мощная машина, принятая на вооружение в 1974 году и с тех пор претерпевшая ряд модификаций. До сей поры непревзойденная, взятая на вооружение не менее чем в 15 армиях мира, она послужила основой для нового танка "Т-90", разработанного в том же КБ в Нижнем Тагиле. Как и легендарную "тридцатьчетверку", признанную лучшей в первой половине XX века, "Т-72" специалисты безоговорочно при-

знают "танком конца XX века". И не случайно: машина проявила себя не только на полигонах, но и в реальных боевых условиях.

Безусловно, ориентированное на укрепление военной мощи страны правительство всемерно поощряло создателя этого по-своему эlegantного, с точки зрения конструкторской мысли, бронированного монстра. Венедиктов — генерал-лейтенант, Герой Социалистического Труда, лауреат двух Государственных премий, заслуженный деятель науки и техники. Три ордена, семнадцать медалей. Но все это — в столь тесном кругу, в столь закрытых залах, что даже работники Уралвагонзавода, эти танки выпускавшие и ежедневно входившие в одну проходную с Венедиктовым, редки знали о нем чуть больше, чем его имя и должность.

В книгу, посвященную 50-летию предприятия, еще работавший тогда Главным конструктор вошел лишь несколькими строками мелким шрифтом: среди двенадцати Героев соцтруда и в списке заслуженных уралвагонзаводцев.

Плотный туман секретности окутывал всю деятельность Венедиктова, всю его личную жизнь, сужая круг общения до минимума. И лишь иногда, в мелочах, он мог позволить себе игру в "известность". Например, мог остановиться во время московских командировок не в уютной и тихой гостинице на Селезневке — для руководящих работников Миноборонпрома, а в довольно "аскетичной" по своим условиям военной гостинице.

Близкий соратник Венедиктова, начальник одного из ведущих отделов КБ Эрий Вавилонский вспоминает:

— Представьте себе многочисленную очередь полковников в форме, согласных на любых условиях получить номер в гостинице. И тут появляется Валерий Николаевич в штатском и кладет на стойку два удостоверения — Героя и генерала — и через минуту десятни глаз с завистью и удивлением провожают фигуру, удаляющуюся в отдельные "покои". В гостинице, значительно уступающей той, в которой он мог бы отдыхать много лучше.

Эрий Борисович улыбается, повторяя, что это — лишь игра. В повседневной жизни Главный был начисто лишен даже налета высокомерия, одинаково уважительно говорил и с конструктором, и с рядовым рабочим, а, уезжая уже затемно с работы, не забывал пригласить в машину и своего собеседника, и задержавшихся за кульманами сотрудников.

Задерживались тогда часто и подолгу. Не ради денег, не для того, чтобы "показаться" начальнику. Работа в КБ была выстроена так, что люди неувлеченные там просто не приживались. Главного почитали за авторитет, постоянно поражались его способности к многочасовой работе и постоянной учебе: он не стеснялся уточнить что-то у молодого специалиста. Подчиненным это только добавляло желания работать: как же, Главный совета спрашивал!

А Главный и сам забывал о времени за рабочим столом. Новый год однажды чуть не встретил... в кабинете. И встретил бы, да зазвонил телефон. "Потревожил" один из сотрудников, не застав его дома: "Валерий Николаевич, ведь без четверти двенадцать! Хотел вас поздравить..."

Ах! Новый год... Взвизгнули колоды по свежему, взвившемуся обланом снегу, охранник на проходной помахал рукой вслед удаляющемуся автомобилю. К уютному праздничному столу, к встревоженной супруге Венедиктов вбежал под бой курантов, как долгожданный, лучший новогодний подарок...

Воспоминанья тех минут...

Ее удивительное, скупое и роскошное одновременно, совершенно уникальное счастье с первых дней требовало от Ирины Петровны истинной жертвенности. Коренная москвичка, романтическая девочка затемненной военной столицы, дочь заслуженной артистки РСФСР Екатерины Калининой (любители кино помнят ее в фильме "Белый Бим — Черное Ухо" в роли жены лесника). Юная мечтательница, выросшая на подмостках театра имени Гоголя, где много лет играла мать, познакомилась со слушателем Академии бронетанковых войск, с ее единственной любовью и судьбою, в сорок шестом.

Вскоре уезжала она на студенческую практику в археологическую экспедицию, на раскопки в Херсонес. Он отбыл в Ташкент — к родителям, в отпуск. И долго-долго от него не было писем (как выяснилось позже, подвела "нетопливая" почта).

Так долго не случилось весточки, что влюбленная девочка собралась уже проститься с мечтами о взаимности и посвятить себя безответной любви к офицеру-танкисту. На семейном вечере с близкими друзьями она с упоением читала любимые строки Лермонтова:

*"Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;*

*И если б мог, —
мне было б жаль:*

Вспоминанья тех минут

Во мне, со мной пускай умрут”.

Дверь приоткрылась именно в этот, исполненный внутренней драмы момент. На пороге стоял Он. С кульком ташкентских яблок. Она кинулась ему на шею, забыв о строгих московских приличиях. Гулко запрыгали расклатившиеся по комнате яблоки... Сколько раз вспомнится их спелая румянность потом, в долгие уральские зимы!

Поженились они на следующий день. Шел сентябрь сорок шестого. А в сорок девятом, по окончании академии, Валерий получил направление в Нижний Тагил. Уезжал в день рождения Сталина, 21-го декабря. Жене, тогда молодой учительнице, полгода назад получившей диплом педагога-историка, припоминал с усмешкой спустя годы: “Слез было много, а проводила ты меня в тоненьких портянках без всего теплого...”

На этом и кончилась столичная жизнь. Не прошло и двух недель, как он вернулся — за женой. Сразу после Нового года приехали они с нехитрым скарбом в провинциальный Нижний Тагил.

— Мороз — 40 градусов, — вспоминает Ирина Петровна, — деревянный вонзал, заводские трубы. Первый этаж, холод, она заиндевелившие, по полу комнаты мокрицы прыснули в разные стороны: под металлическую кровать, под тумбочку, под казенный стол... Слезы мои не просыхали.

Им было по двадцать шесть, они начали новую жизнь на новой для них земле. На сетку кровати постелили шинельку, укрылись ее модным пальто и мерзли жестоно

всю первую ночь в городе, ставшем их судьбой.

Главный конструктор

Венедиктов оказался однолюбом. Он навсегда полюбил свою жену, свое КБ, свой танк. И отверг за свою жизнь множество технических решений, навязываемых “сверху” его машине.

Это удивительно, но он сумел сделать так, что и супруга, привычно коротавшая вечера в одиночестве, ожидая его с работы, не возненавидела, а полюбила танки. “Это наши дети, наши Танечки”, — Ирина Петровна ласково притрагивается к модели “Т-72С”. Других детей у них не было, так уж сложилось. Зато бронированным “Танечкам” Венедиктов щедро дарил свое время.

В 1969 году он был назначен Главным конструктором Уральского конструкторского бюро транспортного машиностроения. К этому времени он приобрел уверенность в том, что способен создать новый танк, и стойкую форму бессонницы. Новому танку он готов был отдавать все 24 часа суток.

Но “Т-72” рождался в незапланированных муках. Покровители из ЦК КПСС давали “зеленую улицу” харьковской машине и на каждом шагу тормозили продвижение уральской. На одно из заседаний коллегии Минобороны министр внес высокую стопу папок и начал сурово: “Всяких я видал главных конструкторов. Но первые — конструктора-писателя. Это, — он указал на папки, — письма и обращения, присланные мне Венедиктовым”.

Но помимо писем и обращений была еще каждодневная мно-

гочасовая работа. "Конструкцию надо "вытапывать", — часто повторял Валерий Николаевич. Это означало — дорабатывать до совершенства.

Чтобы ввести в серийное производство только один узел — так называемый входной направляющий аппарат, было проведено около 500 опытов. Лишь тот, кто связан с техникой, может, как утверждают специалисты, представить этот объем работ (узел собирается, ставится под нагрузку, а после снятия всех параметров — разбирается и переделывается. И так пятьсот раз).

Спустя три года — в 1972 году — "изделие №172" встало на войсковые испытания. Гигантский маршрут: Украина — Белоруссия — Ростовская область... Затем — Туркмения, Сибирь, Читинская область, Дальний Восток. Вдоль трассы — около 10 000 километров — за танками следовала машина Венедиктова. Не по объездным шоссе, как автомобили других сопровождающих, а прямо рядом с колеей. Главный отслеживал каждый сбой двигателя, каждую неточность в управлении. Несколько месяцев в пыли, в жаре, по бездорожью.

Уже после того, как "Т-72" был принят на вооружение, войсковые испытания продолжались, и Венедиктов ревностно следил за своим детищем. Вся информация о недостатках прорабатывалась сразу же — без "указаний сверху".

В первой конструкции танкист должен был перед стрельбой включить фильтр-нагнетатель воздуха, иначе могло случиться отравление отработанными газами. Но всегда ли вспомнит об этом солдат, особенно в боевых

условиях? Как только донеслись слухи о том, что есть случаи отравления, Венедиктов собрал специалистов, чтобы разработать механизм, который не позволял бы стрелять, пока фильтр не включен. Задача была решена, и новшество введено во всех действующих моделях.

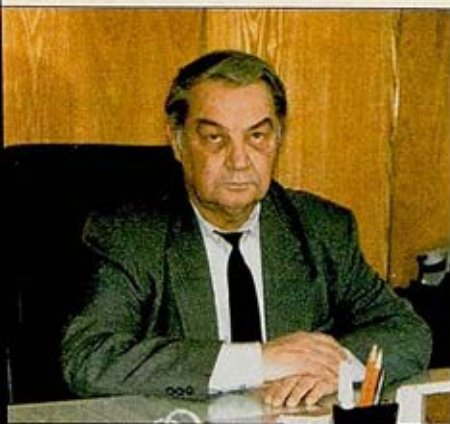
Задача он всегда ставил жестко, со снятыми сроками и педантично требовал исполнения. За промахи не жалел самых крепких слов — за закрытой дверью кабинета. Но во время испытаний, где-то за пределами КБ наказания были немислимы: все просчеты Главный брал на себя.

Венедиктов руководил Уральским конструкторским бюро транспортного машиностроения до 1987 года. Ему было шестьдесят три, когда он написал рапорт министру с просьбой освободить его от должности. Основная причина — состояние здоровья, "не позволяющее принимать участие в танковых испытаниях".

Многие полагали, что он ушел рано, что можно было оставаться Главным, и не выезжая на испытания. Венедиктов считал иначе, и все знали, что переубедить его нельзя.

Но, даже оставив КБ, он ревностно следил за судьбой своих машин, собирал вырезки из газет и специализированных журналов, писал письма еще работающим соратникам. В КБ побывать ему больше не удалось: расставшись с работой, Венедиктовы переехали из Нижнего Тагила в Челябинск.

Быть может, это добровольное отлучение и сломило его. Валерий Николаевич умер 30 ноября 1995 года. За месяц до Нового года, за

Владимир Иванович Поткин

день до инсульта нарядив праздничную елку.

Ушел Главный конструктор танка XX века.

Прощание с "Угрюмым"

Сегодня в прессе нет-нет да и промелькнет информация, связанная с контрактом между Россией и Индией на поставку крупной партии танков "Т-90С". Индийцы заинтересовались российской машиной не случайно: представленный впервые в 1996 году на престижном международном салоне в Абу-Даби ракетно-пушечный "Т-90С" произвел настоящий фурор. На последнем международном салоне в Малайзии уже в этом году модификация "Т-90С" буквально покорила азиатский рынок. Оснащенная 125-миллиметровой пушкой повышенной точности, машина обладает скорострельностью до 7-8 выстрелов в минуту, в ее боекомплект входят радиоуправляемые ракеты, нумулятивный и осколочно-фугасный выстрелы. Кроме того, "Т-90С" способен пря-

таться от противника в моментально расплывающемся газовом облаке, благодаря системе обнаружения наведенного на него лазерного прицела. Российская машина на 8-16 тонн легче зарубежных конкурентов — "Ленклера", "Леопарда-2", "Абрамса" и "Челленджера". Поражает легкость, с которой преодолевает препятствия 46-тонный танк, без подготовки проскакивая почти трехметровые рвы, вертикальные стены высотой до 0,8 метра и броды более чем метровой глубины.

Но мало кто знает, сколько драматизма скрыто за сухими фразами официальных документов, за короткими строчками информационных заметок. До подписания контракта машины должны были пройти полный цикл испытаний в пустыне Тар, преодолеть не менее 2000 километров по пересеченной местности, провести стрельбы и показать свои возможности во время самого жаркого в Индии сезона, когда температура в тени зашкаливала за 50 градусов.

...Три танка отправляли в Индию хмурым дождливым весенним утром в мае прошлого года. У здания управления Уралвагонзавода собрались конструкторы, специалисты, руководители предприятия, военные. Настоятель нижнетагильского храма Александра Невского отец Геннадий освятил машины и благословил на ратный труд сопровождавших их специалистов. А спустя несолько часов в этот же день, под тем же неуютным дождем зазвучали аккорды траурного марша: тагильчане провожали в последний путь создателя грозных машин.

Владимир Иванович Поткин, главный конструктор Уральского

конструкторского бюро транспортного машиностроения, создатель танка "Т-90", командирского "Т-90К" и экспортного "летающего" "Т-90С", умер в своем рабочем кабинете. Позади было уже два инфаркта и напряженнейший труд последних месяцев без скидок на здоровье: подготовка к отправке "Т-90С" на испытания в пустыню Тар. Врачи накануне настаивали: "Срочно — на большую койку". Но он решил иначе: "Вот танки на испытания отправим — тогда и лягу".

Откровенно говоря, он и сам был грозен: еще с первых "бегов" — многомесячных испытаний танков в условиях длительных маршей и стрельб — привез приклеившееся прозвище "Угрюмый". А конструкторы, приходившие к нему с чертежами и отчетами, словно на крыльях летали, заслужив спокойное: "Ну-ну...". Шутили: "Это все равно что вся грудь в медалях, Главный похвалил, если произнес: "Ну-ну"!". Со стороны казалось — так работать тяжело. Коллеги говорят, наоборот, что так было проще: Главный сказал — значит, все правильно, и обсуждать тут нечего.

Главный же говорил после долгих размышлений, проверок, сравнения вариантов. Да и жил так же: если решения нет — не надо спешить, а если оно принято — нужно просто его выполнять, не сомневаясь и не щадя себя.

Тагильский "академик"

В семнадцать лет из Новосибирска он отправился в Ташкент — поступать в танковое училище. Денег на дорогу не было (Владимир был девятым ребенком в семье), и он добирался на кры-

шах товарных вагонов. Училище через три года закончил с отличием, а к концу третьего курса познакомился с Луизой, своей будущей супругой. За ней в те времена ухаживал один из младших курсантов, но лейтенант-выпускник свою избранницу, что называется, отбил, причем, в буквальном смысле слова: кулачная "дуэль" прошла по-русски — "стенка на стенку", курс на курс. Спустя несколько дней молодые расписались, и лишь после этого, трепеща и запынаясь, новоиспеченная жена решилась сообщить об этом маме.

Несколько лет они провели в Германии: Поткин служил командиром взвода в ГСВГ, затем в Одесском военном округе. Но все эти годы Владимир мечтал продолжить учебу и в 1965 году поступил в Академию бронетанковых войск. Он и к занятиям относился так же, как делал все в жизни: спокойно и основательно. Был тем редким слушателем Академии, который спокойно спит в ночь накануне экзамена, а сдавать заходит последним, когда перерешает все задания для однонашников. Он и руководителем был потом таким же редким — уходил с работы не позднее шести. Поткин удивительно умело наполнял содержанием часы, минуты, секунды и все успевал.

После окончания Академии Владимир был прикомандирован к Министерству оборонной промышленности. Так начался тагильский период его жизни. Некоторые из приехавших с ним на Урал "академинов" (так называли в КБ выпускников Академии) уехали сразу же, другие — чуть позже. (Харьков, традиционный производитель танков, был много

"столичнее" и южнее. Почти всех манило Подмоскowie, даже Омск, как областной центр, выглядел привлекательнее.) Поткин же остался в Тагиле и честно начал карьерный путь от рядового конструктора. Его и начальником-то отдела назначили позже, чем однокашников. Причина? Он всю жизнь чурался наград, похвал и прочей "мишуры". Дело делал. Умудрялся к любому вопросу — будь то пересмотр ГОСТов или проработка мелкой деталишки в ходовой части танка — подходить основательно и серьезно.

С 1979 года он почти ежегодно участвовал в войсковых испытаниях машин. Это — особая жизнь для любого танкостроителя, жизнь на пределе сил, работа за гранью возможного, период, когда на тысячекилометровых трассах показывают свои возможности машины-конкуренты, и от результата зависит, чья — ленинградская, харьковская или тагильская — будет признана лучшей (и профинансирована). Это не только соревнование техники, это — настоящие сшибки характеров, соперничество умов, ведь порой от мастерства экипажа, от воли к победе, от умения танкистов понимать и помогать друг другу зависит не меньше, чем от возможностей двигателя.

Возвращались с испытаний всегда усталые до предела, полные впечатлений и — часто — больные. Как-то в Кубинке в 40-градусную летнюю жару испытывали машину в холодильной камере при температуре минус 40. Периодически надо было заходить в камеру и записывать показатели работы двигателя. После этого вся бригада схватила жесточайшие бронхиты.

Может быть, Валерий Венедиктов, создатель "Т-72", всегда участвовавший в "бегах" по бездорожью, следуя за своими машинами, именно на этих испытаниях и выделил Владимира Поткина, ставшего затем его преемником. Всего через год работы он назначил начальника отдела руководителем испытаний, нарушив неписаную традицию: "бегами" руководит специалист не ниже зама главного конструктора. Напомню, Венедиктов написал министру рапорт с просьбой освободить его от должности по состоянию здоровья, "не позволяющему принимать участие в танковых испытаниях". И, говорят, назвал своего преемника.

А все-таки танк "взлетел"!

Назначение начальника отдела Главным конструктором было воспринято неоднозначно. Но Поткин уж такой человек: решение принято — надо исполнять. Ни пересудов, ни сомнений для него не существовало. Если бы он знал, что за страшный период для российского танкостроения ляжет на его плечи! Впрочем, если бы знал, все равно принял бы обязанности и потащил свой крест на перестроечную Голгофу.

Он лишь однажды позволил себе срыв. Шла профсоюзная конференция, каких прокатилось тогда по предприятиям страны десятки тысяч. Зарплата мала, денег на финансирование исследовательских работ нет, специалисты разбегаются, в кооперативах, на рынках можно встретить и опытного учителя, и толкового конструктора. И чаще всего виноватым во всем этом оказывался ближайший руководитель произ-

водства. Сидя в первом ряду, Владимир Иванович мрачно слушал бойкие упрены, "справедливый гнев" ораторов. Потом встал и со словами "Ищите себе нового Главного" вышел. Зал затих, конференцию быстро свернули...

Поткин вернулся спустя несколько дней. Переломил себя. И повторил еще раз, для тех, кто не понимал: "КБ будет заниматься проектированием танков, а не заводных нуол и "настройку с вертикальным взлетом". Зарплата будет такой, какую сможем заработать, но она будет всегда". На фоне более чем годовых задержек на некоторых предприятиях, выдача здесь получна и аванса день в день до сих пор выглядит почти чудом. "Когда я уйду, вы будете спонойно жить, по крайней мере, год", — сказал как-то Поткин. И, действительно, запас для выдачи заработной платы после его смерти на банковском счете предприятия был.

И это при его скупости, которая становилась легендой! Ездил Главный на стареньком "Москвиче", сопровождаемый усмешками коллег-руководителей. "Добил" его собственный водитель, который как-то пошутил: "Мы с вами, Владимир Иванович, как на мотоцикле", и кивнул на шинарные автомобили, подвозившие своих хозяев на крупное совещание. После этого Поткин дал-таки разрешение приобрести "Волгу".

В условиях страшного безденежья Главный решил компьютеризировать КБ. Начал с конструкторов, и на все аргументы, что они-то как раз могут подождать, что они еще "не готовы", отрезал: "В первую очередь обеспечить конструкторов. Мы не можем веч-

но "ползать" по чертежной доске, нас обставят в два счета". И постепенно компьютеры появились практически на всех рабочих местах, а затем постоянно обновлялись. Пожалуй, с этой эпопеи и укрепилась в коллективе уверенность: "Главный сказал — значит, это правильно, надо исполнять".

Вряд ли без этой веры могло быть создано очередное чудо: на смену самому массовому танку в мире "Т-72" Валерия Венедиктова пришел "Т-90С" Владимира Поткина — "летающий", окрестили его специалисты и журналисты на уже упоминавшемся международном салоне в Абу-Даби в 1996 году за исключительные ходовые качества. Ракетно-пушечный танк, впервые продемонстрированный публично, стал настоящей сенсацией. А три машины "Т-90С", отправленные в Индию в мае прошлого года, успешно прошли марши в сложнейшей пустынной местности с большим количеством высоких песчаных дюн.

Владимир Иванович Поткин награжден орденом "За заслуги перед Отечеством" III степени. По-смертно. При жизни Главный конструктор собственноручно вычеркивал свою фамилию из всех наградных списков.

Индийский генерал Мехта предложил дать "Т-90С" еще одно имя — "Владимир". Уралвагонзаводцы подхватили эту идею. Приживется ли новое название наряду с привычным сочетанием букв и цифр? Как-то не принято это у танкостроителей... Кто знает, чем мы удивим наной-нибудь будущий престижный международный салон вооружений, когда воплотятся в жизнь все идеи Владимира Поткина... ■

Сначала умирает надежда

Александр ЕЛАНСКИЙ

Противник, перекатывая мяч с левого края поля на правый и обратно, грозно продвигался к воротам, но где-то уже за серединой поля, почти в своей штрафной, вездесущий Сашка Прокоп ловким броском перехватывал мяч и, набирая обороты, не надеясь ни на кого из своих товарищей, один, азартно устремлялся вперед к воротам соперника. Навстречу ему грозно пикировал защитник из чужой команды, но Прокоп шулерским движением носка подбрасывал мяч вверх и, легко послав его коленом через ногу противника, прыгал газелью следом за мячом, настойчиво приближаясь к чужой штрафной. После обводки второго защитника кто-то из особенно нервных болельщиков вскрикивал: “Сашка, давай!”. Петрович досадливо поворачивал голову на крик и видел на трибунах взволнованные и напряженные лица. Из сотен глоток неслось восторженное “Гол!”, а мяч тем временем, лихо вильнув над верхней перекладиной, дугой уходил в сторону задней трибуны. Где-то рядом, прямо возле уха, кто-то отчаянно кричал: “Мазила!” Петрович испуганно вздрогнул и проснулся.

“Как же это он так промахнулся?” — нервно переживая, размышлял Петрович и пытался разглядеть в темноте невидимый, но все же существующий потолок. Потихоньку приходя в себя, он успокаивался и еще долго-долго лежал в темноте, уставившись вверх. Вставать и включать свет не хотелось, да и ни к чему, пожалуй, скоро светать начнет. А в темноте так хорошо вспоминалось.

Прокоп порвал левый мениск, потом связки на голеностопе и опять связки. Да, операции у Сашки были тяжелые. Он попросил Прокопа уйти из команды. Это он так сам себе говорил. Остальные, наверно, говорили — выгнал. Сколько тогда было Сашке? И Сашка, и он, Петрович, — все, конечно, тогда понимали, что карьере конец, хотя Сашка мог еще поиграть, любил футбол до беспамятства, да и играть умел. А Петрович не дал —

бесперспективный и команде в тягость. Все понимали, а вот вспомнил — стыдно. Теперь Прокоп, как и он, Петрович, в стороне от футбола. Только вот он, Петрович, на пенсии, а Прокоп где-то в Германии; хорошо, что жена оказалась немкой, повезло. Молодой еще, где-то трудится на Великую Германию Прокоп-геноссе. Может, учит немецких ребятишек гонять футбол, хотя, скорее, пашет где-нибудь подсобным рабочим на стройке. Что он у нас делал в последнее время? Шабашничал по колхозам — и то хорошо, а кто-то пил.

Давно уже Петровичу не снился футбол, а может быть, и снился, да он поутру все забывал. Старый стал, не то что прежде. А может, и не снится, да и зачем, столько лет прошло. Хотя нет, пять лет, как миг, как один день. Вот оно, поле, перед глазами стоит, зеленое, с воротами по краям и со стоптанной травой перед ними, и трибуны, и небо голубое-голубое с мягкими белыми облаками. А что ему еще может сниться — всю жизнь в футболе! Сначала мальчишкой в ДСШ, потом в команде в полузащите, потом тренером. Двадцать пять лет тренером! Привык, думал, что так будет вечно. Ан нет, пять лет назад отправили на пенсию, не нужен стал. Тихо так отправили, незаметно, без скандалов и упреков.

Это он так всем говорил тогда — отправился на пенсию, на самом деле — отправили. То, что его лишили возможности работать с командой, Петровича бесило. Все в нем кипело от негодования: двадцать пять лет на тренерской работе — и нате, не нужен стал. Уйти из главных тренеров прямо на улицу для Петровича было дико. Казалось, что и он, и футбол, и вся околوفутбольная жизнь — это вечно.

Походив по знакомым и наплакавшись в жилетку каждому, кто, по его мнению, был обязан посочувствовать, Петрович, опомнившись, а может, смирившись, выпросил себе местечко в ДСШ и стал тренировать детишек.

Малыши были шумливы и недисциплинированны, они неважно играли в футбол и иногда, не сказав ни слова, исчезали из команды, избрав другой жизненный путь или просто облевившись. И что больше всего поразило Петровича, это то, что он в ДСШ был чужим. И не просто чужим — его даже упрекали за неумение работать с футболистами. Это его-то, главного тренера классной команды! Оказалось, что его присутствие в коллективе угнетает коллег-тренеров и директора ДСШ в том числе. И ушел, выхлопотав пусть небольшую, но достаточную, как ему тогда казалось, для скромного существования пенсию. Он стал пенсионером в неполных пятьдесят шесть.

“Отдыхаю, хватит, пора и на боку поваляться, — лживо хвастал он перед своими знакомыми. — Сколько можно”. Знакомых становилось почему-то все меньше и меньше. Оказалось, что, потеряв команду, он потерял и друзей. А может, их и не было, а были люди, которым лестно дружить с такой лично-

стью, как главный тренер городской команды. Кому-то был нужен билетик, кому-то хотелось попариться в сауне с пивком под трибунами стадиона или посидеть за роскошным столом в ресторане и, как правило, на шару. Петрович платил, благо деньги были, и казалось, им не будет конца. Легкие деньги, веселые. Теперь всего этого не было. Была скромная пенсия, на которую по кабакам не походишь. Но старые привычки сразу бросить не получалось.

Сначала Петрович потихоньку влезал в долги. Что это такое, он раньше не знал, вернее, знал с другого бока: у него занимали, а отдавать забывали. Но он не очень обижался, полагая, что такова жизнь. Но стоило задолжать Петровичу, как о долгах напомнили, потом поторопили. И, наконец, бесцеремонно потребовали вернуть долг. Оказывается, все те, кого он знал, и даже те, кому он прощал долги, совсем по-иному смотрели на это дело: они были расчетливы и хорошо умели считать свои деньги. Петрович страшно испугался, он с ужасом обнаружил, что денег нет и не предвидится ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, никогда. Все та же маленькая пенсия, на которую и прокормиться-то невозможно, все то же маленькое окошечко в сберкассе, в которое вечно недовольная кассирша в веснушках и угрях подаст ему, не глядя, тоненькую стопочку банкнот — один скромный ужин в ресторане, всего один, а что потом? А потом диета целый месяц и его имя в книге Гиннеса, или нет, скорее в Гроссбухе об умерших, даже некролога не будет в областной газете. Почему-то Петрович это отчетливо понял.

Первым из гаража уплыл “жигуль” — старенькая “шестерка”. И как он ее, дурак, на новую не обменял! Все недосуг было, казалось, пальцем шевельни — и администрация области велит выделить ему новую без очереди. Не успел. Вслед за “жигуленком” в чьи-то рачительные руки уплыл теплый гараж в центре города. Это позволило расплатиться с долгами и иногда заглядывать в ресторан, вспоминая былые пиры. Но оказалось, что этих денег мало, и даже очень. “Сколько же я тогда зарабатывал! — изумлялся про себя Петрович. — Неужели у меня была такая прорва денег, что я и обедал и ужинал в кабаке, да еще и прихлабаев кормил?”

Но теперь денег не хватало не только на какие-то излишества в виде копченой колбасы или пакета сметаны. Их не хватало на самую малость — на то, чтобы три раза в день досыта поесть. Сначала Петровича выручали маленькие коммерческие ларьки и магазинчики, куда он сдавал свои вещи на реализацию. Он заходил в них, стараясь выяснить, знают ли его там или нет, если не знали, то приносил из дома вещи, которые, как ему теперь казалось, уже не нужны. Обручальное кольцо — с женой он был в разводе уже лет двадцать. Мотанье с командой по стране, как оказалось, противопоказано семейной жизни. Вслед за кольцом ушел некогда престижный золотой перстень, потом цепочка.

Из серванта уплыл чешский хрусталь, оставленный при разводе женой на память. Зачем он старику? Но всего этого ему явно не хватало; он и не подозревал, как молниеносно тают деньги. Приходя домой, Петрович иногда садился на стул и, тупо уставясь на покупки, с трудом соображал — куда он истратил такую прорву денег? Лук, чеснок, молоко сгущенное, кофе...

“Кофе, — размышлял Петрович, — может, нужно перейти на чай, чай — он полезнее, чем кофе”, — и кровь бросалась в виски.

Нет, лукавишь, старик, в тебе говорит не забота о здоровье, а бедность, бедность проклятая. Уже был “съеден” цветной телевизор “Темп”, ковры, некогда висевшие на стенах, палас, лежавший на полу, забавные шерстяные греческие накидки на кресла, сервант, шифоньер, а весь его гардероб запросто умещался в большой коробке из-под телевизора, стоявшей в углу комнаты за диваном. Хорошо еще, сохранился маленький черно-белый телевизор “времен гражданской войны”, он как-то связывал Петровича с внешним миром, отпугивая мысль о веревке и куске мыла.

Телевизор стоял в углу комнаты напротив дивана, старенького дивана с расшатанными спинками, купленного лет тридцать назад на какие-то премиальные.

После развода Петрович выхлопотал у администрации города довольно большую однокомнатную квартиру, можно было потом выхлопотать и трехкомнатную, да все некогда было и лень. Все казалось: зачем одному человеку три комнаты? Да и совестно было — у людей семьи, дети, а ютились многие по общагам. Теперь этим людям не было никакого дела до Петровича. А как было бы здорово обменять трехкомнатную квартиру на однокомнатную, с доплатой, конечно, и sprыснуть это дело коньячком. Лучше армянским пятизвездочным: и недорого, и напиток превосходный.

Сегодня вот не спалось. Что-то так давило грудную клетку, наверно, диван стал для него жестковат, надо бы что-нибудь настелить на старенькое одеяльце, что лежит под простыней. Хотя стелить было нечего, а чтоб купить... Петровичу уже и не верилось, что он когда-то мог купить себе все, что взбредет в голову. Например, новый телефонный аппарат необычной формы или кучу разных шампуней, да мало ли чего. Теперь даже кусок мыла он долго выбирал, блуждая по базарам, — подешевле.

Сначала сильно стеснялся и даже краснел, как мальчик, потом стыд притупился. Он внушил себе, что это жестокая необходимость, и еще он хранил надежду, что вся эта бедная его жизнь когда-нибудь кончится, как срок у заключенного, что наступит день, появятся деньги, вернутся из небытия друзья, покинувшие его, или появятся новые — добрые, честные, хотя какие новые друзья могут появиться в его возрасте. Уж лучше старые пусть вернутся, с ними привычней.

Разум Петровича понимал, что ничего этого не случится, что ему предстоит так бедствовать до самого конца. До какого конца? До могилы. Душа восставала против этой мысли. Проснувшись во второй раз, Петрович раскрыл глаза и увидел перед собой смятую и давно не стиранную простыню, которую, ворочаясь во сне, сдвинул к ногам. "Надо постелить новую", — подумал он. Потом, перевернувшись на другой бок, увидел часы, мирно тикающие на журнальном столике, они показывали ровно восемь. Петрович снова закрыл глаза. Вставать не хотелось. Просто не было сил и желания просыпаться, а если и проснуться, то в другой жизни — веселой, полнокровной... и молодой. И он снова прикрыл глаза.

В третий раз Петрович проснулся словно бы от толчка, стрелки часов передвинулись на пятнадцать минут, но ему казалось, что он проспал час. Спать уже не хотелось и вставать тоже, но Петрович, тужась и кряхтя, сел на постели и, свесив с дивана ноги, некоторое время молча смотрел в пол. Он знал, что как только встанет, так сразу почувствует боль в суставах (соли...) и во всем теле, наверное, от старости. Все эти боли посещали его каждое утро, и избавиться от них он уже не мог.

Усилием воли Петрович заставил себя встать. Постанывая, он прошелся по комнате и подошел к окну. Яркое солнце уже прогрело воздух и радовало глаз. Жизнь на улице, казалось, кипела ключом... и была бесконечна и красива. Но странное дело — это была уже не его жизнь, она не радовала старика. Все, о чем он мог думать и сожалеть, было там, в прошлом, в его беспечной молодости и зрелости. Что бы он ни делал, о чем бы ни говорил, стоило только задуматься — и снова он, как рыба, выскользнувшая из рук нерасторопного рыбака и уплывающая в глубь реки, уходил с головой в прошлое. Порою ему хотелось заплакать, но он знал, что слезы не вернут ему былого.

Насмотревшись на людную весеннюю улицу, Петрович подошел к маленькому календарю, прилепленному на зеркале, и нежно посмотрел на дату — седьмое мая, цифра эта аккуратно была обведена красным карандашом. Он хорошо знал эту дату. Сегодня его день рождения. Ровно шестьдесят лет, и как же быстро они пролетели! Еще четыре месяца назад он начал подбираться к этой дате, экономить на всем, на чем можно сэкономить, чтобы достойно встретить свой юбилей. Вот уже год Петрович жил строго на пенсию, холодильник был девственно пуст. Даже дико было подумать, сколько харчей он выбросил из него в мусоропровод, когда они плесневели. Теперь же, иногда открывая дверцу холодильника и разглядывая его белоснежное нутро, он размышлял: куда же делись из него все те деликатесы, которые так привычно радовали прежде глаз. И, вздыхая, Петрович закрывал дверцу. Но проходил день, другой, третий, и его снова тянуло к холодильнику, и он, с надеждой полакомиться чем-нибудь вкусеньким, осторожно откры-

вал его, грустно изучал скромное содержимое полок, например, банку с томатной пастой или пачку маргарина, и, налюбовавшись этим натюрмортом, молча закрывал дверцу, наперед зная, что через два-три дня его снова потянет ее открыть, и снова он закроет ее, разочарованный.

Денег ко дню рождения сэкономить не удалось, наверное, экономя из него был плохой, а может, пенсия маленькая. На бумаге все выходило гладко — куплю то, куплю это, а вот столько-то останется в этом месяце, а столько-то в том, и так на бутылку шампанского и на палку копченой колбасы наберу. Но месяц проходил, а денег не оставалось. Не так давно, бесцельно перебирая старье, Петрович случайно в “собачнике” — что-то вроде встроенного шкафчика, только над дверьми в коридоре — нашел совершенно новый спортивный костюм. Давно забытую всеми знаменитую совковую ультра-голубую “олимпийку”.

Костюмчик ненаошанный, а поскольку он был плотно запакован в целлофановый пакет, то моль так и не смогла до него добраться, несмотря на ее яростные атаки, судя по зловеще-желтым пятнам на целлофане. Петрович несказанно обрадовался находке, он бережно встряхивал костюмчик, поглаживал нежно ладонью и даже разглядывал на солнце, как будто собирался купить. Вспомнив про нынешнюю болезнь адидасами и майками, Петрович немного загрустил, но это не помешало ему подойти к большому зеркалу в коридоре и прикинуть, разумеется, не надевая, костюмчик на себя. “Продам ко дню рождения, — решил тогда он, — а на вырученные деньги “загуляет голытьба”. Вот только возьмут ли?”

Все последующие три дня после такой ценной находки Петрович ломал себе голову над тем, кто в нынешнее время позарится на старомодную “олимпийку”. То ему мерещился богатенький старичок из бывших спортсменов, с радостью кидающийся к костюму с ностальгическими слезами на глазах, то супермодный “качок”, решивший пооригинальничать. Надежда то окрыляла его, то покидала, и тогда он, взяв в руки костюм, грустно смотрел на него, туго соображая, кому потребуется эта тряпка.

В конце концов в его голове созрел план. Петрович вспомнил, что в ЦУМе он как-то встретил Сережку Сычева, в команде его звали просто Сыч, хотя, играя в полузащите, он напомнил Петровичу, скорее всего, котенка. Коротышка, с большой, вечно коротко стриженной головой, Серега стремительно перекатывался по полю из защиты в нападение, с левого фланга на правый, причем играл весело, задиристо. Теперь Сыч арендовал в ЦУМе огромный угол, где заграничные шмотки и другие предметы бытовой роскоши радовали взоры покупателей или просто любителей поглазеть на витрины, которых в связи с нарастающей бедностью в стране становилось все больше и боль-

ше. “Ну, уж Серега не откажет в малости. Возьмет олимпийку на реализацию, а я поплачусь в жилетку, так мол и так, сегодня юбилей, не откажет старику, выдаст наличность. Неужто совсем за прилавком потерял совесть? Шутка сказать, девять лет в команде играл. Уж кому-кому, а ему я немало хорошего сделал. Квартиру вот хотя бы пробил. Правда, с тех пор десять лет уже прошло, но ведь помнит, наверное, не забыл”. “Олимпийку” он решил отнести к Сереге в самый день рождения. И вот этот день настал. Достав костюм из тумбочки, Петрович аккуратно и бережно уложил его в целлофановый пакет и отправился в ЦУМ. Костюмчик был его последней надеждой купить бутылку шампанского и плитку шоколада, по которой скучал уже больше года. Сколько он этого шоколада переел! Казалось, на сто лет вперед наелся, а вот поди ж ты, нет его — и сосет желудок, томит. Ах, как куснуть хочется, и, прижавши языком к небу, растопить теплом и прислушаться, как он, сладкий и склизкий, стекает по гортани туда, в желудок.

На остановке было полно народа. Суббота, всякому есть дело, всякому куда-то надо ехать. Вот он тоже едет, у него день рождения. Ну, допустим, не у всех это, у них другие дела.

Весна. Хорошо. И солнце как печет, и не душно, земля, видно, не отогрелась после зимы. А какая нынче зима была холодная, весь январь — тридцать да тридцать. Два раза Петрович простывал, второй раз — тяжело две недели болел, на электрогрелке провалился до ноги парил. Сначала таблетки пил, потом бросил; таблетки дорого, а вот пропариться до пота горячего — это куда надежней.

А еще за хлебом приходилось в магазин бегать. Додумался сразу по пять булок брать: две так съест, остальные на сухарики пустит — хороши сухарики с чайком сладким, хороши, и, кажется, ничего не нужно. Перебедствовал зиму и опять жив-здоров, бегать можно, и день сегодня какой солнечный! Не забыл его Господь. Тоже хлопотно старику, всех упомнить надо.

Не доходя до остановки шагов десять, Петрович остановился у фонарного столба. На остановке люди радостные стоят. Зачем их смущать своей тяжелой думой. Человеку чужие проблемы ни к чему, особенно ежели своя радость имеется. Лучше уж в сторонке постоять, не смущать. Невесть откуда появилась худая, с вытянутыми сосками, черная сука. Взглянув исподлобья на Петровича, она с деловым видом уселась в двух шагах от него и стала изучающе обзирать окрестности. “Правильно, — мысленно похвалил Петрович собачку. — Старый человек тебя не обидит, он понятливый. Да у тебя, я погляжу, тоже пенсион небогатый, вишь, как отошала”. К остановке подъехала маршрутка, народ кинулся к ней и суетливо набил ее утробу. Маршрутка отъехала, но народу как будто не убавилось. Подъехал, наконец, и его автобус, но Петрович только молча проводил его взглядом: брать транспорт штурмом ему не хотелось. “Ничего,

подожду, мне торопиться некуда, успею”, — успокаивал он себя.

Из-за поворота выплыла красивая БМВ, шикарная черная машина с тонированными стеклами. Неожиданно для Петровича БМВэшка, вильнув колесами, подрулила к самому тротуару, где он стоял.

— Эй, Петрович! — донеслось из машины. — Далекo собрался?

— В магазин, — быстро ответил удивленный Петрович и, заглянув в окно, услужливо приоткрытое водителем, узнал своего бывшего центрфорварда Алешку Васильченко.

— Куда тебе? — Лешка лениво зевнул, поворачивая рулем влево.

— Да вот пивца хочу себе взять в пивной у кинотеатра “Са-турн”. Знаешь?

— Знаю.

— Да еще в ЦУМ заехать надо бы.

Леха покосился на трехлитровую банку, которую Петрович бережно держал на коленях. О дне рождения Петрович хотел промолчать, но, поерзав на сиденье, не выдержал.

— День рождения у меня сегодня, Леха. Шестьдесят стукнуло.

— Ну, — небрежно протянул бывший ученик, — поздравляю.

Петрович замолчал. Ему хотелось, чтобы Лешка оживился, вспомнил их прошлую жизнь в команде, похвалил бы его, Петровича, как-никак, столько лет были рядом. И там, в том прошлом, ему, Петровичу, казалось, что его любили и уважали и за широкий хлебосольный стол, и за квартиры, выбиваемые на команду путем унижительных походов к городским властям, и за те “жигуленки”, которые он выкатывал для команды. Но нет, у бывшего нападающего не нашлось добрых слов для своего тренера, тоже бывшего. Наверное, не любили и не уважали.

Сердце у Петровича сжалось, ему хотелось закричать: “Что ж ты, Лешка, для своего бывшего тренера доброго слова найти не можешь, я ведь не доллар у тебя прошу?!” Но Петрович не закричал, он молча проглотил обиду, и почему-то глухо повторил:

— Вот шестьдесят стукнуло, пивца попью. — Как будто пожаловался: “Вот жена умерла”.

Всю оставшуюся дорогу Петрович то рассматривал мудреные приборы на передней панели (и зачем столько, всех ведь не упомнишь), то разглядывал улицы, как ему казалось, праздничные.

У пивной, где Лешка остановил машину, всего два жаждущих, очередь небольшая. “Вот что значит гримасы капитализма”, — усмехнулся про себя Петрович. Пивник с красными глазами невыспавшегося человека спросил:

— С верхом? — и, не дожидаясь ответа, добавил: — Тогда без сдачи.

И хотя из-за пены банка так и не была налита с верхом, сдачу Петрович не получил.

Зато два неопрятных алкаша, подошедшие к ларьку чуть позже, проводили его завистливыми взглядами, когда он важно усаживался в блестящую черной краской БМВэшку.

— Пьешь всякую дрянь, — поморщился Лешка, презрительно поглядывая на банку в руках Петровича. — Взял бы баночного, оно вкуснее.

— Вкуснее-то вкуснее, — виновато и заискивающе заулыбался тот, — так ведь и дороже будет.

— Да насколько там дороже! — Лешка сердито оборвал фразу и, газанув, тронулся с места.

Теперь они ехали к ЦУМу. У Лешки тоже была какая-то нужда туда забежать, а то бы, верно, бросил старика у пивной. Когда выехали на центральную улицу, Петрович залюбовался красочными ларьками, тянувшимися вдоль тротуаров. Невиданное прежде, выставленное напоказ богатство несколько угнетало его. Где-то в глубине души захотелось, чтобы Лешка вдруг остановил машину у одного из этих разнаряженных киосков и, подойдя к ларьку, резким и недовольным голосом потребовал бы у оторопевшего киоскера: “Пива получше банок десять”. А потом, вернувшись и открыв дверь своей дорогостоящей машины, по-доброму улыбнувшись, сказал: “На, Петрович, это от меня тебе на день рождения”. “Долларов в десять обойдется, не больше, ну пусть двенадцать”, — автоматически подсчитал Петрович. — Машина, небось, к двадцати тыщам тянет, чай, не обеднеет”. Но ничего этого не произошло. Лешка молча сидел за рулем и слегка хмурился. Петрович подумал, что из-за него, что вот сидит он рядом с удачливым бизнесменом и ставит его в неловкое положение своим нищенством и своей никчемностью. И еще подумал: “Юродствую, доброе слово выклянчиваю, как милостыню”. Комок подкатил к горлу, на миг перехватило дыхание. Но Петрович не заплакал. И когда его отпустило, облегченно вздохнул. Удержался.

Зайдя в ЦУМ, Петрович поднялся на второй этаж и, свернув направо, подошел к Серегину отделу. Маленькая черненькая продавщица, что-то подсчитывая на калькуляторе, записывала в тетрадь. “Должно быть, барыши”, — пошутил про себя Петрович. Вторая, явно крашенная блондинка с красивым римским профилем, недвижно возвышалась за прилавком, глядя выше голов покупателей и, очевидно, думая какую-то свою высокую думу, непонятную людишкам, снующим вдоль прилавков. Петрович помялся у прилавка, поглазел на витрины и, решив, что начинать когда-нибудь да придется, потревожил высокую думу продавщицы.

— А Сережа здесь? — робко спросил он и кивнул в сторону ширмы, отгораживающей маленький закуток в углу.

Продавщица, оторвавшись от созерцания противоположной стены, медленно, очень медленно повернула голову в сторону любознательного посетителя и, желая поставить того на место, переспросила:

— Сергей Михайлович, вы хотели сказать?

“Нет, я сказал то, что хотел сказать, — хотелось возразить ему и еще хотелось крикнуть: — Подстилка, сучка покрашенная!” Но вместо этого Петрович промямлил:

— Да, Сергея, это, Михайловича.

Он и не знал, что когда-нибудь Серегу ему придется называть по отчеству. Блондинка повернулась и, недовольно виляя бедрами, удалилась за ширму. Через минуту оттуда в отличном дорогом костюме “адидас” выплыл, сияя лысиной и выпятив вперед солидное брюшко, его бывший полузащитник. По мере узнавания и приближения лицо его расплывалось в благосклонной и снисходительной улыбке.

— А, Петрович, привет! — дружелюбно поздоровался владелец прилавка со своим бывшим тренером.

— Торгуешь? — после краткого рукопожатия кивнул в сторону витрин Петрович.

— Какая торговля! — нахмурился тот. — Одни убытки.

— Ну да! — деланно возмущился Петрович. — Небось, скоро весь ЦУМ городской скупишь.

— Да нет, — вальяжно хорохорился тот, — у народа денег нет, так, шляются туда-сюда бездельники всякие.

— У тебя все та же “япошка”? — поинтересовался Петрович, не зная, как предложить то, что принес с собой.

— Да нет, недавно “форда” купил, — похвастался бывший полузащитник. Он так и сказал: — “форда”, а не “форд”.

— А ту куда дел?

— Да в гараже стоит, так, на всякий случай.

“Хвастает”, — подумал Петрович.

— А ты как, Петрович, поживаешь?

И старик понял, что настал его момент.

— Да что я, вот пенсия маленькая, машину продал, то продал, это продал. — Он начал перечислять свои беды, чтобы разжалобить собеседника, и, понизив голос, протянул пакет с костюмом. — Вот, принес тебе, может, продашь? Чистая шерсть, — похвалил он.

— Гляди-ка, “олимпийка”. — Генеральный директор ларька взял костюм и с удивлением пощупал его. Потом, скиснув, скривился. — Кому он сейчас нужен, Петрович!

— Кому-нибудь, Серега. Сейчас бедных много, а тут чистая шерсть! На дачу или позаниматься на воздухе, ну, старику, вроде меня, — суетливо уговаривал Петрович.

— И охота тебе со старьем возиться? — ломался Серега.

— Так ведь, Сережа, денег нет, а жить надо!

— Это у тебя-то, Петрович, денег нет? А у кого же они тогда есть? Ты-то уж лопатой деньги греб, команда все время в призраках сидела. Что ж ты деньги-то — по кабакам пропил?

— Да нет, Сережа, что там было пропивать? Как ушел с работы — одна пенсия осталась.

И еще ему хотелось напомнить, как он весь профком завода поил в тех кабаках, которыми его Серега попрекнул, чтобы ему, Сереге, с двумя детьми из семейного общежития в двухкомнатную квартиру перебраться. Забыл! Но гордость, трепыхавшаяся где-то на дне души, не дала ему этого сказать. Вместо того он робким голосом попросил:

— Я ведь, Сережа, немного прошу, ну, за сколько возьмут, за столько и отдам. Оцени.

Тот задумался, еще раз пощупал ткань и назвал цену. Петрович отшатнулся, ему захотелось плюнуть в лицо этому сытому владельцу “форда” и почти новой “тойоты”, кинуть “олимпийку” ему под ноги и, гордо развернувшись, уйти. Но он пронзительно понял, что ничего страшного для бывшего полузащитника не произойдет, он просто вытрет платком свою нахальную рожу, поднимет с пола “олимпийку” и велит выставить ее на витрину одной из своих... таким образом увеличив капитал на пару долларов. А он, Петрович, попрется один в свою пустую квартиру, и не будет у него ни шампанского, ни шоколадки, ни дня рождения. Поэтому срывающимся от волнения голосом Петрович спросил:

— Неужто так дешево? Ведь на такие деньги, Серега, и купить ничего нельзя.

— А что ты хотел, — не глядя на старика и еще раз пощупав костюм, как бы проверяя качество, тянул тот. — Сейчас кто такой хлам купит? — Посмотрев в глаза растерянному Петровичу, смилостивившись, чуть надбавил цену.

“Так, две бутылки шампанского и плитка шоколада”, — сообразил тот. Когда костюм перешел в руки продавщицы, и та ушла писать ценник, Петрович еще раз для надежности, а больше для того, чтобы поймать жадного торговца в искусно расставленные сети, спросил:

— А по такой цене уйдет “олимпийка”?

— Уйдет, — уверенно кивнул тот. — Не сразу, но уйдет.

— Тогда, вот что, слышь, Сережа, у меня сегодня день рождения, знаешь, как-никак, шестьдесят лет стукнуло. Ты мне не дашь эти деньги вперед, сразу, так сказать? — Петрович кивнул в сторону ширмы. — А то ведь денег, веришь, — шампанского бутылку не на что купить.

Теперь настал черед тому отшатнуться от своего бывшего тренера. С тревогой и скрытой радостью наблюдал Петрович за гаммой чувств, меняющихся на лице лощеного торговца. Было видно, что тот уже смертельно пожалел, что взял этот прокля-

тый костюм и что все пожелания, которые он произнес в душе в адрес своего бывшего тренера, прямиком вели в преисподнюю. Но существовала еще та тонкая нить, которая связывала его душу мелкого торгаша с другим миром, и если и суждено ей было оборваться окончательно, то не в этот теплый майский день. Некоторое время бывший полузащитник отрешенно смотрел в сторону, мучительно соображая, как отфутболить старика. Тень скорби опустилась на его чело, судороги пробегали по лицу, а в глазах царило отчаяние.

“Неужто можно быть таким жадным? — изумлялся Петрович. — Ведь деньги-то пустяковые. Небось, одна гайка от его “форда” дороже стоит. Господи, до седых волос дожил, а не подзревал, что люди могут быть так жадны, гляди, чего доброго в обморок упадет, врача вызывать придется. Шестьдесят лет прожил, и что же я не рассмотрел в человеке эту жилку, или она, как и золото в земле, в душе человеческой глубоко зарыта? Но ведь я-то... Я-то... может, дураком был. Нет, помру — таким не стану. Впрочем, “тойоты” у меня, как видно, не будет”.

Ему стало немного жалко Серегу и неловко, когда тот, наконец, решившись, повернулся и, подойдя к маленькой чернявой продавщице, что-то сказал ей на ухо. Та стремительно бросила на старика презрительный взгляд и отсчитала из кассы требуемую сумму. Подойдя к Петровичу, владелец двух иномарок еще раз скрупулезно пересчитал купюры, как бы надеясь, что там окажется лишняя. Хотя считать было, собственно, нечего. И окончательно решившись расстаться с деньгами, широким жестом протянул их Петровичу.

— На, держи, с праздником тебя, — поздравил он старика.

Петрович взял деньги с полупоклоном (и где научился?), поблагодарил Серегу и направился к Лехе, который в отделе наискосок о чем-то ожесточенно спорил с молоденькой продавщицей.

— Вот глупая, — повернул тот к Петровичу свое покрасневшее от гнева лицо, — я ей доллары сую, а она не берет, рубли ей подавай, и все.

— Видать, новенькая, — посочувствовал Петрович.

— Наберут же таких, — возмущался Леха, — деньги ей подавай. — И он снова повернулся к молчаливо стоящей продавщице. — Вот это и есть деньги, — он тряхнул долларами, — а это — бумага, — он указал на рубли, которые все еще держал в руках Петрович. — Курса ты, видишь ли, не знаешь! — Леха осекся, взгляд его принял более осмысленное выражение, и он внимательно стал рассматривать купюры, которые держал в руке его бывший тренер. — Слушай, — обрадованно воскликнул Леха, и рука его, протянувшись, выхватила деньги из рук Петровича. — Давай я твои отдам этой... — он не договорил, — а доллары поменяю и тебе верну, а?

Петрович сразу понял, что такую мизерную сумму ему никогда не вернут. Что Леху он, может, и встретит не скоро: город

миллионный, и где он теперь живет, Петрович не знал. Но деньги были уже в руках бывшего нападающего, и держал он их крепко. Забрать их можно было, только вцепившись двумя руками и вырвав силой. Петрович стоял в растерянности, смотрел на свои деньги в чужих руках и мучительно соображал, что делать.

— Ладно, — вздохнул он, — потом отдашь, — и пошутил: — С процентами.

И деньги тотчас же перекочевали в кассу продавщицы.

Сев в БМВ, Петрович попросил Леху подбросить его к гастроному.

— Знаешь, там Вася мясом торгует, он у нас еще до тебя в защите играл и при тебе года три, по-моему.

— Знаю, барыга, тухлой говядиной народ травит, — неожиданно зло отреагировал тот.

“С чего бы это? — удивился Петрович. — В команде вроде все дружно жили. Нет, видно, рыночные отношения не всем на пользу пошли. — И, осторожно погладив бархатный подлокотник сиденья, подумал: — Ну вот, покатался на халяву на шикарной машине. Нет, видно, за все платить надо. Если есть чем. Халява — это для других, для тех, кто поумней”.

Когда прощались, бывший нападающий и не вспомнил о долге. И Петрович тоже решил его “похоронить”.

Визит в гастроном был особенно приятен Петровичу. Сегодня он возьмет мяса, а не каких-нибудь обгрызлых костей с ошметками мяса по краям, которые, сколько ни грызи и не облизывай, а чувства, что ешь мясо, нет — только запах мясной, да на поверхности бульона плавают прозрачные капельки золотистого жира. Нет, сегодня он возьмет настоящее мясо. Ну, не филейку, конечно, предназначенную для толстосумов, разъезжающих на разных “шевроле” и “ситроенах”. Но все равно, сегодня он обязательно возьмет настоящее мясо. И, конечно, свинину. Ничего, что подороже говядины. И с ребрышками или хребетик, так будет дешевле. Мясо он срежет, а кости — это тоже ничего, кости пойдут на бульон, хороший бульончик с луком, чесноком и перцем. Можно добавить туда картошки немного, для сытости. Нет, картошки лучше побольше. Если свинина окажется с салом, тоже неплохо, сало дешевле масла и вкуснее маргарина. Хочешь — засоли и ешь так, хочешь — поджарь на нем картошки, тоже знатно. А из мяса он сегодня сделает жаркое, настоящее жаркое с луком, чесноком и томатной пастой. Все это можно посыпать красным перцем. Давно он уже не ел жареного мяса, сколько же? Наверное, с год. Мяса он нарежет граммов двести — много ли ему, старику, надо? Или нет, двести пятьдесят, так даже лучше, сытней. “А не много ли двести пятьдесят? — Петрович задумался. — Нет, не много, все-таки день рождения, круглая дата. Пива купил целую трехлитровую банку, если пить аккуратно, то останется до завтра.

Мясо, поджаренное на сковородке, с пивом хорошо. Или с водочкой. Но раз нет водки, то что об этом думать, только расстраиваться”.

Петрович невольно вспомнил, как в ЦУМе Лешка отобрал у него деньги. “Не вернет, подлец, не вернет, — тоскливо и с ненавистью подумал он, — а я остался без шампанского, ну да черт с ним, с шампанским. Хотя когда теперь доведется еще раз выпить шампанского, может, никогда! Да и праздник все-таки, шестьдесят лет. Хотя какой там праздник, так, дата. И все-таки. Оставил без шампанского, подлец. А что он мог сказать тогда? “Лешка, не дам денег?” Так ведь деньги были в руках — не скажешь же, что их нет! Дурак, надо было не стесняться, сказать, что последние, что у него нет “мерседеса”, как у некоторых. Да что теперь говорить, где теперь Леха? А денежки куку. Ну ничего, может, еще доведется выпить шампанского, доведется, пригласит кто-нибудь за столик в ресторане. Хотя что ему делать в ресторане? Или так пригласит кто, ну не в ресторан, домой, окликнет на улице: “Петрович, как дела? Пойдем выпьем”. И пойдут, и выпьют, и помянут добрые старые времена. Да вот только кто? — Петрович задумался. — Все раньше вроде свои были, а нынче чужие”.

Сколько людей поил за своим столиком Петрович — и не упомнить, и все садились, пили, ели, смеялись. И пили, и ели как свое, и никто не поперхнулся, не постеснялся налить себе лишний раз, не спросил: “Не доплатить ли, Петрович?” Все похозяйски себя вели. А вот он в прошлом году, кажется, попал к бывшему коллеге, тоже тренеру, Степкину, так от третьей чашечки кофе отказался, хотя и чашечка была малюсенькая, а кофе был хорош, натуральный бразильский, и жена Степкина, молодая женщина, видно, старается, хорошо готовит, да перед Степкиным можно расстараться. Молодой еще, в гору идет. И сырок был подсушенный, со слезой, так он три дольки съел и застеснялся, неловко как-то, сыр дорогой, заграничный. Правда, когда Степкин вышел за чем-то на кухню и Петрович остался один, он съел еще дольку сыра украдкой, вроде как угощают, а все равно, вроде как украл, и на дверь пугливо поглядывал, чтоб не увидели, пока он торопливо ел. А такой сыр торопливо не едят, он спешности не любит, его неторопливо жуют, время от времени прижимая языком к небу, и тогда сырный дух распространяется по всему телу до самых ногтей, кажется. А третью чашечку ему предлагали, а он отказался, может, и не сильно предлагали. Раньше он об этом не думал, и ел, и пил, сколько хотел, до отвала, пока не затошнит, аж не верится, чудно. А сейчас так не может. Если и случается изредка попасть к кому-нибудь за стол, стесняется, разучился есть. Все кажется, что хозяева ему в рот смотрят, куски считают. Нет веселья от такого застолья, только сумятица в душе и обида. Хотя на кого обижаться — на себя, что беден.

Размышляя о настоящем, Петрович незаметно подошел к гастроному. Народу там было мало, и это уже было плохо, потому что он любил подолгу задерживаться у витрин, где, в отличие от его холодильника, все было. И салями с крупяными сала на срезе, и сервелат, и разные колбасы, и шпики, и корейки, и вообще диковинное мясо копченой породы с таким рядом цифр на ценниках, что иначе, как за почтовый индекс или за чей-то телефонный номер, он их и не принимал. Того, что кто-то может купить такую снедь, Петрович даже в фантазиях не допускал. Ему казалось, что все эти салями, сервелаты и окорока лежат на витрине просто так, не продаваясь, чтобы люди могли пойти в гастроном и полюбоваться на это чудо, как, скажем, ходят в Третьяковскую галерею или Русский музей в Питере. Конечно, Петрович понимал, что все это, наверное, покупается, и есть люди, которые все это едят, но разум категорически отказывался в это верить. “Как можно съесть палку, пусть даже толстую, салями, если можно на такие деньги питаться целый месяц? Только подумать — целый месяц — представить страшно! И что удивительно, все это он ел раньше в больших количествах, и не задумывался, сколько это стоит, а надо было бы поэкономней, откладывать на черный денек-то. Вот и выпил бы сегодня бутылочку шампанского, а то сколько за его счет пи-ли. — Петрович вздохнул. — Поди спроси тепер”.

Нет, не думал он о черных днях. Да и кто думает, есть ли те люди?

Когда-то, еще в молодости, он вычитал в одном журнале умную, как ему тогда показалось, мысль: “В финансовую пропасть можно падать бесконечно”. Ну, как же в такую пропасть вечно падать? Не получится, наступит день, и ты, намылив веревку, начнешь искать крючок покрепче. Постояв у витрин, Петрович под надменными взглядами продавщиц — это не клиент — пошел к мясным прилавкам. Не задерживаясь у сказочно красивых вырезок и филеек, он напрямик двинулся к прилавку для бедных. Там, среди разного сброда мясных обрезков и обрубленных костей, находился и тот кусок мяса, который должен сегодня украсить его праздничный стол аппетитным жарким. Сиротливо стоявшая продавщица лет двадцати пяти с немым вопросом уставилась на Петровича. Она знала, что этот что-нибудь да возьмет, но перед этим будет долго рыться в обрезки, привередничая и жалуясь на судьбу, как это обычно делают старики. За последние годы Петрович хорошо научился разбираться в барских объедках (так про себя он называл то, что покупал), поэтому, обманув ожидания продавщицы, он без лишней суеты выбрал то, что можно было выбрать, и попросил взвесить. Когда та брезгливо и осторожно, чтобы не запачкать рук, стала укладывать мясо на весы, из прохода за прилавками появился Вася, тот самый Вася, который лет семь стоял насмерть в его команде, и неплохо стоял. Тепер Вася так же

твердо стоял за прилавками мясных отделов в гастрономе, арендуя торговую площадь у дирекции магазина. С Васей они изредка встречались в гастрономе, разумеется, по разные стороны прилавка. В общем, играли как бы в разных командах, что, впрочем, не мешало Васе с милостивой улыбкой кивать Петровичу головой в знак приветствия, когда тот заходил в магазин.

— Что, Петрович, в нашу, значит, гавань подрулил, за мясом?

— Да вот, — покраснел Петрович, — день рождения сегодня, решил жаркое себе сотворить, а ведь уже лет двадцать холостякую, все сам да сам.

— То-то, я вижу, ты на наш магазин налеты делаешь.

— Да какие там налеты, — возразил Петрович.

Василий покосился в сторону весов и, насупившись, с упреком спросил:

— Что же это ты, Петрович, костей разных набрал, да еще говоришь — на жаркое?

— Так ведь я один, мне хватит, — спохватился Петрович, — а потом, знаешь, какая у пенсионеров пенсия? Так что филейка мне не по карману.

И еще ему хотелось сказать: “Вот кабы у меня такой, как у тебя, отдел был, то я бы...”, а еще ему померещилось, что Василий покраснеет и скажет угодливо поглядывавшей в его сторону продавщице: “А ну убери-ка эти кости, — и, пройдясь вдоль прилавка к мясу — настоящему мясу, вынет приличный кусок филейки, эдак килограмма на три или на три с половиной, и, вскинув на руке — не мало ли, пройдет мимо оторопевшей продавщицы, и, обойдя весы, скажет: — На, Петрович! Это от меня на день рождения”. Но ничего этого не произошло.

Услышав жалобу Петровича, Василий, еще более хмуро насупившись, что-то вдруг как бы вспомнив важное, молча повернулся и скрылся в дверном проеме.

Петрович же, аккуратно уложив в сумку мясо, пошел к выходу. Он вспомнил, как заметил тогда еще девятнадцатилетнего Василия в одной из заводских команд. Он уже тогда хорошо стоял в защите. И еще он вспомнил приоткрытый рот Василия и вытаращенные от удивления глаза, когда старший тренер классной команды самолично предложил ему вот так, запросто, перейти в основной состав и стать в защите. Еще не понимая, что от него ждут согласия, Василий только пыжился и все переспрашивал, где играть, в каком составе, и Петрович вспомнил, как он не выдержал и заулыбался, заулыбался и все вокруг, понимая, что на паренька обрушилось чудо. И ему, тогда еще молодому тренеру, было приятно. И сейчас Петрович улыбнулся, вспоминая того растерявшегося Василия и напроочь отметя толстого, неповоротливого, с суровым недовольным лицом мясника, которого только что оставил в магазине.

Немного растопив на сковороде сало, Петрович ссыпал в нее мелко нарезанную свинину. Когда мясо чуток пропарилось, он добавил мелко порезанный лук, чеснок и, крепко поперчив все это красным перцем, под конец заправил томатным соусом. Жаркое оказалось отменным. Петрович сидел один на кухне за столом и не спеша смаковал свой ужин. Пиво, которое он достал из холодильника, было ледяным, резким и чуть-чуть сладким. Не спеша прихлебывая пиво, Петрович размышлял, как могло случиться, что он сидит один в пустой кухне с банкой пива и сковородой мяса на столе. Куда делись те, кого он знал и с кем был дружен? Перед его мысленным взором проносились лица, бесчисленное количество лиц игроков, болельщиков, поклонников, вспоминались роскошные пальмы на сочинском берегу, мягкая морская волна, набегающая на пляжную гальку, душные запахи ресторанов на городской набережной. Уютная и чопорная "Прага" в Москве, с ее надменными официантами и экзотически накрытыми столами. Все это было и не могло умереть в нем. И в этот праздничный для него день Петрович отчетливо понял, что жизнь прожита и что завтра его ничего не ждет, что эти стены, стены его квартиры теперь преддверие тех стен, которые безвестный ему плотник сколотит из струганных сосновых досок через десять, а может, через двадцать лет. И что будущего у него нет, есть только прошлое, которое у него не отнять ни толстому Васе из гастронома, ни лавочнику Сергею из ЦУМа.

Когда совсем стемнело, Петрович включил телевизор. Всеми любимый капитан Жеглов ожесточенно охотился за "черной кошмой". Следя за перипетиями фильма, Петрович грустно улыбался, теперь он понял, чем закончится карьера Жеглова. Жеглов, как и он, Петрович, будет встречать свое шестидесятилетие один в пустой однокомнатной квартире с банкой пива на столе. А как было бы хорошо, если бы они встретили его вдвоем. И пусть будет две банки пива и огромная сковорода жаренного в томате мяса. Им было бы что рассказать друг другу. О, сколько интересного могли бы рассказать друг другу они.

Незаметно пиво разморило Петровича, и он заснул.

Ему снился огромный стадион. Маленький, но юркий, как ящерица, Санька Прокоп рвался к воротам соперника. Вот он, обведя защитников, бьет по воротам, и мяч, отлетев от перекладины, опять возвращается на поле. Санька бьет снова, и мяч летит выше ворот. Петрович чуть вскрикивает во сне, и пальцы его впиваются в одеяло. Откуда-то, как из тумана, Прокоп снова несется прямо на ворота соперника, бьет, и мяч весело трепещет в сетке. Петрович, вытирая пот, победно косится в сторону трибун. Во сне он счастливо улыбается и слегка причмокивает губами. Петрович счастлив, ему снится футбол. Сегодня у него был трудный день.

С днем рождения тебя, старина!

Рисунки: Галина Дятлова, Новочеркасск

Любовь РУСЕВА

Предговор

“Нам необходимо всеобщее нравственное очищение, всенародное глубокое покаяние, перемена нравов языческих на христианские: очистимся, омоемся слезами покаяния, примиримся с Богом, и Он примирится с нами”.

Иоанн Кронштадтский

З

нойным летом 1890 года в предместье Харькова вокруг имения “Рыжовка” расположилась лагерем многотысячная толпа. Дни и ночи проводили здесь люди, вытоптав вокруг всю растительность. Невиданное нашествие на “Рыжовку” объяснялось тем, что именно в этом имении остановился знаменитый чудотворец отец Иоанн Кронштадтский. 15 июля в харьковском соборе состоялось его первое богослужение. Не только храм и площадь около него, но и все прилегающие улицы были запружены народом. Давку не выдержали даже железные решетки, которые оказались всюду сломанными. В самом соборе певчие вынуждены были расположиться в алтаре. Через пять дней Кронштадтскому пришлось совершать молебен на Соборной площади. Народу собралось более 60 тысяч. Подобные сцены происходили везде, куда приезжал отец Иоанн.

В 500 верстах от Белого моря, среди лугов и лесов, полных зверей и птиц, в окружении больших холмов и белых алебастровых скал с пещерами, при слиянии рек Суры и Пинегы, затерялось бедное село Сура. Именно здесь, в ветхой лачужке, появился на свет будущий чудотворец. В ночь на 19 октября 1829 года жена бедного псаломщика Ильи Михайловича Сергиева Феодора разрешилась сыном. Новорожденный казался настолько нежизнеспособным, что родители поспешили его сразу же окрестить. Мальчика нарекли Иваном, поскольку это был день памяти великого болгарского святого — преподобного Иоанна Рильского.

Вопреки ожиданию новорожденный не умер, напротив, вскоре стал поправляться. Родители приписали чудо благодатному воздействию святого таинства крещения, поэтому с самого раннего детства ребенка приучали к усердной молитве в церкви и дома, сделав из него, по словам Кронштадтского, религиозно настроенного мальчика.

Впоследствии Кронштадтский вспоминал: “Отец получал, конечно, самое маленькое жалованье, так что жить, должно быть, приходилось страшно трудно. Я уже понимал тягостное положение своих родителей, и поэтому моя непонятливость к учению была действительно несчастием. О значении учения для моего будущего я думал мало и печаловался особенно о том, что отец напрасно тратит на мое содержание свои последние средства... Среди сверстников по классу я не находил, да и не искал себе поддержки или помощи; они все были способнее ме-

ня, и я был последним учеником. Вот тут-то и обратился я за помощью к Вседержителю ... я упал на колени и стал горячо молиться... И легко, радостно стало на душе... Чем дальше, тем лучше и лучше успевал и в конце курса один из первых был переведен в семинарию, в которой окончил курс первым учеником в 1851 году, и был послан в Петербургскую Академию на казенный счет".

Бедность Ивана простиралась до такой степени, что ему не на чем было писать, и он ходил собирать бумагу по присутственным местам. На летние каникулы, обучаясь в Архангельске, отрок отправлялся домой чаще всего пешком. Перекинув через плечи сапоги (чтобы не истоптались), он босиком преодолевал сотни верст. Эти "путешествия" оставили в нем глубокий след. Живя в крайней нищете, Иван сделался замкнутым и вместе с тем восприимчивым к страданиям обездоленных, немущих. Глубокое сочувствие к беднякам и сострадательная к ним любовь стали отличительной чертой Кронштадтского.

Семинарию Иван кончил первым учеником, но годы учения не были гладкими. Общение с "самой распущенной и пьяной частью бursы, — писал иеромонах Михаил, — чуть не сгубило его самого". Нравы тогдашних бурсов были далеко не идеальными, поэтому различным искушениям Сергиев подвергался постоянно.

В год поступления в петербургскую духовную академию Иван потерял отца. Мать и сестры остались на попечении молодого студента. Благодаря каллиграфическому почерку он устроился на должность писаря академической канцелярии и весь свой заработок (9 рублей в месяц) отсылал родным.

Привычка молиться под открытым небом во время долгого пешего пути домой из Архангельска усилилась в Петербурге, где любимым местом молитвы Сергиева стал сад духовной академии. Несмотря на частые и долгие беседы на философские и богословские темы с товарищами, юноша оставался в основном таким же замкнутым и молчаливым.

Студентом Иван мечтал стать миссионером в дальних странах, особенно привлекал его Китай, но на последнем курсе он отказался от своей мечты, поскольку с болью убедился, что его собственный народ остро нуждается в христианском просвещении. Решение остаться в России созрело окончательно после того, как он несколько раз видел себя во сне священником, служащим в не известном ему русском храме. Сергиев вспомнил об этих снах, когда, окончив курс академии со степенью кандидата богословия, получил предложение занять место священника при кронштадтском кафедральном соборе имени святого апостола Андрея Первозванного. Ключарь собора протоиерей Константин Несвицкий по старости должен был уйти на покой, и, по обычаю того времени, заменить его мог человек, согласившийся жениться на его дочери. Посетив впервые собор в Крон-

штадте, Иван Сергиев был потрясен: именно тот ему и снился. Он принял это как указание свыше и женился на Елизавете Константиновне.

“Брак о. Иоанна, который требовался обычаями нашей Церкви для иерея, проходящего свое служение в миру, был только фиктивный, нужный ему для прикрытия его самоотверженных подвигов: в действительности он жил с женой, как брат с сестрой”. “Счастливых семей, Лиза, и без нас много. А мы с тобою, давай, посвятим себя на служение Богу”, — так сказал он своей жене в первый же день своей брачной жизни, до конца дней своих оставаясь чистым девственником”.

В первой своей проповеди, произнесенной в кронштадтском Андреевском соборе при вступлении в должность, отец Иоанн говорил:

— Сознаю высоту своего сана и соединенных с ним обязанностей, чувствую свою немощь и недостойнство к прохождению высочайшего на земле служения священнического... но знаю, что может сделать меня более или менее достойным сана священника, — это любовь ко Христу и ко всем. Любовь — великая сила; она и немощного делает сильным и малого великим. Таково свойство любви чистой, Евангельской. Да даст и мне любвеобильный во всем Господь искру этой любви, да воспламенит ее во мне Духом Своим Святым...

Кронштадт того времени был не только ключевой крепостью, защищавшей вход в северную столицу, и не только базой Российского военного флота, но и местом административной ссылки провинившихся и порочных людей, нищих и бродяг, которых нередко называли посадскими. Вся эта огромная масса скученно ютилась по окраинам города, в скверных лачугах, в землянках.

Именно на этих отверженных и обратил прежде всего свое внимание священник. Он ежедневно посещал трущобы, беседовал с их обитателями, утешал, выхаживал больных. Через газету “Кронштадтский вестник” отец Иоанн обращается к обществу с воззваниями, кричит на всю Россию о страшном ее биче — нищете, говорит о причинах ее, умоляет не отворачиваться от несчастных, призывает протянуть им руку помощи.

“Кому не известны рои кронштадтских нищих — мещан, женщин и детей разного возраста? Причины кронштадтской нищеты и бедности множество, вот главные: бедность от рождения, бедность от сиротства, от разных бедственных случаев, например, от пожара, от кражи... от болезни и маловозрастности, бедность от лени, от пристрастия к хмельным напиткам и в наибольшей части случаев от недостатка средств, с которыми бы можно было взяться за труд: порядочной одежды, обуви, инструмента или орудия”.

Иоанн Кронштадтский начал сближение с этой средой через детей, которых он всегда особенно любил. “Мне было тогда го-

дов 22-23, — вспоминал на старости один ремесленник. — ... У меня была семья, двое детишек. Я работал и пьянствовал. Семья голодала. Жена потихоньку по миру собирала. Жили в дрянной конурке. Прихожу раз не очень пьяный... Вижу, какой-то молодой батюшка сидит и на руках сынишку держит и что-то ему ласково говорит... Я было ругаться хотел: вот, мол, шлятся. Да глаза батюшки ласковые и серьезные... меня остановили. Стыдно стало... Опустил я глаза, а он смотрит — прямо в душу смотрит... Начал говорить... Говорил про то, что у меня в каморке рай, потому что, где дети, там всегда тепло и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... не плачу... хотя на душе так, как перед слезами... Жена смотрит... И вот с тех пор я человеком стал”.

— Нужно любить всякого человека и в грехе его и в позоре... — говорил отец Иоанн, — не нужно смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем.

Эта беспримерная любовь его вернула к полноценной жизни тысячи таких ремесленников. Священник не только нравственно воздействовал на своих прихожан, не только поддерживал их морально, но оказывал и материальную помощь. Он покупал бедным людям то, в чем они нуждались, приводил к ним и врачей, сам ходил в аптеку. Отец Иоанн раздавал нищим все, что имел, и часто возвращался домой раздетым и босым. Подобное поведение Кронштадтского вызвало недовольство его начальства, которое одно время запретило выдавать ему на руки жалованье, так как оно моментально до последней копейки переходило к нищим.

Необычное поведение молодого священника долгое время вызывало негодование и недоверие. Над ним смеялись, издевались, называли юродивым.

— Ну что же, пусть юродивый, — говорил отец Иоанн, и шел своим путем.

Беспрестанные хлопоты священника за обездоленных досаждали властям и высокопоставленным лицам. Он предлагает “всему кронштадтскому обществу, духовному, военному, чиновничьему, торговому, мещанскому образовать из себя попечительство или братство ... и соединенными силами заботиться о приискании для нищих общего жилья, рабочего дома и ремесленного училища”. Усилиями неутомимого отца Иоанна было образовано приходское попечительство о бедных, в которое вошли люди самых различных классов.

Настоящим памятником отцу Иоанну является основанный им “Дом трудолюбия”, который разросся в целый городок. Началом Дома послужили пеньковая и картузная мастерские, где в 1902 году работало 7281 человек. Легкий труд сознательно выбрали для почина — важно было помочь отвыкшим от рабо-

ты людям вступить на трудовой путь и получить сразу же хотя бы скромный заработок.

В Доме трудолюбия были не только мастерские, предоставляющие рабочие места, но и учебно-просветительские учреждения. Для детей и подростков функционировали бесплатная начальная школа, рисовальный класс, мастерская для обучения различным ремеслам, главным образом работе по дереву, сапожная мастерская; для девочек мастерские женского труда: шитье, кройка, вышивка. Существовали также детская библиотека, "зоологическая коллекция", книжная лавка.

Для взрослых при Доме трудолюбия были воскресная школа, бесплатная народная читальня, платная библиотека.

Кронштадтский позаботился не только о предоставлении рабочих мест и обучении, но и о нетрудоспособных: приют для детей, главным образом сирот, и дневное убежище для малолетних, загородная летняя дача для детей, при которой был свой огород; богадельня для бедных женщин, большой каменный ночлежный дом (плата — 3 копейки за ночь). Кронштадтский позаботился о врачебной помощи, выдаче обедов и пособий. Народная столовая, работавшая ежедневно по 11 часов, отпускала от 400 до 800 обедов ежедневно. Пособия выдавались деньгами, одеждой, обувью и другими вещами.

В 1891 году, когда популярность отца Иоанна стала всероссийской, и к нему постоянно стекались паломники, в Кронштадте был выстроен Странноприимный дом с бесплатным отделением и платным на 40 кроватей. Нищие в огромном количестве с утра поджидали отца Иоанна. В ожидании милостыни они выстраивались в одну, две или три шеренги перед домом священника или перед собором. Эти шеренги были названы "строем отца Иоанна". Первоначально каждое утро он лично обходил свой "строй", в котором иногда находилось более тысячи человек, и раздавал по рублю на 20 человек. Позже это делали за него доверенные лица. В различных воспоминаниях об отце Иоанне можно встретить немало рассказов о том, как он, находясь в толпе, буквально одной рукой принимал от кого-либо конверт с пожертвованной суммой денег, а другой, тут же, передавал его кому-нибудь другому. У отца Иоанна было особое чутье, благодаря которому он передавал пожертвования особо нуждавшимся людям.

С верой в подвижничество отца Иоанна пришли и большие деньги. На щедрые пожертвования Кронштадтский основал в Петербурге подворье Леушенского женского монастыря и Иоанновский женский монастырь на реке Карповке (Каменный остров). В подвальном помещении храма находилась церковь в память пророка Илии и преподобной Феодоры, чьи имена носили родители отца Иоанна. В этом нижнем храме, по завещанию, он и был погребен. Им же создан Воронцовский монастырь в Псковской губернии, Вауловский скит около Рыбинска и Пюхтицкая женская обитель в русской Польше.

Вскоре “к прежним средствам своего духовного укрепления прибавилось еще одно — самое могущественное, — отец Иоанн поставил себе в неукоснительную обязанность ежедневно совершать Божественную литургию”. Достаточно представить себе, как проходил день у Кронштадтского, чтобы понять и почувствовать всю тяжесть и величие его беспримерного подвига.

Вставал отец Иоанн ежедневно в 3 часа ночи и готовился к служению Божественной литургии. Около 4 часов он отправлялся в собор, где его уже встречали толпы паломников, жаждавших получить от него хотя бы благословение. Тут же было множество нищих, которым отец Иоанн раздавал милостыню. За утреней отец Иоанн непременно сам всегда читал канон, придавая этому чтению большое значение. Перед началом литургии была исповедь, которая из-за громадного количества желавших исповедоваться у отца Иоанна, была общая. После службы, сопровождаемый тысячами верующих, отец Иоанн выходил из собора и отправлялся в Петербург по бесчисленным вызовам к больным. И редко когда возвращался домой ранее полуночи. Многие ночи он совсем не имел времени спать.

В чем же черпал силы отец Иоанн? Где находил он столько энергии, чтобы помогать нуждающимся? По признанию самого чудотворца источником ее являлось ежедневное служение литургии.

— Господь, с которым я ежедневно соединяюсь через святое причастие, — говорил он священникам, — подкрепляет меня. Иначе где бы я мог почерпнуть силы для таких постоянных, усиленных трудов, которыми стараюсь служить во славу Его Имени, во спасение ближних моих.

Огромный Андреевский собор, вмещавший до 5 тысяч человек, всегда был наполнен молящимися. Отец Иоанн не мог уделить каждому достаточно времени, поэтому в последние годы своего служения он все чаще прибегал к общей исповеди, которая производила на всех очевидцев потрясающее впечатление.

Служба отца Иоанна представляла собою горячий непрерывный молитвенный порыв к Богу. В это время он воистину являлся посредником между Богом и людьми, ходатаем за грехи их, был живым звеном, соединявшим “Церковь земную, которую он представлял, и Церковь небесную, среди членов которой он витал в те минуты духом”. Чтение отца Иоанна на клиросе являлось не простым чтением, а живым восторженным разговором с Богом, голос его проникал в самую душу молившихся. Слезы умиления лились из глаз священника, но он не замечал их. “Видно было, — вспоминал очевидец, — что отец Иоанн во время Божественной литургии переживал всю историю нашего спасения, чувствовал глубоко и сильно всю любовь к нам Господа, чувствовал Его страдания. Такое служение необычайно действовало на всех присутствующих. Не все шли к нему с твердой верой: некоторые с сомнением, другие с недоверием, а

третьи из любопытства. Но здесь все перерождались и чувствовали, как лед сомнения и неверия постепенно таял и заменялся теплотой веры”.

Жизнь этого замечательного человека можно разделить на два больших и значимых периода. Вначале он сам шел к народу, преодолевая недоверие, трудности, ненависть, издевательства. Шел в пределах одного своего города. Но именно те самые отверженные, о которых пекся священник, первые и увидели в нем святость, первые поверили в его чудесные способности. Дар, открывшийся в отце Иоанне, прославил его далеко за пределами России: он излечивал возложением рук и молитвой самые тяжкие болезни, когда медицина оказывалась беспомощной. Исцеления совершались как наедине, так и при большом стечении народа, а часто и заочно. Биографы пишут, что иногда достаточно было написать письмо чудотворцу или послать телеграмму, чтобы чудо исцеления свершилось. В 1901 году в селе Кончанском к отцу Иоанну в бесчувственном состоянии доставили женщину, много лет страдавшую беснованием. Больная была совершенно исцелена и приведена в нормальное состояние в течение нескольких минут. Это чудо было описано находившейся тогда там комиссией профессоров военной академии.

По молитве отца Иоанна прозревали слепые. Художником Животовским описано чудесное пролитие дождя в местности, страдавшей засухой и угрожаемой лесным пожаром, после того, как отец Иоанн вознес там свою молитву. Этот великий дар чудотворения считался наградой отцу за его самоотверженные дела, беспримерную любовь к Богу и ближним.

“Мое положение было критическим, — вспоминал капитан первого ранга А.В.Никитин, заболевший в юности брюшным тифом, — и я уже был почти без пульса; в это время отцу моему удалось отыскать отца Иоанна. Было позднее время, почти ночь, когда отец Иоанн вошел в нашу палату, подошел к моей койке и сказал: “Андрюша!” Бывший последнее время без сознания, я сразу пришел в себя, узнал нашего батюшку и улыбнулся ему. Отец Иоанн стал на колени у моей койки и сказал: “Помолимся”. Кто был около — тоже опустились на колени. Отец Иоанн жарко и горячо молился, я же в полном сознании повторял молитвы. По окончании молитвы отец Иоанн благословил меня, а моей матери сказал лишь: “Поправится!” С этой ночи я быстро стал поправляться и вскоре был совсем здоров”.

Священник никогда не приписывал исцелений себе и своим молитвам, напротив, он всегда подчеркивал силу Господа. “Дивлюсь величию и животворности Божественных тайн; старушка, харкавшая кровью и обессиленная, совершенно ничего не евшая, от причастия Святых Тайн, мною преподанных, в тот же день начала поправляться. Девушка, совсем умиравшая, после причастия Святых Тайн в тот же день начала поправляться... Слава Животворящим Твоим Тайнам, Господи!”

Насколько боготворил отца Иоанна бедный люд, настолько нетерпимо относилась к нему большая часть русской интеллигенции. Кронштадтского упрекали в консерватизме, обскурантизме, пристрастии к монархизму. И это действительно было так. На пороге революции, в период жестокой политической борьбы священник становится на защиту государства, основы которого затрещали по всем швам.

Иван Ильич Сергиев воспитывался в преданности царю как главе государства и Церкви. Он предсказал катастрофу, в которую, по его мнению, ввергли Россию с одной стороны политика, а с другой — интеллигенция.

— Царство русское колеблется, шатается, близко к падению... — предрекал во время проповеди священник. — Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония.

Являясь сам образцом кротости и смирения, любви к каждому человеку, независимо от национальности и вероисповедания, отец Иоанн был нетерпим к атеистам и вольнодумцам, которые подрывали веру русского народа и подкапывали тысячелетний государственный строй России. Он неустанно обращался к лучшим представителям интеллигенции:

— Люди образованные, начальники и наставники, сочинители, писатели... должны служить к славе Божией и пользам народа на началах Православной Церкви: не почитать жизнь игрушкой или только целью игр и наслаждений... Не должно спрашивать, нужно ли распространять славу Божию пишущей рукой, или словесно, или добрыми делами. Это мы обязаны делать по мере сил своих и возможности. Таланты надо употреблять в дело! Коли будешь задумываться об этом простом деле, то диавол, пожалуй, внушит тебе нелепость, что тебе надо иметь только внутреннее делание.

Негодование интеллигенции вызывали проповеди отца Иоанна, направленные против учения Льва Толстого. Отвечая на определение Синода от 20-22 февраля 1901 года об отлучении от церкви, Толстой писал: "То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а, напротив, только потому, что всеми силами желал лучше служить Ему. Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое было мне невыразимо дорого, я, по некоторым признакам, усомнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически — я перечитал все, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически строго следовал, в продолжении более года,

всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающего совершенно весь смысл христианского учения”...

Полное отвержение таинств не могло оставить равнодушным отца Иоанна, и он в своих проповедях выступал против учения Льва Толстого, называя его одним из ересиархов современности. Опасность проповеди великого писателя священник видел в том, что она была направлена всем слоям народа. Кронштадтский считал, что Лев Толстой, наряду с нигилистами и анархистами, вносит свою лепту в дело разрушения державы.

Отец Иоанн не был политиком, но его душа постоянно бодела за Россию и судьбу монархии. Он резко восстал против первой русской революции 1905 года и стал членом Союза русского народа.

Вся жизнь отца Иоанна Кронштадтского была подвигом любви к ближним и к Богу. Полное самоотречение и стремление помогать людям наполняли его жизнь особым светом, давало ему силы преодолевать собственные немощи.

В последние годы постоянные боли от застарелой болезни мучили его и днем, и ночью. 10 декабря 1908 года отец Иоанн отслужил свою последнюю литургию. “Нельзя забыть того впечатления, — вспоминала монахиня Анастасия, — которое батюшка произвел своим видом и едва слышным голосом. Паства почувствовала, что батюшка уходит навсегда. Стоны, крик, плач поднялись... — картина эта так потрясла батюшку, что он плакал, как ребенок; он велел после литургии вынести кресло из алтаря на амвон и долго поучал народ, советовал помнить его заветы: молиться, любить Бога”.

20 декабря 1908 года Кронштадтского не стало. Великий праведник умер в день, который он заранее предсказал.

Необычайными были его похороны. На всем пространстве от Кронштадта до Ораниенбаума и от Балтийского вокзала до Иоанновского монастыря стояли огромные толпы плачущего народа. По всей дороге шпалерами стояли войска. Похоронное шествие сопровождалось знаменами, военные оркестры исполняли “Коль славен”. “Чувствовалось, что из гроба исходит какая-то благодатная сила и наполняет сердца присутствующих какою-то неземною радостью. Для всех ясно было, что в гробе лежит святой, праведник, и дух его незримо носится в храме, объемля своею любовью и ласкою всех собравшихся отдать ему последний долг”.

В 1990 году Поместный Собор Русской Православной Церкви причислил знаменитого проповедника и чудотворца, даровитого писателя, автора книги “Моя жизнь во Христе” к лику святых. Пока это единственный святой из священников. ■

О чем вещают колокола

Звонари Храма Христа Спасителя давно заметили: стоит зазвонить колоколам — и свозь белесую пелену пасмурного неба нет-нет да и пробьется солнечный лучик. Тот день, когда я встречался с главным звонарем Московской патриархии и председателем Общества церковных звонарей России Игорем КОНОВАЛОВЫМ, выдался ненастным, холодным. Во всю лупил дождичек. Но вот раздались первые удары колокола, порыв свежего ветра разогнал тяжелые облака, и, в самом деле, над храмом засияла бездонная бирюза неба.

— Игорь Васильевич, вы не боитесь оглохнуть? Говорят, звонари после долгих лет службы на колокольне теряют слух.

— Оглохнуть можно, если колокольня неправильно оборудована — например, когда звонарь стоит непосредственно под зевом

колокола. Благодаря научным исследованиям мы теперь знаем, что его нижняя часть, так называемая юбка, должна находиться обязательно ниже уха звонаря. Именно так и оборудовали колокольни в старину. Кроме того, есть и другие меры предосторож-

ности. Некоторые звонари открывают рот, чтобы уравновесить давление звуковой волны на барабанные перепонки. В монастырях иногда шьют специальные головные уборы — скуфьи с "ушами". По опыту многих коллег знаю, что если человек на колокольне боится оглохнуть, он действительно оглохнет.

— А с чего начался ваш путь на колокольню?

— В детстве, еще до школы, я часто представлял себя держащимся за веревку от большого колокола, примерно такого же, как нынешний даниловский "Благовестник". Школьником я отправлялся по воскресеньям в Новодевичий монастырь — слушать, как звонит там Владимир Иванович Машков. Чем можно объяснить такой интерес, честно говоря, не знаю. Глубоко верю лишь в то, что есть Божий промысел. Если человек ему не противится, то может достичь каких-то успехов.

— Но значительную часть своей жизни вы все-таки посвятили технике?

— Я работал в агрегатно-конструкторском бюро, а с 1983 года стал ходить на субботники в Даниловом монастыре, которые тогда проводило Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Разгребал мусор, таскал кирпичи, выполнял самую неквалифицированную работу. Затем монастырь, вернее, убогие развалины, где стены были подперты бревнами, а колокольня вообще снесена, неожиданно перешли Московской патриархии для создания духовно-административного центра. Его руководителем стал послушник Георгий. Так мы постепенно стали постигать

основы церковной культуры, в том числе, колокольный звон, который является наиболее "громкой" ее частью. В канун 1000-летия крещения Руси братия пригласила меня перейти в Данилов монастырь на постоянную работу, и я занялся здесь оснащением колокольни.

— Как вам удалось возродить даниловские звоны?

— Из 80 тысяч колоколен, которые существовали в России до революции, в нетронутом виде уцелели только две: знаменитая звонница Ростова Великого и колокольня вологодского Софийского собора. Приходилось ездить по городам и весям, смотреть каждый крючок, каждую палочку, каждый язычок, выяснять, как сделаны оттяжки, прикреплены тросики... Ведь и из этого складывалась система колоколов Данилова монастыря, позволяющая повторить музыкальный рисунок любого звона, который когда-либо существовал в церкви. На мой взгляд, созданная в Данилове система звона не уступает по сложности устройству хорошего органа.

— Но, говорят, даниловская звонница всегда выделялась особым благозвучием...

— Дореволюционный подбор колоколов Данилова монастыря действительно был уникален. Они имели выдающуюся музыкальную и историческую ценность. Большой колокол весил 722 пуда. Его было слышно у башен Кремля. Но в советское время это чудо колокольного искусства продали за рубеж. Поэтому сегодня даниловская звонница оборудована колоколами, привезенными из разных мест.

*Игорь Ноновалов (справа).
Самый большой колокол для Храма Христа Спасителя.*

— Вы знаете, в чьи руки попали даниловские колокола?

— У меня есть косвенные данные о том, что колокольный набор Данилова монастыря был продан в США. Сейчас он устано-

влен на специально сооруженной башне Гарвардского университета. Когда футбольная команда Гарварда проигрывает — звонят в один колокол, когда выигрывает — в другие. Трезвонят и на Но-

вый год. В американской прессе по этому поводу появилась как-то нелепая статья "Тридцать тонн металла и ни одной ноты". Но мы-то знаем, что наши мастера в старину создавали колокола, которые давали 10-15 нотных сочетаний, согласованных между собой в абсолютно точной музыкальной гармонии. Причем отливались эти колокола в допетровские времена, когда Русь современной нотной записи еще не знала.

— Игорь Васильевич, а что ведают даниловские колокола миру?

— Если жители окрестных домов Даниловской слободы, которая образовалась здесь одновременно с возникновением монастыря, слышали двенадцать ударов в Большой колокол, то они знали, что в монастыре совершается Евхаристия. Если вечером раздавалось девять ударов в Большой, или Полиелейный, колокол — значит пелся канон Богородице.

— Американский ученый Эдвард Вильямс назвал русский колокол "говорящей иноной"...

— Вернее, "звонящей или звонной". Действительно, если архитектура древнего храма с его килевидными арочками и главками, похожими на пламя свечи, символизировала молитву в камне, его внутренняя роспись — молитву в красках, то колокол, соответственно, — молитву в звуке.

— А из чего отливали колокола на Руси?

— Мастера всегда отыскивали самый мощный акустический металл, который энергию удара языком переводил бы в мощь коло-

нольного гула. Колокол отливали из высокооловянистой бронзы, в которую входит 80 процентов меди и 20 процентов олова. Чем чище эти элементы, тем мощнее звук колокола. В лаборатории колокольной акустики на Зиле сделано несколько сенсационных открытий. Оказывается, звуковая волна, которая расходится от удара колокола, излучается в форме креста. Об этом ни звонари, ни литейщики раньше не знали. Кроме того, оказалось, что во время звона колокол сжимается и растягивается. На больших колоколах размер такого растяжения может достигать нескольких миллиметров.

— Наверное, у вас какие-то особые взаимоотношения с колоколами?

— Колокол — живое существо. Если вложить в его подвеску или язычок небольшое усилие, то есть где-то гаечку подвернуть, где-то что-то перевесить, то он всегда отзовется лучшим звуком. Он как бы чувствует заботу о себе. Если вы ударите кулаком по внешней части колокола, то он промолчит, а если ласково ладошкой похлопаете, то он обязательно ответит вам своими обертонами. Ни в коем случае нельзя торопиться при подъеме на колокольную. Я прихожу на ярус звона минут за десять до первого удара, чтобы посидеть, сосредоточиться. Ведь все мое душевное состояние через звон будет явлено миру. Во время благовеста я читаю определенные молитвы, 50-й псалом, а при трезвоне идут благочестивые попевки: "Благодать святого Духа" или "Свят, свят, свят Господь Бог..." С их помощью создаются определенные ритмические колелца.

— Я знаю, что благодаря вам вновь заговорил Иван Великий, молчавший многие годы.

— Для меня это самый памятный звон — в Кремле ночью, на Пасху девяносто второго. В половине одиннадцатого вечера я попал в Кремль через Троицкие ворота. Фонари не горели, только светились окошки внутренней винтовой лестницы, по которой мне предстояло подняться на ярус звона. Я преодолел 309 ступенек. Ограждений на втором ярусе, где я должен был звонить, не было, поэтому меня привязали к перилам для страховки. Звонить пришлось по влажному металлу. И вот заговорил 150-пудовый колокол "Немчин". По Москве разнесся такой же звук, какой еще в XVI веке слышали наши предки. Звонить пришлось сразу начисто, поскольку тренироваться музейщики мне не разрешили. И вообще весь колокольный звон Московского Кремля производится без единой репетиции. Музейные работники уверяют, что лестница, ведущая на колокольню, находится в ужасном состоянии, что может разрушиться кладка и что вообще при звонах уникальные колокола можно разбить. Но если вы задумали играть на рояле, вы же не станете ударять по клавишам молотком. Так и с колоколом: когда подходишь к нему с умением, то никогда не повредишь. Сейчас специалисты двух академий проверили балки, языки и уши колоколов, кладку и вынесли решение: звонить можно.

— Последние два года под вашим руководством оснащались колоколами звонница Храма Христа

Спасителя. Каков результат этой работы?

— Колокол — специфическое произведение, зависящее от искусства литейщиков, оформителей, акустиков. Последние колокола, которые отливались в России, датируются 1928-29 годами. Очень сложно было после гигантского, семидесятилетнего перерыва вернуться к почти утраченной традиции. Сегодня мы не без гордости можем сказать, что именно для Храма Христа Спасителя отлиты самые тяжелые колокола XX века. Большой колокол, по оценкам технологов и литейщиков, весит около 30 тонн 745 килограммов, а язык почти тонну — 970 килограммов. Колокола воссоздавались Обществом древнерусской музыкальной культуры и отливались на базе первого литейного цеха ЗИЛа. Были подняты архивные материалы, но записей звучащих старинных колоколов Храма не удалось обнаружить. До нас дошли очень приблизительные, почти любительские нотные записи. Но ведь каждый человек слышит колокол по-разному. И, тем не менее, удалось установить главное: весь звон Храма Христа Спасителя был выстроен в ля-миноре. Это все-таки Храм поминальный, построенный в честь победы 1812 года. На нынешних же его колоколах можно исполнять все без исключения звоны знаменитой ростовской звонницы, которая имеет до-мажорный анкорд. В старину во время крестного хода вокруг Храма можно было слышать только ту из четырех колоколен, перед которой вы находились. Мы же разработали систему их слаженного звона, особую систему педалей, привлекли для по-

мощи даже авиаконструкторов. Ведь нигде в мире нет таких звонов, как у нас.

Всего на Храме четырнадцать колоколов. Одиннадцать — на северо-восточной колокольне, там — зазвон, мелочь висит всякая во главе с пятитонником. На юго-восточной висит колокол весом девять с половиной тонн. На юго-западной — тридцатитонник. И на северо-западной — весом восемнадцать тонн. Причем наши рабочие за два месяца отлили колокола в тридцать, восемнадцать и девять с половиной тонн, тогда как итальянцы на подготовку и отлив колокола в двадцать шесть тонн потратили три года.

— На качестве звучания колоколов такие стахановские темпы не снажутся?

— Звук хороший. Со временем колокол "раззванивается". Это чистая физика. После долгих лет звона с колокола сходит внутреннее напряжение. Каждая отливка из бронзы, например, денирояля, фортелиано, имеет внутреннее напряжение. Три-четыре года ее не трогают, не вынимают из отливочной формы и лишь спустя это время начинают обрабатывать. Также — и с колокольной бронзой. Музыканты знают, что каждый инструмент — гитара, скрипка — тоже распеваётся, улучшаются его акустические качества. На Храме Христа Спасителя внутренние напряжения еще не сошли с колоколов, и мы их услышим как следует года через два-три.

— Согласитесь, их звон создает в столице особую атмосферу...

— Если сравнить современную Москву с большими западно-

европейскими городами, где практически на каждом храме есть часы, есть колокола, просто корильоны на ратушах, которые в определенное время играют разные мелодии, то сравнение будет не в пользу нашей столицы. В Москве, к сожалению, кроме шума машин практически ничего не слышно. Если только в центре, и то редко, можно услышать трезвон сразу нескольких церквей. Мне довелось в Мюнхене слушать на обычной площади колокольную музыку. Там господа обыватели и туристы могут, сидя на улице, спокойно наслаждаться звучанием колоколов. Это влияет на настроение людей. Может, и поэтому там — приветливые лица, без злости и угрюмости.

— Говорят, звон церковного колокола убивает бактерии, поэтому издревле во время эпидемии все время звонили. Это правда?

— Итальянские ученые доказали, что колокольный звон способен убивать вирусы гриппа и других болезней. В дореволюционной Москве, где колокола звонили повсюду, эпидемий гриппа, таких, как сейчас, и в самом деле не было. У наших звонарей, старцев, которым по восемьдесят, девяносто лет, завидное здоровье.

— Ну вот, а некоторые москвичи жалуются, что колокольный звон не дает им покоя.

— Если рядом с колокольной стоит жилой дом, а звонарь на ней неумелый, то в храме раздаются телефонные звонки, люди сетуют, что им мешают есть, спать, телевизор смотреть. Как только звонарь набирается умения, то и подобные жалобы прекращаются.

— Вам приходилось звонить в самый большой в России колокол?

— Да. Это Большой Успенский колокол Московского Кремля. Предположительно он весит около четырех тысяч пудов, порядка семидесяти тонн. Нижний диаметр составляет четыре метра сорок сантиметров, примерно такая же и его высота. Язык весит около двух тонн. Когда он звонит, то вы, находясь в Кремле, воспринимаете это не столько ушами, сколько всем телом. Когда звонари наверху переговариваются, то они чувствуют, что их фраза улетает в сторону вместе со звуком колокола.

— Легко ли стать звонарем?

— Чтобы почувствовать колокол, нужно минимум семь-восемь лет. Зачастую приходят люди, знакомые с музыкальной грамотой и имеющие опыт работы с ударными музыкальными инструментами, поэтому нередко с колокольни доносится не трезвон, а некая джазовая или роковая композиция. Полагаю, что гораздо легче воспитать звонаря из человека, который вообще ничего не умеет, но обладает врожденным чувством ритма. Многие, приходившие учиться звонарскому искусству,

воспринимают колокольный звон как одну из разновидностей фольклора, прибаутку. Такое отношение формировалось музейными работниками, которые на освященных колоколах вызвали мотивы: "Почем тресна?" — "Две копейки с половиной" — "Врешь, врешь, полторы".

— У вас как у звонаря есть какая-нибудь мечта?

— Хотелось бы услышать, как звонит Царь-колокол.

— Вы это — серьезно?

— Вполне. Есть такая общественная организация — "Красный звон", цель которой — отлить колокол в весе Царя (202 тонны). Причем при современной технике это будет не так долго и дорого, как при изготовлении исторического Царь-колокола.

— Игорь Васильевич, как видится жизнь с высокой колокольни?

— Конечно, она сейчас стала лучше, хотя в материальном отношении теперь жить гораздо тяжелее. Но в этом я вижу определенный духовный закон: если хочешь иметь свободный дух — то пожертвуй чем-то. ■

Беседу вел

Александр АСТАФЬЕВ.

Фото автора

Евдокия ГЕРМАНОВА: "Не умею жить без романов"

Она — представительница древнейшего немецкого рода баронов фон Герман, осевшего в России во времена Петра Первого, царя, который щедро одаривал немцев русскими землями. Родилась в семье ученого — профессора, доктора геологических наук, мама тоже научный работник — химик. А вот дочь по зову души стала актрисой. Но судьбе было угодно, чтобы в начале своего творческого пути Евдокия Германова прошла через серьезные испытания. Ведь только в театральный вуз она поступала шесть раз — и все неудачно. Все эти годы продолжала играть в любительских спектаклях, пока ее не заметил Юрий Любимов. Мастер пригласил ее в свой театр. И в тот же год, когда она начала работать "На Таганке", заочный курс набирал Олег Табаков. С тех пор, уже более десяти лет, она — одна из ведущих актрис "Табакерки". Евдокию немало снимают и в кино, где ее героини — одна ярче другой по характеру, глубине исполнения. И не случайно критики называют ее российской Джульеттой Мазиной. **Согласитесь, не худшая кандидатура для сравнения!**

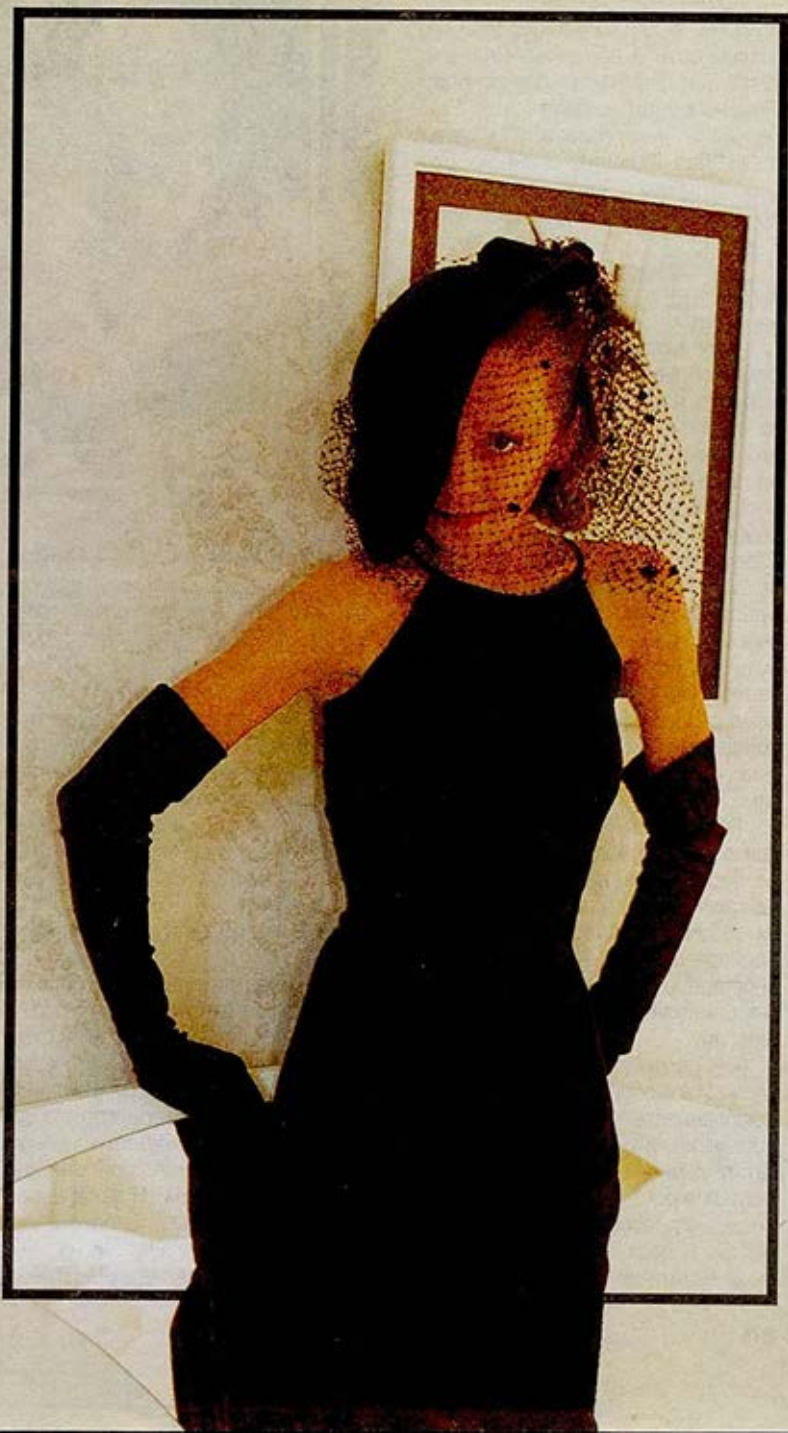
— Увы, меня это не радует, — признается актриса. — Каждая личность индивидуальна. И я — это я. Вообще не понимаю, как можно кого-то копировать? Есть актрисы, перед которыми я преклоняюсь — это Фаина Раневская, Алиса Фрейндлих... Но ведь при этом я не стараюсь им подражать.

— Умение быть собой, а не казаться кем-то — тяжелейшая работа души. Актёру же постоянно приходится играть: и на работе, и в повседневной жизни...

— Именно поэтому я люблю быть одна. Я и живу одна, потому что устаю от людей.

— Этакая философия отшельника?

— Нет, что вы! Я не бегу от людей и не пренебрегаю ими, хотя редко кого допускаю в свой дом — это только мое пространство... Мне требуется одиночество, чтобы подзарядиться на следующую отъезд. Возможно, и не нужно так уж ревностно охранять свой мир от других... Но я очень часто иду на одиночество сознательно. Иногда, чтобы что-то в себе додумать, почувствовать, во что-то себя окунуть, над чем-то поразмышлять... И не ради собственного удовольствия, а ради работы, ради того, чтобы разобраться в собственных мыслях и понаблюдать, что происходит вокруг меня. Но иногда я

все-таки ощущаю непреодолимую потребность в общении. Снажем, в период работы с режиссером Фокиным над спектаклем "Еще Ван Гог" я чувствовала, что "задыхаюсь" без общения, и мне необходимо отключить свое подсознание от постоянной работы над образом.

— Наверное, в таких случаях вы любите устраивать себе праздники души?

— Во всяком случае, использую любой подходящий повод. Хотя я и выбрала для себя образ замкнутого человека, мои друзья знают, что это всего лишь защитная реакция на окружающую действительность, переделывать которую бессмысленно. Поэтому я люблю, когда собираются вместе близкие по духу люди, которые одинаково мыслят и чувствуют... И часто провоцирую, завожу своих друзей на какое-нибудь веселое празднество. Правда, частенько, когда дело доходит до самого праздника, внутри меня зарождаются другие помыслы, мне уже нужно заняться чем-то другим...

Меня вообще очень интересует психология, и все время хочется разбираться в каких-то моментах человеческой психики, проявлениях индивидуальностей, посредственности... Может, и не актерское вовсе дело, но меня это занимает и, кажется, помогает в профессии.

— А в любви?

— И в любви. Я бы сказала, что влюбленность — мое хроническое состояние, и у меня достаточно богатая личная жизнь. Я не умею жить без романов. И даже увлеченность дорисовываю до размеров любви. Я дарю любовь сама, и это меня одухотворяет.

— Сегодняшняя жизнь все реже дает поводов для оптимизма. Тем не менее, в чем для вас источник радости?

— Мечтаю иметь детей. Все-таки нельзя всю жизнь посвятить профессии. Конечно, когда играешь в спектакле, то в эти часы получаешь колоссальную энергию. А в повседневности все более размыто. И только в детях, как мне кажется, присутствует тот же самый сгусток энергии.

— У вас было счастливое детство?

— Да, родители на всю жизнь одарили и защитили меня своей любовью. Я это чувствую. Мой отец старше мамы на 21 год, но их любовь и страсть друг к другу были сумасшедшими, всепоглощающими... И они предоставляли мне огромный выбор для приложения своих способностей. Я увлекалась фигурным катанием, балетом, даже археологией... Но ни на чем серьезно не зафиксировалась. Меня

совершенно отчетливо поняла, как неискренне, лживо и уродливо все мы живем в нашем прекрасном мире. Я была поражена несоответствием всего происходящего вокруг... И с того момента поняла, что нужно вести двойную жизнь: быть для всех такой, наной тебя хотят видеть, а с собой быть предельно честной. Именно поэтому я обожала в школе математику — там все четко: уравнение,

в с е
время вело
что-то свыше.
И время от време-
ни, как вспышки, воз-
никали какие-то предста-
вления о будущей профес-
сии. В первый раз у меня это ви-
дение промелькнуло, когда мне бы-
ло года три. И я всегда доверяю
внутреннему видению. Только пути
могут быть то более долгими, то,
наоборот, совсем короткими.

— Ваше наибольшее разочара-
вание в жизни?

— Оно тоже связано с детст-
вом. Мне было лет 13-14, когда я

тео-
рема и
никаких
интриг.

— И тем
не менее, что
вам больше
всего нравится в
низини?

— Нравится, но-
гда я поступаю так,
как действительно чув-
ствую, безо всяких ком-
промиссов. Это единствен-
ное достойное мерило и кри-
терий для меня. А руководствую-
юсь вольными или невольными
подсказками своего Учителя —
Олега Павловича Табанова. Он са-
мый главный для меня и Учитель и
Личность. В нем есть творческий
гений и созидательная способ-
ность, неповторимая и самобыт-

ная, и он вне конкуренции, для меня, по крайней мере.

Вопреки логике и обстоятельствам, он поверил в меня, когда взял на свой курс, когда дал роль Жанны д'Арк в своем театре. С его мощной верой можно любые горы своротить, потому что он умеет находить в своих учениках их непредсказуемое "я". И в то же время я знаю, что далеко не подарок для него — не было еще случая, чтобы я не отказалась поначалу от предлагаемой роли. Но мое обожествление Мастера дало свои результаты — я впитывала подчас совершенно бессознательно его советы и лишь позже понимала, что они значат. Например, у меня долго не получалась роль Жанны д'Арк. Я позвонила Табакову в истерике, жаловалась, что партнеры меня не понимают, и стала отказываться от дальнейшей работы над ролью. А он ответил: "Наступит время, и ты станешь делать то, что считаешь нужным и как считаешь нужным".

Я не торопила события и... однажды проснулась победительницей. Мне было 24 года.

— А вы сами какую из своих ролей считаете наиболее удачной?

— В театре — спектакль "Жаворонок". Моя дипломная работа под руководством Табакова. Считаю, что это роль, которая меня сделала. Там есть глубины, к которым я никогда, может быть, и не обратилась бы. В кино — картина Ольги Нурцовой "Нам не дано предугадать" по сценарию Надежды Кожушанной. Вот, пожалуй, и все... Что-то было лучше, что-то хуже. Те же "Ниагара" или "Кинс" — да, заметные работы, но всему этому я уже достаточно натренировалась в театре. И снималась я в этих картинах легко, как бы играючи:

ну, хотите сделать меня такой, пожалуйста... Безо всякого напряжения.

— Интересно, а как вы отдыхаете и стряхиваете с себя тот самый негатив, который постоянно налипает к нам в повседневной жизни, как от него ни защищайся?

— Я сплю. Поразительная способность — могу моментально отключиться: на пятнадцать минут или на три часа — в зависимости от количества свободного времени, а потом заново возрождаюсь к жизни.

— А вещи сны вам снятся?

— Я бы сказала, у меня бывают странные сны. Но я никогда не стремилась их разгадывать. Больше склонна объяснять их каким-то эмоционально-психологическим настроением, который в снах овеществлялся, обретал некую странную форму...

— Что вы считаете своим главным недостатком?

— Чрезмерную требовательность.

— Требовательность — недостаток?

— Она очень часто мне же идет во вред. Возможно, излишняя гордыня... А это грех.

— Вы человек верующий?

— Да. Я окрестилась, когда мы начали репетировать Жанну д'Арк. А более серьезно разобралась в вопросе веры, когда репетировала в театре-студии Днигарханяна роль Юдифь. Изучала Библию, и все время чувствовала, что уже имею достаточный багаж знаний, необходимый для веры. Но главное, пришлось осознание того, что Бог должен быть прежде всего в тебе. Хотя он не войдет в твою душу, если ты ее к этому не подготовишь...

Беседу вела

Татьяна АЛЕКСЕЕВА.

Лора ВЕЛИКАНОВА

Секс- ЛОХОТРОН

У "белых рабынь"
зарубежных
борделей
русские,
украинские,
белорусские
лица

Термин "белое рабство" появился в начале XX века и больше всего был связан с остро стоявшей тогда проблемой продажи за рубеж для оказания сексуальных услуг женщин — представьте себе! — Великобритании. В те далекие времена торговцы "живым товаром" вывозили их в страны континентальной Европы и заставляли зарабатывать проституцией. Но, конечно же, не только британки становились жертвами сенсоторговли, распространявшейся все шире по всему миру, о чем, в частности, свиде-

тельствует такая, например, любопытная публикация.

"Очень часто на помощь торговцам женщинами являются "женихи". На правах "жениха" (а иногда даже и "мужа"), с хорошо изготовленным заграничным паспортом в руках, негодяй беспрепятственно вывозит свою жертву чаще всего в Константинополь, где, мол, проживают его родственники и где он обещает венчаться. Паспорт и все прочие формальности выполнены анкуратно, как того требует закон. Сплавив по прибытии в Константинополь свою жертву в какой-нибудь притон, "жених" возвращается на том же пароходе, идущем обратным рейсом в Одессу. Задержать его нельзя, с формальной стороны у него все правильно. Константинополь обыкновенно служит сборным пунктом, как ближайший заграничный порт, где все местные власти подкуплены и не замечают того, что им не нужно. Наиболее смелых и громко протестующих прячут в притоны тихих восточных городов, как Смирна, Бейрут и т.д. И, наконец, есть такие места, где жертва может считаться заново погребенной, — это Аргентина и другие южноамериканские страны". "Женская газета", Одесса, 1912 год.

Такова очень коротко предыстория проблемы. А теперь давайте посмотрим, как она выглядит век спустя, то есть в наши дни.

Двум юным русским туристкам из Санкт-Петербурга, приехавшим в город Нетанья (Израиль) и остановившимся в гостинице, позвонил некто, представившийся другом их приятеля из России (при этом он назвал его имя и фамилию), сказал, что занимается на

земле обетованной бизнесом и предложил отправиться в туристическую поездку по северной части страны. Девушки согласились. Они встретились на следующее утро и провели весь день, путешествуя по Тиберии и Галилее. Это было прекрасно.

Вечером друг петербургского приятеля привез туристок на площадку для разбивки лагеря и ночевки. Там он взял "на сохранение" их паспорта, деньги и обратные билеты на самолет, после чего сообщил, что они б... и потому будут проданы в публичный дом. Девушек разделили. Одну оставили на лагерной площадке со вторым мужчиной, который участвовал в путешествии, а Елену "друг" увез в принадлежащую ему квартиру неподалеку от Тель-Авива. Там она встретила еще 6 девушек, которые, как выяснилось, жили в той же квартире и работали проститутками. Всем им было запрещено разговаривать с Еленой. Ей принесли матрац и, бросив его на пол, сообщили, что на нем она будет спать. На следующее утро за шестью "старожилками" приехал водитель, чтобы отвезти их на "рабочие места". Кудато наконец ушел и бизнесмен-охититель. Елена осталась в квартире с 19-летней русской Лолой, которая по принуждению работала проституткой уже более двух лет. Она советовала Елене смириться, забыть и думать о побеге, потому что "все равно поймают и будут страшно бить". Елена продолжала настаивать на побеге, предлагала Лоле убежать вместе с ней, но слышала в ответ все одно и то же: "Ты не знаешь, как он бьет нас, ты никогда не убедишь от него".

Но Елена проявила решительность. Улучив момент, она выскользнула из нехорошей квартиры и стала бегать по окрестным улицам в поисках кого-нибудь, кто говорил бы по-русски. Такая женщина в конце концов нашлась. Она позвонила в полицию, сообщила о случившемся, а затем посадила Елену в такси и сказала водителю, чтобы он довез ее до полицейского участка.

А тем временем "бизнесмен", обнаружив пропажу и поняв, что может иметь неприятности, сам явился в полицию. Там он спокойно объяснил, что, мол, произошло недоразумение. Что он просто предложил Елене пожить в его квартире, а деньги, паспорт и обратный билет на самолет взял "на сохранение". Елена во время расследования жила в специальном убежище для женщин "Грецилия". Через несколько дней она вернулась в Россию. А затем удалось вызволить и ее подругу.

Благополучная, можно сказать, развязка, хотя отпуск был сорван, а излишне доверчивые путешественницы травмированы на всю жизнь. Ну, а что же "знакомый знакомый", явно связанный с криминальным бизнесом? Ровным счетом ничего. Хотя уже был случай, когда его арестовывали за то, что он выбросил на пляж в северной части Тель-Авива тело туристки из России, нелегально занимавшейся проституцией и умершей от передозировки наркотиков. Однако ни в том, ни в этом случаях уголовное дело против "бизнесмена", явно зарабатывавшего на нелегальной сексторговле, возбуждать никто не захотел.

Еще два похищения в том же Израиле получили огласку благо-

даря тому, что возник конфликт между мафиозными группировками. Двух туристов похитили и держали в массажном салоне неподалеку от Хайфы. В этот массажный салон или, попросту говоря, публичный дом ворвались четверо вооруженных людей из другой банды, обезоружили охрану и похитили "товар" во второй раз, — для работы в конкурирующем заведении того же толка. Владелец первого "салона" обратился в полицию и показал паспорта похищенных. Одну из них полиция обнаружила в Иерусалиме, вторую так и не нашли. А бандитов, естественно, даже искать не стали.

Изобретены по прошествии века и куда более современные методы вербовки сексрабынь, позволяющие придать этому выгоднейшему бизнесу не индивидуальный, а массовый характер.

Социолог Минского центра гендерных исследований провела миниисследование. Позвонила по рекламному объявлению, вызвавшему некоторые подозрения ("Девушкам от 17 до 25 лет предоставляется работа за границей) и, придав вопросам некоторую долю задорности ("Работа не пыльная? Мне пыли и здесь хватает!"), выяснила все, что ее интересовало. Интим. Греция. 1000 долларов в месяц. Первые два месяца без паспорта, срок не меньше 10 месяцев.

Попутно на вопросы пришлось отвечать ей самой. Ее спросили: "наной у вас рост?" Она прибавила 10 сантиметров. Спросили, сколько ей лет. Она убавила 20. "Фигурка нормальненькая?" "Более чем". "Вы нам подходите".

И хотя случай оказался не только не типичным, но даже ис-

ключительным, социологу удалось-таки "расколоть" нанимателей на откровенный разговор о том, что обычно тщательно скрывается. Крошечное это исследование подтвердило главное: на территории бывших советских республик всюду идет вербовка "живого товара" для продажи за рубеж.

Именно продажи, а вовсе не отправки "на высокооплачиваемую работу", как обычно говорится в объявлениях, потому что ни тысячи долларов в месяц, ни половины этой огромной, по нашим, а тем более украинским или белорусским, меркам, суммы ни одна из трудоустроенных за рубеж 17-25-летних обладательниц хороших фигурок, конечно же, не получит. Скорее всего большинство из них вообще ничего не заплатят, для чего разработан механизм вечной долговой кабалы рабыни, живущей без паспорта (отбрав на 2 месяца, а иногда и на 20 минут янобы для регистрации, его так больше и не возвращают), без языка и малейшего представления о законах страны, в которую прибыла "на работу".

Вот расчет, который приведен в докладе, подготовленном "Сетью женщин Израиля" — организацией, защищающей права "белых рабынь", всесторонне исследовавшей проблему: в Тель-Авиве девушка имеет около 50 долларов за клиента. Из них 20 долларов идет публичному дому, 24-27 долларов — сутенеру и только 3-6 долларов остается ей. По данным полиции Израиля, их долги исчисляются иногда огромными суммами (до 20 тысяч долларов), которые, как им говорят, пошли на визовую поддержку, изготовление

документов, авиабилеты и т. д. Поэтому, когда девушки начинают работать, им практически не платят, все идет "на покрытие долга".

Исключением Израиль, увы, не является. Примерно то же ждет претендентку на высокооплачиваемое "счастье" и в других странах. Так что откровенность минского агентства "по зарубежным связям" была весьма относительной. И все-таки спасибо, что они не скрыли сути, не сообщили, как подавляющее число их "подельников", что за границей минчанку ждут, чтобы заполнить вакантное место танцовщицы, модели или, на худой конец, горничной в отеле, официантки в ресторане, помощницы (няни) в добрую, порядочную семью.

Девятнадцатилетняя Ольга, например, знала, что едет работать в Германию няней. А ее привезли в берлинский публичный дом (они именуются клубами, салонами и т. д. Официально проституцию в Германии только намереваются признать) и заставили обслуживать по 18 клиентов за ночь. "Я закрывала глаза и старалась забыть боль, — рассказывает Оля. — У меня не было выбора".

Девятнадцатилетняя Елена из Хабаровска оказалась в числе других молодых женщин, откликнувшихся на рекламное объявление в газете о программе обучения и последующей работы в одном из ресторанов Китая. Все они подписали контракты, в которых, казалось, были достаточно четко прописаны условия обучения: страховка, проживание, питание, проезд туда и обратно. Затем женщин переправили в Ухань, где они в течение месяца действи-

тельно обучались премудростям китайской кухни. Все вроде бы шло нормально. Но только до тех пор, пока хозяева под благовидным предлогом (якобы для оформления на работу!) не отобрали у девушек паспорта, которые так и не вернули. Когда же они стали возмущаться и требовать документы, им было в категорической форме заявлено: только в том случае, если каждая из них выложит по 15 тысяч долларов за паспорт, то есть вернет долг за обучение, переезд, проживание и т.д.

Вскоре стало ясно, что никакого ресторана, где они должны готовить китайские блюда, не существует. Паспорт одной 17-летней девушки из группы перекупил за те же 15 тысяч долларов бизнесмен со стороны и переправил ее в Макао для работы проституткой. От Елены и ее подруг требовали того же их хозяева. Но девушкам все же удалось сбегать. Без денег и документов, полные отчаяния, они перебирались из одного китайского города в другой, обращаясь в российские консульства и мэрии этих городов. Но никто им так и не помог.

"Фактически, — рассказывает Елена, — нам приходилось зарабатывать тем самым способом, от которого мы убегали. Идешь по улице, подъезжает машина. Ты соглашаешься, что сегодня вечером будешь сидеть с ними в ресторане или в караоке, и они заплатят тебе деньги. Почти как проституция".

Торговля живым товаром — сверхприбыльный бизнес, он стоит на третьем месте после наркотиков и продажи оружия. Понятно, почему: очень велик спрос, от-

кликаясь на который, торговая сеть становится все гуще. Благо и предложение как бы идет навстречу. Желających приобщиться к сверхающему с телеэкранов зарубежному раю — миллионы молодых женщин. И они готовы трудиться. Правда, не там, где их с нетерпением ждут.

Как показали исследования, проведенные Институтом социально-экономических проблем народонаселения, большинство опрошенных не знали о том, что за ними могут охотиться сексторговцы. Среди женщин, принадлежащих к группе риска, 40 процентов полностью отвергали возможность их сексуальной эксплуатации, 52 процента допускали такую возможность, но были убеждены, что смогут ей противостоять, и только 8 процентов ответили, что боятся этого.

Вот что значит отсутствие информации, с одной стороны, и безработица, у которой и по сей день "женское лицо", — с другой. Не имея ни малейшего представления о том, что в подавляющем числе стран, где люди хорошо зарабатывают, законы запрещают трудоустраивать приехавших из-за рубежа, доверчивое большинство из группы риска становится жертвой торговых посредников, скрывающихся под крышами разнообразных подсадных фирм и агентств. В том числе, например, выдающих замуж за "материально хорошо обеспеченных", "без вредных привычек" американцев, французов, немцев и т.д.

Москвичке Ирине, например, подыскали канадца. И она к нему поехала.

— Почему я это сделала? Потому что разведена и потому что

здесь очень сложно встретить подходящего человека. С другой стороны, у нас очень тяжелая экономическая ситуация.

— Вас ничто не настораживало? Вы не думали о риске?

— Риск есть и в повседневной жизни. Идешь по улице, кто-то может выбросить из окна что-то тяжелое тебе на голову... Естественно, я думала, что может получиться не так, как хочется. Поэтому у меня был билет туда и обратно. Мои родственники знали, куда я еду.

— И что же произошло? Почему вы вернулись?

— Я поехала в отпуск на месяц. Этот месяц все у нас с ним было хорошо, мы явно вписывались в совместную жизнь. И когда этот месяц прошел, я подумала, что можно пожить вместе подольше. И осталась. Мой обратный билет стал недействительным. А еще через несколько месяцев совместной жизни я поняла, что ему нужна просто домашняя рабыня, а вовсе не жена. Вначале этого не чувствовалось...

— Чего "этого"?

— Когда оказалось, что денег у меня нет, билета нет, законного права на работу и на жительство тоже нет, что я в полной его зависимости, началось такое... Он придирался ко всему: не так убрала — не буду кормить, не то сказала — отключу телефон. И вообще, что ни сделаю — все не так. Мне было очень тяжело, я много плакала, не знала, к кому обратиться, чтобы мне помогли вернуться домой. А потом мне повезло, я смогла связаться с Кризисным центром для женщин. Думала, они помогают только своим женщинам, но это не так. Мне

разрешили переехать в приют при этом центре. Я там находилась две недели, пока они занимались моими проблемами.

— Они оказали вам материальную поддержку?

— Прежде всего они оказали психологическую поддержку, причем такую, что я не забуду этого всю жизнь. На меня это произвело очень сильное впечатление. И материально они тоже мне помогли.

Этот случай — лишь исключение из правил. Вот обобщающая справка из доклада международной организации, базирующейся в США, "Всемирная сеть за выживание". Брачные агентства, как правило, не проверяют своих клиентов — мужчин, среди которых есть люди с опытом домашнего насилия или уголовным прошлым. Многие из них считаются социально или физически не привлекательными в своей культуре. А российских женщин рекламируют как более покладистых, по сравнению с западными, и менее материалистичных.

Для Ирины ее зарубежный вояж, можно сказать, послужил только серьезным уроком, не нанеся большого вреда здоровью. А вот другие девушки вернулись домой с таким букетом болезней, что на их излечение может не хватить всей их молодой жизни.

Александра после возвращения 4 месяца провела на больничных койках, перенесла несколько тяжелых операций, но ее так и не вылечили. Теперь она плачет: "Как он мог так со мной поступить?"

"Я неспособна никому теперь доверять и держу дома ружье для защиты, — говорит Татьяна. —

Иногда мне приходится обращаться к психиатру, чтобы взять себя в руки. Мое здоровье разрушено. Я просто проклинаяю тот день, когда поверила этому человеку..."

Кого же проклинаяют несчастные девушки?

По мнению Натальи Ходыревой из Санкт-Петербургского Кризисного центра для женщин чаще всего вовлечением жертв в секс-торговлю занимаются добрые знакомые — однокурсник, например, или его друг, соседка, якобы стремящаяся помочь, подсказать, научить, как лучше устроить жизнь. "Иногда их живописуют как страшную организованную мафию, — говорит Ходырева, — но, на мой взгляд, это, скорее, небольшие группы. Хотя, с другой стороны, чтобы оказать визовую поддержку, добыть какие-то недостающие документы, надо иметь в консульстве кого-то, кто сделает это. Не за "спасибо", конечно. Образуется система, где каждый получает свой доход".

Так одиночки, небольшие группы или все-таки система? Как все это действует? И почему секс-торговля принимается в России и других странах СНГ все больший размах?

К сожалению, вопросами этими озаботились не мы сами, и ответы на них получили совсем другие, не российские организации.

Например, американская некоммерческая организация "Всемирная сеть за выживание" провела уникальное исследование по торговле женщинами, которое позволило все тайное сделать явным. Зная о подпольном характере купли-продажи "белых рабынь", организаторы решили применить в ходе расследования не только

открытые, но и закрытые, нестандартные приемы.

Чтобы проникнуть в глубины мира секс-торговли, начали с того, что учредили фантвную компанию, со штатом сотрудников, рекламными проспектами, визитными карточками, действующими номерами телефонов и фансов. Это открыло доступ к теневым операциям.

В то же время исследователи проводили в России, странах Западной Европы, Азии и США вполне открытые интервью с представителями общественных организаций, женщинами, переправленными за рубеж для оказания сексуальных услуг, представителями полиции и правительственными чиновниками. Некоторые интервью записывали еще и скрытой камерой, благодаря чему они стали документальными свидетельствами жизнеобеспечения подпольного мира торговли сексуальными услугами "на вывоз".

Например, с владельцем "Школы манекенщиц" Владимиром из Владивостока в разное время встретились два представителя "Всемирной сети за выживание". Один пришел как журналист и услышал от Владимира: "Я считаю себя вторым отцом моих девочек. Я беру гадких утят и делаю из них совершенство". И еще много чего в том же духе.

Рекламные материалы, распространяемые Владимиром, обещали работу фотомоделями в Южной Корее, танцовщицами в барах в Японии, видеомоделями и домашними слуганками в США, работниками телевидения в Австралии. Кандидатки должны были приносить туфли на высоких каблуках, купальники, красивые фо-

тографии "и другие документы" для конкурсных экзаменов. В случае приема студентки обучаются в целом ряде областей, включая массаж, укладку волос, макияж и "магию обольщения".

Владимир объяснил "журналисту", что обучение в его "академии" стоит каждой студентке 4000 долларов, и что он надеется заработать на плате за учебу полмиллиона баксов. Он сказал: "Мы планируем набрать 100 человек. Но не думаем, что удастся найти необходимое количество состоятельных семей. Поэтому мы будем вынуждены предлагать кредиты за обучение, чтобы девушки могли вернуть нам деньги в будущем. Добившись успеха с нашей помощью, они вернут и кредит, и проценты, и мы расплатимся с нашими кредиторами". И добавил: "Я рассматриваю свою академию среди прочего и как альтернативу работе девочек проститутками".

Об одном только забыл Владимир, разглаживая о своей замечательной программе: что перед ним сидит иностранный корреспондент. Этому "корреспонденту" абсолютно ясно из разговора: у студенток Владимира будет только одна и единственная возможность вернуть 4000 долларов плюс проценты — это сразу после завершения "академического" образования заняться проституцией. На что их "второй папочка" и рассчитывает.

Поэтому к Владимиру направили второго исследователя, который представился не журналистом, а потенциальным инвестором и прямо спросил, не возьмет ли Владимир поставлять ему женщин и девочек моложе 18 лет

для продажи в Японию и США. Владимир не только охотно согласился, но и незамедлительно продемонстрировал более тысячи фотографий своих "дочек"-учениц. И сообщил к тому же, что он может добыть фальшивые документы, обеспечивающие беспрепятственную переправку за рубежи нашей Родины несовершеннолетних проституток.

Во время разговора Владимир бросил пробный шар, рассказал "инвестору" о том, что уже послал нескольких учениц в Японию на работу в качестве хостесс в барах. В ответ "инвестор" дал ясно понять, что речь идет ни о чем ином, как о сексторговле, и Владимир окончательно потерял бдительность: "Все абсолютно ясно. Мы можем даже подписать гарантию, что будем нести ответственность в тех случаях, когда кто-то из девочек захочет выйти из игры. Мы предоставим взамен другую красотку без дополнительной оплаты. Мы также должны будем составлять жесткие контракты, которые не позволяют девицам ни при каких обстоятельствах досрочно прекращать работу". Весь разговор был записан на пленку и снят скрытой камерой.

Другая вербовщица, Наташа из Москвы, раскрыла механизм оформления переезда: "Известно, что для поездки за границу 16-летней девушки требуется согласие родителей. Чтобы обойти это препятствие, мы можем сделать паспорт, в котором будет указано, что ей не 16, а 18 лет. И не понадобится никаких разрешений".

Такие паспорта, по словам Наташи, можно получить через ее знакомых, работающих в МИДе. Услуга эта стоит 800 долларов,

возместить которые девочка обязана, когда начнет работать.

Когда же она начинает работать? Как фактически происходит перенесение из рая в ад, превращение той, которая готовилась быть моделью, танцовщицей, няней, официанткой, в проститутку?

Об этом — очередная типичная история, рассказанная Надей, для которой некий Эдик (знакомый однокурсника, наезжающий из Германии, куда эмигрировал по каким-то делам) якобы нашел место официантки в одном из немецких ресторанов.

"Когда мои документы были готовы, Эдик предложил мне ехать в Германию автомобилем и познакомил еще с двумя девушками. Они, как и я, ехали на заработки. До границы мы доехали без приключений, во Франкфурте остановились в отеле. Паспорта наши Эдик забрал, по его словам, для регистрации. Утром Эдик пришел со знакомым немцем и объяснил, что этот человек отвезет нас к месту назначения. Немецкого языка никто из нас не знал и с этим немцем мы не разговаривали. Мы ехали достаточно долго. Потом нас поселили в отеле, а на следующий день пришел незнакомый человек и на ломаном русском языке объяснил, что нас привезли в бордель и что со следующей ночи мы должны обслуживать клиентов в постели.

Сначала я отказывалась работать. Меня несколько раз наказывали. Закрывали в пустой комнате без еды на несколько дней. Меня били и угрожали, что расправятся с моей семьей. Они знали абсолютно все про моих близких. Говорили, что меня просто убьют, и никто про это не узнает,

если я не отработаю деньги. Мне стало понятно, что Эдик был настоящим сводником.

На первом этаже был ресторан. Нас заставляли работать и там. Днем мы мыли посуду, чистили пол, протирали окна, а вечером должны были сидеть с клиентами за столиками и потом развлекать их в постели. Клиентов было много и днем..."

В этой истории, как и в тысяче других, потрясает все, начиная от перевертыша Эдика и кончая 24-часовым рабочим днем девочек, чего не позволяет себе ни одна проститутка, даже низкопробная, если ее, как рабыню, к этому не принуждают. И все-таки в рассказе Нади есть фраза, которая страшнее всех прочих: "Они знали абсолютно все о моих близких". Потому что в ней ключ от замка, который женщина страшится открыть, чтобы убедиться: дома мать, возможно, ребенок. Над их жизнями может нависнуть страшная опасность. И она смиряется. Многие продолжают бояться мести даже после окончания срока отработки и возвращения домой.

Шантаж — вот главное оружие хозяев, считает исполнительный директор Кризисного центра "Сестры" Мария Мохова. Как только начинается: "Я не согласна. Какое вы имеете право?" — ей тут же в ответ: "Ну вот что, милочка. Я тут беседую с тобой, а там, где ты живешь, в городе Иваново, у меня есть дружок. Я ему кое-что сообщу и всю твою семью прирежут. Или ославят тебя на всю Ивановскую область, расскажут, чем ты занимаешься". И в самом деле прирежут, глазом не моргнут, и ославят, не пожалеют.

Так что девушкам остается одно — молчать.

Социолог Наталья Ходырева подтверждает ту же мысль цифрами: в правоохранительные органы обращается за помощью не более двух процентов пострадавших от принудительной сексуальной эксплуатации. И дает тому объяснение: никто не в состоянии ни охранить, ни защитить женщину после того, как она обратится в полицию, милицию или даст показания в суде.

Значит, нет жалоб — нет проблемы? Руководитель лаборатории ВНИИ МВД России, доктор юридических наук Константин Горяинов считает, что незаконный вывоз женщин за рубеж с целью сексуальной эксплуатации — компетенция исключительно МИДа. "Эта проблема МВД не очень волнует, криминала в ней нет, — утверждает он. — Все правонарушения в отношении выехавших женщин совершаются на территории других стран. Значит — это их проблема".

А вот аналитическая справка "О незаконном вывозе за рубеж и эксплуатации женщин и детей", подготовленная — внимание! — тем же ВНИИ МВД России и той самой лабораторией, которой руководит Горяинов. Справка, из которой следует, что из числа россиян, занимавшихся за рубежом проституцией, 55 процентов ответили, что они знали о характере будущей работы, 10 — что догадывались, а 35 процентов — что не имели об этом ни малейшего представления. И даже наоборот, были убеждены, что выезжают для нормальной трудовой деятельности, не связанной с проституцией.

Выходит, 45 процентов женщин, то есть, чуть ли не каждая вторая, были обмануты организаторами подпольного бизнеса на территории России, а доктор юридических наук считает, что "криминала здесь нет".

Что это? Издержки мужской логики? Нежелание обременять родное ведомство новой головной болью? Есть, мол, дела поважнее, пусть девочки подождут. Только можно ли ждать?

Вот выдержка из еще одного интервью, проведенного "Всемирной сетью за выживание".

Московский сутенер Сергей так обрисовал ее представителю "инвестору" роль той же милиции в его бизнесе: "Она контролирует здесь уличную проституцию. Мафия контролирует всю ситуацию с момента переправки женщин за рубеж".

Сергей познакомил потенциального клиента с охраняемым агентством "Компания X", руководство которой заявило, что может обеспечить крышу для операций по сенсторговле. Кроме того, директор агентства, из окна которого виден Кремль, сообщил "инвестору", что он имеет диплом специалиста в области разведывательности и предложил ряд услуг: предоставление телохранителей (оклад — 900 долларов), полная охрана и сыснная деятельность, а также содействие в вербовке женщин с гарантией безопасного пересечения границы. И добавил: "Мы очень тесно сотрудничаем с милицией и ФСБ, у нас не будет никаких проблем с российскими властями при переправке женщин за рубеж".

Все интервью, о которых здесь рассказано, были сняты

скрытой камерой на видеопленку, — создан видеофильм, который так и называется: "Купленные и проданные". Его показали чиновникам, работникам правоохранительных органов. Они покивали головами (мол, бывает, бывает), потом сказали, что в милиции работает очень много честных людей и... сделали все, от них зависящее, чтобы по центральным телеканалам фильм не показали.

Тот же ход: нет фильма, нет и проблемы.

А вот Украина, живущая беднее нас, уже успела озаботиться убывающей статистикой своих женщин. Когда подсчитали, обнаружилось, что их за короткий срок стало на миллион меньше. Они покинули страну, находятся в других местах. В них же? Государство поставило задачу найти их и помочь вернуться на Родину всем желающим. Для этого Украина вступила в международную организацию "Ла Страда", которая ищет "белых рабынь" и занимается возвратом домой тех из них, которые этого хотят.

Есть "Ла Страда Украина", "Ла Страда Чехия", "Ла Страда Болгария". А вот "Ла Страда Россия" не существует. Почему же?

Мария Мохова: "Россия — страна как экспортирующая своих женщин, так и принимающая их из других стран, из той же Украины, из Белоруссии. Получается как бы "так на так", и мы не замечаем потери своих соотечественниц, уменьшения их числа. Меня

больше всего возмущает двойной стандарт: пользуемся проститутками и ведем себя так, будто их нет. Знаем, что преступный бизнес по вывозу девушек становится все более зловещим, и презрительно пожимаем плечами: "Это их проблема. Мои дочери со мной".

Нет, не личное это дело, это наша общая беда. За 5 лет занятия проституцией женщина теряет способность рожать детей — от перенесенных насилий, передающихся половым путем болезней, полученных в процессе зверской работы внутренних повреждений. Если мы и дальше будем на все это закрывать глаза, через 20 лет в России останутся одни старики.

Украина признала эту проблему, приняла соответствующее законодательство. "Ла Страда Украина" работает с государственными структурами, посольствами, консульствами, таможенными, "Интерполом". Если надо, может связаться с самым высоким лицом в правительстве.

У нас тишина. Поэтому "Ла Страда" в Россию не идет. Смысла нет.

Помните, как еще недавно мучили нас всех "лохотрончики", заполонившие все входы в метро, но не замечаемые милицией? Их не замечали десятки лет — до тех пор, пока в число "лохов" не попал депутат Государственной Думы. Неужели нам надо ждать, когда случится нечто подобное в сфере сенсторговли? ■

**Михаил
Ширвиндт:**

"Преврат Россию дрессиру собак"

Телевизионной программе "Дог-шоу" вручен "Золотой Остап", премия Российской Академии Юмора. В самом деле, в какой еще программе увидишь советника иностранного посольства, на четвереньках берущего барьер. Или народную артистку, поющую дуэтом со своей хвостатой "девочкой". Еще она признана лучшей детской программой. Заняла первое место на международном фестивале телепрограмм для детей "Окно в III тысячелетие". Если, конечно, посчитать детьми все двенадцать миллионов ее поклонников в возрасте от двух до восьмидесяти пяти (это только по официальным данным).

Но больше всего "Дог-шоу" заслуживает приза за человечность. Потому что эта программа о собаках — одна из самых человеческих на нашем телевидении. Вот уже пять лет она показывает людей с их лучшей стороны — терпеливыми, любящими, простодушными, с добрым смехом и уютными привычками, верными и заботливыми. Таними, какими видят их четвероногие друзья.

Наши вопросы — автору и ведущему программы Михаилу Ширвиндту.

— Запад поделился с нами психоанализом, парацетамолом,

ИМ В СТРАНЦ ВАННЫХ

Интернетом... Идея собачьего представления — тоже из разряда заимствований?

— Представьте, нет. Больше того, мы даже пытались найти аналоги за границей и нигде в мире такой программы не нашли. Предмет нашей особой гордости в том, что дог-шоу "Я и моя собака" — авторская программа. Когда мы попытались в других странах найти игровые программы с людьми и собаками, (ну, может быть, и украсть каную идейку), то, повторяю, не нашли. Нам сказали: да, есть точно такая в Италии. Оказалось: это мощное шоу на

стадионе, где сидят пять тысяч человек, где штук пять ведущих в золоте, в блестящих носятся и чего-то кричат, а кульминацией является торжественный вывод собани какой-то невероятной породы. Про нее опять-таки что-то кричат, поют, и она уходит. Все. Мы тоже демонстрируем редкую породу, но без всякой помпы, в качестве живой иллюстрации к третьему вопросу в конкурсе "Собачьи вопросы". Недавно услышал, что нечто похожее появилось в Америке, и, знаете, велика вероятность, что "сперли" как раз у нас.

— Один большой "культурный начальник" доверительно сообщил мне, что идею вашей программы придумали "наверху" специально для смягчения общественных нравов.

— Вообще-то идею подал мой пес Сандрик: подошел, положил голову на колени... И мы с другом Сашей Коняшовым в одну секунду родили идею и за полчаса сочинили концепцию. Это случилось в 1993 году. Сандрик, ныне уже покойный, остался, как соавтор, запечатленным на мультипликационной заставке.

— И все-таки сверхзадача-то у вас была?

— Я человек театральный, учил четыре года, что такое сверхзадача... Конечно, была такая задача и есть. Наша небольшая телекомпания называется "Живые новости". Мы делали одноименную пятиминутную программу на НТВ, сейчас возникла новая, "Путешествия натуралиста", и целый ряд других — не только о животных. То, что у "Дог-шоу" один из самых высоких рейтингов, нас, естественно, вдохновляет. А на вопрос, зачем его придумали, я сей-

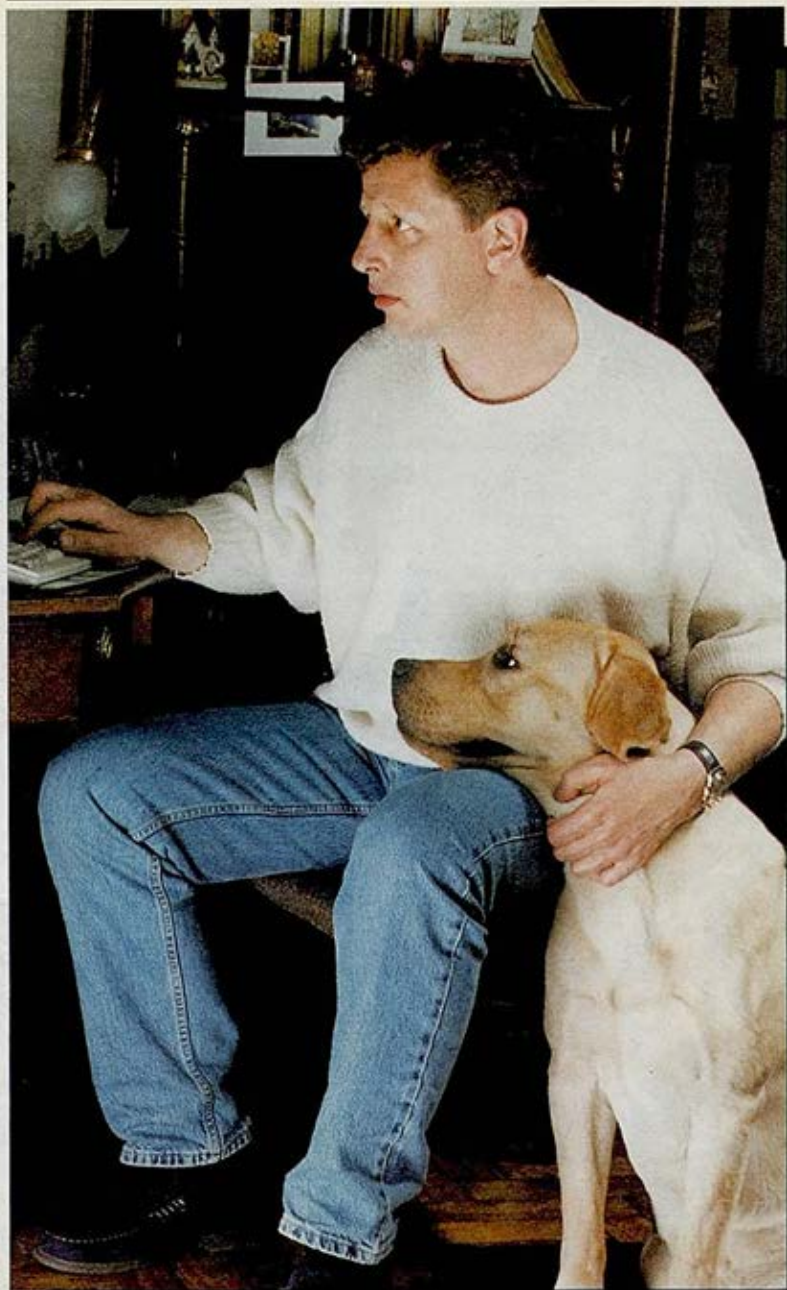
час отвечаю так: чтобы превратить Россию в страну дрессированных собак. Вы не представляете, какое количество писем мы получаем от родителей: вот, сын подобрал на помойке какую-то собаку из-за вас, теперь ее учит...

— От желающих принять участие в передаче, наверно, отбою нет?

— Сейчас — да. А первую тройку участников искали недели три. Вот тех, кто был часа три назад, не запоминаю. А первых помню как сейчас. Московская сторожевая Юстас с хозяйкой Людой... Кто-то тогда сказал: на Дмитровском шоссе живет тетенька, у нее московская сторожевая. Приезжаем: двухкомнатная малогабаритная квартира, где живут три сенбернара, — представляете, три! — да еще три попугая, унас! Собани задом ходили по квартире, потому что развернуться не могли. На всю жизнь запомнил этого Юстаса. Первую программу снимали в жуткой нищете, в чудовишных декорациях... Это сейчас мы снимаем за три-четыре дня, при десятичасовом рабочем дне, сразу восемь программ. А тогда только на съемки одной ушел весь день. Я еле дополз до дому, ничего не соображая. Но в эфир программа не пошла — плохая съемка получилась. Ее вообще все каналы забрановали, даже идею не захотели рассматривать.

— То есть вы ее ни с кем предварительно не обговорили?

— Да. Поначалу все казалось удивительно легко. Придумали. Сообразили, что нужны, вероятно, спонсоры. А какие спонсоры? Вроде есть какой-то пади гриппи... Pedigree Pal. По справочной

нашли адрес, там нас встретили как родных и говорят: прекрасная идея, мы вас ждали всю жизнь, делайте. Тут же договорились с тогдашним четвертым каналом, для которого делали короткие фильмы, словом, все устраивалось подозрительно легко. И в одночасье рухнуло — возник канал НТВ, который забрал четвертую кнопку. Мыкались мы два года,

пока Ирэна Лесневская и компания RenTV не поверили в нас. Дело пошло. А главное — мы остались независимой компанией, деньги зарабатываем сами. Хотя, конечно, не те деньги, которые могли бы быть, прогнись мы под какой-нибудь канал.

— Вы проявили завидное упорство, но при этом совсем не кажетесь фанатичными собачниками.

— Мне кажется, залог успеха и популярности программы как раз в том, что ее делают не сумасшедшие собачники и не кинологи. Если бы мы все были кинологами — гибель. Увлечлись бы мелкими и никому не понятными проблемами. У меня, правда, всегда были собаки, но остальные члены творческого коллектива — Саша Коняшов, Сережа Урсуляк — завели собак совсем недавно, на четвертом году существования "Дог-шоу". У нас только один профессионал в области собановедения — консультант-дрессировщик Оля Нечаева.

— А зоопсихолога — есть ведь и такие профессионалы —никогда не привлекали?

— Ну, на самом деле Олю можно и так назвать. Она проверяет собак на совместимость, чтобы не передрались. Когда искали в нашу программу "собачьего" человека, у нас как-то появился один профессионал, который вел на радио, кажется, программу о животных. Он сразу на нас обиделся за слишком,

по его мнению, панибратское отношение к собакам и недостаточное внимание к его советам. Например, мы придумали конкурс "Одиссей": собака не может узнать хозяина в лохмотьях и маске. Так вот, этот профессионал считал, что такого не будет никогда. Что любая собака хозяина сразу узнает, и ему даже противно подобную тему обсуждать с нами, дилетантами. Обругал нас и с гневом ушел. И что же? Сразу, с первого же номера, собака полчаса не могла найти своего хозяина. Вот такой психолог.

— Вы не отбираете претендентов...

— Отбирают режиссер программы и кинолог. А я с участниками знакоюсь на площадке. И это не от лени. Там, на площадке, получится естественно только в том случае, если ничего про них не знать. Я профессионал, могу десять раз подряд удивиться одному и тому же. А им сложнее живо и непосредственно повторить мне то, что рассказывали час назад.

— Ну хоть домашние задания обговариваете заранее?

— Теперь да. Потому что я уже не могу видеть "змеяку" (собаку идет между ног хозяина), не могу "дай лапку", "сидеть" и ненавижу жуткую аббревиатуру ОЖД (общий курс дрессировки). Ненавижу банальность. Мне в сто раз милей, когда собака что-то НЕ делает, а хозяин уговаривает ее. И ведь можно ту же змеяку как-то обыграть, оформить иначе. У нас была девочка с колли, и колли страшно линяла. Девочка все причитала: "Ой, как же мы будем делать змеяку, она линяет...". Я и предложил дать команду "линей". Это была впечатляющая картина: хозяйка в черных лосинах, собака делает змеяку, черные лосины обрастают на глазах белой шерстью... Они получили все пятерки, и жури специально отметило: "Надо же, какая замечательная команда — "линей".

— А какая порода самая артистичная? Наверное, пудель?

— Да, был у нас королевский пудель, на задних лапках ходил по лестнице. Но, вообще-то, самые артистичные — дворняжки. Аристократичность породы не гарантирует ни ума, ни достоинства. Дворняги — собаки трудной судьбы, а трудная судьба заналает, провоцирует сознание, развивает и ум, и достоинство.

— У вас полный демократизм: и хозяин может вместо пса номер отработать, и псы без чинов... А особенности психики разных пород вы учитываете?

— Стараемся не брать в программу монстров, выведенных для убийства: питбулей, стаффордширов. Но это — зомби, не порода. Мне часто говорят: "Да что вы, он у нас ниска". Одна такая ниска меня

зализывала-зализывала, а потом чуть не загрызла ротвейлера. Я их водой разливал. Хотя, конечно, животное не виновато, что человек с его помощью компенсирует недостаток собственной "крутизны".

— Как по-вашему, что думают о нас собаки?

— Давайте перечитаем начало романа Булгакова "Собачье сердце" — там все есть.

— Интересно, почему такое количество писателей — от Булгакова до Вирджинии Вулф — пытались влезть в собачью шкуру?

— А куда еще влезать? Кто еще настолько адекватен человеку?

— Пожалуйста, проиллюстрируйте эту адекватность на примере из личной практики.

— Прошедшей зимой я гулял со своим лабрадором Чесером, сокращенно Чес, которому как раз исполнилось три года. Лежал рыхлый снег, в который он и провалился передней лапой, не удержался и упал. Оглянулся на меня. А потом сделал то, чего не делал никогда, сколько я его ни просил. Обычно, за городом, на свежем снегу, я его умоляю — поваляйся на спине. Нет, он это не умеет. Но увидев, что я наблюдаю его падение, он специально лег на спину и несколько раз повалялся: мол, только для этого и падал. И еще раз оглянулся на меня, чтобы проверить, понял ли я, что произошло. Даю сто процентов, он скрывал неловкость своего падения. Как человек, который оглядывается по сторонам, когда спотынется, — видел ли кто.

— В США 52 миллиона собак. А у нас?

— Думаю, больше. В нашей стране все с точностью до наоборот. Если во многих других странах

человеку жить намного лучше, чем у нас, то собаке намного лучше здесь. Пока. В Америке, к примеру, прогулка — мучение. По газончику шириной 30 сантиметров, вдоль проезжей части, вереницей идут пятьдесят человек с собаками на поводках. Не дай Бог отпустить — засудят. И совок с собой. И собана двадцать минут идет вокруг квартала по газончику и так же вяло на поводочке возвращается в квартиру. Ну разве это жизнь? А у нас — гуляй, где хочешь, и без всяких совочков.

— В заключение хочу спросить, не надоел ли вам положительный имидж? В "Дог-шоу" вы такой мягкий, терпеливый, попла-

дистый. Себя играете или придуманный персонаж?

— Ну, небольшой образочек есть. Но, похоже, с ним надо что-то делать. Меня очень напугало, что дважды ко мне на улице — по очереди, с интервалом в три месяца — подошли пожилые женщины и сказали: "Гав-гав". С тех пор я все чаще говорю в интервью, что не люблю животных и особенно собак.

— А чем занимаются ваши дети?

— Дочь учится в школе, сын — в университете. Изучает римское право. ■

Беседу вела

Маргарита БЕЛАЯ.

КОНТРАКТ

Колонист Рой Вингерт сжал рукоятку бластера и прицелился в склизкое, червеобразное страшилище, выползающее из-за груды ящиков с его только что доставленным имуществом.

— И они говорили, что планета необитаема, — пробурчал он. — Ха!

Вингерт нажал на курок, и из ствола вылетела струя фиолетового пламени. Запахло паленым. Оглянувшись, он увидел четырех червей и превратил их в золу. Два новых показались из-за дерева слева. Войдя во вкус, колонист испепелил и их. Еще два появились у его ног. Длинной не меньше шести футов, с острыми зубами, зловеще сверкающими в ярком свете Квеллака.

— Ничего опасного, — хмыкнул Вингерт и, перезарядив бластер, поджарил незваных гостей.

Громкие звуки заставили его оглянуться. Какое-то существо, похожее на жабу, но высотой в семь или восемь футов, большими прыжками приближалось сквозь невысокую растительность. Вингерту показалось, что оно очень голодно. Расправив плечи, он приготовился к защите, но краешком глаза уловил движение справа. Там появилась такая же жаба.

— Извините, сэр, — неожиданно раздался чей-то голос. — Похоже, что вы попали в затруднительное положение. Позвольте предложить вам портативный генератор силового поля. Его стоимость всего лишь...

— К черту стоимость! — рявкнул Вингерт. — Скорее включай свою машину. Эти жабы всего в двадцати футах.

— Разумеется, сэр.

Вингерт услышал щелчок, и через мгновение над ним появилась мерцающий голубой купол силового поля. Коснувшись его, обе жабы отлетели назад. Колонист подошел к ящику и сел. Его одежда насквозь пропиталась потом.

— Благодарю. Вы спасли мне жизнь. Но кто вы такой и как попали на эту планету?

— Разрешите представиться. Я-ХЛ-ад41, новая модель Торгующего и Разносящего Робота, изготовленная на Денсоболе-2. Сюда я прибыл недавно и, оценив ситуацию...

Вингерт, наконец, разглядел, что перед ним действительно робот, внешним видом напоминающий человека, но передвигающийся на двух широких гусеницах.

— Подожди! Давай все сначала. — Жабы, сидящие перед копаком защитного поля, пожирали колониста голодным взглядом. — Какая новая модель?

— Торгующего и Разносящего Робота. Мое назначение — продавать в цивилизованной части Галактики товары, произведенные моими создателями, “Объединением мастеровых Денсобола-2”. Я, можно сказать, механический путешествующий коммивояжер. Вы, вероятно, с Терры?

— Да, но...

— Я так и думал. Сравнив показания датчиков с данными, заложенными в моей памяти, я пришел к заключению, что вы с Терры. Благодарю за подтверждение правильности моего вывода.

— Пустяки. Денсобол-2 находится в Магеллановом облаке, не так ли? Большом или Малом?

— Малом. Меня, впрочем, удивляет один момент. Учитывая ваше происхождение, мне кажется странным, что вы совершенно не прореагировали, когда я назвал себя путешествующим коммивояжером.

— А чего ты от меня ждал? — нахмурился Вингерт. — Что я захлопаю в ладони или задвигаю ушами?

— Я надеялся, что вы хотя бы улыбнетесь. Согласно полученной мной информации, словосочетание “путешествующий коммивояжер” пробуждает у жителя Терры смешные воспоминания, заложенные в подсознании, и вызывает определенную реакцию, например, улыбку.

— Хм-м-м. Извини, я не понял, что это шутка, — ответил Вингерт. — Видишь ли, меня не очень интересовали старые анекдоты. Может быть, поэтому я и подписал контракт с “Колонизацией Планет, Инкорпорейшн”.

— О, понятно. Я тоже пришел к выводу, что отсутствие реакции на стандартную шутку говорит о фундаментальном отличии вашего культурного развития. Благодарю за подтверждение моей мысли. Как экспериментальная модель, я, по замыслу моих создателей, должен правильно оценивать любую возникшую ситуацию.

Вингерт уже полностью пришел в себя. Он еще раз взглянул на жаб и спросил:

— Этот генератор силового поля? Ты его тоже продаешь?

— Генератор Дьюарма — одно из наших последних достижений. Между прочим, он действует только в одном направлении. Они не могут попасть сюда, но вы можете в них стрелять.

— Что? Почему ты не сказал мне об этом раньше? — Вингерт вытащил бластер и двумя выстрелами разделался с жабами. —

Отлично, — хмыкнул он. — А теперь посидим и подождем остальных.

— О, их не будет, — возразил робот. — Эти существа обитают на другом континенте. Здесь они не водятся.

— А как же они попали сюда?

— С моей помощью. Я привез их, чтобы убедить вас в необходимости приобретения генератора силового по...

— Ты привез их сюда? — взревел Вингерт. — Специально, чтобы продемонстрировать качество своего товара?! Они же могли меня съесть!

— Наоборот, как вы заметили, я полностью контролировал положение. И вмешался при появлении реальной угрозы.

— Убирайся отсюда! — завопил Вингерт. — Пошел вон! Мне надо распаковаться. Вон!

— Но вы должны заплатить мне за...

— Это мы решим позднее. Катись отсюда, да поживее.

Робот ушел. Наблюдая за удаляющейся фигурой, Вингерт старался подавить злость. Тем более, что его позабавила неуклюжая тактика механического торговца. Конечно, достаточно разумно собрать дюжину неземных страшилищ и в последнюю минуту предложить генератор силового поля. Но, если отравляешь человека лишь затем, чтобы продать ему антидот, то совсем ни к чему об этом рассказывать.

Колонист подозрительно посмотрел на лес, надеясь, что робот сказал правду. Он прилетел на Квеллак не для того, чтобы сражаться за свою жизнь.

Генератор по-прежнему работал. Внимательно осмотрев панель управления, Вингерт нашел рычажок, регулирующий радиус действия и переставил его на тридцать футов. Он решил, что пора переходить к делу. За час, проведенный на Квеллаке, он только стрелял. В "Руководстве колониста" говорилось: "По прибытии на планету колонист первым делом должен привести в действие массопередатчик". Вингерт закрыл книгу и оглядел гору ящиков. Скоро он нашел большую желтую коробку с надписью: "Массопередатчик". Из ящика "Инструменты" он достал ломик и осторожно оторвал несколько досок. Как-никак, массопередатчик являлся единственной нитью, связывающей колониста с далекой Землей.

В "Руководстве" говорилось: "Все необходимое будет послано с помощью массопередатчика бесплатно". Вингерт улыбнулся. Все необходимое. Он мог получить башмаки на магнитной подошве, сигары, массопередатчики малого радиуса действия, марти... Они предупреждали, что работа на "Колонизацию планет" полна трудностей, но Вингерт в этом сильно сомневался. Во всяком случае, массопередатчик мог существенно облегчить его жизнь. Если только, мрачно подумал он, этот сумасшедший робот снова не притащит своих жаб.

Вингерт снял упаковку и осмотрел массопередатчик. По виду письменный стол с двумя большими тумбами. На дверцах каждой имелась надпись: "Отправление" и "Прием". Всю верхнюю панель занимали кнопки, диски приборов и большой экран. В левом верхнем углу Вингерт нашел кнопку "Включение" и нажал на нее. Внутри массопередатчика что-то зажужжало, по экрану пошли полосы, а затем появилось чье-то полное лицо.

— Привет. Я — Смейтерс из Земного управления. Я представляю Компанию для массопередатчиков от А, Зет-1061 до Б, Ф-80. Не могли бы вы назвать фамилию, регистрационный номер и координаты?

— Рой Вингерт, номер 76-032-10ф3. Планета Квеллак, а координаты я не помню. Одну минуту, я загляну в Контракт и...

— Это не нужно, — прервал его Смейтерс. — Сообщите мне серийный номер вашего массопередатчика. Он выбит в левом нижнем углу.

— А, Зет-1142, — ответил Вингерт, найдя номер.

— Отлично. С приездом, колонист Вингерт. Как вам понравилась планета?

— Не очень.

— А в чем дело?

— Она обитаема. И местные аборигены настроены враждебно. А в Контракте указано, что меня отправят в необитаемый мир.

— Прочтите его еще раз, колонист Вингерт. Насколько я помню, там говорится, что вы не встретите опасных животных. Наша исследовательская группа докладывала о трудностях, возникших на западном от вас континенте, но...

— Вы видите эти трупы? — возмутился Вингерт.

— Да.

— Это я их убил, чтобы спасти свою шею. Они напали на меня, как только корабль Компании скрылся из виду.

— Очевидно, они случайно оказались рядом с местом посадки, — ответил Смейтерс. — Очень странно. Если случится что-то подобное, немедленно доложите.

— Если только смогу это сделать, — пробурчал колонист.

— Поговорим о другом, — улыбнулся Смейтерс. — Я хочу напомнить, что Компания всегда готова оказать вам любую услугу. В Контракте сказано: "Все необходимое будет послано посредством массопередатчика". Об этом написано и в "Руководстве". Не хотели бы вы сделать первый заказ? Компания особо заботится о том, чтобы ее сотрудники ни в чем не нуждались.

— Ну, — нахмурился Вингерт, — я еще не распаковал вещи. Думаю, что пока мне ничего не нужно, кроме... Да! Пошлите мне лезвия для безопасной бритвы, ладно? И тюбик крема для бритья. Я забыл взять свои, а от новых вибробритв у меня раздражение на коже.

— Разве вы не собираетесь отрастить бороду? — удивился Смейтерс.

— Нет. Она чешется.

— Хорошо, я дам указание переслать лезвия и крем через массопередатчик А, Зет-1142. Ну, счастливо, колонист Вингерт. Желаю удачи. Компания шлет вам наилучшие пожелания.

— Благодарю, — сухо ответил Вингерт. — И вам того же.

Оглядев окрестности, Вингерт решил, что все спокойно, и выключил генератор силового поля.

Квеллак, подумал он, не такое уж плохое местечко, если не считать чудовищ западного континента. Планета земного типа, шестая в системе желтого солнца. Красная почва, с избытком солей железа, но достаточно плодородная, судя по густой растительности. Неподалеку журчал ручеек, петляющий по неглубокому оврагу. Жить бы здесь, да жить. Только без зубастых червей и гигантских жаб.

Согласно Контракту, его работа заключалась в "осмотре и подготовке планеты к приему будущих поселенцев при содействии "Колонизации Планет, Инк." Колонист — авангард, посланный Компанией, чтобы почистить перышки новому пристанищу человека. За это он получал тысячу долларов в месяц, плюс "все необходимое" через массопередатчик.

Вингерт опустил на теплую красную почву, привалившись спиной к тумбе массопередатчика. По небу плыло бирюзовое облако. Неподалеку стояли восемь или десять ящиков с его пожитками. В лесу щебетали птички. Вингерт зевнул. Ему не хотелось ставить жилой купол. Тем более, что, согласно руководству, на это требовалось не больше часа. Сейчас он имел право расслабиться и сбросить напряжение первых часов пребывания на Квеллаке.

— Извините, сэр, — раздался знакомый голос. — Я случайно услышал ваш разговор, касающийся бритвенных принадлежностей, и считаю необходимым поставить вас в известность, что в моем распоряжении имеется более высококачественный товар.

Вингерт мгновенно вскочил на ноги.

— Я же велел тебе катиться куда-нибудь подальше. ПО-ДАЛЬ-ШЕ!

Не обращая внимания на его слова, робот достал прозрачный тюбик, заполненный зеленой пастой.

— Крем Глоглама для удаления волос. Двенадцать порций. Цена — один доллар за... тюбик.

Колонист отрицательно покачал головой.

— С Земли я все получаю бесплатно. Кроме того, я предпочитаю безопасную бритву. Пожалуйста, уходи отсюда.

— Похоже, вы не понимаете, что ваш отказ покупать у меня различные товары, — робот печально вздохнул, — указывает на мою неспособность их продать. А в результате при возвращении на Денсбол-2 меня могут демонтировать. И я хочу, чтобы вы отнеслись к моим товарам без пренебрежения. — Неожиданно лицо ро-

бота озарилось улыбкой. — Я возьму на себя смелость предложить вам образец крема Глоглама бесплатно. И я убежден, что потом вы и не посмотрите на бритвенные лезвия. — Робот выдавил зеленую пасту на маленькую розетку и протянул ее Вингерту. — Возьмите, пожалуйста. Я вскоре вернусь, чтобы узнать ваше решение.

Вингерт пожал плечами и подозрительно посмотрел на розетку. Крем Глоглама для удаления волос, а? И ХЛ-ад41, робот-коммивояжер. Колонист сухо улыбнулся. Мало того, что на Земле нигде не скроешься от назойливой рекламы, так и здесь, в глубоком космосе, появляются роботы с Денсобола, чтобы всучить тебе крем для бритья. Однако, если этот механический торговец похож на своих земных братьев, то отделаться от него можно лишь, сделав какую-то покупку. К тому же Вингерт, среди прочего тоже бывший одно время коммивояжером, испытывал симпатию к бедолаге-роботу, которого могли разобрать на части за неумение торговать.

Осторожно он зацепил пальцем капельку зеленой пасты, втер ее в щеку и достал из кармана зеркало. Там, где крем коснулся щеки, не осталось ни единого волоска. Никогда у него не было такой гладкой кожи. Вингерт быстро использовал остаток пасты. Оказалось, что ее хватило на одну щеку и большую часть подбородка.

Колонист хмыкнул. Судя по всему, робот кое-что знал о правилах торговли.

— Ну? — будто прочтя его мысли, рядом появился ХЛ-ад41. — Вы довольны?

— Ты, однако, хитер, — улыбаясь, ответил Вингерт. — Оставил мне крема на пол-лица. Не буду отрицать, товар у тебя первоклассный.

— Сколько тюбиков вы возьмете?

Вингерт вытащил бумажник. Он привез с собой лишь шестнадцать долларов, так как не предполагал, что на Квеллаке ему потребуются земные деньги.

— Один, — он протянул роботу потрепанную долларовую бумажку.

ХЛ-ад41 церемонно поклонился и передал колонисту початый тюбик.

— Э, так не пойдет, — Вингерт покачал головой. — Из этого тюбика ты давал мне образец на пробу. Бесплатно. Так что гони новый тюбик.

— Вошедшая в поговорку врожденная практичность землян, — грустно вздохнул ХЛ-ад41. — Я подчиняюсь.

Вингерт придирчиво оглядел тюбик, переданный роботом, и сунул его в карман.

— А теперь, — сказал он, — прошу меня извинить. Мне надо распаковать вещи. — Пройдя мимо улыбающегося робота, Вингерт взял ломик и начал вскрывать ящик с жилым куполом. В этот момент массопередатчик издал несколько громких гудков, за которыми последовал глухой шлепок.

— Ваша машина что-то получила для вас, — заметил ХЛ-ад41. Вингерт открыл дверцу “Прием” и вытащил маленькую посылку, аккуратно завернутую в пленку. Разорвав ее, колонист достал коробочку с двадцатью четырьмя лезвиями для безопасной бритвы, тубик крема для бритья и свернутый вчетверо счет.

“Бритвенные лезвия, согласно заказу	00.23
Крем для бритья, согласно заказу	00.77
Стоимость транспортиции	50.00
Всего:	51.00”

— Вы побледнели, — забеспокоился робот. — Возможно, заболели. Не заинтересует ли вас Автоматический Диагност Дерблонга, имеющийся в моем...

— Нет, — прорычал Вингерт. — Мне ничего не нужно. Прочь с дороги!

Подскочив к массопередатчику, он с силой нажал на кнопку “Включение”. Через мгновение на экране появилось лицо Смейтерса.

— Привет, колонист Вингерт. Что-нибудь случилось?

— Еще бы, — прохрипел Вингерт. — Мне прислали лезвия вместе со счетом на пятьдесят долларов за транспортицию. Что это значит? Мне неоднократно говорили, что все поставляется бесплатно. В Контракте...

— В Контракте сказано, — прервал его Смейтерс, — “все, необходимое для жизни”, колонист Вингерт. И не упоминается о предметах роскоши. Компания не вынесет бремени финансовых расходов, если станет удовлетворять любые прихоти колонистов.

— Лезвия для бритвы — предметы роскоши? — От негодования Вингерт чуть не задохнулся. — Да как у вас хватило наглости назвать бритвенные лезвия предметом роскоши!

— Большинство колонистов отращивают бороды, — отпарировал Смейтерс. — Нежелание последовать их примеру — ваше личное дело, колонист Вингерт. Но Компания...

— Я уже слышал. Компания не выдержит финансового бремени. Ладно, в будущем я буду более осторожен. А теперь возьмите обратно эти чертовы лезвия и отмените заказ. — Открыв дверцу “Отправление”, он бросил в тумбу лезвия и крем.

— Напрасно вы это сделали, — заметил Смейтерс. — Придется взять с вас еще пятьдесят долларов за обратную транспортицию.

— Что?

— Однако, — продолжал Смейтерс, — мы позаботимся о том, чтобы вас заранее ставили в известность, взимается ли плата за ваши заказы.

— Благодарю, — ответил Вингерт, с трудом сдерживая себя.

— А раз вам не нужны бритвенные лезвия, — отметил Смейтерс, — я полагаю, что вы будете отращивать бороду. Очень разумное решение.

— И не подумаю, — прорычал Вингерт. — Сюда забрел торгующий робот с Денсобола и продал мне тюбик крема для удаления волос.

Глаза Смейтерса вылезли из орбит.

— Вы должны немедленно отказаться от покупки!

Вингерт недоуменно взглянул на экран.

— А вам какое до этого дело?

— Приобретение товаров в обход Компании — серьезное нарушение Контракта, колонист Вингерт, за которое вас ждет суровое наказание. В конце концов мы обязались поставлять вам все необходимое. Обратившись к другому поставщику, вы лишаете Компанию привилегии служить вам, колонист Вингерт. Понятно?

Почти минуту Вингерт не мог вымолвить ни слова.

— Значит, с меня будут брать по пятьдесят долларов каждый раз, когда мне потребуются бритвенные лезвия, а купив у кого-то еще крем для удаления волос, я нарушу условия Контракта? Это же грабеж! Рабство! Это незаконно!

— Не стоит бросаться такими словами, — предупредил Смейтерс. — Прежде, чем обвинять Компанию, советую более внимательно ознакомиться с содержанием Контракта.

— Плевать я хотел на этот Контракт! Я буду поступать так, как сочту нужным!

— Напрасно вы это сказали. — Смейтерс победно улыбнулся. — Теперь у нас есть легальное основание навести на Квеллак следящий луч, чтобы удостовериться, что вы не обманываете нас, нарушая условия Контракта.

— Следящий луч! — взревел Вингерт. — Да я разнесу вдребезги ваш паршивый массопередатчик. Тогда попробуйте шпионить за мной!

— Разрушение массопередатчика — тяжелое преступление, колонист Вингерт. Советую вам немного успокоиться. До свидания.

— Эй! Куда! Вы не имеете права... — Вингерт трижды нажимал на кнопку "Включение", но экран так и остался пустым. Смейтерс не выходил на связь.

— Могу предложить вам транквилизатор Сиграта, — вмешался ХЛ-ад41. — Мгновенно сни...

— Заткнись и оставь меня в покое. — Вингерт задумчиво смотрел на свои башмаки.

Компания крепко взяла его за горло. У него не было ни денег, ни возможности вернуться на Землю. И хотя ему нравилось на Квеллаке, планета имела определенные недостатки. Например, здесь отсутствовали табачные автоматы, а Вингерт с удовольствием бы выкурил сигару. А на просьбу прислать коробку сигар стоимостью в два доллара сорок центов, Смейтерс бы с улыбкой ответил, что транспортация обойдется ему еще в семьдесят пять дол-

ларов. В то же время, любые инструменты и механизмы он, несомненно, получит бесплатно.

Ситуация прояснилась. К окончанию трехлетнего пребывания на Квеллаке Вингерту причиталось тридцать шесть тысяч долларов, минус расходы за оказанные услуги. И ему повезет, если долг не превысит двадцати тысяч.

Естественно, у него не будет таких денег, и великодушная Компания предложит ему выбор: или идти в тюрьму, или подписать еще один трехлетний Контракт, чтобы отработать долг. И его отправят на другую планету, и через три года долг возрастет вдвое. То есть всю оставшуюся жизнь он проведет, осваивая новые миры для "Колонизации Планет", постоянно оставаясь у нее в должниках. В таких условиях даже положение раба казалось более привлекательным. Что же делать?

Вингерт проштудировал Контракт от корки до корки, но не нашел ни единой зацепки. Разумеется, "все необходимое" поставлялось бесплатно, но с условием, что колонист обязан пользоваться только услугами Компании. Предметы роскоши не упоминались, не говоря уже о расходах на транспортиацию. Ему могли прислать любое оборудование, но не сигары или бритвенные лезвия. А нарушение привилегий Компании грозило суровыми карами.

Подняв голову, Вингерт увидел улыбающегося робота.

— Ты все еще здесь? Я же купил у тебя тюбик. Проваливай!

ХЛ-ад41 отрицательно покачал головой.

— Вы должны мне пятьсот долларов за генератор. И не могу же я вернуться на Денсобол, продав всего две вещи. Они же мгновенно превратят меня в груды металлолома и начнут разрабатывать новую модель, ХЛ-ад42.

— Но ты же слышал, что сказал Смейтерс? Покупая у тебя, я нарушаю условия Контракта. Уходи, вместе с генератором. Заказ отменен. Отправляйся на другую планету. У меня достаточно хлопот и без тебя.

— Я очень сожалею, — Вингерту показалось, что в голосе робота прозвучали зловещие нотки, — но Квеллак — семнадцатая планета, которую я посетил, покинув Денсобол, и я ничего не продал, кроме тюбика крема Глоглама. Что нельзя назвать крупным успехом. И у меня не хватает духу вернуться обратно.

— Все равно, найди другое место. Я у тебя ничего не куплю.

— Боюсь, что вам придется это сделать, — сухо заметил робот. — Согласно инструкциям, побывав на семнадцати планетах, я должен вернуться на Денсобол для профилактики. — Панель на животе робота отошла в сторону, и Вингерт увидел дуло молекулярного дезинтегратора.

— Последний шанс, да? — воскликнул колонист. — Если человек отказывается покупать, заставь его, угрожая пистолетом. Но здесь этот номер не пройдет. У меня нет денег.

— Они есть у ваших друзей с Терры. Я должен вернуться на Денсобол, выполнив свою миссию. Иначе...

— Знаю, знаю. Тебя разберут на части.

— Совершенно верно. Поэтому мне приходится прибегать к крайним мерам. Если вы откажетесь, я намерен привести угрозу в действие.

— Эй, подождите! — вмешался новый голос. — Что происходит, Вингерт?

Колонист взглянул на массопередатчик. С экрана на него смотрело полное лицо Смейтерса.

— Этот робот, — ответил Вингерт, — должен продать свои товары. Поэтому сейчас он угрожает мне оружием.

— Это мне известно. Я все видел по следящему лучу.

— Ну и вляпался же я, — вздохнул колонист, переводя взгляд с нахмурившегося Смейтерса на ждущего ХЛ-ад41. — Если я не куплю у робота, он меня убьет, а если я куплю у него что-нибудь, вы отправите меня в тюрьму.

— У меня такие прекрасные товары, — гордо воскликнул ХЛ-ад41. — Например, ротационный двухатомный фильтр или новая модель нейтронного экстрактора Хегли...

— Заткнись, — оборвал его Вингерт и повернулся к Смейтерсу. — Ну, что мне делать? Вы представляете Компанию. Защитите вашего колониста от разбушевавшегося робота.

— Мы можем послать вам оружие, колонист Вингерт.

— Вы хотите, чтобы я соревновался с роботом в скорости стрельбы? Спасибо за помощь, Смейтерс, — буркнул Вингерт. Даже если бы он и отделался от робота, Компания, благодаря Контракту, все равно держала бы его за горло. А за три года сумма расходов на транспортиацию так называемых “предметов роскоши” составит...

— Смейтерс! — воскликнул он, глубоко вздохнув.

— Да?

— Послушайте, если я ничего не куплю, робот разложит меня на молекулы. Но я не могу покупать, даже с разрешения Компании, потому что у меня нет денег. Для того, чтобы сохранить мне жизнь, необходимы деньги. Понимаете? Необходимы!

— Я что-то не... — начал Смейтерс.

— Я говорю, что в данный момент больше всего нуждаюсь в деньгах. Это все, что необходимо для моего существования. И, таким образом, вы должны снабжать меня деньгами, пока робот не решит, что он продал достаточно товаров. Если вы не пришлете мне денег, я подам на Компанию в суд, обвинив ее в нарушении Контракта.

— Попробуйте, — усмехнулся Смейтерс. — Робот разделается с вами до того, как вы успеете связаться с адвокатом.

По спине Вингерта катился пот, но он чувствовал, что близится миг победы. Сунув руку во внутренний карман, он достал лист пергамента, его копию Контракта.

— Вы отказываетесь! Вы отказываетесь послать мне то, что необходимо для жизни. С этого момента Контракт не имеет силы. —

На глазах потрясенного Смейтерса колонист разорвал пергамент на мелкие кусочки и небрежно бросил их на землю. — Нарушив условия Контракта, — продолжал Вингерт, — вы освободили меня от обязательств перед Компанией. И заранее благодарю за то, что вы уберете этот паршивый следящий луч с моей планеты.

— Вашей планеты?

— Точно. Согласно галактическим законам, теперь вы не имеете права шпионить за мной.

— Вы слишком торопитесь, Вингерт. — Смейтерс постепенно приходил в себя. — Подождите, пока я доложу об этом руководству Компании. Не думайте, что так легко отделаетесь.

— Докладывайте, кому угодно, — ухмыльнулся Вингерт. — Закон на моей стороне.

Лицо Смейтерса исчезло с экрана.

— Великолепно, — ХЛ-ад41 одобрительно кивнул. — Надеюсь, что вы выиграете это дело.

— Я тоже, — вздохнул Вингерт. — Они не тронут меня, если Контракт действует в обе стороны. А информация, полученная по следящему лучу, подтвердит, что ты мне угрожал. У них нет ни единого шанса.

— А как насчет меня? Я...

— Не волнуйся, я не забыл о дезинтеграторе, нацеленном мне в брюхо. Послушай, ХЛ-ад41, давай смотреть правде в глаза: ты обратительный коммивояжер. Тебе не хватает такта, тонкости обращения. Если ты будешь продавать, угрожая оружием, твои создатели очень скоро окажутся втянутыми в межзвездную войну. Они же в мгновение ока разберут тебя на винтики, если узнают, что ты сделал.

— Я уже думал об этом, — признался робот.

— Вот и хорошо. Но у меня есть предложение. Я могу научить тебя, как стать коммивояжером. Во-первых, одно время я сам занимался этим делом, а во-вторых, как землянин, я обладаю врожденной практичностью. Когда мы закончим курс обучения, ты отправишься на другую планету и продашь все свои запасы.

— Как приятно это слышать! — воскликнул ХЛ-ад41.

— И еще. В обмен на полученные знания ты снабдишь меня всем необходимым для нормальной жизни на Квеллаке. Генераторы силового поля, массопередатчики, ангары и прочее. Я уверен, твои создатели признают, что это не такая уж большая цена за приносящую прибыль практичность.

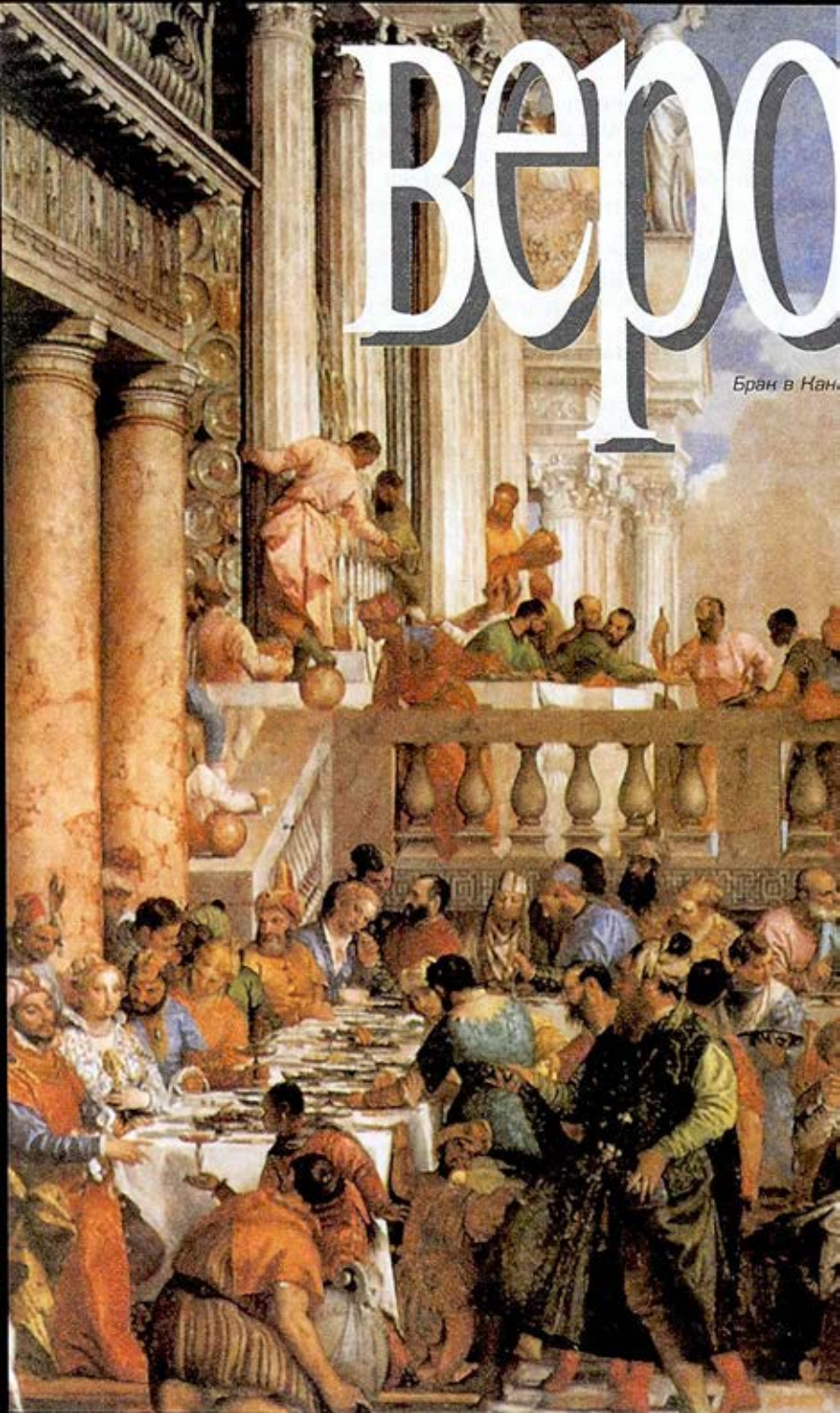
— Я в этом не сомневаюсь. — Робот весь светился от удовольствия. — Вероятно, с этого момента мы становимся компаньонами.

— Совершенно верно. И в качестве первого урока я хочу познакомить тебя с древним земным обычаем, который должен знать каждый уважающий себя коммивояжер. — Вингерт крепко сжал холодную металлическую клешню робота. — Пожмем друг другу руки, компаньон. ■

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА.

Веро

Бран в Кан

НЕВЕ

Ирина БЕСПАЛОВА

*Предполагаемый автопортрет
Паоло Веронезе.*

В истории мировой живописи он вошел под именем Веронезе, хотя настоящее имя художника не установлено до сих пор. Уже будучи известным и признанным мастером во всей Европе, Веронезе стал называть себя Кальяри — именем, как считают многие исследователи его творчества, принадлежащим, скорее всего, какому-то знатному вельможе, а, возможно, и щедрому за-

казчику. Как бы там ни было, но подпись Кальяри впервые появилась в 1555 году под контрактом, который Веронезе заключил на выполнение алтарного образа «Пала ди Монтаньяна». К сожалению, время почти не сохранило сведений о личной жизни художника. Даже дату рождения специалисты не смогли точно определить. Предполагают, что Веронезе — Паоло Кальяри — появился на свет между 1528 и 1530-м годами в Вероне. Правда, сохранился документ — перепись населения Вероны, из которого явствует, что отец Паоло был «дробильщиком камней», «камнерезом». Видимо, профессия отца и определила первоначальный выбор юного Паоло, потому что вначале он готовился стать скульптором. По протекции родителя в 1541 году Паоло определяют в мастерскую известного скульптора Джованни Карето. Но Паоло долго там не задержался. Тяготая к живописи, он не стал растрчивать себя на «камни», а потому вскоре оставил Карето. Отныне только живопись стала определяющей в его творчестве. И вновь ему на помощь пришли родственники. Его дядя, художник Антонио Бадиале, взял племянника к себе в учение. (Кстати, впоследствии Паоло женился на его дочери.) Тогда же у него появился первый покровитель, известный архитектор, влиятельный горожанин Санмикеле, симпатизировавший юному дарованию.

Верона, в начале XVI века входившая в состав Венецианской республики, славилась своей независимостью и самостоятельностью. Особенно это касалось ее художественной жизни. Здесь работали мастера, известные во многих городах Италии. Одни, например, Джорджоне, продолжали традиции своих предшественников, оставаясь приверженцами культуры позднего XV века, следуя канонам строгого реализма. Другие же увлекались входившим тогда в моду маньеризмом: когда живопись не загонялась в строгие, веками установившиеся рамки, а отражала субъективное видение художника, становясь при этом несколько условной, явно манерной, отсюда, собственно, и ее название — маньеризм.

Творчество молодого Веронезе и формировалось в такой демократической и терпимой среде. Его первый учитель живописи Антонио Бадиале работал в классической манере, которая мало привлекала Паоло. Молодой художник отдавал предпочтение маньеризму, казавше-

Вознесение Богоматери.

муся смелым и революционным, новым словом в искусстве. И даже в самых первых его самостоятельных работах нет ни намека на влияние учителя. Сохранилось много его полотен, выполненных в стиле маньеризма: “Обручение Святой Екатерины”, алтарный образ, созданный для капеллы семьи Пиндемонде, “Оплакивание”, заказанное аббатом Торлиони для ризницы церкви ордена Святого Иеронима, “Положение во гроб” для церкви Корпус Домини в Виченце. Все эти полотна выполнены в характерной для маньеризма живописной манере: изящно выписанные детали, элегантные позы, удлиненные фигуры, сияющие сочные краски.

Несмотря на то, что именно в Вероне сложилась живописная манера и определились основы эстетики его творчества, талант и мастерство Веронезе в полную мощь расцвели не в родном городе. В 1550 году он появился в Венеции, и с этого момента его имя навсегда станет неотрывно связано с “городом на морской лагуне”. В это время Венеция находилась в самом расцвете. Она уже накопила колоссальные богатства, благодаря своему посредничеству в торговле между Западной Европой и Востоком, и могла себе позволить вести блестящий образ жизни, с роскошью которого соперничали лишь богатейшие королевские дворы Европы. Сытая, спокойная жизнь города привлекала толпы музыкантов, поэтов, художников, что делало Венецию одним из крупнейших культурных центров республики. Здесь легко было получить выгодные заказы, сделать имя, прославиться. Лучшие мастера украшали богатые дома горожан, создавали грандиозные алтарные композиции, декоративные панно для украшения дворцов патрициев, писали эффектные городские пейзажи, так называемые ведуты, украшавшие палатцы, величественные соборы и общественные здания. И вполне естественно, что Веронезе устремился в столицу республики, совершенно справедливо рассчитывая здесь успешно устроить свою жизнь. И не обманулся. Венеция благосклонно отнеслась к честолюбивому молодому художнику, милостиво позволив ему восхищаться собой, любить себя и прославлять в прекрасных полотнах, в которых Веронезе запечатлел “самую душу волшебного города лагун, его атмосферу и его идеалы”. Александр Бенуа считал, что, в сущности, “все искусство Паоло направлено к одной цели — к созданию грандиозного апофеоза Венеции”.

Действительно, любовь Веронезе к Венеции кажется беспредельной. Бенуа в своей “Всемирной истории живописи” пишет: “Все картины Веронезе наполнены морским воздухом, залиты серебристостью морской сырой атмосферы и полны той праздничной истомы, которая выражает саму душу обвенчанного с морем города”. И уже под конец жизни Веронезе создал грандиозное произведение, как бы венчающее его безмерное преклонение перед прекрасным и чудесным городом. “Триумф Венеции” — панно овальной формы было создано для нового декоративного ансамбля Дворца дождей. Дело в том, что ночью 20 декабря 1577 года во дворце вспыхнул пожар, уничтоживший многие дворцовые покои. Венецианские власти быстро организовали его восстановление, и уже месяц спустя начались работы с привлечением

Святое семейство
с Варварой
и Иоанном Крестителем.

лучших мастеров. “Триумф Венеции” Веронезе размещался над тронном дожа и очень удачно гармонировал со множеством картин, украшавших плафон Зала Большого совета. В облаках на царском троне восседает пышная красавица — Венеция — в окружении многочисленной изящной свиты. Нарядное, праздничное полотно олицетворяло экономическую и политическую мощь республики. Радость исходит не только от персонажей картины, но, кажется, даже краски излучают довольство жизнью.

Обосновавшись в Венеции, Паоло познакомился с Тицианом и даже сумел понравиться великому мастеру. Знакомство имело массу преимуществ. Главное — протекция в получении выгодных заказов. Одним из первых, по рекомендации Тициана, стал государственный заказ на плафонную живопись в только построенной библиотеке Святого Марка. Для работы в так называемом Золотом зале власти отобрали семь художников, работающих в маньеристической манере, среди них — Веронезе. Паоло выполнил три тондо, изображающих аллегорические фигуры: Целомудрие, Астрономию, Гармонию, Воображение и Музыку. И продемонстрировал удивительную способность интуитивно улавливать тончайшие нюансы венецианской живописной школы, которую тогда представлял Тициан. Оформление Золотого зала молодые художники завершили в начале 1557 года. Между ними в процессе работы происходило как бы негласное соперничество — у кого тондо окажется лучше. Городские власти — заказчики — тоже сравнивали работы молодых мастеров, выбирая наиболее прекрасные — для поощрения. Именно Веронезе великий Тициан вручил золотую цепь в качестве награды лучшему участнику своеобразного конкурса и даже прилюдно обнял его, что выглядело очень символично. Старый мастер, а Тициану тогда было за шестьдесят, словно бы передал эстафету в молодые, сильные руки. И действительно, над Венецией взошла новая звезда.

Но самую первую картину для Венеции Паоло пишет для алтаря капеллы Джустиниани в церкви Сан Франческо делла Винья. Композиция изображает Святое Семейство с маленьким Иоанном Крестителем, Святым Антонием и Екатериной. И хотя здесь по некоторым деталям угадывается влияние Тициана, в главном Паоло остается верен своему уже сложившемуся стилю: в трактовке цвета, передаче светотеней, в приверженности принципам маньеризма.

После удачного завершения этой композиции Паоло стали поручать важные работы по украшению дворцов, вилл, алтарей в церквях, монастырях и базиликах. Но в то же самое время, когда Паоло успешно завоевывал признание венецианцев, кардинал Эрколе Гонзага пригласил молодого живописца к себе в Мантую. Заказ был выгоден и важен — написать “Искушение Святого Антония” для одного из боковых алтарей собора. Разумеется, Веронезе не смог отказаться от такого заманчивого предложения. Как считают некоторые исследователи, Паоло совершил еще одну поездку — в Рим. Такое предположение возникло при анализе одного из самых выдающихся произведений Веронезе — фресок на вилле Барбаро. Внутренние покои, залы, гро-

Юпитер, изгоняющий порони.

ты — все было расписано аллегориями, такими, например, как “Вакх, протягивающий плоды жизни”, “Супружеская любовь”, “Аллегория Веры и Милосердия”, композиция “Фортуна защищает Изобилие и побеждает обман”.

Когда Веронезе еще находился в Мантуе, в Венеции осуществлялся грандиозный проект по украшению залов Совета Десяти Дворца дождей. Руководил работами художник Джакомо Тисто Понкино, которому власти доверили подобрать себе помощников. Понкино остановил свой выбор на Дзелотти и Веронезе, которых знал по совместной работе на вилле Соранцо. И как только Паоло вернулся в Венецию, он сразу же приступил к созданию картин для украшения плафонов во Дворце. Работа продолжалась три года. В первом Зале приемов Паоло выполнил четыре основных полотна: центральный “Юпитер, изгоняющий Пороки” и три панно для боковых частей: “Юнона, осыпаящая дарами Венецию”, “Юность и Старость” и “Свобода”. Все полотна просто великолепны. Вот как их описывает Филиппо Педрокко: “Насыщенный, вибрирующий цвет, исключительная яркость живых красок создают эффект мерцания. Световые блики сообщают необходимую легкость фигурам, трактованным с подчеркнутой пластичностью, и создают иллюзию глубины — качество, полностью отсутствующее в соседствующих с работами Веронезе произведениях двух других художников. Уже в этих полотнах Паоло, чувствуя необходимость придать большую “читаемость” изображениям, утопающим в пышных золоченых рамах, окончательно вырабатывает принципы и приемы декоративной живописи, построенной на взаимодействии света и цвета, которые лягут в основу всех его последующих произведений”.

Заказчикам так понравились эти шедевры, что декорации следующего Зала делла Буссола поручили одному Веронезе. Центральная композиция посвящалась, естественно, покровителю города и его символам — “Святой Марк, коронуемый Добродетели”, а по сторонам от нее располагались выполненные в технике гризайли сцены: “Римские триумфы” и “Аллегория Победы”. Последний Зал Паоло вновь оформлял со своими товарищами, — создал два боковых полотна “Победа Добродетели над Злом” и “Победа Немезиды над Грехом” — и своей сверкающей палитрой, живостью рисунка опять-таки показал, “какая пропасть отделяет его от товарищей”...

За десять лет проживания в Венеции имя Веронезе стало широко известным. Выгодные заказы поступают к нему с завидным постоянством. И не только от богатых горожан и вельмож, но и от религиозных организаций и братств города. В 1558-м он создает три больших панно для плафона церкви Санта Мария делла Умильта алле Дзаттере с прекрасными полотнами “Благовещение”, “Поклонение пастухов” и “Вознесение Богоматери”. А в конце того же года священник приходской церкви Сан Джеминьяно заказал Веронезе створки для церковного органа.

Но Веронезе не только украшал дворцы и церкви Венеции. Особое место в его творчестве занимают портреты. Первые опыты в этом жанре относятся еще ко времени его проживания в родной Вероне. Тогда

он создал много замечательных портретов, в частности, прекрасной, изображенной в полный рост, Франчески Франческини, а также парный портрет супружеской четы Да Порто с детьми. В Венеции он, как бы между делом, продолжает писать портреты, доведя искусство в передаче внутреннего мира модели до небывалых вершин. До Веронезе венецианские художники, изображая человека, главное внимание уделяли его социальному положению в республике, демонстрировали его общественную или политическую значимость, ну и, конечно, богатство заказчика, совершенно не интересуясь психологией, характером модели. Портреты Веронезе венецианского периода так же блещут роскошью нарядов, драгоценными украшениями, он так же помещает свои модели в изысканные интерьеры и придает им элегантные позы. Но при всем внешнем блеске он каким-то непостижимым образом показывает саму суть человека. Когда смотришь на знатную венецианку с печальным лицом, “Ла Белла Нани”, или на “Дворянина в плаще на меху”, или же на недавно обнаруженное полотно “Дворянин в черном”, — весь шикарный антураж отступает на второй план, и остается только человек, личность со своим индивидуальным, неповторимым миром.

В конце 60-х годов в Венеции большой популярностью стали пользоваться серии произведений, как правило, большого формата, получившие общее название “Пиры”. Сюжет у них был один — трапезы Христа с различными библейскими персонажами. Но как-то так произошло, что сама трагическая суть, весь смысл подобных “трапез”, тайной вечери Спасителя, когда он прощался со своими учениками, у веселых, сытых и довольных жизнью венецианцев отодвинулись на “задворки”. Они словно бы отказывались воспринимать одну из самых драматических сцен Евангелия и превратили “Пиры” именно в пиры, в сплошной нескончаемый праздник. Разумеется, Веронезе не мог пройти мимо столь благодатной темы, благо она давала возможность показать во всем блеске венецианское общество, его утонченную роскошь, выпятить богатство.

Первое огромное полотно в этом жанре — “Брак в Кане” — Веронезе написал для монастыря Сан Джорджо Маджоре. Современники пришли от него в полный восторг. И, надо сказать, было от чего. Сверкание красок, изумительная цветовая палитра, роскошь костюмов и обстановки, короче, безудержная фантазия Паоло не оставила и следа от евангельского события. Ко всему прочему, на этом холсте Паоло изобразил своих друзей, художников, покровителей — Тициана, Тинторетто, Якопо Бассано, и конечно, себя, Веронезе, в костюмах музыкантов, улаждающих гостей сладкими мелодиями. Гостями же были самые знатные люди того времени. Например, французский король Франциск I с королевой, высшее духовенство монастыря Сан Джорджо, для которого и создавалась картина. И вот еще один любопытный факт, показывающий, какое большое значение придавало монастырское начальство этой работе. Полотно предназначалось для украшения трапезной, где собиралась вся братия ежедневно. И когда оно уже было закончено и передано монахам, художника попросили добавить

еще один персонаж — нового настоятеля монастыря. Что и было выполнено.

В отличие от портретов, в больших “костюмных” работах Веронезе на библейские или так называемые исторические сюжеты художника совершенно не интересовал внутренний мир человека, его чувства. Напротив, кажется, что его занимает только грандиозность, зрелищность какого-либо события. Возникает мысль, что он стремится порадовать зрителя нагромождением фигур, эффектной декоративностью сцен, непомерной роскошью костюмов. “Казни Святых Марка и Марцеллиана”, “Мученичества Святого Себастьяна” — в этих больших полотнах, написанных для клироса церкви Сан Себастьяно, нет и намека на действительные страдания духа и мучительную боль плоти. В картинах — блистательные, радостные краски, сияющая игра света и тени.

Творчество Веронезе потрясает своим многообразием. Он писал не только святых для церквей и аббатств, не ограничивался религиозными темами, но и создал целую серию прелестных “любовных” картин, не без “элементов эротики”, как бы мы сейчас сказали. Они пользовались бешеным успехом, тем более, что со смертью Тициана картины на подобные сюжеты почти исчезли. Наибольший интерес вызывает серия из четырех композиций “Аллегория любви”, созданная Паоло около 1575 года. Изображали они Неверность, Разочарование, Уважение и Счастливый союз — полный любовный набор страстей. Некоторые полотна серий дошли до наших дней разрозненными, попавшими в частные коллекции и музеи различных стран, так что порой затруднительно определить, как располагались они первоначально и для каких событий были созданы. Так еще одна серия из четырех картин на эту же тему принадлежала императору Рудольфу II, а теперь находится в четырех музеях Европы и Америки. Интересны и картины, изображающие любовные игры, страдания и метания мифологических героев. Бесконечные Венеры в объятиях то Марса, то Адониса наделены у Паоло изящными, грациозными фигурами, какой-то спокойной, будничной красотой. Можно только представить, как поражали воображение современников эти фривольные сцены и какой вызывали восторг.

В 70-е годы Веронезе возвращается к серии “Пиров” и создает несколько картин: “Пир в доме Симона фарисея”, “Пир в доме Григория Великого”, выполненных в привычном празднично-нарядном стиле, и, наконец, полотно “Тайная вечеря” для трапезной венецианского монастыря Санти Джованни э Паоло. 20 апреля 1573 года он закончил полотно, передал его заказчикам монахам, и вот тут у него начались крупные неприятности. Месяца два спустя Паоло вызвал трибунал Святой инквизиции на допрос. Проводил его инквизитор, священник из Бреши Аурелио Скеллино. Художнику предъявили ряд серьезных обвинений, а именно: слишком вольная трактовка священного писания, абсолютное неуважение к евангельскому тексту, от канонов которого Веронезе легкомысленно отклонился, потому как позволил Петру разрезать на части ягненка, хотя на самом де-

ле это сделал Христос, затем — стражу вооружил и обрядил в платья не итальянского “производства”. И вообще, он, Веронезе, является тайным поклонником Лютера, приверженцем идей Реформации. Паоло оправдывался и защищался: “Мы, живописцы... пользуемся теми же вольностями, какими пользуются поэты и сумасшедшие... Если в картине остается некоторое пространство, я украшаю его фигурами, которые кажутся мне подходящими и соответствующими замыслу”. Однако приводимые в свою защиту доводы художника не убедили инквизиторов. И от наказания Паоло отвернуться не удалось. К счастью, его не сожгли, не устроили аутодафе, и приговор, учитывая нравы Святого суда, выглядел на удивление мягким. Художника обязали в течение трех месяцев, а главное, за свой счет, переделать картину так, чтобы она выглядела пристойно, соответствовала своей тематике. Веронезе принялся выполнять постановление трибунала. Что-то переписывал, что-то убирал и добавлял, а в итоге, как выяснилось после реставрации полотна уже в наше время, в 80-х годах XX столетия, ничего существенного не сделал. Впрочем, главное все же сделал — изменил название, превратив “Тайную вечерю” в “Пир в доме Левия”.

Тем временем дух Венеции менялся. Тому предшествовали несколько событий. Самое страшное — в 1576 году в городе разразилась эпидемия чумы. Последствия ее были ужасны. Горожане с тем же пылом, с каким ранее предавались увеселениям, теперь ринулись в церкви замаливать грехи. Церковники, конечно же, воспользовались ситуацией, и смятение горожан обернуло в свою пользу. С площадей зазвучали грозные проповеди, обличавшие свободные нравы, слова о каре Господней и призыв радикально изменить образ жизни. В том смысле, что надобно больше думать о душе, а не об убожении плоти. Вторая опасность исходила от Османской империи. Турецкая угроза постоянно возникала на горизонте республики. И даже оглушительная победа венецианского флота над турецким при Лепанто не смогла улучшить всеобщую атмосферу угнетенности. Впрочем, такое замечательное событие не прошло мимо Веронезе. Он создал огромную композицию “Аллегория битвы при Лепанто”, в которой прославлял военные подвиги республики. Полотно разместили в Зале Коллегии над троном дожа.

Так вот, все эти напасти — и чума, и турецкие набеги — не могли не сказаться на творчестве художников. К искусству стали предъявляться более строгие требования. И если раньше Веронезе не придавал большого значения — светскую ли картину он пишет или на библейский сюжет, главное, он делал акцент на красоту, на пышность и фееричность зрелищ, то теперь следовало учитывать пожелания заказчика, становившегося все более аскетичным в своих запросах. И Паоло вынужден был поменять стилистику, настрой своего искусства. Впрочем, такую гибкость можно объяснить и другими причинами. Видимо, Веронезе просто не мог не откликнуться на эмоциональный настрой общества, пережившего сильные потрясения. Теперь у него появляется множество полотен, изображающих земную жизнь

Христа, и, как пишет Филиппо Педрокко, в них “отразилось почти-тельное следование принятым на заключительной сессии Собора в Тренто предписаниям в отношении предназначенных для церквей священных образов”. Действительно, в картинах Паоло появляется драматическое напряжение, чувствуется, что автор сопереживает своим героям, проникаясь их болью и страданием. Совершенно новые ощущения наполняют его полотна. Меняются и привычные средства выражения, построения композиций. Большую роль стали играть пейзажи. Подчас природа у Паоло выходила мрачной, напря-

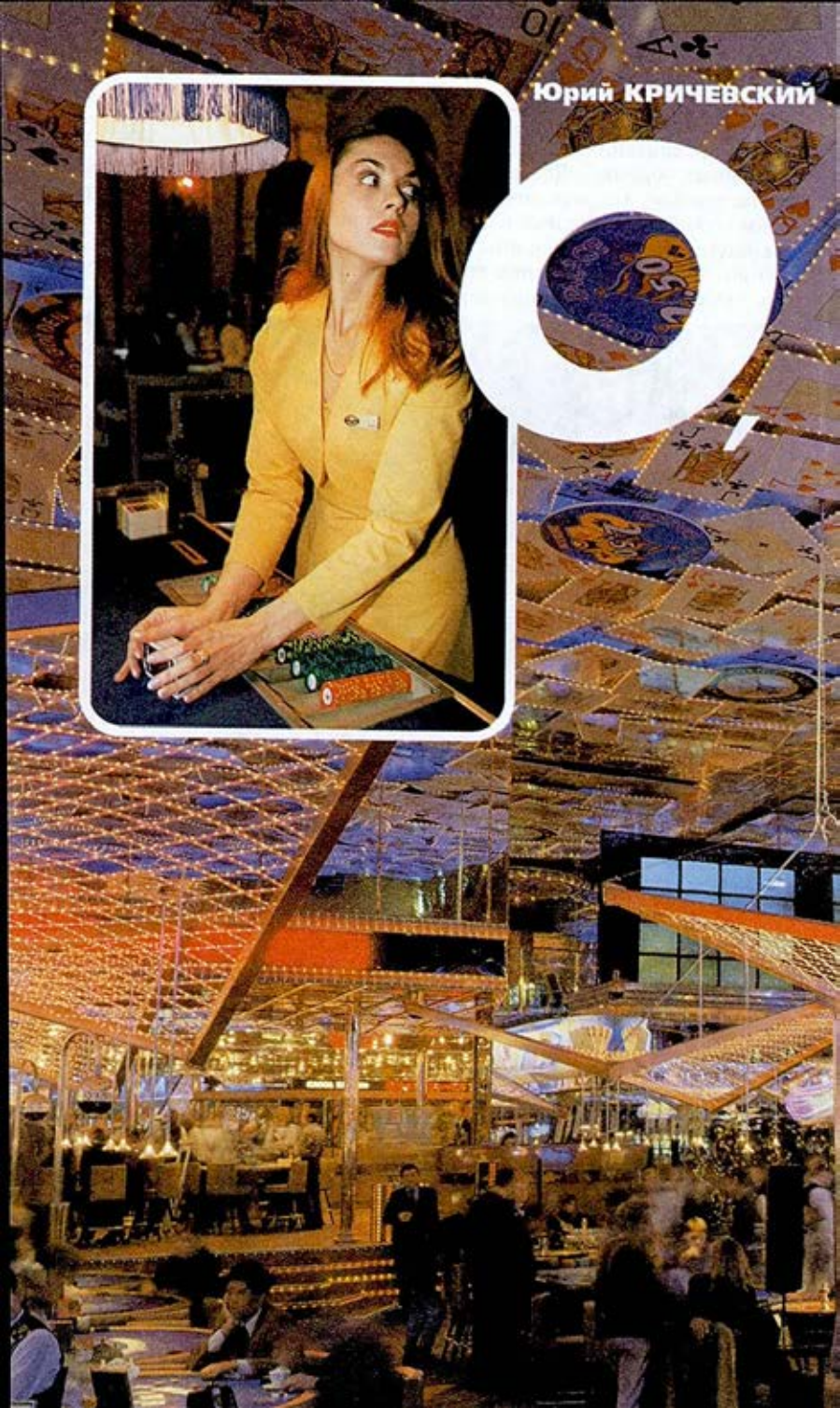

Брак в Кане. Деталь.

женной, а внезапно прорывающийся в небе яркий божественный луч света лишь усиливал драматизм изображаемых событий. В 80-е годы Веронезе создает еще один крупный цикл на религиозную тему — десять больших полотен на сюжеты Ветхого и Нового Завета. Здесь так же действие разворачивается на фоне мрачных пейзажей или же архитектурных сооружений, но куда скромнее по сравнению с его “Пирами”.

В начале весны 1588 года Паоло Веронезе заболел воспалением легких, недолго проболел и 18 апреля тихо скончался. Погасла одна из самых ярких звезд Венеции. ■

Юрий КРИЧЕВСКИЙ

КАЗИНО,

КАЗИНО!

Размышления у парадного подъезда

Вероятно, подобно многим соотечественникам, воспитанным Достоевским и советской системой, я относился к походу в казино как к чему-то довольно порочному и постыдному. Впрочем, и сегодня еще, почти десять лет спустя после открытия в Москве первого казино, люди, бывающие там, предпочитают скрывать это от друзей и знакомых. В отличие, скажем, от ресторанных нутежей, хотя все мы знаем, что в роскошные казино Лас-Вегаса и Атлантик-сити простые американцы ездят как на каникулы, а посещение пару раз за год игорных дворцов Монте-Карло и Баден-Бадена считается неперемным атрибутом международной светской жизни.

На мой взгляд, если играешь "хоть поутру, но на свои", стыдиться казино нечего. Что же касается порока, то в солидном московском игорном заведении его куда меньше, чем, к примеру, в модном ночном клубе или дискотеке, где любые наркотини продают и потребляют практически открыто, а равнодушное торжище женского тела еженощно губит все новые юные души.

Азарт, страсть к игре, регламентированные строгими правилами, — этого у казино не отнять, но и они здесь гораздо пристойнее и безопаснее, нежели, скажем, на подпольных собачьих боях. А уж хваленый ипподромный тотализатор, которому я в свое время тоже отдал немалую дань, по крайней мере у нас всегда грешил тайными сговорами воротил и жонкеев, оборачиваясь периоди-

чески расчетливым надувательством трибун.

В казино же вы играете только с колесом фортуны. Нравственно или безнравственно такое времяпрепровождение — вопрос другой. И, как мне кажется, вполне бессмысленный.

По подсчетам гардеробщиков и налоговиков, в столичных казино ежемесячно бывает свыше 250 тысяч человек. Еще столько же — в игорных заведениях других крупных городов России. В общедоступные казино с низкими минимальными ставками уверенно пошел не добитый окончательно финансовым кризисом 17 августа средний класс, быстро освоивший это традиционное вечернее развлечение большого города.

Не стану лицемерить. Тысячи людей живут, чтобы играть, и играют, чтобы жить. В Москве, Питере, Екатеринбурге, Твери... Мне доводилось видеть под утро их серые лица с лихорадочным блеском глаз. Я наблюдал, как они, продувшись в пух, подсаживаются к удачливым игрокам в расчете выклянчить у тех десяток-другой фишек... Эти наркоманы азарта бросаются, конечно, в глаза, но погоды в казино не делают. Норма, она ведь и в казино норма, особенно сегодня, когда прагматизм там тоже "правит бал".

Однажды, правда, я сидел на рулетке в весьма респектабельном казино рядом с интеллигентным европейски-спортивным 30-летним мужчиной, который за час оставил на столе три тысячи долларов и, задумчиво обронив: "Надо же, вчера здесь пять штук просадил...", — продолжал играть на запись с разрешения старшего

менеджера (видимо, пользовался в этом казино кредитом).

Не будем все же упиваться крайностями. Для контингента игорных домов, где мне приходилось играть самому, они не характерны. Если отрешиться от привычных литературных реминисценций и навязчивых экранных стереотипов, современное московское казино явит собой культурно-развлекательный центр, кановым ему велено было стать по повелению Ю. Лужкова. Причем, с обслуживанием на уровне мировых стандартов. Кондиционеры, стильная обстановка, бесплатные в большинстве заведений напитки, закуски и периодические фуршеты для играющих, ресторан с музыкой, шоу-программы. И все это сдобрено хорошей порцией адреналина, которую впрыскивает вам в кровь игра.

Прибавьте сюда полную безопасность, отсутствие пьяных разборок и прочей "чернухи", мгновенно пресекаемых корректной, предупредительной охраной.

Контрасты? Ну как же без них в любой сфере нашей жизни. Казино — не исключение. Каких только социальных типов тут не встретишь! Потрепанные и не очень "ночные бабочки", которым разрешено пастись у стойки бара. Заезжий толстяк-американец в новобойской шляпе. Солидные неторопливые дельцы за рулеточными и карточными столами с высокими ставками. Шумные "лица навязской национальности" прямо с рынка и невозмутимые корейско-китайские оптовики, играющие по-крупному, очень хладнокровно и удачливо. Все остальные — повторяю, граждане среднего или чуть выше среднего дос-

татна — менеджеры, банковские служащие, врачи, компьютерщики. Мужчины и — реже — женщины, в возрасте от 20 до 50 лет.

Обычно они приходят со 100-200 долларами. Иногда выигрывают, иногда проигрывают, чаще остаются при своих. Как правило, проигрыш двух-трех сотен сверх лимита воспринимают спокойно, а пяти — стоически.

За столом мы, как в бане, все равны. И между собой, и для крупье-дилера, артистично сдающего колоду или коротким движением кисти запускающего пластмассовый шарик по желобку разнурованного колеса. Сегодня казино демократично и никого не обманывает. Да и зачем, если доход гарантированно заложен в сам набор игр и составляет в среднем 3 процента от общей суммы ставок. Для 36 нынешних столичных игорных заведений это никак не меньше 60 миллионов долларов в год.

Впервые в казино люди по большей части попадают случайно.

У меня эту случайность звали "Гаваной" — ночным шоу-клубом напротив Марьиной рощи в бывшем стеклобетонном кинотеатре

с рестораном, сохранившим конфигурацию понато-ступенчатого зрительного зала, бильярдом и одними из первых в Москве нарточными и рулеточными столами. Посидев на каком-то скучном юбилейном банкете, я вышел проветриться в фойе, превращенное в казино, и тут же угодил в "ласковые сети" лихого штурмана рулетки. Экзотика! Ну как было не попробовать после всего читанного и виденного на экране. Попробовал. Кажется, удачно (новичкам действительно везет).

Теперь "Гавана" зачахла. А в другие московские казино я с тех пор стал похаживать. Вот так оно и происходит.

Игра — вещь загадочная, в чем-то даже мистическая. Почему стабильно везет одним и не везет другим, несмотря на все их ухищрения? Побудительный мотив, настрой, готовность идти до конца, как и в жизни, имеют за зеленым сукном определенное значение. Но не главное. Хладнокровие, опыт, расчет (у каждого искушенного игрока — свой!) тоже, конечно, важны, однако и они не гарантируют победы над прихотью судьбы.

Расскажу о двух примечательных эпизодах.

Известный архитектор (сохраним в тайне его фамилию), получив как-то очень большой гонорар, на радостях засел с вечера за рулетку в шикарном московском "гэмблинге", где его хорошо знали и относились, как к почетному гостю. Сначала он то выигрывал, то проигрывал. Затем, в какой-то момент сорвал изрядный куш и вместо того, чтобы отойти от стола, удвоил ставки. Проиграл. Снова пошел ва-банк и су-

мел почти все отыграть. Но его это не удовлетворило, и он продолжал азартно рисковать. Через пару часов принесенная в казино сумма растаяла... Управляющий несколько раз подходил к нему и по-доброму советовал остановиться. Пытался даже увести его поужинать. (Поверьте, это наговоры, что в казино стараются "раздеть" клиентов. Постоянных, наоборот, как могут, оберегают от крупных проигрышей.) Так вот, занусивший удила творец "музыки в камне" ни на какие разумные уговоры не поддавался и, послав домой за деньгами, перешел на игру под долговые расписки. Увы, словно в наказание за глупое поведение, судьба больше не улыбнулась ему ни разу! К утру он проиграл все да еще в придачу машину и дачу. История достаточно поучительная.

Другой — прямо противоположный — случай связан с актером Александром Абдуловым, игроком заядлым, с многолетним стажем и, по обыкновению, весьма удачливым. Разумеется, и он не бывал застрахован от ощутимых проигрышей, однажды даже заложил в парижском казино свой загранпаспорт, но в целом удача как бы незримо витала у него за плечами. И не подвела в, прямо скажем, критический момент, когда за рубежом его съемочная группа оказалась на какое-то время абсолютно без копейки. Абдулов спас положение, отправившись с собранными по кругу "зелеными" в ближайшее казино и за вечер обеспечил себе и товарищам приличное пропитание, пока не подоспел банковский перевод. Этот "фокус" он в разных ситуациях повторял еще не раз,

никогда, правда, не зарываясь при игре на чужие деньги. Похвальное качество.

Правила игры

Итак, вы впервые собрались в казино. Что следует знать для начала?

Первое. Не стоит отправляться туда в плохом настроении. Ведь казино — это фиеста с элементами безумия. Озлобленным на судьбу или индифферентным там не место — удачи не будет, по себе знаю. Соответственно, и одеваться лучше празднично (хотя в большинство московских казино теперь пускают в любой одежде, кроме кроссовок и спортивных костюмов).

Второе. Для дебюта советую выбрать крупное казино с десятками игровых столов и автоматов, где в блеске огней и водовороте нарядной публики вы будете чувствовать себя более непринужденно. К тому же (опять-таки суну по себе) новичку выгоднее ловить удачу, не замыкаясь в тесном игровом пространстве, а переходя от стола к столу. Простительная иллюзия выбора и дополнительное развлечение, которого не позволишь себе ни в фешенебельном "Ме-

трополе", ни в подвальном "Голицыне".

Третье. Вот вы переступили порог казино с платным либо бесплатным входом. Я, к примеру, обычно предпочитаю такие, в которых входная плата не превышает 20 долларов в вечернее время и возвращается к вам неизменными пятидолларовыми фишками "на завтрак" ("Кристалл", "Корона", "Арбат", "Голден Пэлас"). В "Пэласе", между прочим, дам галантно пускают бесплатно. Преимущество этих больших "гэмблингов" в хорошем наборе дармовых закусок и напитков, а также — в серьезных лотерейных призах на входные билеты, включая "инмарки".

Впрочем, не грех порой посетить и бесплатные заведения типа "Бeverли Хиллз", "Титаника", "Космоса". Но там, конечно, буфет и призы поуже. А вот, скажем, шинарная "Шангри-ла" с требованием обязательно поменять на входе 200 долларов на 20 десятидолларовых фишек меня откровенно раздражает столь алчной принудительной (если захочу, то и триста добровольно проиграю!), и я туда никогда не пойду.

Итак, вы внутри и вам предстоит сделать первый выбор: карты или рулетка? Можно, разумеется, попытаться счастья и там, и там, как делают многие.

О картах особо распространяться не буду. Понер, блэнджен (похожий на "двадцать одно"), экзотическая, но занудная банкара. Минимальные ставки везде — 5, а то и 10 долларов. Так что "улететь" можете в момент. Да и вообще, я думаю, в карты лучше с друзьями дома играть. А вот рулетка — дело другое. На ней дома

не поиграешь, и от умения тут зависит очень немного. К тому же минимальные двухдолларовые (а кое-где и однодолларовые) ставки при известной выдержке и хладнокровии позволят вам без существенного ущерба для кошелька часами сражаться за расчерченным сукном.

Однако прежде следует понять сам механизм ставок и оптимальные варианты игры.

Ставить **"в номер"** — наиболее просто, волнующе, выгодно (если, конечно, угадываешь!) и ... рискованно. Выдача выигрыша 35:1 завораживает, но не забывайте, что на колесе рулетки 36 цифр, и семейные даты, на которые любят ставить новички, зачастую не оправдывают ожиданий. Впрочем, рулетка непредсказуема, и в этом ее притягательность.

"Сплит" — ставка на два соседних номера — в случае удачи порадует вас выдачей 17:1. Надежней попробовать угадать пару **"стритов"** — горизонтальных рядов из трех номеров. Они приносят 11:1. А еще спокойнее поиграть вначале на **"каре"** ("перекресток" из четырех номеров) с выдачей 8:1 или даже на **"сикслайнах"** (два соседних горизонтальных ряда по 3 номера в каждом), попадание в которые сулит вам выдачу 5:1. Есть еще одна ставка, моя заветная — **"фёрст фо"**, т.е. zero и первые три номера; здесь выдача — 8:1.

Различные сочетания перечисленных ставок, ограниченные лишь верхним пределом ставок на данном столе и вашими финансовыми ресурсами, и составляют, собственно, суть игры на номера.

Кроме того, для особо азартных и рискованных любителей быст-

рого результата припасена игра на **"шансы"**. Равные: красное-черное, чет-нечет, первые и вторые 18 номеров. Минимальные ставки тут 25 долларов, а выдача 1:1. Неравные шансы: первая, вторая или третья дюжины или первая, вторая или третья вертикальные колонки. Тут уже выдача 2:1 при таких же минимальных ставках.

Лично я играю на "шансы" редко: или когда в приличном "плюсе" и могу позволить себе гусарскую выходку, или, наоборот, когда с номерами полная безнадега и надо как-то переломить игру.

Наконец есть еще так называемые **"устные ставки"** (на определенные сектора колеса или на **"номер с соседями"**). Но это — для "продвинутых" игроков, и правила этих ставок (как, впрочем, и все остальное) вам с удовольствием объяснит крупье. Советую также побольше наблюдать за игроками — это научит вас многому, и прежде всего тому, **как не следует играть!**

Вот уже два столетия человеческая изобретательность безуспешно пытается изыскать честный способ отъема денег у колеса

фортуны, иными словами, пресловутую Систему. Сколько их уже было, этих систем, и ни одна еще не одержала верх над гениальным созданием безвестного испанского монаха из глубин XVIII-го столетия. Не рекомендую также полагаться на разрекламированную в одном авторитетном деловом журнале "патентованную" систему "мартингейл". В основе ее — тактика последовательного увеличения и уменьшения ставок на красное-черное или чет-нечет: при каждом проигрыше ставка увеличивается в два раза, при каждом выигрыше — уменьшается, причем выбор шанса не изменяется. Таким образом, в какой-то момент вы гарантированно отыгрываете свою первоначальную ставку или получаете выигрыш.

Все хорошо и разумно, если не учитывать некоторые "но". Во-первых, данная система предполагает, что ваш стартовый капитал должен превышать первоначальную ставку в 40(!) раз, а она минимально равна 25 долларам. Во-вторых, заветное "красное" или "чет" могут не выпасть и после 5 спинов ("спин" — запуск шарика по колесу рулетки до полной его остановки на определенном номере), и после 15, а тем временем ваш капитал успеет истаять. И, в-третьих, эта система не учитывает "зеро", когда проигрывают все ставки на шансы. Я сам неоднократно бывал свидетелем крушения системы "мартингейл". Рулетка, господа, рулетка!

Она в некотором смысле способна служить моделью жизни с ее бесконечной чередой случайностей... Я бы даже назвал рулетку квинтэссенцией слепой игры случая. Подчинить ее себе — вот тай-

ное неизбежное желание всякого, кто приближается к рулеточному столу.

В этой головокружительной погоне за удачей со всеми происходит одно и то же. Смутные предчувствия, порывы, озарения. Хаотичное кружение шансов. Но в какой-то определенный момент вы схватываете волшебный, завораживающий ритм Игры и, повинаясь ему, начинаете делать ставки, как в трансе, забывая обо всем. И капризный шарик, на какое-то время послушно повинаясь вашей воле, словно привязанный, завершает свой бег у заказанных вами номеров. Вам удаются противоречащие логике повторы, заветные числа (о, эти отнюдь не выдуманные Пушкиным "тройка, семерка, туз!"). Вы — царь, вы — Бог, вы чувствуете себя равным Гёте. Вами движет вдохновение, а не вульгарная жажда наживы. И потом все так же внезапно кончается. Чтобы вернуться вновь. Завтра. Или очень нескоро...

Не раз мне приходилось слышать от безуспешно пытающихся отыгратья фанатов Колеса сакраментальное: "Я знаю, как играть, я теперь научился выигрывать!" Увы, научиться этому невозможно. Игроков, ловящих удачу "по-научному", с помощью различных доморощенных систем, в казино любят: именно они чаще всего и проигрывают по-крупному. Ному сюда вход заказан, так это людям с экстраординарными математическими и мнемоническими способностями. Распознают их быстро. Однако даже они — опять-таки гроза только нартенных банкометов, а против рулетки бессильны.

Бег по кругу

Ох, уж этот внутренний голос, вкрадчиво нашептывающий вам, иногда в самый неподходящий момент: "Иди и играй!" Идем, а что делать?

Свой "фирменный стиль" тяжелым методом проб и ошибок я осваивал в "Кристалле" на Пролетарке — крупнейшем, как утверждает реклама, казино Восточной Европы. Потом, уже вместе с женой, переночевали в бесплатный "Титаник", где посетителей обещают "утопить в море призов" и где жене одно время прилично везло на понере. Случалось, заглядывали в тесный "Бeverли Хиллз" в подвале высотки на площади Восстания. Безуспешно пытались разгуляться в "Космосе" на проспекте Мира и даже как-то, измученные и опустошенные, встречали тусклый рассвет за утешительным завтраком в новоарбатской "Метелице"...

Зато в сверкающем "Голден Паласе" нам действительно несколько раз повезло по-настоящему.

Заявляемся туда смеха ради в четверг на лотерейный розыгрыш с двумя входными билетами. Ждем часа "икс", спуская потихоньку входные фишки и разме-

нянную "сотку". К половине первого почти проигрываем на пару 70 долларов. Утешаемся в буфете рыбой в кляре и шампанским. Не удержавшись, жена оккупирует ближайший автомат и начинает кормить его жетонами. Я пробиваюсь в передний ряд зрителей к импровизированной сцене, где популярная эстрадная певица и штатный ведущий нагнетают атмосферу ожидания.

Перевожу взгляд на рядом стоящих. В руках у них пачки билетов, накопленные за неделю коллентивных походов в казино. Отстраненно наблюдаю за оглашением первого выигрышного номера, извлеченного из барабана. Никто не откликается. На миг оглядываюсь на жену, с иронической усмешкой снашивающей глаза на семизначный номер нашего несчастного билета, небрежно засунутого ею под пластиновый стакан с жетонами. Слышу повторное объявление победителя (по правилам, после третьего раза ловить нечего). И вдруг вижу, как моя благоверная в легкой растерянности сомнамбулически приближается к ведущему, держа в одной руке билет, а другой балансируя увесистым стаканом жетонов (побоялась-таки оставить без присмотра у автомата!).

Балагур-ведущий, сыпя прибаутками, сверяет номер на корешке с цифирью извлеченного из барабана отрывного купона, просит одного из зрителей подтвердить, все ли сходится, и торжественно вручает моей супруге... большой фирменный панет "Паласа". Я немею от отчаяния, и тут по просьбе ведущего эстрадная звезда с нескрываемой завистью на лице передает моей дражайшей полови-

не призовое дополнение к пакету — карту казино на тысячу долларов.

Затем последовала легкая эйфория, "майский день (вернее, ночь), именины сердца", как выразился некогда тоже не чуждый азартных игр классик. Причем это состояние разделяли с нами и игроки, и крупье. Нам улыбались, нас поздравляли. (Хорошие игроки и дилеры, замечу, вообще всегда радуются чужой удаче или, по крайней мере, делают вид.) Ну скажите, что нам еще оставалось? Не сговариваясь, мы "отцепили" от наших инкрустированных 500-долларовых кругляшей по сотне на брата и с легкой душой пустились во все тяжкие. Поверьте, то были совершенно незабываемые два часа, которые принесли нам едва ли не больше удовольствия, чем негаданно свалившаяся удача. Когда ставишь по всему полю, не трясясь над каждой фишкой, игра захватывает целиком, диктует свой ритм. Мы то выигрывали, то проигрывали, передавая эстафету фортуны друг другу. Выловленный на "крючок" всего трех ставок "сплит" одаривал восторгом рыбака, сумевшего подсечь на спиннинг щуку. Прямых попаданий в номера (35 к 1) у нас не получалось, хотя в каждый "спин" мы бессистемно закрывали парой-тройкой фишек на удачу любимые числа. Под конец начали немного зарываться, представляя зараз по 8-12 фишек в поле, и одна из призовых сотен растаяла. "Стоп азарту!" — шепнул я на ухо жене. К моему удивлению, жена послушно кивнула и вместо клеток двинула оставшиеся столбины двухдолларовых фишек на обмен.

В блаженной умиротворенности я встал от стола, поджидая верную подругу жизни, и вдруг увидел, как после нового запуска колеса она вороватым кошачьим движением метнула два нешевых пятидесятидолларовых фишкэря — один на "красное", другой на "вторую дюжину"...

...Заспиненный умелой рукой, непризный шарик томительно долго носился по желобку, затем начал пересчитывать ребра цифровых гнезд, наконец, последний раз конвульсивно качнулся вправо-влево и замер на красном номере "16". Мы отыграли все.

С тех пор единичные входные билеты нам пока не принесли лотерейных выигрышей (хорошенького понемногу!). А вот на автоматах жена умудрилась-таки однажды сорвать джек-пот, причем в совершенно анекдотической ситуации.

Мы уже собирались уходить, и она напоследок решила добыть жетонами оставшиеся у нее в сумочке двести рублей. Занятие, доложу вам, не то что глупое, но, как мне казалось, вполне безнадежное. Я видел фанатов, заряжающих "одноруких бандитов" сотнями и сотнями жетонов в тщетной попытке получить на бонусах хотя бы променуточную выдачу, а вместо этого изредка выгребающих из лотнов издевательские кучки никелированных блэшен.

Иду в бар и слышу сзади чей-то изумленный возглас: "Смотри, смотри!" Оборачиваюсь: автомат жены утробно наигрывает победные зывные и мигает всеми лампочками, включая маячок на крышке. Джек-пот! 16 тысяч рублей. С пятого пятирублевого жетона...

Вот и рассуждай после этого о превратностях удачи.

Мне, например, эта напризная дама чаще улыбалась в строгом старомодном "Ройале". Быть может, потому, что с его знаковым зданием минувшей эпохи меня связывают давние отношения. Студентом я украдкой мотался сюда с Манежной на ипподром поиграть дважды в неделю на остатки стипендии в "двойном ординаре". Иногда "пробивал" с пятерки тридцатку и с гордым видом тут же спускал шальной выигрыш за столиком почти античного колосса — ресторана "Бега", под сенью пальм и теряющихся в вышине створчатых окон.

На стопарь "Столичной", салат "Оливье" и наваристую солянку хватало. А потеря пяти рублей в порванных розовых билетинах не становилась трагедией, приятно будоража кровь, внося толику здорового азарта в унылую череду будней.

Короче, достославный ресторан "Бега" тихо нанул в Лету, уступив место одному из первых московских казино "Ройал". Именно "казино", а не сумасшедшему "гэмблингу" без окон, без дверей, где круглые сутки царит лихорадочная "белая ночь" и где небритые типы в майнах и джинсах, как костяшками домино, лупят по суну пятисотдолларовыми фишками. Нет, в стилизованном под старину зале с вензелями, лепным орнаментом на стенах и в зрерах, отделанных благородным светлым деревом, в окружении почти антиварной мебели золотистого цвета и игровых столов с непривычной белой окантовкой чувствуешь себя словно в Монте-Карло.

Балкона с балюстрадой тут, правда, нет. Зато в минуту тягостного раздумья о том, что делать дальше, можно прижаться разгоряченным лбом к переплету окна за мягкими синими шторами и увидеть на незатахавшей Беговой "другую жизнь и берег дальний..."

Впрочем, коли уж вы пришли сюда попытать счастья, прочь мрачные мысли! За циклопической колоннадой фасада с ведущими к ней от автостоянки новровыми ступенями комфортный храм Игры встречает вас в вестибюле ироничными штандартами покерной колоды, изящными вещицами в подсвеченных витринах театральной лестницы на второй этаж и там уже — радушными улыбками симпатичных девушек в длинных, опять-таки золотистых, платьях и подтянутых ребят в атласных жилетках и "бабочках": "Присаживайтесь, господа! Желаем удачи!"

С таким вот душевным просветлением, искусно культивируемым английскими менеджерами этого как бы клубного заведения, под звуки спокойной живой музыки вы присаживаетесь с четырьмя пятидолларовыми входными фишками к игровому столу. Если повезет, подымете кое-что и попробуете дерзать дальше уже покрупнее. Можете, прервавшись, расположиться за журнальным столиком напротив видеоскринана в баре или в ресторанном секторе, полакомиться в лотерейные вечера блюдами с фуршетного стола.

Собираются здесь в основном люди, знающие друг друга, человек 30-50. Появляются интересные деловые дамы, супружеские

пары, отставные военные. Игроки разного размаха и достатка, но в равной степени непринужденные, корректные. Ни разу не доводилось мне в "Ройале" быть свидетелем матерных возгласов проигравших или злобной перебранки с крупье из-за неправильно поставленной или случайно сдвинутой фишки. Сюда даже в ранние годы не попадали "нупцы" из глубинки, сперва вываливавшие на стол "котлеты" бансов, а затем уже интересовавшиеся, как и куда ставить. Робкий новичок никогда не почувствует себя здесь парией, не встретится с пренебрежительным либо насмешливым взглядом соседей по столу, которые, напротив, охотно потеснятся, давая ему место, помогут ободряющим советом. Кроме того, он вправе прийти днем, когда народу совсем мало (казино же все равно работает круглосуточно), и бесплатно потренироваться в покер с опытным дилером.

Словом, солидная публика и играет, и ведет себя солидно, и ты сам начинаешь ей уподобляться. А это, уверяю вас, очень неплохо. Хорошие манеры, так же,

как и на теннисном корте, в казино ценят и примечают, особенно в таном, для которого "престиж не просто слово".

Истати, возможно, именно проникнувшись симпатией к моей выдержке при серии досадных неудач на рулетке, менеджер "Ройала" по игре Дин Уокер, 15 лет постигавший премудрости профессии в казино разных стран, открыл мне один сокровенный секрет, которым я охотно поделюсь с вами.

Итак, если ваш теоретический шанс на выигрыш — 2 процента (доказано!), дождитесь первой удачи, покрывающей потраченное. Затем — еще одной, благодаря которой вы окажетесь хоть в наном-то плюсе. После чего заставьте себя отойти от стола. Ведь дальше, по логике, ваши 2 процента начинают убывать в геометрической прогрессии.

Совет хорош, да только мало кто, в том числе и сам Дин, готов им воспользоваться. Я — тоже. И потом, разве так играть интересно? Давайте уж утешаться правильной французской поговоркой: "Кто не рискует, тот не выигрывает". ■

А напоследок пожелаем друг другу удачи и прислушаемся к полезным советам знатоков:

- нет таких денег, которые нельзя было бы проиграть;
- никогда не приходи в казино в дурном настроении — удачи не будет;
- выбирай стол, где крупье часто проигрывает, и не играй с крупье, который тебе несимпатичен;
- избегай столов, где игроки все время проигрывают;
- на рулетке не пренебрегай правилом "русской старушки": ставь свои фишки на удачливого игрока;
- деньги, предназначенные для игры, положи в отдельный карман и мысленно прости с ними.

ЛЕВ
24 июля — 23 августа

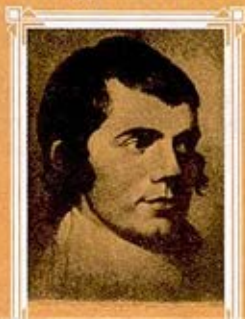
Итак, мы продолжаем вас знакомить с выдающимися представителями знаков Зодиака. На очереди — знак Льва.

В поведении Льва сплелись воедино исключительная подвижность и царственная лень. Все Львы — и мужчины, и женщины — экспансивны, горды собой, полны чувства собственного достоинства, но их ахиллесова пята — тщеславие. Поэтому они чрезвычайно чувствительны к тому, что думают о них окружающие.

Лев не мыслит своего существования без любви: вся его жизнь крутится вокруг нее. Будучи натурой сильной, не любит быть зависимым и полагаться на кого-либо. Наоборот, он обожает, когда люди зависят от него. Оказание благодарений у него в крови.

С деньгами Лев обращается очень свободно, иногда даже чересчур. Благодаря этому он неоднократно оказывается на грани банкротства, но всегда находит способ поправить свои дела. Вообще, у Львов ни в чем и никогда не бывает "золотой середины". Перед настоящим испытанием Лев никогда не отступит и спасет других: героизм присущ его натуре. Лев никогда не склоняет голову под ударами судьбы, твердо веря, что солнце будет всегда освещать его путь золотым сиянием.

Посмотрим же, как все эти качества отразились в судьбе выдающегося шотландского поэта Роберта Бернса.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

ДВАЖДЫ ЖЕНАТЫЙ ХОЛОСТЯК

Роберт Бернс родился в июле 1759 года — то ли десятого, то ли двадцатого числа — точно не известно, поскольку в церковных книгах делается запись о дне крещения младенца, а не о дне его появления на свет. Да и какое значение имела дата рождения третьего ребенка в семье бедного шотландского фермера? Кто вообще мог подумать о том, что этот самый ребенок прославит свою страну? Такие чаяния обычно связывают с отпрысками венценосных особ.

Но родиться под знаком Льва — значит, сделать первый шаг на пути к славе, а возможно — и к бессмертию. Особенно если это мальчик, потому что Лев считается одним из наиболее "мужских" знаков Зодиака. Но первоначально Роберт Бернс прославился вовсе не как поэт, а

как... прозаик, причем автор такого, прямо скажем, неординарного произведения: "Устава Тарболтонского клуба холостяков".

Слава этого документа была, без преувеличения, всемирной, правда, распространялась по свету она довольно-таки долго, и до России, например, дошла только к середине следующего века. Пламенными почитателями этой области творчества Роберта Бернса оказались сразу два "знаменитых холостяка русской литературы" — Тургенев и Некрасов. (Последний, правда, незадолго перед смертью женился.) Оба любили жизнь во всех ее проявлениях и не чурались женского общества. А потому, думается, не колеблясь, стали бы членами клуба, устав которого гласил: "Каждый, кто избирается в это общество, должен обладать честным... сердцем и...

не таясь, быть поклонником одной или нескольких представительниц прекрасного пола, но не жениться, дабы не обижать всех, избрав одну".

Но и к поэтическому творчеству Бернса потомки во всем мире относились с высочайшим уважением. Ибо, помимо означенного устава, он написал еще кое-что — правда, уже не в прозе, а в стихах, и стихи эти вошли в сокровищницу мировой литературы.

Некрасов, не знавший английского языка, на котором они были написаны, жандал познакомиться с ними и даже перевести на русский, а потому обратился за помощью к Тургеневу, дабы тот сделал прозаический перевод. Что получилось из этой затеи — неизвестно, известно только, что прекрасный перевод на русский язык был сделан почти сто лет спустя Самуилом Маршаном.

"Нельзя быть подлинным ценителем любовных стансов, если ты сам однажды или много раз не был горячим приверженцем этого чувства", — писал Бернс в своей записной книжке.

Эта записная книжка, сохранившаяся чудом, и для самого Роберта была чем-то уникальным. Сын фермера и сам фермер, он писал стихи на чем придется: на оберточной бумаге, на банкноте, на грифельной доске, но, будучи, как и вся его семья, не только пахарем, но и страстным книголюбом, не гнушался и традиционных письменных принадлежностей.

Да, в Шотландии начитанные фермеры и даже их жены не были чем-то из ряда вон выходящим. Но Бернс, как и всякий Лев, разумеется, мог быть только первым, только единственным, только по-

бедителем. Поэтому и читал он больше, чем кто-либо из его родных и друзей. И память у него была лучше. Но, как он сам признавался впоследствии, вовсе не книги породили в нем желание писать.

Впрочем, с шести лет с Робертом и его братом-погодком Гилбертом занимался учитель Джон Мердон, который не только познакомил мальчинов с лучшими произведениями английских классиков, но и научил их правильно говорить по-английски и выразительно декламировать стихи. Мать же изъяснялась на простонародном шотландском наречии, и на нем рассказывала детям сказки и пела песни. Много позже Роберт Бернс поражал своих высокообразованных друзей культурной речью и блестящим знанием старшотландской поэзии.

Будущая краса и гордость Шотландии закончил землемерную школу в 1775 году и искренне намеревался стать образцовым фермером. Львы всегда и во всем должны быть первыми (ах, как это важно, особенно для мужчин!), причем любое — даже мимолетное — желание они искренне считают своим призванием. В уже упомянутой записной книжке Бернс признается: "Что до меня, то я не имел ни малейшего намерения или склонности стать поэтом, пока я искренне не влюбился".

Это первое серьезное чувство увековечено в стихах, которые называются "Девушки из Тарболтона". Именно в этом небольшом шотландском городке, живущем в основном торговлей, и прозвучали на одном из заседаний клуба холостяков первые стихи юного фермера. Слушали их внимательно-

но и не без некоторого восхищенного удивления.

Бернс был основателем клуба, его душой и автором устава, который сохранился до наших дней. Сохранились и некоторые клубные протоколы. Из них явствует, что чаще всего холостяки обсуждали... проблему будущей женитьбы. Варианты фигурировали разные, но даже самая пыльная фантазия не могла предвидеть того, что случилось с Бернсом. Он заключил брак дважды, оба раза — с одной и той же девушкой и оба раза — по самой настоящей любви.

А иначе и быть не могло, коль скоро он воспевал женщин, слагал в их честь оды, стансы и гимны, и это не было простым литературным упражнением, а было призванием. Он просто боготворит красоту — и вот однажды, когда Роберту минуло уже двадцать пять лет, он встретил ее земное воплощение.

Это была дочь местного богатея Джин Армор, тоненькая, черноглазая, похожая на цыганочку. Познакомил же их... пес Роберта, огромная шотландская овчарка по кличке Люат. Придя с ней в ближайший к ферме городок Мохлин, он оставил собаку возле таверны, а сам вошел внутрь, где веселилась местная молодежь. Вот уже усталый хозяин гасит свечи, а танцы все продолжают. Оставшийся на улице верный Люат совсем истосковался по хозяйну и, когда в очередной раз открылась дверь, кинулся ему на грудь.

Все испуганно замерли, даже музыка смолкла, и тут-то, в полной тишине, с трудом отстраняя ластившегося пса и красноречиво обводя взглядом девушек, Роберт отчетливо выговорил, что не

прочь бы занять столь же прекрасную подружку.

Среди гостей таверны была и Джин Армор. Тогда она не проронила ни слова, а спустя несколько дней, увидев на дороге шагающего с собакой Роберта, заодно осведомилась, нашел ли он то, что искал. Он ответил стихами, которые потихоньку передала ей одна общая знакомая. В этих строфах утверждалось, что в их "славном городке нет никого прекрасней Джин".

*Без милой Джинни нет цветов,
Без милой Джинни рай — не рай,
А с нею вместе я готов
Перенестись в Лапландский край.*

Лапландия рисовалась поэту страной диной, людей там, мнилось ему, нет, а если и есть, то прячутся они от лютой стужи в пещерах. Но это не пугало отважного шотландца.

Но почему вдруг Лапландия, а не Шотландия? Чем не угодила родная страна, где в мягком климате растут великолепные сады и бродят по зеленым лугам упитанные стада? Всем этим — и садом, и стадом — можно гордиться, вот только не ему, бедному фермеру, который некогда обсуждал в Тарболтонском клубе холостяков, стоит ли таким, как он, без гроша в кармане, жениться на богатых девицах. И вот теперь ему предстояло решить этот вопрос уже не теоретически, а практически.

Хоть он и понимал всю бесперспективность своих притязаний на дочку богачей Арморов, тем не менее бросился, очертя голову, в атаку.

"Я пустил в ход все свое красноречие, все наиубедительней-

шие размахивания руками и сердцещипательные риторические модуляции, какие были в моей власти".

"Роберт Бернс был воплощением порыва и чувств", — вспоминал о нем другой великий шотландец, Вальтер Скотт, и прямо говорил о "неистовстве страстей, которые в конце концов и сокрушили его".

Скотт впервые увидел прославленного барда, будучи совсем еще молодым человеком, почти мальчиком, но хорошо запомнил впечатление, которое тот оставил.

"Во всем его облике чувствовался большой ум и пронизательность, и только глаза выдавали его поэтическую натуру и темперамент. Большие и темные, они горели (я говорю "горели" в самом буквальном смысле слова), когда он говорил о чем-нибудь с чувством или увлечением".

Нетрудно вообразить, с каким чувством и с каким увлечением говорил Бернс с Джин Армор! Могла ли устоять девушка, да еще с таким горячим сердцем, тем более — с горячей кровью?

То было лето 1785 года — быть может, лучшее лето в его жизни. Память о нем сохранилась в стихах, ставших классикой лирической поэзии, хотя многое из созданного им тогда впоследствии было утеряно. Что-то записывал, если под рукой оказывались огрызок карандаша и клочок бумаги, что-то нет, но вот одна рукопись была выверена им с необычным для него благоговейным тщанием.

Это не стихи. Это проза. А если быть совсем уж точным — до-

кумент, так называемый брачный контракт, причем контракт по-своему уникальный, поскольку составлен без участия священников, нотариусов, свидетелей и прочих третьих лиц.

Кажется, Шотландия — единственная в мире страна, где древняя традиция позволяла жениху и невесте вступить в брак, не освященный, не подкрепленный, не заверенный ничьим присутствием. Лишь друг перед другом отвечали молодожены — друг перед другом да перед Господом Богом. Нужно было только подписать документ. И они его подписали — Джин ждала ребенка.

Таким образом, Роберт Бернс, основатель клуба холостяков, был из числа его членов, при этом ни в коем случае не претендую ни на приданое, ни на родственные связи.

При всем том он был абсолютно нищ (умерший год назад отец оставил семье полуразоренную ферму), а стихи и песни, которые хоть и распевались по всей округе, денег не приносили. Нороче говоря, их самоуправно заключенный тайный брак с точки зрения здравого смысла был форменным безумством. "Нет, — записывает в дневнике Роберт, — что бы ни говорили о любви, о безумствах, на которые она толкает юные, неокрепшие души, все же она заслуживает те высокие славословия, какие ей пели и поют".

Но песни, как известно, не поют шепотом, они быстро становятся известны всем; а значит, всем становится известно и про отношения, которыми эти песни навеяны. Вот разве что отец Джин пона в неведении, но в кон-

це концов и ему открывают глаза. Да и как скрывать дальше, если Джин беременна на пятом месяце!

Старик в ярости. Джин, потувившись, молчит. Отец топает ногами, хватается за сердце. Тогда она, дабы доказать, что у них с Робертом не какая-то там легкомысленная связь, осторожно говорит о брачном контракте, который они заключили прошлым летом. Она хранит его как зеницу она, но для отца это никакой не контракт, никакой не документ, а паршивая буманна, которую она, мерзкая девчонна, сию минуту выложит на стол!

Джин не остается ничего иного, как подчиниться. Первое желание отца — в клочки разорвать эту фильмину грамоту, но он сдерживает себя: скоро на свет появится младенец, а это хоть какое-то оправдание перед людьми.

Перед людьми, но не перед властями... Что же касается властей, то для них это "произведение" — самое беспардонное, самое вызывающее. Оно вполне может служить основанием для заключения сочинителя в тюрьму. Ах, хорошо бы проучить мерзавца! А заодно упрятать его подальше. Старый Армор подал жалобу на Бернса сразу в церковный совет и в суд, а Джин отправил в другой город к родственникам — от греха подальше.

А ничего не подозревающий Бернс в это время готовил к печати свою первую книжку. Предвнушал, надеялся, считал денечки... И вдруг, как удар обухом по голове, известие о Джин.

"Будь прокляты ее обман и клятвопреступное предательство!" — в отчаянии пишет он дру-

гу. Однако, спохватившись, тут же прибавляет: "Но храни ее Бог и прости ее, мою бедную, недавно так горячо любимую девочку; родители совсем совратили ее..."

Роберт не желает слушать никаких доводов. Он хочет забыть Джин — забыть навсегда, и помочь ему в этом должна некая Мэри Кэмпбл, очаровательная девица, которой он клянется в любви до гроба. А как же иначе, если ты рожден под знаком Льва?

Но до "очередного гроба" дело не дошло: Джин вернулась домой. Родители разрешили ей это с одним условием: ни под каким предлогом не встречаться со сладкоречивым пиитом. Бернс хорошо знает об этом, но удержаться не в его власти — летит к ней сломя голову. Зачем? "Не затем, клянусь честью, — делится он с приятелем, — чтобы иснать хоть малейший предлог для примирения, а просто чтобы справиться о ее здоровье и — тебе я могу в этом признаться — из-за глупой непреодолимой нежности к ней, по правде сказать, весьма неуместной". Пустые надежды! "Ее мать отказала мне от дома..."

"Никогда человек так не любил, вернее — не обожал женщину, как я любил ее, и должен сказать... что я все еще люблю ее, люблю отчаянно, несмотря на все; но я ей ни слова не скажу, даже если мы увидимся, хотя этого я не хочу".

Это он-то не хочет! Да он только и мечтает об этом! "Бедная моя, милая, несчастная Джин! Как счастлив был я в ее объятиях!"

Ему остается одно — бежать. Он уедет далеко, на край света, в

Новый Свет, на Ямайку. "Прощай, милая старая Шотландия, и прощай, милая неблагодарная Джин, никогда, никогда больше мне не видеть вас!" Но разве в состоянии обычное письмо выразить чувства, которые обуревают поэта! Естественно и как-то даже незаметно для себя он переходит на стихи. И, как это всегда бывает у поэтов, возводит свои страдания чуть ли не в абсолюты. Интересно только, что именно в это время у Роберта появилась дочь: ее родила молоденькая служанка в доме его родителей.

История получила шумную огласку. Бернс, конечно, заранее знал, что будет именно так, но у него и в мыслях не было отречься от собственного чада. "Моему незаконнорожденному ребенку" — так называется одно из самых пронзительных его стихотворений.

*Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
Тебе, родная...*

Но не только своему первенцу был он нежным отцом — другим своим детям тоже. И прежде всего — явившимся на свет близняшкам.

"Армор одним махом принесла мне чудесного мальчишку и девочку! — с линованием сообщает он другу. — Боже, благослови дорогих крошек!"

Он больше не считает ее ни предательницей, ни отступницей, ни тем более своей должницей. "Бедняжка Армор вернула мне залог любви вдвойне. Чудесные ребята — мальчик и девочка — пробудили во мне тысячи чувств".

Не таясь, возвращается он в родной город. Вообще судьба ре-

шительно становится на сторону Роберта Бернса. У него появилась масса влиятельных друзей, у него появились пусть и не ахти какие, но деньги. Ибо за месяц до рождения близнецов, первого августа, увидело свет еще одно его детище — сборник стихов, принеший ему молниеносную и громкую славу... Родители Джин уже ничего не имеют против такого зятя, напротив, они чуть ли не открыто подталкивают дочь к возобновлению фактических супружеских отношений.

Но Роберт Бернс уже вкусил славы и рвется и дальше завоевывать просвещенных читателей Англии. Он уезжает в Эдинбург — культурную столицу Шотландии, где всех восхищало его чтение стихов, его глуховатый, но сильный голос, его непринужденные манеры. Естественно, женщины одолевали его своим вниманием. И снова в жизни Роберта появляется "любовь до гроба" — молодая, богатая вдова Нэнси. И снова он возвращается домой, к Джин, которая все ему прощает, и которая рождает ему еще одного черноглазого сына...

Осенью 1789 года Джин официально становится миссис Бернс. На сей раз было все, как положено: и венчание, и свадебный пир. Только новобрачная обошлась без фаты и флердоранжа, но в Шотландии это было обычным явлением. Так же, как и присутствие на свадьбе одного или нескольких детей. Необычным было только то, что жених уже стал известен далеко за пределами своей родины.

Но это вовсе не значит, что отныне его жизнь стала сплош-

ной идиллией. Тот же Вальтер Скотт говорит о "сумасбродстве этого удивительного, гениально одаренного человека". А кто больше всего страдает от сумасбродств мужа? Ну, конечно, жена, и разве ей легче оттого, что теперь уже она — жена законная?

Не надо обладать особой проницательностью, чтобы догадаться: чаще всего причиной волнений были женщины. И хотя в одном из писем Бернс уверяет, что его "сердце воспламенялось до того часто, что вовсе остекленело", прекрасные незнакомки по-прежнему кружили ему голову. Поэт признается: "На дамский пол поглядываю с восхищением".

Стихи подтверждают, что это не пустые слова. Были мимолетные связи, были продолжительные, а одна закончилась появлением на свет ребенка — еще одного незаконнорожденного ребенка Бернса, вот только, в отличие от первого, при родах умерла мать... Ее заменила Джин, в то время кормившая грудью своего очередного сына. Молона хватало обоим...

Что ж, с женой Бернсу действительно повезло: мало кто из представительниц прекрасного пола способен на такое сочувствие и всепрощение. Джин любила Роберта до самоубийства, и если не могла, подобно ему, выражать свои чувства в стихах, то часто изливала сердце в песнях. По свидетельству современников, она обладала удивительно сильным, чистым и нежным голосом, который сделал бы честь любой оперной певице. Но Джин пела только для

детей, которых у нее было уже четверо. Да еще один — от скончавшейся любовницы мужа.

Осень 1795 и зима 1796 года стали роковыми для Бернса. Он уже давно страдал приступами боли во всех суставах и частыми, внезапными обмороками — следствием болезни сердца. А его лечили ледяными ваннами и крепким вином — то есть бунвально подталкивали к могиле. Но стихи он писал бунвально до последней минуты. Она наступила 19 июля 1796 года. Роберту только-только исполнилось тридцать семь лет — воистину роковой возраст для поэта.

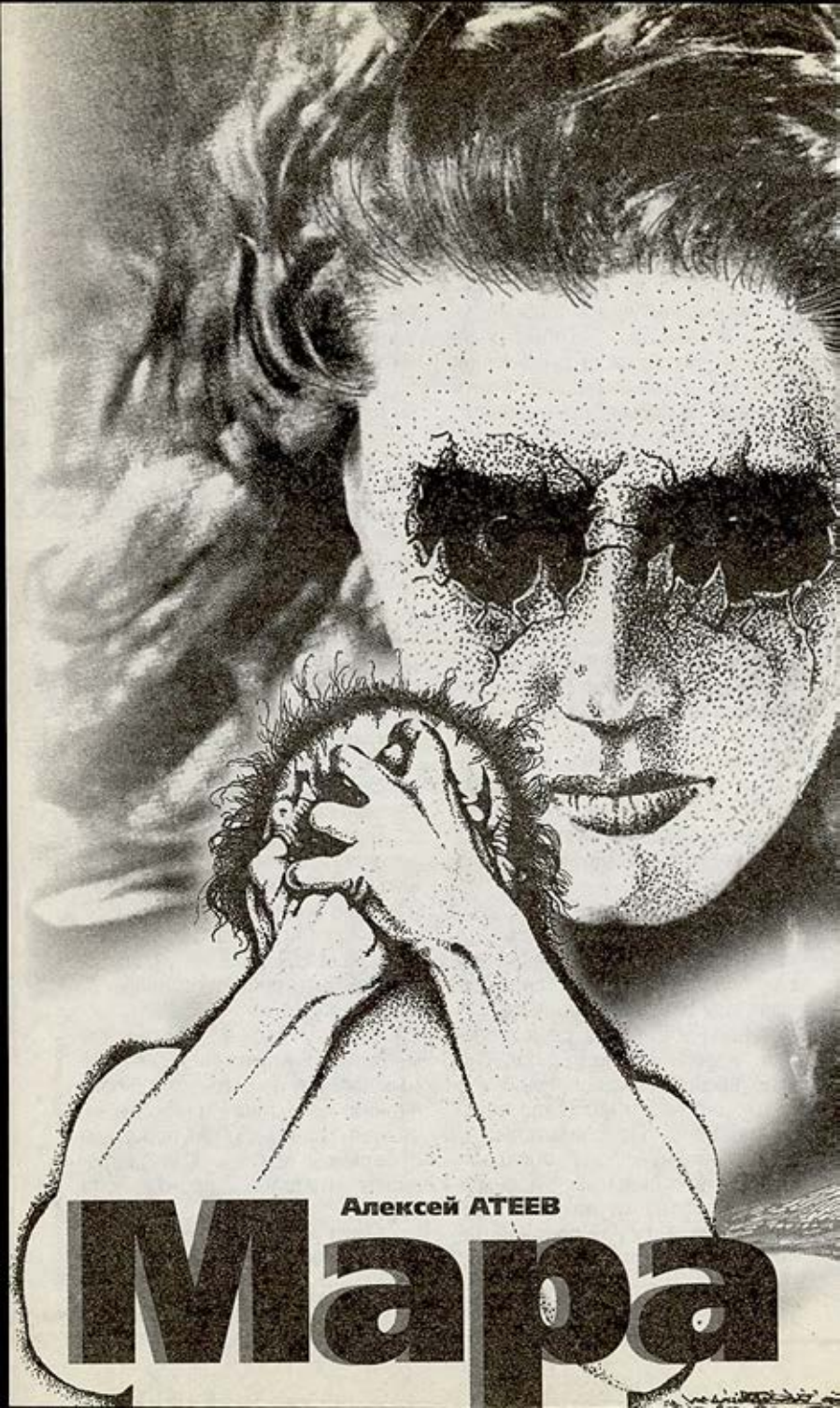
25 июля 1796 года вся Шотландия хоронила Роберта Бернса. Вся, кроме Джин. Джин рожала своего пятого сына... Отцу не суждено было увидеть его, но не зря говорят, что поэты предвидят будущее.

*Был в сентябре вознагражден
Он за любовь и верность.
Ему подругой был рожден
Наследник — новый Бернс.*

В этих строках лишь одна неточность: название месяца. Но жизнь распорядилась по-своему, и у Льва родился Львенок. К сожалению или к счастью, ни один из сыновей Бернса не унаследовал таланта своего гениального отца.

Роберту Бернсу поставлено множество памятников, от самых простых до вызывающе-помпезных, но главный из них — народная память. До сих пор стихи и баллады поэта в Шотландии знают наизусть практически все.

А это и есть то, что принято называть бессмертием. ■

Алексей АТЕЕВ

Мара

рисунок Виталия Федорова

Как только в стране официально разрешили богатеть, Валерий Десяткин решил открыть свое дело. Тут нужно заметить: еще очень давно, со времен нежного возраста, он мечтал о чем-нибудь подобном. Сидя на задней парте и перебирая выменянные у одноклассников марки, смысленный малец предавался сладким мечтам: вот бы иметь небольшой филателистический магазинчик или хоть киоск. Пацаны бы бойко раскупали всякие там “гвиней” и “амбоджи”, а навар шел ему, Валере. Позже шустрый ребенок приблизился в думах уже к книжному магазинчику, торговавшему сочинениями Дюма и Конан Дойла, а потом и к мясной лавке. Но, увы, нравы в ту пору царили иные: советский народ уверенной поступью шагал к коммунизму, и частное предпринимательство тлело разве что на городской барахолке, именуемой в определенных кругах “тучей”.

Несмотря на свои низменные задумки, Десяткин сумел более-менее успешно закончить школу, отслужить в армии, а чуть позднее получить высшее образование. По специальности юноша, как было записано в дипломе, являлся преподавателем черчения и рисования. Но педагогика не манила новоиспеченного учителя. Какое-то время он подвизался на шабашках: оформлял в многочисленных совхозах и колхозах стенды почета, красные уголки и столовые. Поднакопив деньжат на сельской ниве, Валера забросил халтуру и взялся за скользкий, папахивающий криминалом бизнес, подпадающий под действие статьи 154 УК Российской Федерации. Проще говоря, наш герой стал фарцовщиком.

В те, уже ставшие легендарными, годы голубые джинсы “Левис” или “Монтана” считались неотъемлемым атрибутом уважающего себя молодого человека. Юноша, не имевший джинсов или носивший изделие “Московшвея” с чебурашкой на правой ягодице, становился изгоем. Шансы познакомиться с приличной девушкой для такого, с позволения сказать, индивидуума равнялись нулю. Сколько не ведомых миру, но подлинно шекспировских страстей разыгралось на почве обладания заветными штанами, сколько молодых людей становились на путь порока и даже преступления ради коттонового монстра. Не с этого ли, на первый взгляд, безобидного символа западного образа жизни начался застой и распад нашей некогда великой державы?

Джинсы стоили приблизительно две среднемесячные зарплаты передового лекальщика. Тех, кто ими торговал, ожидали невиданные барыши. И Валерий Десяткин, быстро смекнув это, составил конкуренцию “Текстильшвейобувторгу”. Источники поступления голубых штанов на территорию СССР были разными. Однако одним из наиболее простых и доступных являлся путь через польскую границу. Предприимчивые краковские пареньки

* “Мара — мана, блазнь, морокъ, морока, наваждение, обаяние, греза, мечта, призрак, привидение, обман чувств и самый призрак”. (Толковый словарь Владимира Даля.)

прибывали в город Львов, нагруженные товаром словно верблюды, а здесь их уже ждали отечественные бойцы невидимого фронта. Начиналась бойкая торговля текстиля на золото.

Простенькое обручальное кольцо обменивалось на великолепную "Монтану", которая в родном городе Десяткина оборачивалась стопроцентной прибылью. Дело пошло. Позже коробейник расширил ассортимент и стал приторговывать предметами дамского туалета, косметикой и, наконец, импортной аудио- и видеоаппаратурой.

В момент наступления своего светлого будущего, о котором он так долго мечтал, а ему в ту пору уже стукнуло тридцать пять, господин Десяткин стал уже вполне солидной личностью. Он имел начальный капитал, собственный транспорт и готовность бесстрашно ринуться в пучину капиталистических отношений.

Неожиданно для многих знакомых Десяткин избрал своим новым поприщем торговлю предметами старины.

Город, в котором проживал Валера, был одним из старинных провинциальных городов России. До революции он размеренно и уверенно существовал и процветал, не очень-то обращая внимание на обе столицы. Здесь имелось богатое и многочисленное купечество, собственно, на нем и держался этот край, а также некоторое количество представителей дворянского сословия. Естественно, эти люди владели доходными домами, лавками... Имелись и особняки с мраморными каминами, украшенными безделушками из севрского фарфора, обставленные хорошей мебелью, картинами, горками и буфетами, набитыми столовым серебром, гардеровским и кузнецовским фарфором.

Однако суровые двадцатые, да и последующие годы разметали сокровища. Драгоценную мебель пустили на растопку буржук, серебро конфисковали, а уникальный фарфор превратился в груды жалких черепков. Что ж поделать, время было такое, не до роскошеств... Однако кое-что уцелело. Конечно, пустяки, мелочь. Но и мелочи сегодня стоили баснословных денег. На остатки былой роскоши и сделал ставку господин Десяткин. Он арендовал угол в одном из городских магазинов и начал торговлю всякой ерундой: старинными монетами, медными самоварами, недорогими иконами, дешевой фарфоровой и фаянсовой пластикой и прочей мелочевкой. Одновременно он принимал на комиссию почти все, что приносили многочисленные городские люмпены: спившиеся актеры, зловещего вида старухи, промышлявшие неизвестно чем, молодые красавцы с алчущими с похмелья глазами.

Случалось, что ему доставляли действительно редкие вещи, например, коронационные рубли, старинные эмали, иконы в серебряных окладах, тарелки из дорогих сервизов. Вот ради этих-то раритетов он и содержал "утиль-контору", как сам называл свое детище.

На раритеты у него всегда имелись состоятельные покупатели. Сначала он увозил их в Москву, продавал знакомым торгов-

цам, которые, как он знал, в основном переправляли их за кордон, но в последнее время желающие покупать антиквариат обьвились и в родном городе. В основном те, кого нынче называют "новыми русскими", разбогатевшие в одночасье господа и дамы, стремившиеся вложить легкие денежки в нечто вечное. Они любили иконы, старую живопись, дорогую мебель. Покупали много и охотно, особенно не торгуясь, поскольку у Десяткина имелась прочная репутация человека в высшей степени щепетильного и порядочного.

Все бы хорошо, если бы не конкурент, некто Боря с трудно запоминаемой фамилией — нечто вроде Кацнеленбогенман. Возрастом примерно одних лет с Десяткиным, внешне он представлял совершенную ему противоположность. Десяткин был высок, строен, белокур, носил аккуратные усики и очень походил на киношного белогвардейского офицера. Боря, напротив, рост имел маленький, волосы темные, на лице его сияли ласковые карие глаза, а дополняла картину словно приклеенная неопределенная улыбка — печальная и снисходительная одновременно. Тихий, не хамоватый Боря, тем не менее, обладал такой железной хваткой, что даже видавший виды Десяткин поражался. У одной старушки-генеральши остались после покойного мужа многочисленные ордена, в том числе очень редкие. Продать их старушка не желала ни в какую и завещала драгоценные пацки местному краеведческому музею. Валера давал ей приличные деньги, предлагал в обмен импортный телевизор и, наконец, потеряв всякую надежду, отступился.

Боря действовал значительно хитрее. Время от времени навещая бабуку, заводил с ней разговоры на душеспасительные темы, принес недорогой образок, лампадку, подарил Евангелие... Короче, генеральша неожиданно для себя уверовала в Бога, зачастила в церковь, где на нее, по ее же словам, снизошла благодать... В итоге Боре почти даром достались ордена. Что удивительно, старуха в молодости слыла пламенной комсомолкой, атеисткой до мозга костей. Вот и пойми после этого людей.

Каждая подобная победа Бори вызывала у Десяткина приступ мучительной боли наподобие зубной. Не столько расстраивали материальные убытки, сколько гадливое чувство, что проклятый иноверец вновь обошел его. Страдало профессиональное самолюбие. Но и Десяткину случалось опередить конкурента, и тогда он почти бегом спешил к неприятелю и, поигрывая глазками, рассказывал об очередной удаче, почти физически ощущая, как на душе у Бори скребут кошки.

Кроме них двоих, в городе имелось еще несколько человек, промышлявших антиквариатом, но принимать всерьез их не стоило. Были еще бессребреники-собиратели, желавшие купить на грош пятаков, но они вызывали лишь презрение. Как и в каждом серьезном деле, антиквары не могли обойтись без помощников, и хотя в оценке вещей полагались в основном на собственное чутье,

почти не прибегая к услугам профессиональных специалистов, чтобы избежать лишней огласки, однако, и у Десяткина, и у Бори имелась многочисленная сеть осведомителей и наводчиков, подсказывающих, где что “лежит”. Иногда они охотились за конкретной вещью, если на нее имелся заказ. Платили им за услуги немного, а иногда просто ограничиваясь бутылкой, но пользу “борзые” приносили немалую.

Одним из главных агентов Десяткина был старичок, которого Валера называл Флегонтыч-Ферапонтыч. Когда-то он был учителем истории и в старине кой-чего кумекал, теперь же главной его страстью стал алкоголь, что, впрочем, не мешало старичку сохранить живой жизнерадостный характер.

В один из летних вечеров, когда Десяткин в одиночестве дремал в своей лавчонке, неожиданно появился Флегонтыч-Ферапонтыч.

— А, старик, — взглянул без особого интереса на него Валера, стряхивая остатки дремы. — С чем пришел?

— Есть дело, — таинственно прошептал Флегонтыч-Ферапонтыч, прикрывая ладонью рот.

— Выкладывай.

— Сначала налей.

— А ты сначала скажи!

Старик засопел, зачем-то оглянулся по сторонам и молча направился к выходу.

— Постой!

— У меня нет времени.

— Да постой ты! Иди сюда.

Старик вернулся к прилавку и выжидательно посмотрел на Десяткина.

Валера порылся под прилавком, звякнул стеклом и достал оттуда наполовину наполненный стакан и редиску.

— Пей! — скомандовал он. — И побыстрее выкладывай.

Старик мигом схватил стакан и, несмотря на сильно дрожащие руки, одним махом проглотил его содержимое. Потом резко выдохнул и захрустел редиской.

Валера терпеливо ждал.

— Есть одно место, — наконец сообщил старик, — там старинных вещей во! — Он провел ладонью над головой.

— Что за место?

— Пил я в понедельник с одним хлопцем, ну, как водится, разговорились... Про древности... — Он с надеждой посмотрел на пустой стакан, но Валера сделал вид, что не понял его взгляда.

— Давай дальше, — потребовал он.

— Парень этот родом из деревни. И вот он рассказывал, что давно, еще как началась революция, местного помещика мужички раскулачили, все добро по хатам растащили. А вещей в усадьбе было — невпроворот. И будто бы до сих пор почти все помещичье барахло в целости.

Десяткин презрительно усмехнулся.

— Эти сказки нам известны. Не от тебя первого слышу.

— Парень говорит, — не обращая внимания на реплику, продолжал Флегонтыч, — мол, в домах имеются картины, разные вещи и даже кое-какая мебель.

— Не верю. Давным-давно все спалили или пустили коровам на подстилки. Так что, уж, извини. Не верю!

— Твое дело, — неожиданно спокойно заявил старик. — Пойду к Боре.

Услышав имя конкурента, Десяткин моментально вышел из себя.

— Стой! — прошипел он. — Ты, что же, мне подянки строить будешь?

— Налей, — невозмутимо сказал Флегонтыч-Ферапонтыч.

— Вот тебе! — Валера сунул старику под нос кукиш.

— Тогда прощайте.

— Ах, зараза!.. — Антиквар достал бутылку, плеснул водки в стакан. — Пей, старый... — он не договорил.

Старик моментально схватил стакан и неожиданно элегантно опрокинул его в свое дымящееся нутро.

— Спасибочки, — ехидно сказал он.

— Как называется деревня?

— Деревня именуется Чернотал, километров триста к югу. Ты, Валера, не сомневайся. Парень, про которого я рассказываю, не врет. Уж я в людях разбираюсь. Так что, садись в свой тарантас и дуй туда. А наварись, не забудь поделиться. — И Флегонтыч-Ферапонтыч отправился восвояси.

Рассказы о деревнях, где таятся несметные ценности, оставшиеся от прежней жизни, Десяткин слышал не один раз, но, зачастую, все они оказывались мифом. Конечно, попадалась кое-какая мелочевка, чаще всего иконы, но очень часто выручка не оправдывала даже дорожные расходы. К тому же народ, насмотревшись телевизора, плохо представлял себе, сколько на самом деле стоили иконы, и за плохонькую доску заламывали несусветную цену. Правда, дело обычно заканчивалось извечным российским компромиссом — бутылкой водки.

Валера посмотрел по карте. Действительно, до неведомого Чернотала оказалось далековато. Но это-то как раз и внушало надежду. Деревушка лежала вдали от культурных центров, значит, возможно, до сих пор не ограблена. Он вспомнил знакомого краеведа. Позвонить, что ли, ему, разузнать о Чернотале побольше. Нет, не стоит. Не дай Бог, проведает Боря... Или сходить в областную публичку? Там наверняка имеются какие-то документы. А впрочем, стоит ли? Больше времени потеряешь. Велики ли расходы? Только на дорогу. Так все равно две — три иконы окупят бензин.

У Валеры имелось две машины: элитная “девятка”, предназначенная для парадных выездов, и “Жигули” первой модели — “копейка”, старенькая, но тем не менее работавшая как часы, от-

лаженная и проверенная, используемая для подобных поездок. На дорогах нынче неспокойно, но Валера ездил без особых опасений: побитая “копейка” вряд ли у кого вызовет нездоровые чувства, на старую машину меньше обращают внимания. Для денег в машине был устроен тайник — ввек не сыщешь, оставалось только взять в дорогу еды и питье, посадить в лавку знакомую девчонку — и в путь. Жена Десяткина, которую он называл не иначе как “моя женщина”, отправилась вместе с дочерью в Анталию, а на обратном пути собиралась недельку пожить в Москве, так что и здесь ничего его не сдерживало.

Итак, на следующий день он отправился на поиски неведомой деревушки, где, якобы, таятся несметные сокровища.

2

До Чернотала, как оказалось, было не триста, а все четыреста километров, да и то только по карте. На деле же, как не без оснований предполагал Десяткин, дорога, скорее всего, будет еще длиннее. Но уж коль решил ехать, то давать задний ход не в его правилах. По правде говоря, Валера любил странствовать, причем, в одиночку. Сидишь себе за рулем, ничего не беспокоит, в голове роются всякие приятные думы, сама жизнь, словно дорога, кажется прямой и накатанной, вот если бы еще без ухабов...

Итак, ранним утром Десяткин отправился в путь.

Поначалу места, по которым он ехал, были хорошо знакомы, но потом шоссе резко свернуло на юг, а через десяток километров неожиданно закончилось, перейдя в незаасфальтированный, сильно разбитый тракт. По обеим сторонам дороги тянулись зеленые поля, над которыми чертили небо ястребки и кобчики.

Лето в нынешнем году выдалось необычайно жарким, знойным. Стояло начало июля, а пекло так, что казалось, наступи сейчас октябрь, все вздохнут с облегчением. В машине Валера открыл все окна, и потоки горячего воздуха врывались внутрь словно из жерла огнедышащей печи. Десяткин долго крепился, потом остановил машину, снял брюки, рубашку и, оставшись в одних плавках, снова сел за руль. Стало полегче, и он вновь повеселел. По асфальту машина бежала с приличной скоростью, но позже Десяткин рассудил, что торопиться особенно некуда, сбавил ход и стал глазеть по сторонам. Машин на тракте попадалось мало, навстречу, в город, неслись лишь молоковозы. Только однажды его догнала иномарка и, обогнав, резко рванула вперед. Десяткин равнодушно взглянул вслед лихой машине и неспешно продолжил путь.

К середине дня поля закончились, и по обе стороны машины раскинулась первозданная степь. Почему она до сих пор не распаханна? — недоумевал Валера. — А может, распаханна, да заброшена, и вновь превратилась в то, чем была тысячи лет. Удивляло его и то, что по тракту не встречаются населенные пункты. Это настораживало: туда ли, черт возьми, он едет? И спросить не у кого...

По краям дороги стояли километражные столбы, и Десяткин отмечал, что проехал уже порядочно, и если заехал не туда, то день, видимо, потерян. Но вот вдали показались верхушки деревьев, потом крыши, и Валера с облегчением вздохнул, наконец-то есть возможность узнать, на правильном ли он пути.

Первой навстречу попала молодка с полными ведрами. Валера улыбнулся — хороший знак — и спросил, как проехать на Чернотал. Бабенка, игриво поводя глазами, сообщила, что отродясь о таком не слыхивала.

— А ваша-то деревня как называется?

— Затираевка, — удивленно сообщила молодка, — неужто не слыхали?

Далее по широкой улице шествовал гражданин неопределенных лет, на чьем лице читались мучительные раздумья, видимо, о смысле жизни. На вопрос о Чернотале он страдальчески закатил глаза и лишь махнул рукой.

Однако, подумал Десяткин.

Наконец он узрел грузовик, в моторе которого копался парень в замазленной ковбойке.

— На Чернотал? — переспросил тот и с интересом взглянул на Десяткина. — Второй раз за сегодня дорогу в эту дыру спрашивают.

— А кто еще? — насторожился Валера.

— Бээмвэшка в ту сторону пошла час назад.

Валера вспомнил, что обогнала его именно “БМВ”.

— Так как туда добраться?

— Выедешь из деревни и по тракту еще километров сто. Потом тракт кончится... Там еще тополя будут... Пойдет грунтовка... Еще километров сорок, и попадешь в этот самый Чернотал. И что вам всем там нужно?

Но Десяткин не стал рассказывать доброму человеку о причине своего визита в Чернотал, сел в машину и рванул вперед.

Нехорошие мысли смутили его ясную голову. Неужели проклятый Боря опередил? Флегонтыч-Ферапонтыч вполне мог и ему рассказать о полной сокровищ деревне. Правда, у Бори не имелось “БМВ”, он ездил на “Жигулях”, но ведь вполне мог нанять кого-нибудь или послать одного из своих клеветов. Однако вряд ли. Все серьезные дела Боря предпочитал обделывать сам. Тогда что же это за иномарка? Просто совпадение? Ладно, как бы там ни было, надо сначала добраться до места, а уж потом строить предположения.

Начинало вечереть, но жара не спадала, напротив, стала еще тяжелее, казалось, машина рассекает раскаленное фруктовое желе. Густой пряный запах степей усиливал это ощущение. Ездить по ночам Десяткин не любил. К тому же, практика показывала: дела нужно делать с утра. Пора останавливаться на ночевку, а завтра завершить путь. Судя по всему, до Чернотала оставалось не так уж много.

Неожиданно он увидел вдали купу деревьев, росших посреди степи. Видать, те самые тополя, — рассудил он, — самое место для привала. Действительно, пять громадных деревьев росли чуть поодаль от тракта. Валера осторожно съехал с крутой насыпи и загнал машину в скудную тень. Он вышел, размял затекшее за день тело, поозирался по сторонам. Откуда взялись эти деревья, посадил ли их какой-нибудь энтузиаст-озеленитель или выросли сами из занесенных неведомо откуда семян... Возле тополей валялись останки древней сельскохозяйственной техники. Железки, видимо, пролежали здесь не один десяток лет, поскольку казались сильно изъеденными коррозией. Рядом с несчастной техникой имелось давнее кострище, возле которого догнивало несколько ржавых консервных банок.

Десяткин неспешно достал провизию, затеплил мини-примус, вскипятил воду, заварил чай, достал фляжку с коньяком и смачно, со вкусом поужинал. Он всегда ел обстоятельно и неторопливо.

Потом разложил сиденье, постелил постель и посмотрел на небо. Стояли самые длинные дни года, но уже начинало смеркаться. Над головой бушевал закат, и небывалое сладкое чувство охватило антиквара. Ему почему-то стало грустно, защемило в груди, то ли от выпитого коньяка, то ли от грандиозного зрелища закатного горизонта. Десяткин достал из пачки мальборину и, пригорюнившись, взирал на буйство небесных красок. Вдоволь насмотревшись, Валера отбросил в сторону окурков и отправился спать.

Лежа на жестком ложе, он непрерывно ворочался, стараясь устроиться поудобнее. В машине стояла нестерпимая духота, к тому же мешал рычаг скоростей, словно нарочно старавшийся попасть в самое уязвимое место... Когда удалось принять более-менее приемлемое положение, под ухом стал назойливо пищать комар. Откуда, спрашивается, взялся комару посреди раскаленной степи, но ведь нашелся, мерзавец. Десяткин пытался изловить кровопивца, но безрезультатно. Чертыхаясь, он вылез из машины. Было уже совсем темно. Тогда Валера решил развести костер. Светя фонариком, набрал щепок, сухих тополиных веток, разжег костерок и улегся на войлочную кошму, рассеянно глядя на огонь. Потом поднялся, отыскал фляжку и глотнул из нее обжигающей ароматной жидкости.

Великолепие степной ночи завораживало. Где-то рядом посвистывали перепела, нежно и печально выводя одну и ту же заунывную строку. Непрерывно стрекотали кузнечики. Прохладный ветерок касался разгоряченного за день лица, и его прикосновение навевало мысль о сладких женских ласках. Костерок почти потух, но время от времени легкий порыв ветра раздувал угли, и они светились глубоким малиновым светом, а через минуту вновь подергивались серой пленкой золы.

Пахло травами и дождем. Вдалеке изредка вспыхивали зарницы, освещая кусочки неба причудливым мерцающим светом. Десяткин лежал на кошме и смотрел на догоревший костер. На него

навалилось состояние странного оцепенения, похожее на сон, хотя он прекрасно видел все вокруг. То ли от выпитого коньяка, то ли от окружавшего его великого покоя, пришли мысли о смерти. Они сонно шевелились в черепной коробке, не вызывая ни грусти, ни страха, а лишь тупое удивление: как же так, все это великолепиие — благоухающая степь, усыпанное звездами небо — будет всегда, а его, Десяткина, не будет. Тогда для чего вся суета, для чего эти метания в поисках даже не куска хлеба насущного... Просто все превратилось в некое подобие спорта, увлекательное занятие, но бессмысленное, от потраченных впустую колоссальных усилий.

Оцепенелый взгляд путешественника оторвался от костра, переместился в черную бесконечность степи, и Валере показалось, что неподалеку кто-то стоит и смотрит на него. Он пригляделся. Так и есть, чуть белеющая неясная фигура виднелась возле дорожной насыпи. Кто бы это мог быть? — рассеянно подумал Десяткин. Фигура стояла неподвижно, и не определить: мужчина перед ним или женщина. Страха он не ощущал, но и любопытства тоже. Стоит и пусть себе стоит. Он снова уставился на рдеющие угли, а когда вновь поднял глаза, то обнаружил, что фигура чуть приблизилась. Теперь Десяткину показалось, что перед ним женщина. Внезапно костер ярко вспыхнул, на миг ослепив его, а когда Валера снова стал видеть нормально, никакой женщины рядом не наблюдалось.

Показалось, равнодушно подумал он и снова взглянул на то место, где впервые увидел белеющий силуэт. Фигура стояла на прежнем месте, а затем начала медленно двигаться к нему. Вот уже можно различить черты лица... Костер опять полыхнул... и все исчезло. Сколько раз так повторилось, Десяткин не мог точно сказать, но с каждым разом он все отчетливее и яснее мог разглядеть лицо — молодое, странно неподвижное и холодное. Женщина смотрела не на Десяткина, а как бы сквозь него, словно не замечая. Примечательная штука творилась и с разумом нашего героя. Валера никак не мог понять, спит он или бодрствует.казалось, все происходит наяву, но почему же природа словно застыла: не слышно стало стрекота кузнечиков, пересвиста перепелов, даже воздух замер, и ни малейшее дуновение ветерка не касалось лица. Лишь над головой неестественно ярко сверкал ковш Большой Медведицы. И в то же время представлялось, что он вовсе не спит, так явственно воспринимал отдельные детали лица и одежды ночной гостьи. А может, это сон? Он попытался встряхнуть головой, ничего не получилось. Значит, все-таки спит. Видение неожиданно исчезло, и вновь он ощутил, как время сдвинулось с мертвой точки. Природа пришла в движение...

Он откинулся на кошму навзничь и уставился в небо. Звезд-то сколько! Давно он не вглядывался в беспредельные глубины ночного небосвода. Звезды увеличивались, разгорались все ярче и вдруг закружились, словно увлеченные могучим потоком.

Проснулся Десятки от холода. Он открыл глаза. Понемногу начинало светать. Костерок совсем потух. Серый сумрак постепенно рассеивался, наступал день. Десяткин поднялся, почесал затекшую спину и побрел в машину досыпать.

Вторично он открыл глаза, когда июльское утро было в самом разгаре. Ярко светило солнце, еще чувствовалась утренняя свежесть, но жара пришла быстро и необратимо. Он взглянул на часы: было около девяти. Ничего себе! Вот это продрых. Десяткин отворил дверцу и вылез из машины. Вокруг по-прежнему пустынно, лишь поодаль, по желтой высохшей траве важно прохаживался чибис. Десяткин недовольно посмотрел в сторону глупой птицы, своим присутствием чибис нарушал привычный порядок вещей. Ведь его место на болоте, а не посреди жаркой степи. Однако чибис, видимо, не знал, где ему полагалось находиться, потому что, не обращая внимания на недовольные взгляды человека, продолжал свои прогулки, время от времени толкая клювом сухую землю.

Наскоро умывшись из канистры, Десяткин попрыгал на месте, разминая затекшие члены, потом решил пробежаться. Подобные пробежки он совершал каждый день, разумно считая, что они полезны для здоровья. Он вообще был человеком весьма правильным, даже педантичным. Побегав вокруг машины, Десяткин поднялся на дорожную насыпь и трусцой побегал вперед. Внезапно он заметил, что по другую сторону насыпи, прямо напротив тополей, стоит некий странный предмет, напоминавший высунувшийся из земли неестественных размеров палец, направленный в небо. Несколько удивленный, он приблизился к непонятному предмету. Это оказалась могила с памятником — металлической пирамидкой, некогда выкрашенной голубой краской, но давным-давно облезшей и теперь покрытой лишаями ржавчины. Венчала обелиск традиционная пятиконечная звезда, однако имелась тут некая странность. Десяткин присмотрелся и понял, в чем она заключалась. Звезда оказалась перевернутой, и ее центральный луч был направлен в землю, а вверх словно маленькие рожки торчали два нижних луча. Покачав головой, осуждая небрежность неведомых изготовителей памятника, Десяткин попытался разобрать полустертую временем надпись. Однако это не удалось. Более-менее отчетливо проступали только три последние буквы фамилии: не то “ова”, не то “ева”, а может, и “ина”. Неужели женщина? — удивился Десяткин. В своих многочисленных поездках он встречал подобные обелиски постоянно. Но обычно под ними покоились, если, конечно, памятник просто не обозначал место катастрофы, лихие шофера, весельчаки и бабки, прикемарившие за баранкой и слетевшие в результате в кювет, а то просто хмельные молодцы-мотоциклисты, не совладавшие со своими “стальными конями”. Да мало ли кто погибал на дорогах. Однако памятники женщинам встречались довольно редко.

Поразмыслив еще минутку о печальной участи незнакомки, нашедшей здесь свое успокоение, Десяткин побежал назад к машине, сразу же забыв о могиле. Вскоре он отправился дальше.

Ровная, как стол, степь сменилась невысокими пологими холмами. Влетев на вершину одного из них, Десяткин увидел впереди в низинке селение. Видимо, это и был загадочный Чернотал. Деревушка стояла в излучине небольшой речонки, сейчас и вовсе обмелевшей. Машина въехала на единственную улицу и остановилась. Десяткин вылез, огляделся. Было очень жарко и совершенно пустынно. Налетавший время от времени горячий ветер закручивал маленькие пыльные вихри. Казалось, все вокруг вымерло.

Валера постоял возле машины, потом неторопливо пошел к стоявшему поодаль невысокому колодцу, прикрытому покосившимся навесом. Он столкнул в сумрачную глубину деревянное замшелое, охваченное металлическими обручами ведро. Звякнула цепь раскручиваемого барабана, в глубине колодца послышался всплеск. Через минуту наполненное плещущей через край водой ведро стояло на краю колодца. Десяткин напился, отметив, что вода очень холодная и вкусная, вытер губы ладонью и осмотрелся. Пора приниматься за дело.

Когда-то давно, еще до всяких перестроек, для того, чтобы обшманать деревеньку, нужно было всего лишь показать в сельсовете фальшивое удостоверение сотрудника областного краеведческого музея. Этого оказывалось вполне достаточно. Провожатый водил по избам и настойчиво рекомендовал поселянам проявить понятие и оказать содействие товарищу ученому. Дальше все зависело от удачи. Народ верил всему. Покажи, к примеру, бумагу, удостоверяющую, что ты — директор Эрмитажа, и это бы сошло. Нынче не то. Люди, напуганные телевизионными страстями, стали недоверчивы и осторожны. Иной раз встречали чуть ли не с ружьями в руках. Но Валера имел располагающую внешность, широкую, до ушей, улыбку, и очень быстро входил в доверие. Вот и теперь он прежде всего рассчитывал на собственное обаяние.

Дверь первого дома, куда он постучался, отворила немолодая баба, облаченная в нечто, отдаленно напоминающее халат.

— Чего надо? — спросила она, не откликаясь на приветствие.

— Нет ли у вас в хозяйстве старых вещей? — осторожно спросил Десяткин.

— Каких еще вещей?

— Ненужных...

— Тряпья?

— Нет, не тряпья, а старинных предметов.

— Вася! Иди сюда! — закричала женщина куда-то в глубь дома.

На зов явился заспанный мужик в сатиновых трусах и линялой сиреневой майке.

Он недоуменно воззрился на хозяйку, совершенно не замечая Десяткина.

— Вот, какой-то... — баба кивнула на гостя, — старыми вещами интересуется.

Мужик оглядел Десяткина с ног до головы с таким видом, словно перед ним находилось неведомое насекомое.

— Старинными вещами? — переспросил он. — Какими, например?

— Видите ли, — начал Валера, демонстрируя лучшую из своих улыбок, — я покупаю предметы старины...

Слово "покупаю", видимо, понравилось мужику. Он ощерил гнилые зубы и более дружелюбно взглянул на Валеру.

— А водки у тебя не найдется? — неожиданно заинтересовался он.

— Есть. — Десяткин продолжал улыбаться во весь рот.

— Так неси. — И, не обращая внимания на недовольные взгляды хозяйки, мужик направился в дом.

Через несколько минут они вдвоем сидели на открытой веранде за столом, уставленным тарелками и мисками с сельскими яствами: крупно нарезанным розовым салом, солеными огурцами и помидорами, холодной вареной картошкой.

— Ты, значит, древностью интересуешься? — спросил Вася, когда выпили по первой. — Есть у меня древность. Пимокатный станок. Дедуня мой, царствие ему небесное, валенки катал. Ценная вещь. Музейная!..

— Пимокатный станок мне не нужен, — отнекивался Валера.

— Нет! Пойдем, посмотрим!

Десяткин нехотя поднялся и отправился смотреть.

Станок действительно оказался весьма древним и напоминал окаменевшего детеныша динозавра. Валера, подлаживаясь под хозяина, с уважением повздыхал: "Да, вещь!" Но приобрести отказался, ссылаясь на то, что в данный момент увезти станок будет не под силу.

Потом выпили еще по одной. Опытный Десяткин наливал себе поменьше, а хозяину побольше. После каждой рюмки обнаруживался новый раритет. Десяткину продемонстрировали: примус, пара вальков для отбивания белья, разломанную прялку. И вдруг на свет появилась действительно интересная вещица: старинная кофейная мельница.

Э-ге, — подумал Десяткин, разглядывая причудливый узор на ее позеленелом медном боку, — уже кое-что, не обманул Флегонтыч-Ферапонтыч...

— Эту штуку я, пожалуй, куплю, — сообщил он Васе.

— А сколько дашь? — тут же заинтересовался тот.

Десяткин пожал плечами:

— Твоя цена.

— Бери так, — неожиданно заявил Вася. — Ты мне, брат, понравился. Сразу видно русского человека... Бери! Все равно эта дрянь ни на что не годится. С детства ее помню, без толку валяется... Забирай.

— А как она к вам попала?

— Да кто ж ее знает. Валяется и валяется. А что, вообще, это такое?

— Кофейная мельница. Кофе молоть.

— Ничего себе! У нас кофе отродясь не водилось. Чай все больше пьем... или водочку. — Он кивнул на бутылку.

Десяткин понял намек и охотно налил Васе.

— Знаешь что, — встrepенулся хозяин, закусив рюмку ломтиком сала, — пошли к Петру, у него тоже имеются кое-какие древности. У тебя еще бутылка есть?

Десяткин кивнул, прикидывая в уме, что мельница, если ее привести в порядок и начистить, стоит никак не менее, чем полсотни поллитровок.

Петра дома не оказалось. Отправились к какому-то Витьку. Витек, молодой круглолицый губастый парень, встретил незваных гостей без особого восторга, но, увидев бутылку, оживился. Через час Десяткин стал обладателем двух почерневших серебряных ложек, разрозненных шахматных фигурок, видимо, из слоновой кости, и древнего медного собачьего ошейника.

— Клондайк, — произнес он вслух, когда они продвигались к следующему дому.

— Чего? — переспросил Вася.

— Места, говорю, у вас красивые.

— Да чего тут красивого, — презрительно пробурчал Вася. — Одно слово, деревня!

Скоро водка, привезенная с собой Десяткиным, кончилась, но в местном магазинчике этого товара имелось в достатке. Туда снарядили двух юнцов, и экспедиция продолжилась. Очень скоро Валера перезнакомился почти со всеми обитателями Чернотала, и хотя он старался не пить, в голове у него уже изрядно шумело. Вместе с тем прибавлялось и количество найденных древностей. И хотя многие пребывали в плачевном состоянии, душа Десяткина пела. Особенно он возликовал, когда обнаружил в одном из домов два старинных полотна. Картины почернели от времени и грязи, но опытный глаз разобрал, что перед ним нечто действительно ценное. Похоже, восемнадцатый век, — пьяно кумекал он. — А если так... Чтобы не сглазить, он даже старался не думать о вырисовывавшихся перспективах, если картины действительно окажутся чем-то стоящим.

— Откуда это все? — не раз задавал он вопрос обитателям Чернотала, но большинство пожимало плечами. Кое-какой свет пролил лишь старик — владелец полотен.

— Тут до революции, — без особой охоты разъяснил он, — было имение... Помещик, значит, проживал... Фамилию забыл... Усадьба стояла над деревней, на крутояре. При ней сад имелся... Или парк... Пруды были... Словом, богатая вотчина. Ну вот. Как семнадцатый год наступил, мужички имение оприходовали. Разорили то есть... Все, что в нем содержалось, растащили по домам.

Вот это барахло с тех пор и валяется. Сейчас, конечно, ничего ценного, считай, не осталось. А раньше и мебель в избах можно было барскую увидеть, даже рояль была... Ее потом в клуб перетащили, а клуб возьми да сгори. Словом, лишь хлам уцелел. Копеечный.

Но Десяткин считал по-другому, хотя своих соображений вслух не высказывал.

Заснул он в доме своего первого знакомого Васи и, проснувшись среди ночи, долго не мог понять, где находится.

На следующий день он, наконец, распрощался с гостеприимными поселянами, пообещал вскоре снова приехать и отправился восвояси.

3

Было часов десять утра, когда Валера вырулил за пределы Чернотала. Ему мучительно хотелось остановиться где-нибудь у дороги и обозреть как следует свои приобретения, но многолетний опыт подсказывал, что лучше всего это сделать дома. Только там можно уверенно разделить добычу на вещи и хлам, а пока нечего забивать голову лишними сомнениями и огорчениями. Он лишь несколько раз оборачивался, поглядывая на заднее сиденье, заваленное вещами, словно проверяя, не приснилась ли ему столь невиданная удача.

Может быть, именно поэтому он не обратил внимания, в какой момент перед машиной появилась женская фигура с поднятой рукой. Десяткин не любил попутчиков и редко подсаживал их, но сейчас неизвестно почему притормозил и распахнул дверцу.

Женщина молча села рядом.

— Вам куда? — спросил Десяткин.

— Я скажу, где меня высадить, — односложно ответила она и устала на дорогу.

Хмурая какая, — удивился Валера, трогая машину. Он мельком взглянул на женщину. Довольно молодая и вроде бы красивая: правильные черты лица, прямой, классической формы нос. В профиль он не мог разглядеть цвет глаз, но отметил длинные ресницы. Кто она такая? Одежда вроде городская. Впрочем, сейчас все одеваются одинаково.

— Так где вас высадить? — вновь поинтересовался он.

Она слабо усмехнулась:

— Уже жалеете, что посадили меня?

— Да нет... — Он смутился. — Просто интересно, куда направляется такая симпатичная дама. Вы в Чернотале живете?

Она повернулась к нему, и Валере показалось, что они уже где-то встречались.

— Где я живу?

— Ну да.

— Недалеко отсюда. — Она вновь устала на дорогу.

И черт с тобой, — подумал Десяткин, — не желаешь говорить, и не надо.

— А вы, Валерий Павлович, — неожиданно нарушила молчание попутчица, — не боитесь путешествовать в одиночестве?

— Мы разве знакомы? — изумился Десяткин.

— Удивлены, что я знаю ваше имя, так вы же вчера почти каждому в деревне представлялись. Правда, были несколько... — она замялась, — “подшофе”.

— Действительно, — промямлил Валера, — перебрал малость, издержки, так сказать, профессии... А что касается поездок моих: чего же бояться, ценностей особых при мне нет, машинишка так себе...

— На дороге всякое может случиться.

— Вполне возможно, но только не со мной.

— Не зарекайтесь.

— Вот вы знаете, как меня зовут, — решил переменить скользкую тему Десяткин, — а как вас величают?

— Мара.

Он скосил на попутчицу глаза. На ее лице блуждала странная усмешка.

— Мара — это сокращенно, — продолжил он расспросы, — а полное ваше имя? Тамара? Марина?..

— Вот я и приехала, — вместо ответа сказала женщина, — остановите.

Десяткин резко нажал на педаль тормоза, отчего больно ударился грудью о руль и удивленно осмотрелся. Они находились как раз возле давешних тополей, где он ночевал. Странно. Что она будет здесь делать? Ведь кругом голая степь. Может, поблизости есть какой-нибудь поселок? Впрочем, какое его дело.

Мара спокойно вышла из машины, на ходу бросив:

— До встречи.

— Счастливо оставаться, — буркнул Десяткин и надавил на газ. Он взглянул в зеркальце заднего вида и обнаружил, что попутчица стоит на дороге и смотрит ему вслед. Она оставалась в той же позе, пока совсем не скрылась из вида.

Кто такая эта Мара? — размышлял Десяткин. — На колхозницу не похожа, знает мое имя, как понимать ее последние слова “до встречи”? Может быть, тут все-таки замешан Боря? Выследил, поганец. Ведь обогнавшая его “бээмвэшкa” куда-то ехала. Скорее всего, они не знали его точный маршрут и, чтобы не тащиться сади и не мозолить глаза, поступили проще — ушли вперед, а выследив, подослали своего человека: мол, глянь, что у него там...

Впрочем, это лишь версия. Скорее всего, она — обычная деревенская жительница. Но, в таком случае, как понимать ее многозначительные намеки: не боится ли он путешествовать в одиночку. В то же время, зачем раньше времени себя выдавать, называть по имени-отчеству.

И стараясь не забивать себе больше голову, Десяткин включил приемник.

Он приехал домой, когда уже начинало темнеть. Быстренько перенес из машины вещи, свалил их прямо у порога и залез в ванну.

Смыв грязь, Десяткин поужинал, отхлебнул из заветной фляжки и приступил к разбору и систематизации награбленного. Нет слаще дела для понимающего человека, чем разбирать подобный хлам, разглядывать вещицы со всех сторон, выискивать затертые временем клейма мастеров, всматриваться в вещь, пытаться определить ее подлинную ценность. Но особым кайфом Валера считал составление списка добычи. Эта процедура, по его мнению, была подобна смакованию редчайшего деликатеса. Первым номером в нынешнем списке шла кофейная мельница. Вовсе не потому, что она являлась ценнейшим приобретением, просто Десяткин хорошо запомнил — именно с нее начался почин. Некоторое время он разглядывал причудливые арабески на ее боках, прикидывая, как мельница будет выглядеть, когда ее начистят и наведут глянец.

Далее из кучи он извлек почти целый бронзовый подсвечник, потом пару замысловатых шпор, за ними последовала статуэтка Наполеона с отколотым носом... Но все это были мелочи, самое ценное, как истый гурман, Валера приберегал напоследок. А самым ценным, конечно же, являлись картины. Он даже старался не смотреть в их сторону, как бы предвкусывая первое свидание... Наконец дошла очередь и до них. Десяткин поднял прислоненное к стенке полотно на уровень глаз и попытался рассмотреть, что же на нем изображено. Картина была обрамлена жалкими остатками некогда роскошной золоченой рамы. Видимо, раму не раз испытывали на прочность, а, может, искали внутри нее ценности, поскольку создавалось впечатление, что ее грыз зубами какой-то монстр. Но на раму Валере было наплевать. В конце концов, рам на свете достаточно. А вот само полотно... Он решил смочить губку водой и попытаться самостоятельно смыть грязь, но потом передумал, опасаясь испортить полотно еще больше. Здесь нужен специалист. Проще уплатить деньги за реставрацию, пусть немалые, но овчинка стоит выделки. Он присмотрелся: идиллический пейзаж в стиле Лоррена, несомненно восемнадцатый век, если, конечно, не поздняя копия. Что ж, можно и ошибиться, в его деле всякое случается, но если не фальшивка, то он, Десяткин, явно не прогадал, съездив в этот Чернотал. А вторая картинка? Он извлек ее на свет Божий. Овальный женский портрет, без рамы, не такой замызганный, как первое полотно, но, похоже, написанный значительно позже. Молодая дама на фоне растворенного окна... Вдали виднеется холмистый ландшафт. Похоже, автор пытался подражать старым мастерам. Пейзаж за спиной у дамы ярок и сверкающ, а она сама словно находится в тени, такой густой, что даже неразличимы отдельные черты лица. А может, просто наслоения грязи.

В это мгновение в дверь позвонили.

— Кого там несет? — вслух досадливо проговорил Десяткин и направился было к двери, но остановился. Он вдруг вспомнил все странности сегодняшнего дня.

Звонок повторился.

— Нет дома меня! Нету, и все тут! — Десяткина разбирала злость. Может, конкурент кого подослал?

Незванный гость никак не желал уходить.

Десяткин на цыпочках подкрался к двери и посмотрел в глазок.

Возле двери стояла женщина и смотрела прямо на него.

Сначала Десяткин не понял, кто перед ним. Потом до него дошло. Попутчица! Он похолодел. Что же делать? Валера не сомневался, что там, в глубине подъезда, скрывается пара-тройка здоровенных “быков”, и стоит ему отворить, как они ворвутся в квартиру и тогда...

Что произойдет дальше, Десяткин очень живо представил...

Не открою! Он замер, отпрянув от двери. Ведь, как знал, как знал... Точно, девка подослана... Эх, Боря, сука... Но что же делать?

Звонок звякнул коротко и зло.

Не отдавая себе отчет, что он делает, Десяткин щелкнул замком.

— Привет, — сказала женщина, — ну вот мы снова и увиделись, я же тебе говорила... — Она легонько отодвинула плечом хозяина и прошла в квартиру. Валера выглянул за дверь. Там никого не было.

— Вы... вас... Я не понимаю... — заикаясь, пробормотал он.

— Я у тебя переночую, — не вопросительно, а утвердительно сказала женщина, — а, Валерий Павлович?

Десяткин не знал, как повести себя дальше. С одной стороны, он нюхом чуял несомненную опасность, с другой... А почему бы, собственно, и нет. Она молода, привлекательна, Татьяна (это жена) в отъезде... Но как она узнала его адрес? Нет, явная подстава. Может, не стоит связываться? А если все-таки?.. Он посмотрел на гостью. Похоже, сейчас она одета не так, как утром, вроде, по-другому. Хотя ее тогдашний наряд он не мог вспомнить. На ней легкое открытое платье, подчеркивающее стройную фигуру и высоко открывающее стройные ноги. Длинные волосы подвиты, губы улыбаются... Глаза вот только... Непонятно, смотрят они на тебя или в сторону. Неуловимый взгляд; его никак не удастся поймать.

— Ты откуда узнала мой адрес? — спросил Десяткин, придя в себя.

— А разве это тайна? — На лице ее появилась насмешливая улыбка.

— Вроде я тебе его не сообщал...

— Мне — нет, а в деревне многих в гости приглашал, или не помнишь?

— Ах, в деревне... Так ты, значит, в Чернотале обитаешь? Тамошняя жительница...

— Обитаю, — она хмыкнула, — считай, что там, а впрочем, не все ли равно. Переночевать мне негде, вот и решила к тебе вернуться. А ты вроде недоволен? Не бойся, долго не задержусь.

— Нет, отчего же... Я, конечно... Но как ты в город попала?

— А где твоя жена? — вместо ответа поинтересовалась гостья.

— Жена? Ах да. Они с дочерью отправились отдохнуть. На юга, то есть.

— Вот и хорошо. Значит, никто нам не помешает. Я, с твоего позволения, немного сполоснусь, — и она направилась в ванную.

Несколько покоробленный такой бесцеремонностью, Десяткин растерянно стоял посреди комнаты, не зная, что предпринять дальше. Однако, решив не обращать внимания на деревенское воспитание, он отправился готовить ужин.

Из ванной доносился плеск воды, а Валера тем временем достал из холодильника какие-то консервы, маринованные огурцы и прочую нехитрую закуску, приготовился потчевать гостью. О том, что последует дальше, он старался не думать. Девица, конечно, приятная, однако стоит ли связываться. Ведь он ее совершенно не знает. А вдруг она... того... Еще подпиши какую-нибудь дрянь. Уж больно ведет себя развязно.

Покумекав, Валера решил ограничиться легким ужином, а затем отправить гостью "бай-бай". А завтра пусть уматывает на все четыре стороны.

Плеск воды в ванной внезапно прекратился, и Десяткин замер, сердце без всякой причины упало, замерло на мгновение, а потом забухало в груди. Десяткин судорожно сглотнул, непонятное волнение мгновенно высушило гортань.

В комнату впорхнула гостья.

"Незнакомка вошла голой" — пронеслось в голове у Валеры название недавно читанной западной книжонки. Именно таким образом и предстала перед ним Мара. В довольно тусклом освещении казалось, что от гостьи исходило чуть заметное сияние. Она была, как это не банально звучит, прекрасна. Все, с кем до сих пор приходилось общаться антиквару, и в подметки ей не годились. Женщина приблизилась к оцепеневшему Валере и легонько провела прохладными пальцами по его щеке.

Голова нашего героя пошла кругом. То, что происходило дальше, походило на цепь ослепительных вспышек, чередовавшихся с провалами в черные глубины. Ничего подобного он до сих пор не испытывал. Сознание выключилось, вместо него образовался странный нереальный космос, переполненный мраком и острейшим болезненным наслаждением, растворившим, казалось, каждую клеточку организма. Порой Десяткин испытывал приступы удушья, словно очутился в вакууме. Он пытался вздохнуть полной грудью, но вместо воздуха ощущал лишь обжигающую пыль на губах. Ему вдруг почудилось, будто он попал в гигантский рас-

каленный смерч, бушующий посреди безводной степи. Его подхватывало, несло, мягко поднимало ввысь, а потом бросало к самой земле.

Сколько все это продолжалось, Валера не знал, может, час, может, год. Но внезапно все кончилось. Восторг, боль, наслаждение пропали. Остался лишь мрак, и он, без сил лежащий в этом бесконечном липком мраке. Он чувствовал, что рядом кто-то есть. Некто холодный и еще более темный, чем окружающая мгла. Этот ледяной некто поглощал жар его тела, но облегчения не наступало, наоборот, вместе с холодом приходило тупое неопределенное беспокойство, переходящее в отчаяние.

4

Проснулся Десяткин поздним утром. Он тотчас вспомнил о своей гостье и повернул голову, рядом никого не было. Валера вскочил. Первое, что пришло в голову, его сокровища похищены. Он метнулся в соседнюю комнату; все вещи, привезенные из экспедиции, пребывали на своих местах. И картины оказались в целости и сохранности. Куда же девка делась, может, в ванной или на кухне? Но и там было пусто. Странно.

Он в задумчивости усталился на приготовленную на столе с вечера еду. Томатное содержимое консервной банки побурело, зеленый лук увял, лепестки вареной колбасы свернулись в трубочку, словно обмороженные уши. Таинственная гражданка исчезла, даже не подкрепившись. Но почему? Он попытался восстановить последовательность вчерашних событий. Она появилась из ванной в чем мать родила. А потом... Он усмехнулся. Потом они... занимались любовью. И помнится, было очень здорово. Как-то необычно. Подробности почему-то стерлись из памяти, а ведь он не пил. Непонятно.

Валера подошел к кровати и стал ее внимательно изучать. Его удивило, что напрочь отсутствовали следы ночных развлечений. Постель пребывала в относительном порядке, да и подушка на ней имела только одна. Значит, дама не ночевала? Когда же ушла? Весьма странно.

Он снова принялся обследовать квартиру. Нет. Ничего не похищено. Все вещи на своих местах. Ну, хоть волосок должен же остаться на подушке? Но и тут его ждало разочарование. Ни малейших материальных признаков пребывания гостьи он не обнаружил. Может, ее вовсе не было? Но как же так? Он был совершенно трезв, правда, очень устал после поездки. Но ведь от усталости не случаются галлюцинации. Женщина точно приходила, именно та, которую он подвозил, возвращаясь из Чернотала. Как же она выглядела? Молодая, красивая... Это он запомнил хорошо. А лицо? Как он не напрягал память, вспомнить его черты не мог. Вроде, светловолосая. А тело? Бедро, ноги? Нет, ничего. Даже не помнит, большая у нее грудь или маленькая. Валера почесал затылок и вновь принялся за исследование своих приобретений.

Комнату, где находились купленные и выменянные вещи, заливал яркий солнечный свет, и Десяткину вдруг показалось, что "сокровища" — просто куча старого хлама. Напрасно он успокаивал себя, прикидывая стоимость той или иной вещи, даже сумма предполагаемого навару не поднимала настроение.

— Помойка, — произнес он вслух.

Стоило ли суетиться, ехать за тридевять земель, чтобы притащить в дом груды мусора, которому место на свалке. Он поднял с пола кофейную мельницу, повернул рычаг. Агрегат издал тоскливый скрежет, словно жаловался на свою незавидную судьбу и старость. Стало так противно, что Десяткин швырнул "древность" в груды вещей. Взгляд его упал на грязные полотна. Еще вчера Валера восхищался своим приобретением, предполагая в них шедевры, сейчас же они показались убогой мазней. Пейзажик этот!.. Какой-нибудь деревенский маляр пытался скопировать случайно попавшую к нему репродукцию, а он решил, что перед ним Лоррен. Идиот! Женский портрет... Валера всмотрелся. Внезапно ему показалось, что сквозь грязь проступают знакомые черты. Так и есть! Его ночная гостья. Он схватил портрет, поднес к глазам. Она! Но как это можно объяснить? Ведь лицо женщины, кажется, ее звали Мара, он даже не может припомнить.

Десяткин поставил портрет на подоконник и, отойдя на несколько шагов, взгляделся в него.

Что-то шевельнулось в сознании. Слабая искорка вспыхнула в мозгу и тут же погасла. Бред! Как все-таки ее зовут на самом деле? Мара. Что это за имя такое?.. И куда она делась? Он вновь взглянул на портрет. Сейчас он не вызывал никаких ассоциаций. Неожиданно прозвучал звонок в дверь. Сердце антиквара екнуло. Вернулась — решил он и помчался открывать. Но на пороге стояла не известная Валере гражданка.

— Вам телеграмма, — равнодушно сообщила она. — Распишитесь.

Десяткин схватил бумажку и стал вчитываться в крупные, неровно наклеенные строки. Жена сообщала, что прибыла в Москву и проживет пару недель у подруги.

Почему телеграмма? — тупо соображал Валера. — Не проще ли позвонить? Сжимая бумажку, он стоял посреди комнаты и недоуменно смотрел на фотографию жены, висевшую на стене.

Дура, Танька, что ей приспичило давать телеграммы. Лицо жены на снимке смутно усмехалось. Десяткин всмотрелся. Потом заморгал и приблизился почти вплотную. На него взирала Мара. Он протер глаза. Танька... Да что же это происходит?! Просто сумасшествие какое-то. Он вновь искоса взглянул на снимок на стене. Фотография расплывалась и колебалась, словно отражение в воде. Так! Нужно пойти на свежий воздух.

Он постоял, глядя в окно, потом повернулся и вновь посмотрел на фотографию. Ему улыбалось лицо Татьяны. Он перевел дух, и

вдруг ему показалось, что жена подмигнула. Тьфу, ты! Десяткин мгновенно оделся и бросился на улицу.

Выскочив из подъезда, Валера направился было к стоящей поодаль “копейке”, но передумал и решил пешком дойти до своей лавки. Он взглянул на часы: почти десять. Хоть день только начинался, жара уже давала себя знать. Настоящий зной был еще впереди, но голова у Десяткина гудела, словно с перегрева. Откуда-то повеяло слабым, не очень резким запахом незнакомых пряностей, запах ввинтился в ноздри, и в левый висок “затюкал дятел”. Валера страдальчески поморщился, хотел вернуться за анальгином, но решил купить лекарство по дороге. Он медленно шел по теневой стороне улицы и старался не сосредотачиваться на головной боли. Народу вокруг было пока немного: пробежала стайка мальчишек, прошествовал навстречу важный пенсионер с молочным бидончиком, облаченный, несмотря на жару, в солидный теплый пиджак, украшенный рядами орденских планок. От его вида дятел в голове у Десяткина задолбил еще ожесточенней. До аптеки оставалось совсем немного, и Валера уже предвкушал, как проглотит пару таблеток анальгина и запьет их стаканом ледяной воды в ближайшем кафе. И вдруг ему показалось: впереди мелькнула знакомая фигура. Он напряг зрение.

Так и есть. Она! Метрах в двадцати от него шла Мара. Он прибавил шаг. Женщина, казалось, тоже пошла быстрее. Но странно, между ней и Десяткиным обязательно кто-то находилась, отчего Валера не мог наверняка решить: она это или не она. В настоящий момент дорогу загораживала группа долговязых переростков. Он попытался обогнать парней, но те переместились на тротуаре таким образом, что почти перегородили его. Молокососы явно никуда не спешили, они шаркали разбитыми кроссовками по пыльному асфальту, перебрасывались идиотскими шуточками, глупо хихикали.

Валера и так и этак вытягивал шею, стараясь разглядеть шедшую впереди женщину, но ничего не получалось. Тогда он рванул вперед, грубо растолкав юнцов. Однако прорыв удался лишь наполовину, поскольку кто-то грубо схватил его за рукав рубашки. Десяткин досадно оглянулся. Высокий прыщавый парень дынул на Валеру чесночным духом.

— Ты чо, дядя, по морде захотел? — глумливо поинтересовался прыщавый. Его приятели тем временем полукольцом обступили нашего героя. Силы были явно неравны. Десяткин резким толчком отбросил прыщавого и кинулся вперед.

— Держи его! — раздались позади истошные вопли, но Валера уже мчался вдогонку за предполагаемой Марой. Однако ее нигде не было видно.

— Потерял! — произнес он с отчаянием. На него оглядывались. Валера, не обращая внимания на реакцию прохожих, завертел головой во все стороны, стараясь отыскать женщину. Наконец ему показалось, что таинственная гражданка стоит на трол-

лейбусной остановке. Он опрометью помчался туда. В эту минуту подъехал троллейбус, и люди стали подниматься внутрь. Мара вошла вместе со всеми. Десяткин, как безумный, кинулся к дверям и последним пролез в троллейбус. Народу в нем оказалось с избытком. Десяткин попробовал протолкаться вперед.

— Полегче, молодой человек, — услышал он рядом, но даже не обернулся. В бок кто-то больно саданул локтем, со всех сторон раздавались недовольные голоса, но Валера упрямо продвигался вперед.

Где же она? Десяткин крутил головой, но обнаружить объект преследования не удавалось.

— Да где же она, черт побери! — заорал он на весь троллейбус.

— Пьяный, — услышал он рядом дребезжащий старушечий тенорок, — нажрут с утра и безобразят. Ишь, какой!..

— А что взять с этих нынешних, — поддержал бабу добротой одного с ней возраста. — Чего они видели, чего знают, им главное нахапать побольше, да нажратся... — Сквозь непрерывный гул до Десяткина долетало: “ничего святого...”, “заградотряд...”, “Сталина на них нет...” И вдруг сквозь невнятное бормотание в сознание врзались и разорвалось в нем, словно граната, слово “Чернотал”. Проговорили его как будто позади. Десяткин резко обернулся и очутился лицом к лицу с Марой.

— Ты? — прошептал он.

Она молчала и смотрела на него своим неуловимым взглядом.

— Ты! — заорал он на весь троллейбус. — Почему ты ушла?

Она не говорила ни слова, только слабо усмехалась.

— Да как ты?! — Он схватил ее за плечи и начал трясти.

— Убивают!!! — заверещали прямо ему в лицо, и Десяткин в величайшем изумлении увидел, что перед ним вовсе не Мара, а какая-то вовсе незнакомая старушенция с выкатившимися от испуга белесыми глазами.

— Убивают!!! — продолжала вопить бабка.

— Хулиган! — закричали трудящиеся. — В милицию его...

— Вяжи!..

Он попытался вырваться, но куда там... Вся ненависть к подобного рода молодчикам, разгуливающим в будний день в шелковых рубашках “Армани” и пристающих в общественном транспорте к старушкам с сексуальными домогательствами, выплеснулась наружу. Антиквара подхватили под белые ручки, и вот он уже трясется в жестком милицейском “газике”.

— Кто таков? — вскоре услышал Валера равнодушно-строгий голос.

Вопрошающий, старший лейтенант лет тридцати, смотрел на Десяткина без всякого интереса.

Десяткин потупился и промолчал.

— Пьян? — поинтересовался начальник.

— Вроде нет, — отвечали блюстители в сержантских чинах, — к старухе в троллейбусе приставал.

— Извращенец, — с веселым изумлением произнес старлей, — геронтофил. Ну, вот ты и попался, Пенкин!

— Почему Пенкин? — удивился Валера. — Моя фамилия Десяткин.

— А потому, — весело сообщил милиционер, — что Пенкин это условное обозначение извращенцев-маньяков вроде тебя. А то, что ты назвал фамилию, это неплохо, даже вовсе хорошо. Если, конечно, не врешь. Так, где тут у нас ориентировка? — Он извлек из груди бумажек машинописный листок и махнул им перед носом Десяткина. — Давно мы за тобой охотимся. Значит, бабушек предпочитаешь? Конечно... На вкус и цвет... И все же, не пойму, что вы, извращенцы, в них находите?

— Я не извращенец, — шепотом произнес Валера.

— А это мы сейчас узнаем, — добродушно проговорил старший лейтенант и всмотрелся в тусклую машинопись.

— Волосы темно-русые, — прочитал он и посмотрел на соломенную шевелюру Десяткина, — допустим. Глаза карие, — он пристально уставился в голубенькие глазки Валеры, — все зависит от освещения. Плотного телосложения — мог и похудеть, побегай-ка за бабками... Вроде сходится. Так как, говоришь, твоя фамилия, где живешь... — И он принялся заполнять какую-то бумагу. — Поедешь, друг-извращенец, в дом дураков, там тебе экспертизу устроят. Я ведь не психиатр, ты уж извини, хотя здесь и психиатром стать не долго.

Рука милиционера потянулась к телефону. Он коротко и веско изложил кому-то суть дела, потом положил трубку и почти ласково посмотрел на Десяткина.

— Сейчас за тобой приедут, геронтофил, а пока посиди на лавочке. — И он кивнул на ужасающего вида казенную скамью.

Валера присел и задумался. Переплет, в который он попал, ничего хорошего не предвещал, но, с другой стороны, может, так будет лучше? Несомненно, с ним происходит что-то неладное. Все эти галлюцинации... С чего они... Ведь должно же быть какое-то объяснение. Он болен, явно болен... Может, в психушке разберутся в причинах, а если это всего лишь недоразумение, то наверняка отпустят. Чего им зря его держать. Успокаивая себя подобным образом, Валера стал дожидаться развития событий. И они последовали.

Через полчаса прибыл микроавтобус, Десяткину надели наручники и в сопровождении двух милиционеров повезли неведомо куда.

Впрочем, очень даже ведомо. Антиквара везли в городскую психиатрическую больницу.

5

Машина остановилась перед одноэтажным баракком. Десяткину довольно вежливо помогли спуститься на землю, и вот он уже в маленькой беленькой комнатке сидит на привинченном к

полу табурете, туго уставившись в угол. По обе стороны стоят два архангела и во все глаза смотрят на своего подопечного. Дятлов в голове стало намного больше, потому что теперь долбежка ощущалась во всех ее уголках, правда, трудились они как-то нехотя, не в лад. Головная боль ушла куда-то вглубь и уже почти не беспокоила, а казалась неотъемлемой частью всего происходящего.

В тот момент, когда Валера прислушивался к своим ощущениям, в белую комнату вошел грузный пожилой мужчина, тоже облаченный в белое, а следом за ним молодец в грязноватом халате.

Белый мужчина молча взял из рук милиционера бумагу и стал ее читать, далеко отставив в сторону и изредка поглядывая на Валеру.

— Освободите ему руки, — приказал он.

Милиционер снял наручники, и Десяткин потер занемевшие запястья.

— Итак, — сказал “белый”, кивком отпуская милиционеров, — что с вами случилось?

— Да ничего, — ответил Десяткин, — попал сюда явно по ошибке.

— Так-так, — успокоительно произнес “белый”, — а как понимать: “по ошибке”? Что, собственно, произошло?

— А вы, извините, кто такой? — в свою очередь поинтересовался Валера, вглядываясь в одутловатое лицо сидящего напротив него человека.

— Я врач, зовут меня Иван Сафронович, буду вас лечить.

— Меня лечить не нужно, я вполне здоров.

— Так что с вами случилось?

— Ехал я в троллейбусе, ну и... обознался.

— То есть?

— Одну старушку принял за свою знакомую.

— А потом?

— Да обыкновенно, взял ее за плечи...

Молодец в засаленном халате глумливо хмыкнул.

— Серафим! — одернул его Иван Сафронович. — Вы продолжайте, не обращайтесь внимания, — обратился он к Десяткину.

— Говорю, обознался. А они схватили меня... Притащили в милицию. Назвали извращенцем, еще как-то... Гера... гара...

— Геронтофилом?

— Вот-вот. Как вы сами понимаете, доктор, я не извращенец. Да и будь я, к примеру, извращенцем, стал бы я приставать к старой карге в людном месте? Ведь так?

Доктор молча кивнул.

— Беда тут в другом. Сегодня, прямо с раннего утра, мне чужится всякая чепуха.

— Покажите руки, — неожиданно попросил Иван Сафронович.

— Что? Пожалуйста. — Десяткин протянул доктору обе руки.

Засаленный молодец напрягся и приблизился к Валере.

Доктор осмотрел кисти, заглянул зачем-то между пальцев.

— Наркотики не употребляете? — поинтересовался врач.

— Что вы!

— Пьете?

— Не больше обычного, — уклончиво ответил Валера.

— Так вы говорите, чудится вам? Что, например?

— Дело в том, — вполголоса начал Десяткин, — вчера я познакомился с одной женщиной... Ну и... Провел с ней ночь. Когда проснулся, ее уже в квартире не было, и вот... — он задумался, — мне стало казаться, вроде я ее вижу. Сначала дома, потом на улице.

— Что значит, дома?

— Ну, на картине, потом на фотографии. Глупости, конечно. На улице она впереди меня шла, потом залезла в троллейбус. Короче, я за нее ту старуху и принял.

— Ну-ну. А чем вы, собственно, занимаетесь?

Валера внимательно посмотрел на врача, почувствовав в вопросе некий подвох, но тот смотрел прямо и открыто, вроде бы даже доброжелательно.

— Антиквариатом торгую.

— Антиквариатом?

— Древностями разными...

— Это не ваша ли лавочка на улице Перова?

— Моя.

— Интересно. Я иногда туда захоживаю. Дело в том, что я собираю монеты. Антику.

— Редкое хобби для нашего города, не слишком-то много я встречал здесь античных монет.

— Вы правы, — оживился доктор, — доставать материал чрезвычайно трудно, я состою в переписке с многочисленными собирателями, меняю, покупаю...

— В нашем городе лишь один человек интересуется подобными вещами с коммерческой точки зрения, — сообщил Десяткин. — Некий Боря. Не знакомы, случайно?

Иван Сафронович неопределенно пожал плечами, не то подтверждая, не то отрицая факт знакомства.

— Так расскажите, с чего, собственно, у вас все началось? — Как бы отрезая прошлую доверительную беседу, официальным тоном спросил он.

— Что началось?

— Галлюцинации.

Десяткин, почувствовав перемену в поведении врача, насторожился.

— Да никаких галлюцинаций, в общем-то, и не было.

— Ну, как же! Ведь сами же рассказывали.

Валера потупился, соображая, как выкрутиться; выступить в роли психа ему не хотелось.

— Никаких необычных явлений, — избегая поминать слово “галлюцинации”, начал он, — у меня не наблюдалось. Действительно, проезжая в троллейбусе, я обознался и принял не знакомую мне пожилую гражданку за знакомую. То есть, не то, чтобы знакомую, а как бы сказать, известную мне. На самом-то деле, она мне не знакома...

Врач переглянулся с санитаром, Десяткин заметил это и еще больше смутился. Он чувствовал, что говорит не то. Тогда, собираясь с мыслями, он сделал паузу.

— Серафим, — обращаясь к санитару, мягко сказал Иван Сафронович, — пригласите, пожалуйста, сестру.

Молодец вопросительно посмотрел на Десяткина.

— Ничего, ничего, — успокоил врач, — мы тут пока побеседуем.

— Доктор! — воскликнул Валера, обеспокоенный непонятными, но подозрительными переглядываниями, — вы что, дураком меня считаете?

— Батюшки, — всплеснул руками Иван Сафронович, — да с чего вы взяли?

— Голова что-то болит, — нервно позевывая, сообщил Десяткин.

— Понимаю. Сейчас придет сестра, смерит вам давление, температуру, потом получите таблетки, немного отдохнете...

— Я не хочу отдыхать, мне домой надо.

— Конечно-конечно, никто вас задерживать и не собирается. Чуть расслабитесь, и домой.

Десяткин успокоился и, сидя на табурете, заболтал ногами.

— А скажите, доктор, — осторожно начал он, — может быть, я действительно перегрелся? Считаю, почти двое суток на ногах... Возможны ли в подобной ситуации какие-нибудь отклонения?

— Возможны, — неопределенно сказал доктор, — а вот и сестра. Лидия Николаевна, измерьте, пожалуйста, больному температуру и давление.

— Я не больной! — вскричал Десяткин.

— Конечно, не больной, — успокоил его врач, — просто у нас принята подобная форма обращения.

— Температура нормальная, — через пять минут сообщила сестра. — Давление чуть повышено.

— Переволновались, — сочувственно констатировал врач, — пожалуйста, выпейте, — и протянул Валере два таблетки розового цвета. Десяткин машинально отправил их в рот и запил из услужливо подsunутого санитаром стакана с водой.

— Вот и отлично, — удовлетворенно произнес Иван Сафронович, и жабе лицо его скривилось в усмешке. — Теперь небольшой отдых, и все будет в порядке. — С этими словами коварный врач покинул беленькую комнату.

— Пойдем, братан, — бесцеремонно сказал санитар.

— Куда? — не понял Десяткин.

— В отделение. Да ты не унывай. Переночуешь и вперед.

— Как, переночуешь, — не понял Десяткин, — а домой?

— Ну, домой, завтра с утра придет доктор, посмотрит тебя, а там видно будет.

— Ах, так! — вскричал антиквар.

— Полегче, — довольно спокойно возразил санитар, — не надо тут пургу гнать. Обломаем. Не таких обламывали... Давай, кореш, без базара. Иди спокойно, переодевайся, нечего зря понты разводить. Ты вроде парень не дурак. Потом все можно решить, но не сразу. Так что, без глупостей.

Решив подчиниться вполне разумным доводам санитаря, Валера поднялся и поплелся переодеваться. Минут через двадцать его умыли, переодели и даже подстригли ногти на руках и ногах. Сервис, что и говорить, был на высоте. Запахнув донельзя застиранную пижаму, Валера двинулся в отделение, сопровождаемый бдительным санитаром.

Щелкнул замок, лязгнула входная дверь, и Десяткин очутился в покоех, о каких до сих пор и не помышлял.

Хотя на улице стоял июль, и царила несусветная жара, здесь было сумрачно и прохладно, неприятный запах прогорклой пищи и несвежего белья шибанул в нос изнеженному антиквару. Его грубо взял за лацкан пижамы молодой человек, казалось, родной брат санитаря из приемного покоя, и молча потащил за собой. Десяткин решил не сопротивляться.

— Вот твоя койка, — буркнул служитель и толкнул несчастного Валеру.

Железки кровати жалобно звякнули, бойкий ловец фортуны рухнул на вонючее, мышиноного цвета, одеяло и принял позу зародыша в материнской утробе. Беспросветный мрак обступал его. Однако очень скоро из этого мрака стали выползать тени.

Представления о "доме скорби" у Десяткина были самые смутные, однако вовсе не печальные, тем более, не трагические. В молодости у Валеры имелся приятель, некоторое время пребывавший в должности санитаря в сем богоугодном заведении. Он, случалось, после бутылочки "Агдама" рассказывал много занимательного о его обитателях, и наш герой от души смеялся над забавными описаниями пациентов. Дурдом казался Валере неким филиалом цирка. Поэтому сейчас, став участником представления, он не особенно испугался и решил присмотреться к сотоварищам.

Из полумрака неожиданно вынырнула фигура неопределенной формы, и придушенный баритон изрек:

— Ты кто?

— Человек, — не растерялся Валера.

— Уверен?

Валера задумался. А действительно...

— Человека привезли! — вдруг заорала фигура. — Человека!!!

Вокруг кровати антиквара собралась небольшая толпа.

— А скажи, человек, — продолжала расспрашивать фигура, — как там на воле?

— Ничего, — ответствовал Десяткин, — жарко...

— Жарко... жарко... — пронеслось по толпе.

— А кто правит нами? — не отставал неопределенный силуэт.

— Как кто? — удивился Валера. — Ельцин!

— Он — царь?

— Президент.

Темный человек заплакал.

— Ты чего? — не понял Валера.

— Он там... Я тут... Томлюсь... На троне самозванец... И поелику мне... Угрюмые лета... Последний оборванец...

— А скажите, милейший, — оборвал причитания неясной фигуры оживленный и доброжелательный голос, — как там поживает Александр Владимирович?

— Какой Александр Владимирович? — не понял Десяткин.

— Руцкой.

— Поживает?.. Я, собственно, с ним не знаком... Наверное, живет неплохо, — растерялся Десяткин.

— Когда выступаем? — вновь требовательно поинтересовался тот же голос.

— В каком смысле?

— На штурм.

Однако Десяткин не успел назвать точную дату выступления, потому что познавательная беседа была нарушена жестяным голосом нянечки, призывавшим больных на обед.

Толпа сразу потеряла интерес к Валере, и он остался в одиночестве.

— Вставай, новенький, — услышал он над своей головой, — двигай в столовую. — Но Валере есть не хотелось, и он, поудобнее устроившись на своем лежбище, задремал.

Проснулся он от того, что кто-то довольно настойчиво тряс его за плечо.

Десяткин вскинулся и различил в полутьме горбоносое злое лицо и поблескивающие глаза.

— Курить есть? — спросил незнакомец.

— Нету, — растерянно сказал Десяткин.

— А чай?

— Откуда?

— Так ведь ты только что с воли?

— На улице меня забрали. Понимаешь, ни сном ни духом.

— На улице, — протянул горбоносый, — и ничего не заховал?

Десяткин удрученно мотнул головой.

— А бабки?

— Сдал, когда переодевался.

— Ну, ты лох!

— Так все равно завтра выпустят.

— Завтра? Ты парень что-то путаешь. На один день сюда не закрывают. Месячишко прокантуешься, а то и больше.

— Не может быть. Ведь доктор обещал...

Горбоносый хмыкнул.

— Они всем обещают. А как иначе. А то бузу затеешь. Начнешь коленца выкидывать. Нельзя! У меня вон принудление. Уж лучше здесь, чем на зоне... А ты — лох. Без курева и чая здесь долго не протянешь, впрочем, поправить недолго. Черкни маляву на волю. Я передам. А ты мне за это печатку чаю. Добро?

— Какую маляву?

— Ну, записку бабе твоей или еще кому. Чтобы знали, где ты есть, и дачку принесли. Усек?

— Усек, — промычал Валера, потрясенный сообщением. — Ладно, я подумаю.

— Думай короче. — И горбоносый удалился.

Валера откинулся на серую, плоскую как доска, подушку и закрыл глаза. Он пребывал в отчаянии. Месяц! Или того больше. Но ведь этого не может быть! Без него дела пойдут к черту. Товар останется без присмотра, должники... кредиторы... Нет, даже страшно представить. Что же делать? И почему это с ним случилось? Неужели случайность? А если нет? Он снова попытался восстановить цепочку событий.

Вся эта галиматъя началась с ним после прихода девки. Спал он с ней или не спал? Вроде спал. А потом? Она исчезла, ничего не сказав, и началось это. Глюки. Еще вначале у него возникли подозрения. Потом они пропали, но теперь... А если ее все-таки подослали? Конкурент Боря. Очень просто. Про то, что он отправится в Чернотал, Боря, конечно, знал. Потом послал следом за ним "бэ-эмвэшку". Проследить, значит. А уж на другой день, на выезде из деревни, подсунул девку, мол, чтобы она запомнила в лицо, да и просто познакомилась. После того, как он, Десяткин, высадил красотку возле тополей, та, естественно, прыгнула обратно в тачку и вперед. Но он точно помнил, иномарка его больше не обгоняла. Ну и что? Вполне могли поехать другой дорогой, тут в степи их полным полно. Затем эта самая Мара является к нему домой, строит глазки, раздевается... и... Короче, траванула чем-то. Но ведь они ничего не пили. Так ли уж, ничего? Может, чай, воду, наконец... А может, она ему сонному сделала укол или влила что-нибудь в рот. Конечно, все это довольно мудрено, да и непонятно, для чего затеяно. Если бы он, Десяткин, так уж мешал Боре, не проще ли было припугнуть, избить... Все так. Но ведь должно же быть какое-то объяснение.

Десяткин вдруг вспомнил про врача, который определил его сюда. Иван Сафронович... Он, кажется, говорил, что знает Бору, вернее, намекал, что знает. Прямо, гад, не сказал. Неужели все подстроено? Боря дал этому Сафроновичу в лапу, и тот законопатил Валеру в дурдом и продержит его в нем, сколько заблагорассудится. Труба!

Что же делать? Передать через этого уголовника записку на волю? Но кому? Жены нет в городе, близких друзей, кому можно доверять, тоже не имеется. Что же делать? Что делать? В полумраке сновали серые тени, и Десяткину вдруг стало так страшно, что он заплакал. Поплакав немножко, он вновь задремал, проспал и ужин, а когда проснулся, тотчас сообразил, что на дворе ночь. Тяжелый храп, изредка перемежающийся стонами и прочими звуками, раздавался в отделении. Валера тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. Все те же тяжкие думы одолевали его: что же все-таки случилось и как освободиться? Беспросветность ситуации наводила на мысль: так недолго и впрямь сойти с ума.

Десяткин ворочался с боку на бок, отчего древняя кровать пела всеми своими пружинами на разные лады. Очевидно, за многолетнее существование она повидала не одну сотню горемык, подобных нашему герою.

Вдруг рядом с кроватью послышалось неясное бормотание. Страдалец открыл глаза и с ужасом увидел: рядом колеблется неопределенное белое пятно. От страха Валера громко икнул.

— Тише, — послышался приглушенный шепот.

— Кто это? — со всхлипом произнес антиквар.

— Молчи, дурень!

Десяткин закрыл рот, громко лязгнув зубами.

— Вставай, — так же шепотом произнес неизвестный, и Валера понял, что перед ним женщина в белом халате.

Он покорно поднялся и ждал продолжения.

— Ты хочешь отсюда выйти? — поинтересовалась неизвестная дама.

— Еще бы, — запищал Десяткин.

— Могу помочь, но не бесплатно.

— Сколько.

— Тысяча долларов.

— У меня с собой нет, — жарко зашептал Десяткин, — но я отдам, клянусь, отдам...

— Идем, — приказала женщина. Она взяла его за руку, и Десяткин невольно удивился, какая у нее сухая и жаркая ладонь. Не зная, что и подумать, Валера покорно засеменил следом. Щелкнул замок, и заветная дверь распахнулась. Путь к свободе был открыт. Какая тысяча долларов, — пронеслось в голове у Валеры, — хоть миллион... хоть миллиард...

Они вышли в небольшой, совершенно пустой вестибюль. Женщина все так же крепко продолжала сжимать руку Валеры, и он вдруг понял, что испытания не кончились.

В тусклом свете пыльной лампочки Десяткин попытался рассмотреть лицо своей спасительницы.

Ей было лет сорок, грузная, широкобедрая, туго обтянутая белым халатом.

Должно быть, сестра или нянечка, понял Десяткин.

— Я принесу, — искательно прошептал он, имея в виду доллары, — завтра... — Но женщина тащила его за собой, не говоря ни слова.

— Куда это мы? — осторожно поинтересовался Валера.

— А вот сюда, — сказала женщина и втокнула его в какую-то каморку.

Вспыхнул свет, и Валера увидел, что находится на каком-то складе. У стен стояли ящики, тут же грудями лежали матрасы.

Десяткин в полнейшей растерянности таращился по сторонам, совершенно не понимая суть намерений странной медички. Однако разъяснение последовало очень скоро. Женщина вдруг провела руками вдоль тела Десяткина, и он, даже сквозь пижаму, почувствовал, сколь горячи у нее пальцы.

— Раздевайся, — хрипло произнесла она.

— Ой! — тоненько пропищал антиквар. — Я не смогу...

Женщина между тем стаскивала с него пижаму с такой поспешностью, что дурдомовская униформа трещала и расползлась.

— Я столько пережил за это время, — продолжал объяснять пленник, — наверное, у меня ничего не получится.

Медичка яростно толкнула Валеру, он упал на валявшийся под ногами матрас, а она, скинув халат, рухнула прямо на него.

Неожиданно для себя наш герой почувствовал, что вполне готов к предстоящим забавам. Несколько смущенный, он затрепыхался под своей спасительницей, пытаясь освободиться.

— Лежи, — хрипло приказала женщина. Валера покорился насилию. Он судорожно ощупывал мокрую потную спину, ягодицы невиданных размеров, жесткую, словно проволочную, шевелюру своей новой подруги.

Но почему она такая горячая? — недоумевал он, подстраиваясь под ритм темпераментной гражданки.

— А теперь сверху, — веско произнесла она.

Валера покорно приподнялся... При этом он заглянул в лицо женщины и вздрогнул. Ему показалось... Нет, ему только показалось. Или? Он наклонился прямо над ней и всмотрелся, насколько позволяло освещение. Глаза женщины были закрыты, лицо искажала гримаса тупой животной похоти, в уголках полуоткрытого рта пузырилась слюна. Мара? Не может быть?! Разве похожа эта толстая тетка на прекрасную стройную молодницу? И все-таки.

— Ты чего? — не открывая глаз, хрипло спросила женщина, ощутив некоторый сбой в движениях своего партнера. — Отработывай, милоч, свободу.

— Вас как звать?

— Для чего тебе? Или жениться хочешь?

— Мара?

Женщина хохотнула.

— Точно, Маруся. Ну, давай же!

— Но этого не может быть! — воскликнул Десяткин.

Все поплыло у него перед глазами, жаркая мгла навалилась, скрутила по рукам и ногам, он задышался, стонал, молил о пощаде. На зубах скрипел песок. Он лежал посреди огромной раскаленной безводной степи, а рядом пребывало некое существо, подобать название которому он не мог. Да рядом ли? Не в нем ли, не внутри, растворяя, опустошая, высасывая по капле жизненные силы, иссушая и раздавливая? Но в то же время какое наслаждение! Никогда, никогда еще не испытывал он ничего подобного. Гибельное слияние наполняло душу восторгом и смертельным ужасом. Сознание меркло, съеживалось и, наконец, погасло. Последнее, что представилось затухающему разуму: огромная паутина, в которой барахтается он, Десяткин.

6

Пробуждение. Кошмары кончились. Валера сладко потянулся, сбрасывая остатки сна, и вспомнил... Так это был только сон. Он лежал в собственной кровати совершенно раздетый, рядом никого не было. Неужели всего лишь ночной кошмар? Но почему голый? Он приподнялся и осмотрелся. Трусы валялись рядом с постелью, одежда аккуратно сложена на стуле. Так был ли он в дурдоме? Если был, то как его вещи оказались дома, ведь он точно помнил, как сдавал их в приемном покое. И где тогда больничные тряпки? Он вскочил, схватил со стула брюки, проверил карманы. Все было на месте: деньги, ключи от машины и квартиры, записная книжка... Правда, его одежда лежала на стуле в таком порядке, который для него был вовсе не характерен. Значит? Значит, его принесли сюда, пока он находился в беспмятстве. Но зачем, и кто это сделал? Уж не медсестра ли? Опять ничего не вяжется. Да случилось ли с ним все на самом деле или приснилось?

Он вспомнил ласки медички. Сначала было вроде противно, а потом... Потом он испытал небывалый восторг. Точно такой же, как накануне с Марой. Постой. Ведь эта медсестра показалась ему похожей на Мару!

Голова идет кругом. Дорого бы он дал, чтобы узнать, в действительности ли все это происходило.

А ведь несложно проверить. Садись в машину и езжай в психбольницу, узнай, существует ли такой доктор — Иван Сафронович, заодно попытайся отыскать страстную медичку и не забудь отдать ей тысячу долларов за освобождение. Десяткин хмыкнул. Конечно, никуда он не поедет, но что же предпринять? А не проще ли отправиться к Боре и расставить точки над "i". Почему бы им в конце концов не объясниться; конкуренция конкуренцией, но ведь и обычные человеческие отношения существуют. Может, Боря добивается чего-то, что не понятно Десяткину. Вот пусть и скажет.

Валера стал одеваться. Странное он испытывал состояние. Необычайная легкость владела всеми его членами, тело было словно

невесомым. Он прошел на кухню, открыл холодильник, набитый продуктами. Есть совершенно не хотелось. Заставляя себя позавтракать, он отрезал крошечный кусочек сыра, пожевал его, но, не в силах проглотить, выплюнул разжеванную массу в унитаз. Потом антиквар напоследок прошелся по комнатам, равнодушно скользнул взглядом по куче добра, привезенного из Чернотала, и покинул квартиру.

В отличие от Десяткина, снимавшего угол в большом универмаге, у Бори имелся собственный маленький магазинчик, преобразованный из общественной уборной. Еще в самом начале коммерческой вседозволенности два шустрых молодца смекнули, что на естественных потребностях человечества можно делать неплохой бизнес. И доступный некогда любому жителю города вонючий сортир превратился в благоухающий дезодорантом платный туалет. Брала недорого — двадцать копеек, потом подняли цену до рубля. Ну, а дальше с дензнаками стала происходить столь непонятная чехарда, что простой народ перестал посещать благоуханные чертоги, предпочитая подворотни и кустики. Богатые же люди, пронесившиеся мимо на иномарках, и вовсе не замечали гостеприимно распахнутых дверей. И напрасно владельцы уголка отдохновения зазывали посетителей музыкальными новинками, громоыхающими среди кафельной белизны. Даже проникновенный голос Шуфутинского, доверительно рассказывающий про Таганку и ночи, полные огня, не привлекал население.

Бойкие владельцы туалета, однако, быстро продали убыточное предприятие, и в нем открылся офис фирмы, торгующей соломой и сеном. Но и у этой коммерческой структуры что-то не заладилось. В итоге помещение перешло к Боре, и над дверью возникла вывеска со скромной надписью “Раритет”.

Местопребывание конкурента давало Десяткину и его “шестеркам” прекрасный повод для бесконечного зубоскальства. Сомнительные шуточки про унитазы и биде не сходили у них с языка, а иногда раздосадованный неуступчивостью клиента Десяткин мог сказать: “Отправляйтесь в сортир, там дешевле” или “Отнеси свою цацку в “Раритет”, там тебе за нее дерьма полный мешок отсыплют”. Грубоватый юмор маскировал вполне понятную досаду на конкурента, имевшего к тому же собственное помещение.

Сам Боря бывал у Десяткина довольно часто, не обращая внимания на плохо скрытую неприязнь, однако Валера сегодня переступил порог “Раритета” в первый раз, доселе гордость не позволяла. Конечно, никакого кафеля, тем более унитазов и биде, не было и в помине. Не имелось и различных излишеств в виде зеркал, хромированных витрин и дорогих светильников. Разумная простота присутствовала во всем. На полках стояла примерно такая же дребедень, что у Десяткина, а сам хозяин сидел за прилавком и что-то писал.

— Привет, — сказал Валера.

Боря поднял голову и всмотрелся. Казалось, в первую минуту он не узнал своего гостя.

— А-а, — протянул он наконец, — Валерий Павлович. Очень рад. — На лице его появилась вежливая улыбка. Вообще, Боря, в отличие от вспыльчивого Десяткина, улыбался практически всегда, никогда не повышал голос и вел себя скромно и обходительно.

— Ты что-то уж очень исхудал, — сказал Боря, — я тебя даже и не узнал в первую минуту. Уж не заболел ли?

Точно, — пронеслось в голове у Валеры, — он и натравил на меня дурдомовских псов, а теперь, видишь ты, издевается. Ну ладно!..

— Вот о болезни я и пришел поговорить, — наливаясь злобой, произнес Валера.

— О болезни? — удивился Боря. — Но я не доктор.

— Зато у тебя имеются знакомые доктора.

— Естественно, если нужна помощь...

— Ты уже помог мне, еще как помог!

— Не понял!

— Не ты ли упрятал меня в дурдом?

Вежливая улыбка сползла с лица Бори.

— Ты в своем уме?

— В своем! — заорал Десяткин. — Именно, что в своем!

Боря побледнел и поднялся со стула. Худенький мальчик, разглядывавший монеты, с испугом посмотрел на Десяткина.

— Валя! — крикнул Боря в глубь помещения. — Посмотри за товаром. — Выплыла дородная женщина и, не обращая ни на кого внимания, села на место хозяина.

— Пойдем, — позвал Боря.

Десяткин двинулся следом. В маленькой комнатухе, заставленной многочисленными вещами, Боря кивнул Десяткину на старинное кресло с расплзающейся обивкой, сам сел на массивный табурет и внимательно посмотрел на Валеру.

— Ты чего шумишь, — без всякой злобы спросил он, — выдвигаешь какие-то нелепые обвинения...

Не встретив отпора, Десяткин, как и большинство неуверенных в себе людей, смешался.

А может, я и вправду... того. Зря затеял все это, — тревожно подумал он. — Может, он ни в чем не виноват?

— Я, конечно, не утверждаю наверняка, — промямлил Валера, — но мне казалось... — Он замолчал, обдумывая, как объяснить поделикатнее, что же ему казалось.

Боря ждал.

— Короче, я думаю, что ты меня подставил, — наконец нашелся он.

— То есть?

— Хочешь устранить! — вновь распаляясь, воскликнул Десяткин.

— Зачем?

— Как конкурента.

— Но ты мне не мешаешь.

— Да брось. Как это не мешаю, — обиделся Валера, — очень даже мешаю.

— Поверь, нет. Ты расскажи, что все-таки случилось.

— Ладно, — сказал Десяткин, — слушай.

И он подробно, со всеми деталями изложил произошедшее с ним. Рассказ получился довольно длинный, но за все время повествования Боря ни разу не перебил Десяткина, а лишь изредка молча кивал. Время от времени Десяткин напряженно вглядывался в лицо своего слушателя, пытаясь прочесть его мысли, уловить скрытую насмешку, но лицо Бори оставалось серьезным, даже обычная улыбка куда-то исчезла.

Наконец Валера закончил, замолчал, потом кашлянул и достал сигарету.

— Все? — спросил Боря.

— Ну.

— И ты считал, что во всей этой истории замешан я.

— Естественно.

— Но почему “естественно”, почему?

Десяткин, не спрашивая разрешения, закурил, потом искося взглянул на хозяина “Раритета”.

— Не знаю, — наконец выговорил он. — Уж как-то так получилось...

— Клянусь детьми своими, я тут ни при чем.

— Тогда как же все объяснить?

— Ты в дороге не пил?

— Что вам всем далось: пил, не пил. Выпил грамм сто коньяка, пока ехал. Потом в деревне... Там, можно сказать, набрался. Ну и что из того? Не первый раз. И ведь проспался, назад отправился абсолютно трезвый.

— Тогда одно из двух: или ты действительно заболел, или...

— Что — или?

Боря уклончиво отвел глаза.

— Ты же, наверное, в колдовство не веришь, в сглаз?

— Чего?

— Не веришь.

— Ладно. — Десяткин поднялся. — Пойду я... Сам как-нибудь разберусь.

— Постой, — остановил Боря, — ты не горячись и не делай необдуманных поступков. Я попробую навести справки, потолковать с информированными людьми.

— Какие справки? Хочешь разболтать всем, мол, у Десяткина крыша поехала?

— Вот ты опять! Никому я ничего разбалтывать не собираюсь. На твоём бы месте я пошел домой и переждал денек, а завтра я к тебе зайду...

— Не надо, — твердо сказал Десяткин, — я уж как-нибудь сам.

— Послушай, как только ты вошел, я сразу заподозрил неладное. Уж больно ты изменился. Просто другой человек. Осунулся, постарел, и это все буквально за считанные дни. Последний раз мы встречались ровно неделю назад.

— За три дня, — равнодушно сообщил Десяткин. — Три денька прошло с тех пор, как я подался в Чернотал. Ты, Боря, извини, если что не так... — На Валеру вдруг напал приступ самоуничтожения. — Я вовсе не хотел устраивать скандал, но мне просто нужно объяснить, хотя бы самому себе, что же происходит. Или я действительно свихнулся, или... — он не договорил и скривился.

Боря сочувственно посмотрел на Десяткина и вздохнул.

— Послушай, — неожиданно спросил он, — а как звали ту женщину, которую, по твоим словам, ты непрерывно встречаешь?

— Мара.

— Это что за имя такое?

— Кто его знает, я в ее паспорт не заглядывал.

— А фамилию не знаешь?

— Какая там фамилия?!

— Все-таки я бы тебе посоветовал посидеть некоторое время дома.

Десяткин молча кивнул. Выйдя из стен гостеприимного “Раритета”, он нос к носу столкнулся с Флегонтычем-Ферапонтычем.

— Здорово, Валера! — воскликнул тот. — А что это ты здесь делаешь? У Бори был? Так вроде ты к нему не ходок. В чем дело? Изменил принципам? Нехорошо...

— Заткнись! — грубо оборвал Флегонтыча-Ферапонтыча Десяткин. — Сам-то ты чего здесь околачиваешься? Ведь говорил, что к Боре ни ногой.

— Просто шел мимо, — объяснил тот. — Что уж мне, ходить нельзя? Тем более, я так люблю это место. Тут раньше общественный туалет был...

— И ты распивал в нем одеколон, — язвительно закончил Валера. — Слышали, слышали...

— При чем тут одеколон? — смутился старик. — И вообще, я парфюмерию не употребляю.

— Это сейчас, а раньше?

— Пойду я, — обидчиво произнес Флегонтыч-Ферапонтыч, — раз ты завел глупые речи...

— Постой, не обижайся, — примирительно сказал Десяткин, — пообщаться надо, садись в машину.

Может, старик чего знает, — пришло ему в голову, — надо бы с ним потолковать.

— Куда мы едем? — поинтересовался Флегонтыч-Ферапонтыч.

— Выпить хочешь? — напрямую спросил Десяткин.

— Как пионер, всегда готов.

— Вот и отлично. Небольшой разговор есть, а без пузыря он вряд ли получится.

— Ну ты, молоток, парень, — радостно улыбаясь, заявил старик. — Вот за это ценю. Настоящая широкая русская душа. Открыт и светел. И закуски купишь?

— Чебуреки тебя устроят?

Через полчаса, запасшись всем необходимым, они выехали за город.

— Чего далеко тащиться, — недовольно сказал Флегонтыч-Ферапонтыч, — заедем в ближайшую лесополосу, хряпнем, и по домам.

— На кой мне твоя лесополоса, — фыркнул Десяткин, — движем на речку, посидим, расслабимся... Природа, она, знаешь ли, лечит...

— Это точно, — охотно согласился Флегонтыч-Ферапонтыч, — и запируем на просторе... — ни к селу ни к городу, добавил он.

— Запируем... — задумчиво повторил Десяткин, — не до пиров мне сейчас.

— А что случилось? — живо поинтересовался старик. — Налоговая прижала?

— Хуже.

— Что может быть хуже? Рэкет наехал?

— Какой, к черту, рэкет!

— Уж не заболел ли? То-то я смотрю, с лица ты спал, да и сидины больно прибавилось. Видок неважнецкий.

Десяткин тяжело вздохнул и сильнее надавил на педаль газа.

Стоял полдень. На речке в этот час было пустынно и тихо. Десяткин загнал машину в кусты, вылез и подошел к самому краю обрывистого берега.

— Чего ты там шастаешь? — закричал сзади старик. — Наливай, давай!

— Наглый халявщик, — пробормотал вполголоса Десяткин, — наливай ему, суке... — Впрочем, открыто своего возмущения он не выразил, поскольку хотел выговориться, хотя бы такому придурку, как Флегонтыч-Ферапонтыч. Он вернулся к машине, достал из сумки бутылку водки, чебуреки, два пластиковых стаканчика. Старик жадно следил за его манипуляциями. Валера наполнил один стаканчик доверху, второй до половины.

— А себя чего обижаешь? — поинтересовался Флегонтыч-Ферапонтыч.

— Я за рулем, — ответил Десяткин, не прикасаясь к своей порции.

— Ну, как знаешь. — Старик одним глотком влил в себя водку и замер. На лице его появилась странная гримаса, одновремен-

но выражавшая отвращение и удовольствие. Глаза тут же заблестели.

— Закусывай. — Десяткин протянул ему чебурек.

Старик отрицательно замотал головой.

— Позже, — судорожно произнес он, — налей-ка еще.

— Однако! — удивился Валера, но покорно наполнил пластиковый стаканчик.

— Так что у тебя случилось? — поинтересовался Флегонтыч-Ферапонтыч, закончив свои, как он выразился, “процедуры”.

— Да, в общем-то, ничего, — хмуро произнес Десяткин.

— А чего тогда смурной? Послушай, а ты в эту деревню ездил? Как там ее... Чернотал, что ли?

— Ездил, — односложно ответил Валера.

— Ну и как? — оживился старик. — Надыбал что-нибудь ценное?

— Ага, надыбал на свою ж...

— Объясни толком.

— А ты в колдовство веришь? — вместо рассказа поинтересовался Десяткин.

— В колдовство? — Старик задумался. — Может, и верю. Я, знаешь ли, за свою жизнь столько повидал, что сейчас во все верю. Наверное, колдовство имеет место. Я, если помнишь, некогда преподавал историю, книжки разные читал научные. Конечно, с позиций исторического материализма никакой мистики не существует. Но если, скажем, взять “Феноменологию духа”, этого, как его... Фихте, то тогда можно допустить существование ирреального мира.

— Понес! — оборвал его Десяткин. — Ты бы еще Казанову вспомнил.

— При чем тут Казанова? — обиделся старик. — Казанова был е...рь. А Фихте — философ.

Он без разрешения наполнил свой стаканчик и, выпив, зажевал чебурек.

— Понимаешь, — не обращая внимания на лепет старика, сказал Десяткин, — со мной происходят странные вещи.

— Со всеми происходят странные вещи, — подтвердил Флегонтыч-Ферапонтыч. — Вот я...

— После того, как я съездил в этот Чернотал, мерещиться мне стало всякое.

— Что, например? — вскинулся старик.

— Так, — уклончиво сказал Десяткин.

— Это бывает, — согласился Флегонтыч-Ферапонтыч. — Вот мне... Тоже иной раз мерещится.

— Это с перепоею, — объяснил Десяткин, — белая горячка.

— А ты разве не пьешь? — ехидно поинтересовался старик.

— Да не от водки это, — убежденно заявил Десяткин, сплюнул и снова пошел на берег. Разговаривать с глупым стариком не хотелось.

Обрывистый берег весь зарос цветами, в основном желтели одуванчики, но попадались и островки ромашек. Из-под ног вспорхнула какая-то мелкая птаха и, усевшись на ветку куста, возмущенно зачирикала. Десяткин уставился на воду. Течение в этом месте было довольно сильное, и он отчетливо видел, как длинные зеленые ленты водорослей медленно колыхались в струях текущей воды. Как волосы утопленницы, — пришло в голову сравнение, — или русалки. На середине реки было совсем мелко, и на фоне песка он разглядел снующих взад-вперед пескарей и вьюнов. А хорошо бы сейчас посидеть с удочкой, ни о чем не думая, отбросить всю эту галиматью.

Неожиданно его тронули за плечо. Вздрогнув, Десяткин резко обернулся. Всего лишь Флегонтыч-Ферапонтыч, — облегченно вздохнул он.

— Выпей, Валера, — сказал старик, протягивая ему стакан.

Десяткин нехотя отхлебнул пару глотков.

— Все течет, все изменяется, — сообщил Флегонтыч-Ферапонтыч, кивнув на воду, и его заметно качнуло.

— Нажрался, — с презрением сказал Валера.

— Ну и что! — вызывающе выкрикнул старик. — Я знаю, истина в вине.

— Кончай болтать! — одернул его Десяткин. — Поехали домой.

— Я искупаться хочу, — сообщил Флегонтыч-Ферапонтыч.

— Никаких купаний, еще утонешь...

— Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, — резонно заявил спившийся историк.

Десяткин пожал плечами, но промолчал.

Старик стал неторопливо раздеваться. Взглянув на его нижнее белье, Валера брезгливо отвернулся. Позади раздался громкий всплеск. Десяткин, не выдержав, обернулся к реке. Совершенно голый старик, словно огромная жаба, плескался на мелководье.

— Ох, хорошо!!! — вопил он в восторге. — Иди сюда, Валера. — Но Десяткин плюнул и пошел к машине.

Солнце палило с неистовой силой. Стояла абсолютная тишина, даже кузнечики притихли, оглушенные жарой. Тишина, казалось, тоже имела свою мелодию. Все явственнее Десяткин даже не слышал, а словно внутренне ощущал легкий прозрачный звон, проникавший в возбужденное сознание. Он облокотился на раскаленное крыло машины и стал смотреть на лежащий перед ним пестреющий цветами лужок. Неожиданно он заметил у самого края луга, почти рядом с зарослями ольхи, какое-то шевеление. Воздух там, казалось, сгустился и приобрел форму спирали. Спираль непрерывно вращалась и медленно продвигалась в его сторону.

Смерч, понял Валера. Вихрь медленно, как-то скачкообразно приближался к нему, все увеличиваясь, набирал силу, густел.

Странно, — подумал Десяткин, — ведь абсолютное безветрие. Смерч был уже в десяти шагах от Десяткина. Он бешено крутился, втягивая в себя разный сор, валявшийся на траве.

Интересно, — без всякого волнения подумал Валера, — сможет он оторвать меня от земли? И в это самое мгновение ему показалось, что внутри вихря есть что-то еще кроме пыли и мусора. Он всмотрелся. Неясный силуэт в воздушной трубе то поднимался, то опускался, точно его кто-то дергал за веревочку.

Валера замер, охваченный ужасом. Вихрь приблизился почти вплотную. От него исходил страшный жар, словно от огромного факела горящего газа. Десяткин открыл рот, воздуха для дыхания не хватало, явственно затрепали волосы.

Сейчас сгорю, — пронеслось в сознании.

Но тут раздался легкий хлопок, и вихрь пропал. Перед ним стоял тот, кто находился внутри. Мара!

Лишь только Десяткин увидел ее неуловимые глаза, он лишился чувств. Очнувшись от того, что Флегонтыч-Ферапонтыч тряс его за плечо.

— Ты чего? — испуганно спрашивал старик.

Десяткин тупо уставился на него, потом сильно потряс головой. Ее наполнил хрустальный звон.

— Перегрелся, — сочувственно сказал Флегонтыч-Ферапонтыч. — Нужно было искупаться, я же тебя звал... Да и сейчас не поздно. Иди окунись. Хорошо б и водочки, только я все выпил.

— Иди ты со своей водкой, — зло сказал Десяткин и поднялся. — Разморило меня чего-то. Может, и правда пойти искупаться?

— Иди, иди.

Валера залез в реку, забрался на середину и лег на воду. Его медленно несло по течению. Ласковые струи, словно живые, мягко покачивали, убаюкивали.

— Было или не было? — размышлял он. — Наяву или галлюцинация?

Назад ехали в молчании. Старик дремал, изредка вскидывая голову, словно сонная лошадь. Неожиданно он сказал совершенно трезвым голосом:

— Так ты думаешь, тебя околдовали?

— С чего ты взял? — опешил Десяткин.

— Очень может быть, — спокойно сказал Флегонтыч-Ферапонтыч. — Когда с разным старьем дело имеешь, всякое может случиться. Нужно обратиться к сведущему человеку, который умеет снимать порчу.

— Ты знаешь такого человека?

— Знаю. И совершенно бесплатно отведу тебя к нему. Горохов помнит добро.

— Кто такой Горохов? — не понял Десяткин.

— Это я.

— А-а, — протянул Валера. — Рад познакомиться. Что ж, поехали к твоему человеку.

7

В принципе, Десяткин не мог объяснить даже самому себе, что вдруг на него нашло. Человек он был простой, до сих пор в разную чертовщину не верил, но утренняя беседа с Борей что-то сдвинула в сознании, нарушила привычное восприятие повседневной жизни. Но, как известно, утопающий хватается за соломинку, и Десяткин решил прибегнуть к помощи специалиста. Странное видение, посетившее на берегу реки, еще больше укрепило его намерения.

Человек, о котором говорил Флегонтыч-Ферапонтыч, жил в Старом посаде на окраине города. Нужно сказать, что Старый посад был не просто захолустным пригородом — некогда именно отсюда пошел и весь город. Не то при Иване Грозном, не то при царе Василии Шуйском в этом месте поставили небольшую крепость. Постепенно она обросла домами, лавками, кабаками. В середине девятнадцатого века здесь возник деловой центр, от которого сохранились торговые ряды. Но все проходит. Город строился, перемещал свое громоздкое туловище все дальше и дальше, а Старый посад хирел и ветшал. В начале двадцатых годов тут доживали свой век купчихи-салопницы, мещане, непонятно чем живущие, да какие-то странные личности: не то обломки дворянских родов, не то сутенеры. Старый посад упорно цеплялся за “раньшею жисть”. Колокольный звон заглушал хриплый рев репродуктора на столбе, а репертуар последнего городского шарманщика ограничивался допотопными шлягерами: “Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне” и “Разлукой”. “Смело товарищи в ногу” шарманка отказывалась играть категорически.

Случайно попадавший сюда партиец или даже сочувствующий ВКПб с удивлением смотрел на заросшие сиренью ветхие особнячки, на старух в чепцах и шушунах, сидевших на лавочках возле покосившихся ворот, на облезлое золото церковных куполов.

— Черт-те что! — возмущенно всплескивал руками партиец или сочувствующий. — Вроде и революции не произошло, вроде не шлепнули царя Николашку... — А иной гражданин тоскливо вздыхал и украдкой крестился на купола. Впрочем, таких было немного. Время шло, огромную страну перетрясли сверху до низу, и на Старом посаде появились иные обитатели. В середине тридцатых годов он стал слыть прибежищем хулиганья и разного уголовного элемента. Эта слава сохранилась за ним и поныне. Правда, с некоторых пор на Старом посаде началась реконструкция. То тут, то там стали вырастать добротные двух-, трехэтажные дома со всеми удобствами, некоторые из них выглядели не хуже каких-нибудь заграничных вилл. О том, кто их строил и на какие средства, в городе ходили разные слухи, но все сходилось на том, что деньги эти нечистые.

Десяткину случалось появляться на Старом посаде два или три раза. Сначала он забрел туда в поисках древностей. Ничего ценного не попало, зато его чуть не избили местные аборигены. Еще раз он побывал здесь у клиента, чье поместье, другого слова не подберешь, поразило даже видавшего виды Валеру. Мало того, что в доме имелась сауна и бассейн, мало того, что гараж походил на бункер фюрера и в нем стояли "мерседес" и джип. В доме имелся зимний сад с тропическими растениями и фонтанами, у которого щебетали попугайчики и канарейки.

Клиент непременно хотел иметь Айвазовского. Десяткин предлагал ему морской пейзаж неизвестного мастера. Однако мазию без подписи с негодованием отвергли, а самого Валеру едва не спустили с лестницы. По этим причинам Десяткин не любил бывать на Старом посаде, и чуть было не передумал ехать туда вообще.

— Все будет нормально, — успокаивал его Флегонтыч-Ферапонтыч. — К бабке люди идут со всех сторон, и никого не обижают. Наоборот, она приплачивает местной шпане, чтобы ее охраняли.

— Так это женщина?

— Бабка. Ну, не совсем бабка, а мадам преклонного возраста. Видная, надо сказать...

— И что, действительно к ней народ идет?

— Еще как! — старик довольно хихикнул. — В основном, конечно, бабье. На картах ворожить, или присушить кого. А иные о судьбе спросить.

— Что за глупости? — усомнился Валера.

— Точно говорю. Она как Баба Ванга. Слыхал, наверное... В Болгарии которая жила. А эта — в Старом посаде. И судьбу предсказывает, и порчу снимает. Понимающая женщина.

— А звать-то ее как?

— Ингрид.

— Что за имя такое?

— Кто его знает. Она вроде не русская. Латышка или немка. Говорит с акцентом, правда, слабым.

— Ну, а ты ее откуда знаешь?

— А кого я не знаю, — уклончиво ответил старик. — Жизнь моя, иль ты приснилась мне...

— Опять балаболишь, несерьезный ты дед, а еще историк.

— Бывший, — поправил его Флегонтыч-Ферапонтыч. — А что касается серьезности. Стоит ли быть серьезным? Глядишь, и крыша поедет.

— Ты на что это намекаешь? — насторожился Десяткин.

— Какие намеки? Просто к слову пришлось.

Вскоре они вырулили на пыльные запутанные улочки Старого посада. Флегонтыч-Ферапонтыч уверенно указывал дорогу, словно бывал здесь чуть ли не каждый день.

Возле аккуратного добротного домика сидело на скамейках несколько женщин. Десяткин притормозил, и они внимательно вгляделись в сидевших в машине.

— Сколько она берет? — поинтересовался Десяткин.

— По-разному, может назвать очень большую сумму, а может ничего не взять. Но лучше с ней не торговаться. Себе дороже выйдет.

— Понял. Ладно, иди договаривайся.

Флегонтыч-Ферапонтыч убежал. Его не было довольно долго. Наконец он вернулся и сказал, что нужно подождать.

— Сколько? — недовольно спросил Валера.

— Часов пять.

— Одурел ты, что ли?

— Уж так она велела. Да и то из уважения ко мне. А так бы неделю ждал. Тут очередь и списки...

Не поверив старику, который явно набивал цену, Валера, однако, решил покориться.

— Ты увези меня в город, — сказал Флегонтыч-Ферапонтыч, — перекуси, умойся, а вечером подъезжай.

— А ты?

— Я-то тебе на что? Все договорено. Приедешь, постучишь в ворота. Откроет тебе бабенка в черном платке. Скажешь, кто ты есть. Не волнуйся, все будет о'кей.

Развязность Флегонтыча-Ферапонтыча не понравилась Десяткину, но он смолчал, завел "копейку" и резко рванул с места. Притормозив по желанию старика у гастронома и дав ему на прощание десятипятничную купюру, Десяткин решил съездить в свою лавочку, узнать, как идут дела.

В лавке торговала девушка Наташа, на которую, как говорил своим приятелям Валера, "можно положиться".

— Ой, Валерий Павлович! — с нарочитым восторгом воскликнула она. — Вы чтой-то на себя не похожи.

— Неужели? — недовольно произнес Десяткин.

— Точно-точно. С лица сбледнули, глазки не блестят, уж не больны ли?

— Жарко, — односложно объяснил Валера свое состояние.

— Да уж, — подтвердила Наташа. — Ну, как экспедиция? Удалось найти ценные экземпляры?

— Удалось, — буркнул Десяткин. — Как идет торговля? — в свою очередь спросил он.

— Помаленьку. Складень вчера продала.

— Сколько дали?

— Сто баксов. Иностранцы. Потом прялку за сорок, ну, монетки там... еще кое-что...

— Ладно, — сказал Десяткин, — я поеду перекушу...

— А новый товар когда привезете? Тут уже хотят, спрашивают... Знают, что вы в экспедицию отправились.

— Кто спрашивает?

— Петя из Омега-банка, еще этот грузинчик...

— Никому ничего конкретного пока не говори. Через денек-другой доставлю.

— Ну и ладненько, — прощепетала Наташа, увидев, что шеф явно не в духе.

Пойти и вправду пообедать? — вяло размышлял Десяткин, стоя на раскаленном асфальте. — Выпить кружечку пива, посидеть в тенечке, а потом можно отправляться на Старый сад.

В пивном зале действительно было прохладно и совершенно пусто, видимо, здешние цены мгновенно снимали жажду.

Десяткин заказал кружку, сел за столик и отхлебнул глоток. Пиво было холодное, вкусное... но его чуть не вырвало. Что это со мной? — ужаснулся Валера. Пиво — любимый напиток, и вдруг такая реакция. Он снова поднес кружку к губам, но не успел отхлебнуть, как стремглав метнулся в туалет. Его выворачивало наизнанку. Казалось, внутренности вот-вот вывалятся в унитаз. Желудок оказался совершенно пуст, и это было хуже всего. Промучившись минут десять, Валера опрометью бросился вон.

Он сидел в своей пропыленной "тачке" в полнейшей прострации. Такого еще никогда не случалось. Чтобы ни с того ни с сего блевануть? Да что с ним стряслось? Все говорят, мол, плохо выглядит. Что значит плохо? — Он взглянул в зеркальце заднего вида. — Вроде, как всегда. И все же... С ним явно происходит неладное. Может, прав был Боря, когда советовал отдохнуть денек-другой дома? Он задумался. Ехать или не ехать к бабке? Так он и сидел, глаза на прохожих, порой снова возвращаясь к раздумьям, порой как бы отключаясь. Наконец словно что-то толкнуло — пора ехать.

Летний вечер полон длинных, извилистых теней. Сиреневый сумрак опустился на землю, прохладный ветерок нежно коснулся разгоряченных лиц. Жара спала, дышалось легко, а сам воздух был напоен запахами прибитой пыли, близкого дождя, скошенной травы, ночных цветов. В такие минуты кажется, что лето никогда не закончится, и мягкий свет июльского вечера прилип навсегда.

Хотя сумерки еще не опустились на землю, Десяткин с трудом нашел нужный ему дом. Народу на улицах было немного, в основном, старики, дремлющие на лавочках, попалась компания подростков довольно зловещего вида, в зеркале Десяткин видел, что они проводили машину не предвещающими ничего хорошего взглядами.

Наконец, он остановился перед знакомыми воротами.

На стук маленькое окошко в воротах тотчас отворилось, и возникло лицо в низко повязанном темном платке.

— Чего надо? — услышал он неприветливый голос.

— Моя фамилия Десяткин, — с непонятной робостью произнес Валера.

— Проходи.

Скрипнули ворота, и он очутился на просторном заасфальтированном дворе.

— Иди за мной.

Он покорно двинулся следом.

Шли какими-то темными запутанными коридорами, наконец остановились перед дверью, такой низенькой, что нужно было нагнуться, чтобы пройти.

— Тебе сюда, — сообщила чернавка.

Десяткин, сгорбившись, осилил препятствие и оказался в просторной комнате без окон, совершенно пустой, если не считать небольшого столика и двух простых стульев, стоящих перед ним. Комната была ярко освещена, непонятно только, откуда исходил свет, люстр и светильников не наблюдалось. В ней никого не было.

Десяткин недоуменно покрутил головой, потом вежливо кашлянул.

— Да ты садись, — раздалось у него за спиной.

Он удивленно обернулся и увидел перед собой немолодую дородную женщину, круглолицую, светловолосую, чем-то похожую на киноактрису Вию Артмане.

Губы женщины как-то недоуменно улыбались, так улыбаются, когда встречают знакомого, которого никак не ожидали увидеть.

— Ты садись, — повторила она мягко.

В речи ее, как и говорил Флегонтыч-Ферапонтыч, слышался слабый акцент.

Десяткин обошел столик и сел лицом к хозяйке.

Та продолжала неподвижно стоять, все так же улыбаясь и глядя на него.

Откуда она взялась, — подумал Валера, — как попала в комнату? Ведь дверь точно не открывалась.

— Тебя как звать? — спросила женщина.

— Валерий Павлович.

— Зачем пришел?

— А разве Флегонтыч... то есть старик, как его... не говорил? — смешался Десяткин.

— Я хочу услышать это от тебя самого.

— Конечно, конечно. Дело в том, что со мной вот уже три... нет, четыре дня происходит непонятное. Сначала я думал, что заболел... или отравился.

— Грибами?

— Почему грибами? Какие сейчас грибы... Хотя... В общем, не знаю. Словом, со мной происходит что-то совершенно непонятное.

— Что же именно?

— Вот-вот, я и сам бы хотел знать. Кажется мне разное... Точнее, все время одно и то же. Девушка... Женщина... И еще, есть не могу. Уже два дня ничего в рот не брал.

— Так что за девушка?

— Я тут ездил в одну деревушку. По делам. И по дороге подвез попутчицу. А потом... — Десяткин судорожно сглотнул. — Потом она пришла ко мне домой... Вечером. И вот с тех пор... Куда ни пойду, всюду она. Даже сегодня приехали со стариком на речку. И тут она! Никого на берегу не было. Пусто. Вдруг вихрь, или смерч, словом, атмосферное явление, и представьте, внутри смерча — она!

— И старик ее видел?

— Нет, старик в это время купался.

— А звать-то как ее, твою женщину?

— Мара.

— Как называется деревня, в которую ты ездил?

— Чернотал.

— А по дороге туда останавливался?

— Да, ночевал в поле, возле тополей.

— Ничего странного там не видел?

— Когда ночью лежал у костра, вроде ходил неподалеку кто-то.

— А еще?

— Что еще?

— Еще что видел?

— Да больше ничего особенного. Ну, чибис по траве шастал. — Десяткин мучительно напрягся, пытаясь вспомнить. — Могилка там у дороги имелась. Еще звезда на памятнике приварена криво. Что еще?.. — Он пожал плечами.

— А вот скажи, эта самая Мара пришла к тебе вечером и вы с ней?..

— Ну да.

— И что ты при этом испытал? Или тоже не помнишь? — насмешливо спросила женщина.

— Отчего же, помню. Было, что называется, классно. Телка она крутая.

— Если можно, без жаргона, — одернула его хозяйка.

— Простите, — смутился Валера.

— Ты поподробнее, пожалуйста.

— Что значит, поподробнее? Сколько раз кончил, что ли?

— И об этом тоже. Но главное, что чувствовал.

Десяткин усмехнулся.

— Небывалый восторг, — сообщил он, — ничего подобного до сих пор со мной не бывало. Вроде, как растворяешься весь, потом проваливаешься куда-то... Задыхаешься. Словно душит тебя кто.

— А потом где ты ее встречал?

— На улице, в автобусе... И еще... — он замялся.

— Что еще?

Десяткин, краснея, рассказал о своих мытарствах в психбольнице.

Женщина слушала, не перебивая, потом спросила:

— Ну, а сам-то ты как все объясняешь?

— Если бы я мог объяснить, то не пришел бы сюда, — резко возразил Валера.

— В колдовство ты, надо полагать, не веришь?

— Я уж и не знаю, во что верить.

— Н-да, паренек, в серьезный ты оборот попал. Добром все не кончится.

— Неужели?! — привстал со стула Десяткин. — Так кто она такая и что же делать?

— Кто такая? — женщина язвительно усмехнулась. — Погибель твоя. Дурак ты, дурак. Горя не знал... Злосчастья не ведал... — нараспев прогундосила хозяйка. — Еще хорошо, что надумили ко мне прийти. Заклятье на тебя наложили. Злое заклинье.

— Но кто?

— Недруги. Извести тебя хотят. Сейчас, сейчас порчу попробую снять, тебя, милка, на свет белый вывести...

— Любые деньги... — прохрипел Валера.

— О деньгах после. На-ко, выпей. — В руке хозяйки неведомо откуда появилась стопка на витой длинной ножке.

Десяткин невольно подчиняясь, залпом проглотил содержимое. Это была какая-то спиртовая настойка. Пряная, с ощутимой горчинкой, но приятная. Ее вкус показался отдаленно знакомым, но Десяткин не стал анализировать свои ощущения. Затаив дыхание, он внимал ведьме.

— Странное дело, — неожиданно будничным голосом сказала та, — как только сталкиваются с чем-то необычным, стараются найти объяснение в обыденной реальности. Но ведь обыденная реальность, — одна из множеств реальностей, окружающих человеческий мир. Они проходят сквозь друг друга, сквозь нас, нужно только уметь видеть их. Да взять хотя бы это помещение. Вы, молодой человек, ничего вокруг не видите?

Десяткин повел глазами по сторонам, потом недоуменно посмотрел на ведьму. Его явно дурачили.

— А теперь? — ведьма медленно взмахнула руками, и Десяткин от неожиданности свалился со стула.

Обычная комната внезапно превратилась в громадную мрачную пещеру, освещенную сотнями больших и малых, тонких и толстенных свечей. Их сияние перемежалось с густым сумраком. Пятна мрака напоминали черные ходы, ведущие в неведомые миры. Маленький столик стал громадной деревянной колодой, стулья — массивными табуретами, ключья паутины свисали с потолка, на полке грубо сложенного камина сидел нахохлившийся филин, черный кот важно прогуливался вдоль стены, а сама хозяйка превратилась в сгорбленную крючконосую старуху с торчащим вперед подбородком.

— Ну, милоч, — прошамкала она, — каково?! А ты говоришь, кажется. И ничего не кажется... Давай-ка, посмотрим, что там с тобой случилось. — Ведьма извлекла откуда-то большой стеклянный шар и поднесла его к лицу Валерия. Шар светился слабым голубоватым сиянием. — Смотри! — властно приказала она.

Десяткин, ничего уже не соображая, уставился в глубь шара и постепенно различил какое-то смутное пятно, которое стало медленно сгущаться, твердеть и, наконец, превратилось в лицо, которое наш герой мгновенно узнал.

Она!

— Видишь! — прокаркала старуха.

Валера тупо кивнул.

— Знаешь, кто это? Мара! Она преследует тебя. И будет преследовать до тех пор, пока не погубит.

Десяткину стало так страшно, что он тоненько завыл.

Лицо в шаре все увеличивалось, разрасталось. И Валере вдруг показалось, что его роковая знакомая вот-вот выберется наружу.

В ужасе Десяткин отшвырнул от себя проклятую стекляшку, она упала и с мелодичным звоном раскололась. И сразу все пропало. Он снова находился в прежней пустой комнате, напротив стола, усмехаясь, хозяйка.

Не помня себя, Валера метнулся к двери, но дверь почему-то исчезла. Гладкие белые стены казались крепче алмаза. Больше всего на свете нашему герою хотелось побыстрее покинуть проклятое место.

— Выпусти меня, — взмолился он, оборачиваясь к хозяйке.

— А как же дальше-то жить будешь? Изведет тебя морок.

— Пусти, ради Христа!

Ведьма вздрогнула и отпрянула от Валерия. И тут Десяткин с невыразимым ужасом обнаружил, что перед ним... Мара. Точно, она. Неуловимый взгляд, холодная улыбка. Но она одновременно была и той древней старухой с крючковатым носом и острым подбородком. Он застыл как вкопанный посреди комнаты, а ведьма медленно, словно танцуя, двигалась к нему, вытянув перед собой костлявые руки. Ветхие тряпки свалились с нее, и отвратительное нагое тело, коричневое и заскорузлое, словно у мумии, приближалось все ближе и ближе. Тут бы нашему герою оборонить себя животворящим крестом, очертиться хотя бы кругом, но, увы. Не владел Валерий Павлович Десяткин секретами борьбы с нечистой силой, не знал простейших приемов, даже "Вия" не читал. И для кого только творил Николай Васильевич Гоголь?

И снова густой мрак окутал все вокруг, опять пропала куда-то обычная комната. Возникло некое лежбище, покрытое вонючим тряпьем, а на нем... он и старуха. Все!

Невозможно даже описать, что происходило дальше с нашим героем. Единственное, что осталось в памяти: он проваливается в бездонный черный колодец, наполненный сладкой удушающей истомой и болью.

Он даже не смог бы четко определить, с кем предается пагубным страстям. С древней ли старухой? С прекрасной девицей? На мгновение душа взмывала в неизъяснимом блаженстве и тут же обрушивалась в булькающий поток зловонной жижи. Он сгнивал заживо и поднимался из мертвого праха причудливым ядовитым цветком. Жар, холод: все сплелось в невероятную, но вполне реальную сферу, внутри которой находился он — Десяткин. Его перекручивали нечеловеческие руки, выдавливая по капле жизненную силу. В мозг, в самую его сердцевину, словно вколачивали громадные гвозди. Один, другой... Все глубже и глубже...

8

Десяткин очнулся и понял, то, что он принял за гвозди, на самом деле дверной звонок. Он настойчиво, с короткими паузами, дребезжал в прихожей.

Валера медленно поднялся и обнаружил, что находится у себя дома. И лежал он на собственной кровати полностью одетый. Почти не отдавая отчета в действиях, он подошел к входной двери и глянул в глазок.

На пороге стоял Боря.

Валера отворил дверь и без единого слова вернулся в комнату. Ему было все равно, состояние оцепенения достигло апогея.

— Здравствуй, — дружелюбно произнес Боря. — Ты чего такой мрачный?

Десяткин ничего не выражающим взглядом посмотрел на своего гостя и снова рухнул на постель.

— Совсем дошел, — сочувственно сказал Боря. — Ничего не ешь, наверное?

Десяткин молчал.

— Если хочешь, я могу сварить кофе.

— Чай, — перебил его Десяткин.

— Ладно. — Боря пошел на кухню.

Через пару минут он вернулся и сел напротив Валеры.

— Рассказывай.

— Что рассказывать? — не понял Десяткин.

— Что с тобой произошло?

— Не знаю, — равнодушно сказал Валера, — я ничего больше не знаю.

— Надеюсь, ты последовал моему совету и сидел дома.

— Нет, знаешь ли, не последовал... — так же равнодушно сообщил Десяткин.

— А где был?

— Ах, где был я вчера, не пойму, хоть убей, только помню, что стены с обоями... — меланхолично пропел Валера.

— Говори толком!

— Вроде мы с тобой никогда друзьями не были? — с любопытством спросил Десяткин. — Чего же ты такое участие проявляешь?

— Исключительно из человеколюбия, — иронически объяснил Боря.

— Неужели? Ладно, зачем пришел?

— Вчера я тебе обещал выяснить кое-что.

— Выяснил?

— Как тебе сказать... Не знаю, поверишь ли.

— Поверю. Я теперь всему верю.

— И все же скажи, где ты вчера был?

— У ведьмы. Знаешь, оказывается в наше время существуют ведьмы...

— Ну и?..

— Впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь. Вот только долго ли она продолжится?

— И кто тебя с этой ведьмой познакомил?

— Старичок мой. Флегонтыч-Ферапонтыч...

— Так я и думал.

— Что ты думал?

— А то! Ты, Валерий Павлович, попал в скверную историю.

— Это я уже понял. Дальше.

— Даже не знаю... — Боря замаялся.

— Договаривай, раз начал.

— Мне кажется, тебя просто травят.

— Сначала мне и самому так казалось, — задумчиво произнес Валера. — И знаешь, кого я подозревал? Тебя.

— Ты уже говорил, — спокойно ответил Боря. — И что же, подозреваешь до сих пор?

— Не знаю... Теперь меньше. Теперь я думаю, что околдован.

— Но ведь ты же не веришь в чертовщину.

— Мало ли, что не верю, от этого ее действие не становится слабее.

— И все-таки мне кажется, тебя травят. Все симптомы налицо.

— Ну какие симптомы? У меня ничего не болит, чувствую себя более-менее нормально.

— Существуют разные яды... Ты же сам мне рассказывал, что тебя бросает то в жар, то в холод. Совершенно отсутствует аппетит. А главное, галлюцинации. Ты, наверное, слышал об ЛСД. Есть много подобных наркотиков, спорынья, например, некоторые грибы... Ты, случайно, не читал Кастанеду?

Десятки отрицательно махнул головой.

— Так вот, там описывается действие мескаля, наркотика, получаемого из определенного вида кактусов. Галлюцинации бывают не постоянные, а случаются время от времени. Причем, реальное настолько сплетается с ирреальным, что отделить их друг от друга невозможно. Как в твоём случае. Эти яды плохо изучены... Подсыпали тебе что-нибудь в питье...

Очень может быть, — подумал про себя Валера, — что он прав. Именно после того, как Флегонтыч у речки дал ему выпить вод-

ки, и появился смерч. Он вполне мог добавить в стакан какой-нибудь дряни. И ведьма!.. Ведь она тоже дала ему выпить рюмку какой-то настойки. И еще! — вдруг вспомнил Десяткин. — Ведь она что-то спрашивала про грибы!

— Крайне малая доза наркотика вызывает галлюцинации, — продолжал рассказывать Боря, — и мгновенно начинается бред.

— Я вчера побывал в логове ведьмы, — заявил Валера.

— А как оно выглядело?

— Черная пещера... Сотни горящих свечей... Паутина свешивается с потолка. Филин... Черный кот...

— Вот видишь. Словно в сказке. Хрестоматийное описание жилища Бабы-Яги. В детстве тебе рассказывали или читали сказки, а теперь подсознание, под действием галлюциногена, трансформировало детские воспоминания.

— А секс? Состояние экстаза? По-твоему, это тоже плод детских восприятий?

— Сам не пробовал, но читал, что действие ЛСД производит именно такой эффект.

— Допустим, меня отравили. Но для чего? И кому это выгодно? Только тебе! Хочешь устранить конкурента...

— Если к этому причастен я, то разве пришел бы к тебе и рассказал все детали, раскрыл механизм? Кстати, я интересовался, есть ли в психиатрической лечебнице врач, которого зовут Иван Сафронович.

— Ну и?

— Нет такого. Твое пребывание там тоже не зафиксировано. Не поступал такой больной, вот так. Насчет привода в милицию я не выяснял, но думаю — это тоже бред.

— Бред?! Может быть, и посещение Чернотала тоже бред?

— Не знаю. Может, и так.

— Ну, ты даешь! — в первый раз засмеялся Десяткин. — А вещи, которые я привез... Они откуда взялись?

— Покажи!

— Да ради Бога. Они в соседней комнате. Пошли.

Десяткин распахнул дверь и картинно взмахнул рукой.

— Смотри!

Боря заглянул внутрь, потом уставился на Валеру. Глаза его были полны сочувствия.

— Что?! — закричал Десяткин. — Убедился?

Он заглянул в комнату. Привезенных вещей не было.

— Где!!! Украли!!! Ты!!! Это твоя работа!!! — Десяткин схватил за горло побледневшего Борю, потом отпустил, руки его безжизненно повисли, и он сел прямо на пол.

Боря убежал, но тут же вернулся с чашкой крепкого горячего чая.

— Выпей.

Валера туго взглянул на него, не понимая, о чем его просят.

— Все было тут, — прохрипел он. — Все... Мельница, шпоры, шахматы, а главное... Главное, картины. И ничего нет.

— И не было, — сказал Боря.

— Как не было?! Украл!

— Но зачем красть все подряд? Я понимаю, если бы взяли только картины. Но все, до единой пылинки. Ты посмотри, какой в комнате порядок. Если бы тут находилась куча старых вещей, наверняка остались бы следы их пребывания.

Десяткин бросился осматривать комнату, но, сколько он ни ползал по полу, сколько ни тыкался носом в тахту и стулья, ни малейших признаков, что тут лежали какие-нибудь вещи, не находилось.

Наконец Валера поднялся и встал посреди комнаты словно соляной столб. Глаза его уставились в одну точку, в этот момент он и впрямь походил на умалишенного. Да и было от чего сойти с ума. Из всего, что с ним произошло, это было самое необъяснимое. Ведь вещи лежали здесь. Он осматривал их не один раз и мог бы описать каждую. Скажем, кофейную мельницу он изучил до мельчайших деталей. А картины? Он даже помнил трещины и сколы на рамах, стоило только закрыть глаза, и картины всплывали в памяти до мельчайших подробностей.

Наконец Валера очнулся и посмотрел на Борю. Почему он проявляет к нему столько сочувствия? Из человеколюбия? Или все-таки за этим стоит тщательно разработанный и осуществленный план? Но для чего? К чему нужны такие сложности? Нет, здесь что-то не так. К тому же, нигде нет ни малейших признаков работы грабителей. Даже если они и украл находившиеся в комнате вещи, то, похоже, после своей работы тщательно вымыли пол и вычистили пылесосом мебель. Но ведь это ни в какие ворота не лезет.

Может быть, Боря прав, и он стал жертвой галлюцинации? Но кому нужно доводить его до сумасшествия, а главное, зачем?

Десяткин махнул рукой и медленно вышел из комнаты. Боря отправился следом.

Десяткин сел на неприбранную постель, взял чашку с совершенно остывшим чаем и одним глотком выпил ее.

— Так я пойду? — осторожно спросил Боря.

— Постой. Помоги мне разобраться, раз уж начал.

— Хорошо. Давай попробуем вместе восстановить ход событий. С чего все началось?

— Несколько дней назад ко мне явился старик этот, Флегонт-Ферапонтыч, я его так называю, и сообщил: мол, ему какой-то пьянчуга рассказал о деревне Чернотал, в которой будто бы имеются ценные старинные вещи. На следующий день я отправился в этот самый Чернотал.

— Постой, — прервал его Боря. — Что это за старик, как его настоящая фамилия?

— А ты разве не знаешь, про кого я говорю? Ведь он и к тебе ходит.

— Опиши его, пожалуйста.

— Лет шестидесяти пяти, невысокий, полноватый, лицо типичного пьяницы, красноносый, глубокие морщины, большая лысина, якобы, бывший учитель истории.

— А фамилия какая?

— Фамилия? Да вот, не спрашивал я его фамилию... Ни его, ни других подобных типов.

— И зря. Я, например, всегда интересуюсь и обязательно записываю, у кого что купил, или кто на что навел.

— Так это ты. Постой-постой. Вчера он мне назвал свое настоящее имя. Возле речки. Несложная такая фамилия. Как же? Знакомая еще... Кого-то я тотчас представил. Ах ты!.. Еще об армии подумал... О! Вспомнил! Горохов! Его фамилия — Горохов. У нас в части командир полка был Горохов. Точно.

Боря достал из кармана пиджака записную книжку и пролистал страницы.

— Среди моих знакомых такого нет, — сообщил он.

— Мало ли что. Думаешь, твои клиенты называются своими настоящими именами?

Боря пожал плечами.

— Возможно, ты и прав. Но что из этого следует?

— Следует только одно, — твердо сказал Десяткин. — Нужно довести дело до конца, пусть это даже грозит... — он замолчал, — грозит безумием, смертью, наконец. Но я не остановлюсь, другого выхода нет.

— Неужели прямо так? — почему-то хмыкнул Боря.

— Так или не так. Надо же что-то делать.

— Что же?

— Сколько сейчас времени?

— Одиннадцать.

— Так вот. Я сажусь в свою “копейку” и двигаю...

— Куда?

— Дураку понятно. В Чернотал.

— Но что это даст?

— Не знаю, что даст. Во всяком случае, выясню, черт возьми, посещал ли я действительно эту проклятую деревушку.

— Резонно, — поразмыслив, заявил Боря.

— Ничего другого я пока придумать не в силах.

— Можно, я с тобой?

— Нет, старичок. Стоит ли впутываться в эту дрянь. Давай уж я сам...

— Может быть?..

— Не надо. На мне висит, мне и распутывать. Уж ты прости... — Десяткин поднялся с кровати. — Пойду, подкреплюсь...

— Да как же, — удивился Боря, — у тебя же нет аппетита?

— Это верно, — вздохнул Десяткин, придется пересилить себя... А куда деваться? Дорога дальняя...

— Может, все-таки передумаешь и прихватишь меня с собой?

— Нет! Уж позволь мне самому разобраться.

Разговор как-то сам собой увял. Боря поскучнел, возбуждение его пропало, он нехотя поднялся, пошел было к двери, потом обернулся:

— Все же желаю тебе успеха. Надеюсь, все будет хорошо.

Десяткин молча кивнул.

Дверь за гостем захлопнулась, а наш герой в который уж раз подошел к холодильнику, распахнул дверцу. Достал кусок копченой колбасы, повертел в руках, зачем-то понюхал... Потом сунул на прежнее место. Колбаса вызывала отвращение. Взгляд упал на банку с куском брынзы. Брынза лежала в холодильнике давно, и на ее поверхности явственно выступили зеленоватые пятна плесени. Валеру чуть не стошнило. Он поспешно захлопнул холодильник и выскочил на улицу. Верная "копейка" безропотно дожидалась у подъезда. Наверное, так же некогда Россинант дожидался своего Дон Кихота. Десяткин "запрыгнул в седло" и рванул. Куда он мчался? Зачем? Он и сам толком не знал. Но нужно было, наконец, разобраться, поставить точку, пусть даже ценой страданий.

Из города он выехал как-то незаметно. Вот и пригород уже остался за спиной, и машина понеслась в чистое поле. Только ветер свистел в полуопущенное окно. Но, несмотря на это, было нестерпимо душно, словно кто-то нарочно откачивал воздух из гигантской трубы, по которой следовал автомобиль.

Дорога на этот раз была запружена транспортом. Казалось, все жители города, во всяком случае, те, кто имели автомобили, сорвались с места и рванули в поля.

Какой сегодня день? — попытался вспомнить Валера. — Наверное, суббота? Вот все и отправились на природу. — Он решил уточнить день недели, с которого начались его приключения, но никак не мог сосредоточиться. Выходило, что сегодня то ли вторник, то ли четверг, но никак не суббота. — Ну и черт с ней, — плюнул Валера и еще сильнее надавил на педаль газа. Машина понеслась с такой скоростью, словно это была не старая, хотя и ухоженная, "копейка", а спортивный "порше". Десяткин неплохо водил, но сейчас удивлялся сам себе, проявляя невиданные раньше способности.

Он отъехал от города примерно километров на тридцать и только тогда неожиданно спохватился: а туда ли едет? Поток транспорта несколько уменьшился, Валера прижался к обочине и остановился. Затем вышел из машины и осмотрелся. Кругом, насколько хватало взгляда, расстилались поля. Горячий крепкий ветер ударил в грудь, словно пытаясь остановить, сбить с ног. Зеленая, местами начавшая желтеть нива колыхалась под его порывами будто живая. По дороге гуляли маленькие пыльные вихри,

и Десяткин сразу вспомнил произошедшее возле речки. Может, все-таки галлюцинация? — Он задумался. — А если Боря прав, и его просто отравили неведомые враги опять же с неведомыми целями... С какими же, — спросил он себя и сам себе ответил: — У него хотели похитить и похитили добычу. На нее давно зарились еще с первого дня, а теперь вот ловко умыкнули. А чтобы сбить его с толку, морочили голову... Подослали эту бабу... потом Старый посад... Наверняка это работа Флегонтыча-Ферапонтыча... Нужно было бы, конечно, перед тем, как отправиться в путь, найти старика и допросить с пристрастием. Однако тоже нескладуха. Если старик знал о Чернотале, почему рассказал ему, а не съездил туда сам или не сообщил своим неведомым покровителям? Может быть, Боря все-таки принимает участие в этом деле? Ведь не зря же он набивался к нему в попутчики... Нет! Нужно как можно быстрее добраться до Чернотала и разобраться во всем происходящем на месте. Так туда ли он едет? Если ветер дует ему в грудь, а он явно южный, значит, и движется он на юг.

Рассудив таким образом, Валера снова сел за руль, и тронулся вперед.

Вскоре на его пути возникла деревня.

Спрошу-ка дорогу, — решил Десяткин.

Деревня оказалась незнакомой, похоже, раньше он ее не проезжал.

— Эй, дед! — окликнул Валера проходившего мимо старичка. — На Чернотал правильно еду?

Тот неопределенно махнул рукой вперед, даже не посмотрев на него.

Значит, на верном пути, — успокоился Десяткин и, не поблагодарив прохожего, вновь сорвался с места.

Лишь выехав из деревни на проезжую дорогу, он сразу заметил перемену. Машин на шоссе не наблюдалось вовсе.

Ат-ты... — обругал он нехорошим словом старичка и хотел уже было вернуться, чтобы как следует расспросить о дороге, но передумал и медленно поехал вперед, рассудив, что все равно куда-нибудь приедет.

Асфальт кончился, и пошла пыльная грунтовка. Вместо зеленющих просторов по обеим сторонам ее простиралась довольно безжизненная степь, которую Десяткин уж точно раньше не видел. Это была даже не голая степь, а усыпанное камнями поле без единой былинки. Лишь изредка встречались странные искривленные деревья, напоминавшие сосны. Жара стояла невообразимая, но солнца не было. Казалось, над степью висит белесая мгла наподобие тумана, однако эта мгла не мешала видеть окрестности. Дорога становилась все хуже. Ухабы стали настолько огромными, что движение автомобиля напоминало переход Суворова через Альпы. Чувствуя себя необыкновенно гадко, Десяткин продолжал медленно тащиться по полосе препятствий, как вдруг увидел покосившийся столб, на котором сидел ворон. К столбу

были прибиты несколько указателей, настолько старых, что, глядя из машины, надписи на них невозможно разобрать.

Валера остановил своего "россинанта", вылез и приблизился к указателю. Громадная птица смотрела на Десяткина черными блестящими глазами, но улетать не собиралась. Она лишь пару раз взмахнула крыльями и, видимо, хотела каркнуть, но передумала.

Только теперь Валера заметил, что от указателя разбитый большак разделяется на три дороги. Одна, как следовало из полустертая надписи на доске, вела назад в город. Вторая — в неведомый Саскачеван. А та, что уходила влево, похоже, выводила на Чернотал.

Во всяком случае, на гнилой доске было начертано не то углем, не то дегтем — "Черно..." Дальше надпись обрывалась.

Что же делать? — кумекал Валера. — Вернуться? Он взглянул на правую дорогу. Наезженная, но узкая, словно вырубленная в скале. Двум машинам на ней не разъехаться. И все-таки, это наиболее заманчивый вариант.

Чего искать? В чем разбираться? — подсказывал антиквару внутренний голос. — Поворачивай — и домой. Наплюй на все тайны. На кой ляд тебе этот Чернотал? А что дорога узкая?.. Так нет же на ней никого. Все уже давно проехали. К вечеру, глядишь, дотянешь до города, а там... покой.

Десяткин взглянул на дорогу, которая вела вперед, в какой-то идиотский Саскачеван. Тракт к нему вроде неплохой. Но нет! Не нужно нам неведомых далей. Поедем-ка мы в Чернотал. Разберемся... выясним... а там видно будет.

Ворон, казалось, одобрил такое решение. Он часто закивал головой, захлопал крыльями и даже прокричал нечто вроде "урра".

И вот антиквар снова движется на поиски чертовой деревушки.

И тут начались миражи.

Валерий Павлович не раз читал про странное явление природы, обычно случающееся в жаркой пустыне, но до сих пор видеть мираж ему не приходилось. Поэтому, когда впереди засверкали громадные небоскребы неведомого города, от неожиданности Валера резко затормозил. Перед ним в зыбком мареве раскинулся громадный мегаполис. Высоченные белые здания, автодороги, приподнятые над землей. И все это возникало из ниоткуда. Вот она — новая реальность, — пришло на ум нашему герою. — Вот куда нужно стремиться. На кой черт ему грязный убогий Чернотал, по которому разгуливают свиньи, а в домах, похожих на стародавние остроги, проживают граждане, щеголяющие в застиранных сиреневых майках, которых интересует лишь алкоголь да телевизор. Ну, остались в этих черноталах кое-какие цацки, иконки, изъеденные древоточцем, разный дореволюционный хлам, который, впрочем, никому не нужен.

А сверкающий город, вот он рядом. Не это ли загадочный Саскачеван?

Но сказочный город вдруг пропал, и на его месте возникла панорама огромной битвы. Десяткин в изумлении взирал, как неведомые армии сходились в смертельной схватке. Этот мираж был намного явственнее и отчетливее первого. Казалось, сражение разыгрывается перед самым носом. Вот прямо перед ним косит из пулемета надвигающуюся толпу под зеленым флагом пулеметчик-красноармеец, а вот и его самого рубит в капусту налетевший сбоку всадник в алом бешмете. А вот танки. Идут, как писал классик, ромбом. Врезаются в черные массы пехотинцев. У одного танка отлетела башня. Прямое попадание. Столбы черного жирного дыма... Разноцветные знамена: красные, зеленые, желтые... Армагеддон — последняя битва, — пришло в голову незнакомое доселе слово. Вдали ослепительно сверкнули ярчайшие вспышки и поднялись невероятные в своей абсолютной реальности грибы ядерных взрывов.

Десяткин невольно зажмурил глаза, а когда открыл, перед ним расстилалось все то же безжизненное поле.

Антиквар перевел дыхание, переключил скорость и устремился вперед. Какое ему дело до призрачных битв. Когда еще это случится. День прожит, и слава Богу. Вперед и только вперед.

Дорога стала лучше. Исчезли ухабы. Гладкое ровное поле лежало перед ним, словно расстеленная географическая карта. Валера надавил на педаль.

9

Он взглянул на часы. Около десяти. Ничего себе! Вот это продрых. Десяткин отворил дверцу и вышел из машины. Вокруг по-прежнему пустынно, лишь поодаль по желтой высохшей траве прохаживался чибис. Валера недовольно посмотрел в сторону тупой птицы. Своим присутствием чибис нарушал привычный порядок вещей. Ведь ему место на болоте, а не посреди жаркой степи.

“Тук” — ударило что-то в голову. Валера дернулся, не понимая, что случилось. “Динь-динь” — звякнули маленькие колокольчики.

Чибис тюкал клювом в землю. А в мозгу Валеры кто-то наступивал тонко и отчетливо, словно напоминая о чем-то.

Наскоро умывшись из канистры, Десяткин попрыгал на месте, разминая члены. Потом решил пробежаться.

Некий дискомфорт он отнес на счет жары и плохо проведенной ночи.

Пробежки наш герой совершал почти каждый день, разумно считая, что они полезны для здоровья. Побегав вокруг машины, Десяткин затем поднялся на придорожную насыпь и трусцой побежал вперед. Внезапно он заметил, что по другой сторону насыпи стоит некий странный предмет, который напоминал высунув-

шийся из земли неестественных размеров палец, направленный в небо. Когда Валера, несколько удивленный, приблизился к непонятному предмету, оказавшемуся вблизи могильным памятником, в его бедовой башке вновь что-то ощутимо и настойчиво тюкнуло, и он даже остановился, не понимая, что же произвело столь странное впечатление.

Перед ним возвышалась металлическая пирамидка, некогда выкрашенная голубой краской, давным-давно облезшей. Венчала обелиск традиционная пятиконечная звезда, но почему-то перевернутая верхним лучом к земле. И вновь молния пронзила сознание. Он даже споткнулся. Почему?! Что случилось?! Подобных памятников он в своих странствиях встречал не один десяток. Что же вызвало подобную реакцию?

Десяткин попытался разобрать полустертую временем надпись. Буквы совершенно не читались. Только окончание фамилии. Не то "ова", не то "ева". Похоже, женщина. Откуда бы могиле тут взяться? Но стоит ли об этом размышлять, пора ехать в Чернотал, на поиски таящихся там редкостей.

В этот момент в мозгу снова звякнуло, и Валере на мгновение почудилось, что все это: придорожный памятник, чибиса, тополя, пустынную степь он уже однажды видел. Он вновь посмотрел на ржавую пирамидку, пожал плечами и пошел к машине.

Но странное состояние не проходило. "Было! Было!!! Все это уже было!!!" — кричал кто-то неведомый внутри него.

Невозможно, — попытался успокоить себя Десяткин. — Что значит, было? Не могло ничего быть. Восстановим ход событий. Позавчера к нему в лавочку явился умильный старичок Флегонтыч-Ферапонтыч. Рассказал про Чернотал. И он, Валера, решил незамедлительно туда съездить. Вчера, прямо с утра, отправился в путь, пропутешествовав весь день, остановился возле тополей на ночевку... И ничего больше. Откуда же это странное ощущение? Вечером у костра выпил немного, но ведь не сверх нормы. Голова, кстати, не болит, похмелья не ощущается. Может, перегрелся? Но ведь как следует отдохнул.

Он завел двигатель и медленно выехал на тракт. Дорога была совершенно пустынна. Интересно, сколько еще ехать до этого Чернотала, прикинул Валера. Хорошо бы добраться поскорее. Он попробовал прибавить скорость, но машина почему-то не хотела разгоняться. Она тащилась по дороге буквально с черепашьей скоростью. Десяткин нахмурился. До сих пор "копейка" бегала хорошо. В чем дело? Остыла за ночь? Ерунда. Наверное, карбюратор засорился или свечи барахлят. Он досадливо сплюнул в открытое окно. Еще не хватало встать посреди поля, а кругом ни души.

Машина двигалась все медленнее и медленнее, потом несколько раз судорожно дернулась и встала.

Десяткин, чертыхаясь, вылез, открыл капот и растерянно посмотрел на двигатель. Нужно сказать, что в починке он смыслил очень мало.

— Приехали! — сказал он вслух.

Что же делать? Придется ждать, когда мимо кто-нибудь проедет, и попросить либо устранить неполадку, либо взять на буксир и дотащить до ближайшей деревни, где наверняка имеется какая-нибудь мастерская или кустарь-умелец.

Солнце жгло немилосердно. Дорога по-прежнему словно вымерла. Напрасно наш герой пристально вглядывался в разные стороны, напрасно взбегал на пригорок в надежде заметить долгожданного спасителя. Все тщетно. Похоже, помощи ждать было неоткуда. Видимо, Чернотал не зря слыл жутким тупиком. В отчаянии Десяткин решил на немислимое, попробовал разобратся, в чем причина неполадки. Однако у него хватило благоразумия всего лишь почистить свечи и проверить, действительно ли в баке есть бензин, на дальнейшие исследования он не решился, понимая, что может осложнить ситуацию. Но и после проделанных манипуляций двигатель не завелся.

Желто-коричневое полотно тракта, усеянное большими и маленькими камнями, раскалилось и дышало зноем. Казалось, дороге этой не одна тысяча лет, и видела она на своем веку столько, что не приведи Господь. Быть может, некогда шли по ней когорты Александра Македонского напрямик в Индию, скакали всадники Кира и Дария, двигались римские манипулы, а позже, в обратном направлении, неслись гунны и авары. Потом сходились здесь орды Чингиз-хана и Тимура с ратниками Игоря и Святослава. Не в этих ли местах сидел на могучем дубе и посвистывал на проезжающих купчишек Соловей-Разбойник? И до сих пор бы, надо думать, посиживал, не сбей его каленой стрелой Илья Муромец. Бродили тут казачки Стеньки Разина и лапотники Емельки Пугачева, а еще через полтораста лет белые, красные, зеленые, жовто-блукитные и иные разноцветные господа и товарищи. Наконец, совсем недавно, перли здесь броневые армады Гудериана. Перли-то они перли... Но... Вон, поодаль совсем ушли в землю ржавые траки. Как знать, может они вовсе не от родного ЧТЗ, а от некогда грозного "Тигра".

Дикое поле, первозданное и дремучее. Беспредельны его просторы, неведомы границы. И до сих пор среди курганов и буераков случаются разные непонятные разности, иногда очень даже зловещие.

Валера окончил свои исторические размышления и посмотрел на часы. Ровно двенадцать. Полдень. Он тоскливо вздохнул и в этот самый миг увидел, что по дороге довольно далеко от него, движется какая-то точка. Судя по всему, человек.

Ну ладно, — сказал себе Десяткин, — во всяком случае, узнаю, далеко ли до Чернотала. Скорее всего, не очень, раз человек идет пешком. Он хотел броситься навстречу неведомому путешественнику, но здраво рассудил, что суетиться особенно не стоит.

Неизвестный, между тем, медленно приближался к нему, и вот уже Валера различил, что это женщина.

Непонятно почему его охватило легкое беспокойство. Он козырьком приложил ладонь ко лбу и всмотрелся. Похоже — старуха. Над раскаленной дорогой поднимались столбы горячего воздуха, создавая странный оптический эффект: силуэт женщины колебался, раздваивался, словно призрак.

Беспокойство нашего героя перешло в заметное волнение. Он, ни с того ни с сего, начал яростно чесаться, словно на него неожиданно напал легион блох, потом залез в машину, попробовал завести мотор. Тщетно. Валера снова вылез, стараясь не смотреть на приближающуюся фигуру, стал остервенело стучать по колесам ногой, как бы проверяя их на прочность. Одновременно он то и дело, словно невзначай, бросал быстрые косые взгляды в сторону женщины.

Теперь он отчетливо разобрал, что к нему шла босоногая старуха в свободной темной юбке и такой же рубашке. Лицо, руки и ноги ее настолько загорели и продубились, что выглядели почти черными. Странным казалось то, что, хотя не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка, длинные седые космы старухи развевались у нее за спиной, словно раздуваемые неведомым вихрем.

Имелась и еще одна странность. Время от времени старуха словно вспыхивала ярчайшим светом и тогда казалась совершенно белой на фоне черной дороги, но хуже всего было ее лицо. У старухи отсутствовали глаза. Вместо них зияли две черные дыры.

Десяткин готов был поклясться, что никогда дотоле не встречал столь зловещее создание, однако тотчас узнал ее.

— Мара... — шепотом произнес он.

Рассказывают, перед смертью сознание умирающего в считанные секунды прокручивает всю прожитую жизнь... Нечто подобное испытал и Валера, с той лишь разницей, что воспаленный разум явил ему лишь события последних дней, начиная с прошлой ночевки возле тополей, ночь в объятиях красавицы, сумасшедший дом, ведьму на Старом посаде, безумные скитания последнего дня. Он моментально все вспомнил.

Старуха, между тем, приблизилась вплотную, и Десяткин чувствовал, как незрячие дыры впились в него.

Он старался не поднимать на Мару глаза, потому что понимал: взгляни сейчас, и все. Гибель.

Неожиданно стало нечем дышать. Валера, почувствовав первые симптомы удушья, принялся делать более частые и глубокие вдохи, но не помогло. Сердце в груди бухало, словно молот по наковальне. Страшный жар, казалось, рухнул на него с небес, затрещали волосы, а дышать и вовсе стало невозможно. Животный ужас неизбежной смерти растворил остатки разума. Тупое безразличие охватило нашего героя. Ему послышался звон; сначала слабый и мелодичный, он все нарастал и, наконец, стал нестерпимым. Антиквар ничком упал рядом со своей машиной на острый раскаленный гравий дороги.

— Эй, парень! Очнись!

Валера пошевелился. В лицо его кто-то плеснул водой. Теплые капли потекли по щекам, по шее, скатились за ворот футболки.

Он открыл глаза. Над ним склонились два человека.

— Ты чего, парень, тут разлегся? — спросил один с грубоватым сочувствием. — Может, кривой? А? Не выпил ли? При такой жаре — это гибель. — Спрашивающий хохотнул, словно перспектива подобной смерти не казалась ему такой уж страшной.

— Так что случилось? — более серьезно спросил другой. — В чем дело-то?

Десяткин приподнялся на локте и осоловело посмотрел вокруг. Старухи нигде не было, кругом простирался до мелочей знакомый пейзаж, рядом с его “копейкой” стоял “газик” со снятым верхом, а возле него самого сидели на корточках два мужика. Один совсем молодой, голый по пояс, другой — лет сорока, в просторной светлой рубашке, сатиновых шароварах и мятой шляпе, — походил на мелкого начальника. Именно он и задал последний вопрос. Его багровое лицо, усеянное капельками пота, выражало дружеское расположение.

— На-ка, выпей воды, — протянул алюминиевую фляжку молодой.

Валера сделал несколько глотков. Звон в голове не прекратился, но стал тише. Он кое-как поднялся. Неизвестные граждане поддержали его под руки.

— Понимаете, — слабым голосом начал Валера, — ехал... и вдруг заглох. А на дороге пусто. Я в машинах разбираюсь слабо... И помочь некому... словом, загораю тут часа, наверное, три. И все на жаре...

— Ага, — догадался тот, что в шляпе, — наверное, солнечный удар тебя стукнул. Это бывает. Особенно, когда давление высокое. Вот у меня... — он не договорил и приказал: — А ну, Вася, посмотри, что с его коростой такое.

Не спрашивая у хозяина разрешения, Вася шустро залез в машину и повернул ключ зажигания.

Двигатель завелся, что называется, с полоборота.

— Как же так? — удивленно спросил Вася.

Валера молча развел руками.

— Бывает, — авторитетно сказал человек в шляпе и внимательно посмотрел на Десяткина. — А ты, собственно, куда едешь?

— В Чернотал...

— Чернотал? Это где ж такой?

Десяткин, услышав эти слова, чуть снова не грохнулся в обморок.

Неужели все зря, неужели мучения последних дней, сумасшедшие приключения, безумная езда неизвестно куда, все эти миражи, видения — всего-навсего галлюцинация, бред... Неужели прав Боря, считающий, что его кто-то намеренно одурманивает наркотиками.

Он недоуменно водил ополоумевшими глазами с одного лица на другое.

— А вы кто? — перейдя на “вы” с вежливым подозрением заинтересовался владелец шляпы. — С какой целью тут разъезжаете?

Это было знакомо. Это было нормально. Свое, родное. Совковское. Каждый посторонний подозрителен. С подобным отношением Валера встречался не раз. Именно подозрительный шляпоносец и привел его окончательно в чувство.

— Я сотрудник областного краеведческого музея, кандидат исторических наук Десяткин Валерий Павлович, — почти нормальным голосом сообщил наш герой. — Вот моя визитная карточка, а вот удостоверение. — И достав из кармана джинсов солидный кожаный бумажник, Валера извлек названные предметы и вручил их шляпоносцу.

Тот бегло взглянул на удостоверение, но раззолоченная визитка, видимо, произвела впечатление, и шляпоносец с почтением взглянул на Десяткина и, в свою очередь, сообщил, что является главным агрономом совхоза “Путь к Ильичу” Недосековым Самуилом Самуиловичем.

— Мне не так давно сообщили, — стал развивать свою тему Валера, — что где-то в этих местах есть деревня или село, в котором имеются ценные исторические документы и материалы. Называется — Чернотал. Вот я в поисках этого самого Чернотала и колесю по здешним местам. И прошу вашей помощи как официальное лицо у официального лица, — веско добавил он.

— Нету, дорогой товарищ, тут никакого Чернотала, — с ласковой жалостью, как обычно говорят с неразумными, но пытливыми детьми, произнес агроном. — Я тут уже пять лет как на земле хозяйствую. Все кругом объездил, но ни про какой Чернотал и не слыхивал. Вот дальше, километров пять по грейдеру, будет Фадеевка, потом Мичуринка, еще дальше совхоз имени Дзержинского. Если, скажем, влево податься, то там будет Сучий закуток, то есть колхоз имени Александры Коллонтай, потом Спасов Крест, бывшие “Заветы Ильича”. Направо — Вишневые кусты, Колотилово, Пархатые Угрюмы... Еще перечислять? Кто это вам про Чернотал наговорил?

— Нет, есть, — неожиданно вступил в разговор доселе молчавший Вася. Он с явным интересом вслушивался в поучительную беседу и загадочно ухмылялся.

— И ты туда же! — раздраженно проговорил шляпоносец. — Ну, докладывай, краевед.

— Чернотал, — сказал парень, — это старое поместье километрах в пятнадцати отсюда. Там раньше точно деревня была, но в гражданскую их всех выселили, поскольку они белых поддерживали. А деревню спалили. В поместье некоторое время была трудовая коммуна, потом приют, потом еще что-то, а сейчас она вовсе запустела, полуразвалилась. Там вроде никто не живет.

— Ну, ты прямо красный следопыт, — с легкой насмешкой сказал агроном своему шоферу, но видно было, что ему приятно осведомленность парня. — Помню я это место. Мы еще хотели там свиноферму устроить, но не разрешило начальство. Уж не знаю, почему. Я, правда, не в курсе, что оно Черноталом прозывается. А красивое место. На холме у реки. Сад еще там заглохший. Весной, когда цветет, радость неописуемая. Так что, господин-товарищ, уж не знаю, как по-нынешнему вас величать, двигайте туда. Через полчаса доедете. Сейчас будет деревня, проедете ее и налево, к реке. Поместье хорошо видно. Счастливо добраться, только больше в обморок не падайте.

И добродушные селяне, вскочив на своего стального коня, отравились объезжать сельскохозяйственные угодья.

— Итак, — громко сказал Десяткин, — оказывается, никакого Чернотала вовсе и нет. — От пережитых потрясений он стал разговаривать вслух. — А что есть? Какие-то руины. — Он почувствовал, что говорит сам с собой, произнес "ой" и замолчал. Еще с детства Валера знал, что те, кто говорит сам с собой — шизики. Дальше он принялся размышлять обычным манером, про себя.

Итак, все встало на свои места. Никуда он, конечно, не ездил. Случившееся — результат переутомления или, что тоже вероятно, диверсии. Проклятые конкуренты не дают жить спокойно. Тут он на миг зажмурился, и перед глазами отчетливо встал мужик в сиреневой майке, который подарил ему кофейную мельницу. Да так отчетливо, что он даже вспомнил бородавку на его носу, покрытую маленькими рыжими волосками.

— Хватит! — заорал он. — Хватит психовать! Возьми себя в руки. Снова в психушку захотел?

Но ведь не было никакой психушки. Все это бред.

Он взглянул на свою машину. Мотор, оставленный включенным кудесником Васей, работал тихо и ритмично гудел.

Что же делать? Вернуться домой? Нет! Он-таки найдет этот проклятый Чернотал, убедится, что все обстоит так, как ему сейчас рассказали. Убедится, и домой. А там разберется, кто его так хитроумно изводит. И машина вновь понеслась в неведомые дали.

10

Новые знакомые не обманули. Через пару километров показалось большое селение. Десяткин специально притормозил машину на пригорке и посмотрел на деревню сверху. Подумалось: может, именно ее он принял за Чернотал. Но увы, селение казалось вовсе не знакомым. Большой поселок из тех современных агроцентров, которые больше похожи на маленькие городки. Пыльные улицы выглядели скучно и уныло. Чахлые тополя и липки сиротливо, без всякого порядка, торчали по обочинам, но вот за высоченными заборами наверняка кипела иная, полнокровная жизнь, освещенная факелом частного предпринимательства.

Десяткин равнодушно поглядывал по сторонам. Он даже не остановился и не спросил прохожих: как проехать на Чернотал. К чему? Полученные ранее объяснения были довольно обстоятельны.

И действительно, едва он выехал за деревню, сразу же увидел тот самый поворот влево, о котором говорил Вася. Но если бы он не знал о нем, то наверняка пропустил бы, настолько тот был неприметен. Некогда разъезженная колея густо заросла травой и бурьяном.

Дорога незаметно стала подниматься в гору. Скоро машина достигла вершины холма и остановилась. Пейзаж, открывшийся перед нашим героем, был одновременно традиционен и прелестен. Вдали, в низине протекала речка, берега которой поросли деревьями и густым кустарником. Кое-где между зарослей виднелись желтые песчаные отмели. За рекой начинались поля, уходящие к горизонту, а чуть левее, среди деревьев виднелись крыши какого-то строения.

Вот он, Чернотал, понял Валера, но не двинулся с места, а продолжал вглядываться в раскинувшуюся панораму.

Над головой в безоблачном небе заливался жаворонок, солнце все так же нещадно палило, но близость реки смягчала жару. Зеленая прибрежная растительность и сверкающий желтый песок создали идиллическое настроение. Хотелось, забыв про все, прыгнуть в светлые речные воды и тихо плыть по течению... к самому Каспийскому морю. Валере захотелось так и поступить, но он передумал, сел за руль и медленно поехал к виднеющимся строениям.

Дорога уткнулась в ворота, одна створка которых, невероятно дрянная, сделанная из кованого металла и украшенная разными финтифлюшками, чудом сохранилась. А другую заменял ветхий деревянный щит, прислоненный к остаткам каменной ограды. Одинокую створку и деревянный щит соединял грубый канат, на котором болталась табличка с надписью "Закрывать".

Десяткин подлез под канат и зашагал по почти неприметной тропке. Некогда на месте тропинки, видимо, проходила широкая аллея, теперь заросшая тополиным подлеском. Несомненно, в прошлом здесь был обширный парк. Об этом свидетельствовали ряды громадных старых деревьев по сторонам заглушенной аллеи. Они разрослись без присмотра самым причудливым образом, а часть попросту засохла и теперь торчала к небу, словно гигантские ободранные веники.

Но, несмотря на запустение, старый парк был полон жизни. Закуковала, а потом внезапно замолкла кукушка. Вспорхнула с сухой ветки парочка диких серых голубей-горлиц, какие-то не известные Валере пестрые птички со щебетом перелетали с куста на куст.

Но вот заросли закончились, и перед Десяткиным открылся большой полуразрушенный дом, стоящий на берегу заросшего

тиной пруда. Обширное двухэтажное строение, типичный образчик усадебной архитектуры барского поместья: портик с колоннами, большая парадная лестница, все говорило о том, что некогда здесь жили на широкую ногу. Казалось, сейчас из-за высоких двустворчатых дверей выйдет барин, окруженный толпой чад, домочадцев и слуг. Затрубят в рога егеря, псаря спустят своры собак, и помчатся по полям и лугам охотники, гоня зайчишек, а то и серого волка.

Но, увы. Все в прошлом. Кануло, как пишут романтики, в лету.

Дом находился в самом плачевном состоянии. Из четырех колонн остались только две, остальные обвалились, кровля местами рухнула, и в разные стороны торчали безобразные черные стропила. Окна, конечно, были без стекол, а двустворчатые двери сорваны с петель и догнивали на земле. Создавалось впечатление, что дом подвергся беспощадному налету вандалов. Не хватало только парочки-другой трупов.

— Н-да, — вслух произнес Десяткин. Он уже понял, что поживиться здесь вряд ли удастся, поскольку, как поется в старинном романсе, “все сметено могучим ураганом...” Однако чем черт не шутит...

Под ногами хрустело битое стекло, какие-то трухлявые обломки, но он, рискуя переломать ноги, пробирался внутрь дома.

Неожиданно наш герой вспомнил сказку о спящей красавице. Вот так же, наверное, отважный принц продрался сквозь дремучие заросли к замку, где столетним сном спала прекрасная принцесса. Очевидно, здесь до него побывала сотня разбойников-принцев и уволокла все, начиная с принцессы и кончая оконными рамами и ночными горшками. Впрочем, один горшок — грязно-зеленый эмалированный монстр с проржавелым дном — валялся на загаженном полу. Десяткин поднял “дедушку-унитаза”, повертел и со словами: “исторической ценности не представляет” отшвырнул прочь. Он побродил по огромному захламленному залу, заглянул в какие-то комнатки и чуланы с проваленными полами, попытался подняться на второй этаж, но ветхая лестница так зловеще затрещала, что он оставил свои попытки.

Горестно размышляя о судьбах русского дворянства и о возможности восстановления монархии в России, наш герой присел на какую-то кучу хлама и закурил.

— Что вы тут делаете, молодой человек? — услышал он за спиной и подпрыгнул от неожиданности.

Перед ним стоял старичок, одетый, несмотря на жару, в ватную фуфайку и валенки, он напоминал духа-хранителя этих мест, такого же ветхого и замшелого, как и его владения.

— Так что вы тут делаете? — повторил старик, с некоторой, как показалось Валере, угрозой.

Десяткин захотел нахамить, но усилием воли подавил в зародыше это желание.

— Я, дедушка, краевед, — добродушно сообщил он. — А ты-то сам кто?

— Мы разве на брудершафт пили? — хладнокровно поинтересовался старик.

— Не понял?!

— С какой стати вы мне тычете?

— О! Миль пардон, — напелся Валера.

— Изъясняетесь по-французски? — заинтересовался старик.

— Нет, что вы, — смущенно пробормотал Десяткин, проникаясь почтением к стражу руин. — А что касается “на брудершафт”, то может...

— Ну вот, начинается! — тоскливо произнес старец. — Во искушение вводят... — Он подмигнул Валере.

Эге, смекнул антиквар, дедок-то боек. Это хорошо.

— Так как насчет... — сказал старик.

— А почему бы, собственно, и нет.

— Значит, краевед? — спросил старик, когда они приняли по первой.

— Ага, — ответил Десяткин с набитым ртом. Они сидели за большим, врытым в землю дубовым столом, перед небольшим аккуратным домиком, отдаленным от развалин густыми зарослями кустарника и деревьев. На столе была разложена немудреная закуска: редиска, залитая сметаной, соленые огурцы, крупно нарезанные ломти кисловатого деревенского хлеба. Водку Десяткин принес из машины.

— Водка теплая, — поморщился старик.

Десяткин сокрушенно кивнул головой.

— А что, позволь спросить, тебе здесь нужно, краевед?

— Изучаю исторические памятники, — осторожно сообщил Валера.

— Ага, — задумчиво сказал старик. — А как тебя звать, краевед?

— Валерием Павловичем.

— Доброе русское имя, — заметил старик. — А меня величают Аполлон Аполлонович.

— Неужели? — удивился Валера. — А вы кто?

— Смотритель здешний.

— За чем же здесь смотреть? Развалины да гниль...

— Ты прав, Валерий Павлович. Однако такая уж моя судьбина. Приставлен, видишь ли...

— Кем же?

— Долго рассказывать.

— А не повторить ли нам? — потянулся Десяткин к бутылке, предвкушая занимательнейшую историю.

— Ну что ж... — задумчиво сказал старец. — А вот возьмем и повторим. — Он неторопливо наполнил старинные, зеленого стекла, стопки, кивнул Валере и ловко опрокинул содержимое в рот.

Десяткин последовал его примеру и, хрустнув огурцом, посмотрел на Аполлона Аполлоновича. Кого-то сей старец ему напоминал.

— Ну, так вы обещали...

— Ничего я тебе не обещал, — укорил его хозяин.

— Рассказать...

— Ты все об этом, — недовольно сказал старик.

— Но ведь я краевед, специально сюда приехал, в такую даль, между прочим.

— Ну да, ну да, — закивал Аполлон Аполлонович. — Придется, наверное, поведать тебе преданья старины глубокой, раз для дела надо. Однако хорошо бы... — и он выразительно посмотрел на бутылку.

Определенно кого-то напоминает, вновь мелькнуло у Десяткина.

Старичок как бы машинально наполнил рюмку, так же непринужденно осушил ее и весело посмотрел на Десяткина.

— Итак, слушай, краевед. Надобно сказать, что род наш весьма древен и славен.

— Так вы дворянин? — изумился Десяткин.

— Все в свое время, — поморщился старик. — И попрошу не перебивать!

Валера сконфузился.

— Скажу тебе, что только на этой земле фамилия наша проживает более двухсот лет. Ты понял? Более двухсот! Позже могу продемонстрировать тебе наш родовой склеп. Он находится тут, недалеко. Так вот. В 1748 году, в царствование императрицы Елизаветы Петровны, хозяин здешних мест отставной лейб-гвардии поручик Елагин отправился путешествовать по Европе. Так вот, краевед, этот самый Елагин в свое время был в рядах тех гвардейцев, которые возвели на российский престол матушку Елизавету, утихомирив ненавистных немцев во главе с проходимцем Бироном. Однако поручик, человек твердый и прямой, в выражениях не стеснялся, и очень скоро его отлучили от двора, а заодно и из гвардии. Рассказывают, мол, он непочтительно обошелся с князем Разумовским, фаворитом императрицы, прилюдно назвав его выскочкой и хористом, кстати, совершенно справедливо. Так вот, попав в опалу, Елагин решил путешествовать и исполнил свое намерение. Однажды он оказался в Риме, где и познакомился с моим предком.

— Неужели вы итальянец?! — еще более удивился Валера.

— Я же просил не перебивать! — раздраженно произнес Аполлон Аполлонович. — Имейте терпение, краевед. Ну какой я итальянец! Предок мой был итальянцем! Предок! А я русский человек, хотя и с итальянскими корнями. Предка моего звали Аполлионио Гракхо. Слышал про братьев Гракхов?

— Что-то такое... — помямлил Валера. — Герои они...

— Вот именно, герои. Борцы за свободу и равноправие в древнем Риме. Гай и Тиберий.

— Одного еще скамейкой убили! — радостно вспомнил Десяткин.

— Точно. Так вот, мой род идет от этих великих людей, не от того, которого скамейкой, а от другого. Ну, да ладно. Нужно заметить, род наш был одним из самых знатных не только в Папской области, но, пожалуй, во всей Италии. И породнился с самыми знатными фамилиями: Сфорца, Борджиа, Медичи. Слыхал о таких?

— Ну, еще бы! — не растерялся Валера. — Понятное дело, знаем.

— То-то же! Но, должен признаться, к восемнадцатому веку род наш сильно пооскудел. Я имею в виду материально. Поиздержались предки. Сам понимаешь, крестовые походы, карнавалы разные... словом, как пишется в романах, у последнего в роду Гракхо остался лишь тощий кошелек да длинная шпага. Вот эта-то шпага и помогла познакомиться моему предку и лейб-поручику Елагину.

Аполлон Аполлонович, у которого, видимо, пересохло в горле от долгого рассказа, уверенной рукой наполнил зеленую рюмку и, непринужденно махнув ее, смачно захрустел редиской.

— А дальше? — с интересом спросил Десяткин, напряженно слушающий повествование.

Старик традиционным римским жестом поднял правую руку, словно успокаивая — продолжение непременно последует.

— Так вот, — продолжил он, — бродил как-то лейб-гвардеец по ночному Риму, и вдруг из-за угла выскочила целая шайка брави и набросилась на него.

— Кто такие эти брави? — робко полюбопытствовал Валера.

— Наемные убийцы.

— А почему они охотились за ним?

— Надо думать, длинная рука князя Разумовского. Он рассчитывал в Вечном городе достать своего врага. Убийц было человек пять, а Елагин один. И хотя он превосходно владел шпагой, силы оказались неравны. Сам понимаешь, ночной Рим, узкие улочки, тусклый свет фонарей, из окон украдкой глазают римляне и римлянки, но все двери закрыты. Мещанин, он везде мещанин, хоть в Риме, хоть в Конотопе. Не желают, видишь ли, помочь погибающему. Боятся. И вдруг, словно молния пронеслась, сверкнул клинок еще одной шпаги, и Елагин понял, на помощь ему судьба послала таинственного незнакомца. Это и был мой предок Аполлонио Гракхо. Фехтовал он превосходно, и скоро два негодяя остались лежать на грязных бульжниках римской мостовой, а остальные, поняв, что дело плохо, бросились бежать. Елагин обнял отважного незнакомца, трижды по русскому обычаю облобызал спасителя и попросил назвать свое имя. Так познакомились два великих человека, чтобы больше никогда не расставаться. Узнав

о стесненном положении моего предка, лейб-поручик пригласил его с собой в путешествие как друга и брата. Потом Аполлонио Гракхо приехал с ним в Россию...

Старик замолчал, закричал и поднялся.

— Ну, а дальше? — воскликнул Валера.

— Спокойно, краевед, не нужно раньше времени суетиться и вопить. Я сейчас вернусь.

Пока хозяин отсутствовал, Десяткин огляделся. Дом, в котором проживал странноватый потомок римских трибунов, очень напоминал голубятню, поскольку на его фасадике имелось множество больших и маленьких окон, оконцев и окошечек, затянутых металлическими сетками, каких-то жердочек и лесенок непонятного назначения, а кроме всего прочего, в небе торчал шест с трехцветной трияпцей, видимо, означавшей государственный флаг. Перед домиком расположилась обложенная битым кирпичом клумба, вся усыпанная желтыми и красными цветами портулака. Наверное, где-то за строениями имелся огород, но сейчас обиталище Аполлона было так же похоже на деревенский дом, как аквариумный вуалехвост на прудового караса.

Подивившись экзотике жилища, Валера покосился на бутылку водки, в которой оставалась самая малость. Надо бы сходить за следующей, подумал он, но в этот момент появился хозяин. Он небрежно швырнул на стол ржавые железки, которые, громко звякнув, чуть не свалили бутылку.

Десяткин пригляделся. Шпоры. Причем шпоры знакомые. Точно такие же, Валера отчетливо помнил, привез он из прошлого посещения. Неожиданно занял левый висок. Валера поморщился. Снова начинается! Ведь не было же никакого посещения. Все это иллюзия.

— Вот, — сказал старик с гордостью, — сии шпоры принадлежали моему предку Аполлонио Гракхо.

— О! — воскликнул Десяткин. — Семейная реликвия!

— Точно, — откликнулся хозяин, — храню, как зеницу ока. А водка-то кончилась, — он кивнул на бутылку.

— У меня в машине есть еще, — расслабленно сказал Валера.

— Можем сходить, — скривился старик, — а по дороге я продолжу свое повествование. — Так вот, — начал он, шагая рядом с Валерой по все той же заглохшей аллее, — Аполлонио вместе с Елагиным приехал сюда, в Чернотал. Не как слуга, я подчеркиваю, а как друг, наперсник, а если угодно, и наставник. Времена, как ты знаешь, краевед, тогда были не простые. Сам понимаешь: интриги, наемные убийцы... Впрочем, об этом я уже говорил. Не мог же сидеть молодой красавец Елагин в здешней глуши. Определенно. Подался в столицу и прихватил с собой Аполлонио. А там — прежние друзья лейб-гвардейцы. Многие уже достигли высочайших постов, иные, как и он сам, на мели. Словом, втянулся в тамошнюю жизнь... заговоры, пиры... Дуэли из-за красавиц... Это, что ли, твоя машинешка? — Аполлон Апол-

лонович с некоторым презрением взглянул на десяткинскую "копейку".

— Она, — равнодушно ответил Валера, — что, не нравится? Но ведь я и сам маленький человечек. Работник краеведческого музея. — Он достал из багажника бутылку, прикинул ее на руке. Пить больше не хотелось, да и болтовня глупого старика надоела. Начитался Пикуля, вот и фантазирует. Одно пока не ясно. Откуда взялись шпоры. Надо бы все же разобраться.

Валера захлопнул багажник и хмуро взглянул на Аполлона Аполлоновича.

— Давай трепись дальше, старик, — грубо произнес он.

— Я не понимаю твоего тона, краевед, — удивился старик. — Опять на "ты"?

— Но ведь мы уже выпили, — хмыкнул Валера.

— Но не на брудершафт же?! — возмущенно произнес Аполлон.

— Не пили, значит, и не будем, — спокойно сказал Валера. — Прощайте, господин Гракхо, я уезжаю. Вижу, для краеведческой науки здесь нет ничего интересного.

— Как же?.. — всполошился старик. — Почему так скоро?

Видно было, что ему очень не хотелось отпускать неожиданно гостя.

— А вот так. — Десяткин посмотрел на часы. — Время уже к вечеру, а мне нужно попасть домой еще сегодня. Надоело ночевать в степи.

— Так ты в поле остановился?

— Ну да.

— А где именно? — заинтересовался старик.

— Тут недалеко, возле тополей...

Старик внимательно посмотрел на Валеру, но ничего не сказал.

— Вот если бы у тебя имелось что-нибудь стоящее, — осторожно произнес Десяткин, — я мог бы приобрести...

— Есть, конечно, есть, — оживился Аполлон Аполлонович. — Да что там приобрести. Так отдам, только не уезжай. Скучно мне здесь. До одури скучно. Каждому новому человеку несказанно рад. Уж извини старика, если что не по-вашему.

— Пустяки, — снизошел Валера, — пойдем к дому.

— И бутылку не забудь.

— Как всегда, все упирается в бутылку, — хмыкнул Валера. — А еще потомок древних римлян. Ладно, пошли.

— Все, что я рассказал, — правда, — заявил Аполлон Аполлонович.

— Охотно верю, — равнодушно сказал Десяткин.

— Так вот, — обрадовался старик, решив, что его хотят слушать дальше. — Приехали они в Петербург...

— Да ладно, успокойся. Ты, на самом деле, кто?

— Последний потомок рода Гракхо.

— Гракхо, так Гракхо. Должность у тебя какая? Профессия? Почему здесь, в глуши живешь?

— Понимаешь, все мои предки служили камердинерами у Елагиных, я тебе не вру. В гражданскую, конечно, имение пустили в распыл. Елагины в большинстве погибли, а кто и эмигрировал. Но наше семейство не поехало.

— А почему? — поинтересовался Валера. — Мог бы на историческую родину махнуть.

— Отец, он тогда еще неженатым был, двинул в город, пристроился сначала в москательной лавке приказчиком, потом, когда нэп кончился, работал продавцом, директором магазина... Родились мы с братом... И вот, понимаешь, он постоянно рассказывал про Чернотал, и стало мне казаться, что это некий рай на земле. В Чернотале то... В Чернотале се... Для него это место как бы являлось святыней. Но сколько я его ни просил, так ни разу сюда не съездили, хотя и жили недалеко. Больше всего отец боялся, что его узнают местные и сообщат в "чекушку", в НКВД то есть. Я окончил в городе торговый техникум, а брат — педагогический. Потом война. Воевал... Словом, жизнь прожита. И вот, на старости лет, я все-таки решил побывать в Чернотале. Помню, еще работал тогда. Приехал, лето было, прошел вот по этой аллее, где мы сейчас с тобой идем, и ты веришь, сердце защемило, чуть не упал... Ни разу здесь не бывал, и вот такая реакция. Видимо, действительно есть подсознательная генная память. Походил по развалинам. Один тлен. Но до чего привлекательно. Отдохновение души. Вот и решил, как на пенсию выйду, переберусь сюда. Жена у меня померла, дети разъехались кто куда. Чего мне одному в городе.

В общем, как загадал, так и исполнил. Пришел к директору местного совхоза, эта земля совхозу принадлежит, и тут повезло. Директор знакомый оказался, до войны вместе в техникуме учились. Так и так, говорю, разреши, Платон Петрович, здесь поселиться. Да ради Бога, отвечает, коли в отшельники метишь. Сторожем здешним назначил. Помог построить этот вот домишко. Так и живу здесь.

— Но ведь тоскливо, сам же говорил, — полюбопытствовал Десяткин. — А зимой? Электричества, как я заметил, нет.

— А зимой я в город уезжаю, — пояснил старик. — Зимой здесь, конечно, никак нельзя. С ума сойти можно. А как тепло становится, я сюда. Иные на дачу, в сады, а мне здесь дом. Никого нет, ни суеты городской, ни спешки, ни телевизора этого... И правда, живешь как в раю. За продуктами раз в неделю в село хожу, хлеб выучился печь сам.

— Ты прямо Робинзон Крузо, — засмеялся Валера.

— Отец, помню, все рассказывал, как здесь господа жили, — продолжал Аполлон Аполлонович. — Оранжерея была, парники... клубнику зимой ели. А пруд! Это он сейчас в болото превратился, а раньше... Да что говорить. Все я тут облазил, все изучил.

Склеп рода Елагиных обнаружил. Его в двадцатые снесли, усыпальницу своих предков тоже нашел. Ну и в доме кое-что раскопал...

— Что же? — оживился Валера.

— Покажу, покажу, не беспокойся, скрывать не буду. Раз ты краевед, и для науки нужно...

— А может, здесь клад зарыт?

— Какой клад, какой клад!.. — замахал руками старик.

— Неспроста ведь ты здесь обосновался, наверное, золото ищешь?

— Нету здесь кладов! — неожиданно злобно сказал Аполлон Аполлонович.

— Ладно, дед, не сердись, — примирительно произнес Валера. — Давай-ка лучше выпьем. А что бы ты делал, найди клад? — спросил он спустя некоторое время.

— Дался тебе этот клад!

— А все же?

— Нету тут кладов. Нету!!!

— А вдруг?

— Уехал бы, — неожиданно мягко и задумчиво сказал Аполлон Аполлонович. — К теплому морю уехал. Сейчас можно. Не то что раньше. Прожил бы остаток жизни в холе и неге. Среди пальм и лимонов.

— С вами все ясно. Не желаете, значит, строить капитализм в одной отдельно взятой стране. Бежите, убоившись трудностей и катаклизмов. Что и говорить: узко смотрите на происходящие в стране перестроечные процессы.

— Хватит, насмотрелись, — огрызнулся старик, — догоняли и перегоняли... Теперь ваша очередь. Получится, честь вам и слава, а не получится...

— Кишки наружу, — докончил за него Десяткин.

— Вот-вот... Сейчас я тебе покажу, чего тут я в доме насобирал.

Аполлон Аполлонович вновь скрылся. Его довольно долго не было, а когда он опять появился, то нес в обеих руках гору всякого хлама.

— Вот смотри, — протянул он Десяткину какой-то замысловатый предмет, и Валера тотчас узнал в нем кофейную мельницу. — Эту самую мельницу мой предок Аполлонио привез из Измаила. Он брал эту крепость вместе с войсками, которыми предводительствовал Александр Васильевич Суворов.

Валера похолодел. Он выхватил из рук старика мельницу и принялся ее внимательно изучать. Сомнений не оставалось. Та самая мельница. Вот и вмятина на медном боку. Он повернул ручку. Агрегат издал жалобный стон. Валера стал перебирать хлам, кучей сваленный на столе. Все было ему знакомо. Разрозненные шахматы из слоновой кости, серебряные ложечки...

— Сейчас еще кое-что принесу, — не обращая внимания на поведение Десяткина, сообщил старик. Вскоре он вернулся с двумя

картинами. Валера увидел морской пейзаж и женский портрет и без сил рухнул на скамью.

— Ты чего? — удивился старик.

— Знаешь, дед, — после некоторого молчания сказал Валера. — Тут со мной произошла одна довольно странная история. Дело в том, что все эти вещи я уже держал в руках. И шпоры эти твои, и мельницу... Да все!

— Не может быть! — усомнился Аполлон Аполлонович.

— Может! Еще как может!

— Это вряд ли. Возьмем хотя бы эти шпоры. Нашел я их года два назад, и не в самом доме, а на улице, в земле копался и выкопал. Теперь мельница. На чердаке обнаружена. Ложки под полом, видать, кто-то из прислуги спер, припрятал, да так и не забрал. Или вот, картины...

Десяткин пристально смотрел на старика, силясь что-то вспомнить.

— Шахматшки эти... — продолжал жужжать старик. — Нет, никак невозможно... Что за глупости... Видел, не видел... Я тебе еще не все вынес. Думаешь, эта мелочь — все, что я здесь обнаружил? Нет, если позволите... Не на того напал, паренек... Здесь, если покопаться, много кое-чего можно найти. А он: видел, не видел... Налить что ли еще, — старик, даже не смотря на Валеру, потянулся к бутылке.

— Постой, дед! — повелительно сказал Десяткин. — Постой, не торопись. И так уж достаточно вылакал...

— Ай, я так и знал, — заканючил Аполлон Аполлонович. — Вот она, нынешняя молодежь, из рук рюмку вырывают, да слыханное ли это дело! Налей, чего жмешься. Я же тебе все это отдаю. Бесплатно, может быть, отдаю. Чего же ты?.. А, паренек?

— Как твоя фамилия? — строго спросил Валера.

— Фамилия? Ты что же, только пофамильно наливаешь? Ну и ну! Вот времена настали. Даже в самую лихую годину, даже в войну, и то, когда наливали, фамилию не спрашивали. Имя, бывало, спрашивали, а вот фамилию...

— Фамилия! — заорал Валера.

— Ой-ой! — переполошился старик. — Ужас-то, ужас. Такой и убить может, тукнет топориком... или ножичком пырнет... Ой, батюшки, черт гостя послал.

— И убью, — пообещал Валера, — если фамилию не скажешь. — Он схватил со стола одну из шпор и, выставив ее перед собой так, что острое зубчатое колесико угрожающе высовывалось между пальцев, двинулся на старика.

— Караул!!! — завизжал старик и попытался броситься в дом, но Валера отрезал ему путь.

— Так как твоя фамилия, старый пень? — вновь спросил он.

Старик молчал, то подскакивая к нему, то вновь отбегая в сторону.

— Гракхо! — вспомнил Валера. — Гракхо, значит. Итальяшка, значит. Потомок римского трибуна, значит. Постой, постой. Уж не Горохов ли твоя фамилия?

Старик замер и как-то пригнулся.

— Точно! — закричал Десяткин. — На кого это, думаю, он похож, час думаю, два думаю... Не могу вспомнить. И вспомнил! Еще как вспомнил! Есть у меня дружок закадычный. Флегонтыч-Ферапонтыч. Это он, кстати, наколку дал. На проклятый этот Чернотал. Так вот, его фамилия тоже Горохов. Родственнички, значит. Своячки, или как? А может, брательнички? А, Аполлон? Знаешь, как я вас вычислил? Внешне-то вы вроде не похожи. Но повадки ваши... прямо, один к одному! До водяры вы оба охочи, до халявной... Налей, да налей! На дармовщинку. Ну, падла, сейчас я тебя мочить буду, и не этой вот финтифлюшкой, — он швырнул шпору на стол, — а по-настоящему. Ах ты, недобиток барский! — Валера поднял с земли увесистую жердину и двинулся на Аполлона Аполлоновича.

— Постой, — взмолился тот. — Погоди... неужто на старика рука поднимется?

— Еще как поднимется. Плел мне тут, итальянец сраный! Вы меня извести задумали? Сначала твой родственничек заманил меня сюда, накачал какой-то дурью. До глюков накачал. О! Да ведь я все понял! Это вы меня ограбили. Я, конечно, действительно побывал в Чернотале. Вещи эти, — он кивнул на стол, — и вправду там собрал, а вы меня обокрали.

— Что ты? — завопил Аполлон Аполлонович. — Никто у тебя ничего не крал, тут другое.

— Ах, другое! Выкладывай!

— Ты сначала успокойся.

— Ладно. — Десяткин отбросил палку и уселся за стол, его гнев куда-то пропал. — Иди сюда, придурок. Иди, не бойся. Вот, пей. Пей, сука, и рассказывай, что к чему. Правду говори, а не скажешь, все равно замочу. Искать тут не будут. Закопаю среди могил предков.

Старик осторожно приблизился, опасаясь подвоха, и робко сел на краешек табурета, стоявшего по другую сторону от стола. Рука его медленно двигалась по столешнице по направлению к рюмке. Наконец он схватил рюмку, одним глотком выпил ее и снова вскочил.

— Сядь! — приказал Валера. — Сказал же, не трону.

Старик снова сел.

— Выкладывай.

— Что выкладывать?

— Затею вашу выкладывай. С Флегонтычем-Ферапонтычем.

— Не знаю никакого Флегонтыча...

— Еще один Горохов, который в городе, бывший учитель истории. Не знаешь его?

Аполлон Аполлонович потупился.

— Вижу, что знаешь. Ишь, глазки-то забегали!

— Тут, понимаешь, такое дело, — прошептал старик.

— Громче говори!

— Дело...

— Ну?!

— Ты в самом начале еще догадался.

— О чем это я догадался?

Старик вертел в руках пустую рюмку, не решаясь говорить.

— Живо!

— Да об этом самом, — поднял глаза Аполлон Аполлонович, — о кладе.

— Опять лапшу на уши вешаешь? Какой еще клад?

— Самый настоящий. Думаешь, зря я здесь пять лет сижу? На руинах. Думаешь, ради дряни этой, — старик одним рывком смахнул со стола принесенный из дома хлам. — Батюшка покойный сколько раз рассказывал. Елагины были богатейшие люди, а пришли комиссары и ничего не выскали. Куда все делось? Понятно, закопали. С собой увезти не могли. Слишком громоздкие вещи. Фарфор, столовое серебро. Ты понимаешь? Серебра одного несколько пудов было. Пудов!!! Золотая посуда. Редкое оружие. Батюшка рассказывал: блюдо золотое двенадцать фунтов весило. А?! А ты, — шпоры, мельница... Курительный прибор работы Фаберже, портсигар, подарок его величества государя Александра Второго...

Валера во все глаза смотрел на бессвязно лепечущего старика, не зная, верить ему или не верить.

— Хорошо, — наконец произнес он, — допустим. Но если отец твой был доверенным лицом помещика, почему же он не знал, где находится клад?

— Шутить? — засмеялся Аполлон Аполлонович. — Кто же такие вещи рассказывает? Да еще слуге. Закопал клад самолично старый барин с двумя сыновьями. Он и старший потом в гражданскую погибли, а младший сгинул неизвестно куда. Я пять лет искал и, наконец, нашел.

— Да ну?! — изумился Валера.

— Точно.

— Этот, в городе, он тебе кто?

— Младший брат.

— Ага. Ясно. Ну, теперь ответь на самый наболевший вопрос: я-то вам зачем?

— Выкопать помочь! — невозмутимо заявил старик.

— Вон чего! Выкопать! Я, что же, землекоп? Суд признал версию неубедительной. Придется с тобой кончать, деда. — И Валера вновь взялся за дубину.

— Постой-постой, — поспешно зашептал Аполлон Аполлонович, — ты неправильно понял. Брат сказал мне, что ты — самый главный в городе специалист по антиквариату. Лучше, будто бы,

никто не разбирается в старине. Вот мы и хотели, чтобы ты помог нам.

— Помог?

— С оценкой и реализацией.

— Ах, вон что. А я-то думал... Дело плевое. Тащи сюда золото-бриллианты. Сейчас оценивать будем, пока светло. Ты, урод, что же, меня совсем за идиота держишь? Допускаю, что вы чего-то там нашли. Но к чему все эти розыгрыши и мистификации? Объясни мне, дураку.

— Я, собственно, так и предполагал, но брат сказал, мол, лучше ничего не говорить сразу. Пускай, мол, придет вроде как случайно, а то мало ли что. Хвост за собой приведет...

— Хитро. Ничего не скажешь, ловко задумано. Ну, и где же клад?

— Его еще выкопать нужно.

— Так пойдем выкапывать.

— Дождемся, пока стемнеет.

11

— Я, старик, в последний раз верю вашей семейке Гороховых-Гарибальди, — сказал Валера, когда они садились в машину. — Если ты мне набрехал, уж извиняй, не помилую, и братана твоего тоже. Если нет, все будет по-честному. Мне одну долю, вам две. Вещи я реализую сам, вырученные бабкульки отдам хоть деревянными, хоть зеленью. Ты меня понял, дед? Рублями или долларами. И поедешь загорать под пальмами. Хотя я что-то плохо верю во всю эту невероятную историю. Говори, куда ехать?

— Да знаешь это место, — сказал Аполлон Аполлонович. — Ты еще там ночевал. Возле тополей, в степи.

— Не может быть!

— Точно.

— И все это время ты ждал моего приезда? Не верится что-то.

— Дело в том, что я догадался, где находится клад, лишь недели две назад, — объяснил старик. — Сразу же связался с братом, он был в курсе моих поисков. Вот брат и посоветовал воспользоваться твоей помощью.

— Ну да, ну да, — в сомнении пробормотал Валера. — Ладно, поехали. Лопаты и кирку мы взяли. Пока доберемся, совсем стемнеет, так что никто не помешает раскопкам. Так, говоришь, золотое блюдо весом в двенадцать фунтов? Посмотрим.

Десяткин взглянул на часы. Минутная стрелка приближалась к одиннадцати. Было еще светло, но сумрачно. На западе виднелась полоска заката, а небо быстро затягивало надвигающимися с востока тяжелыми грозowymi тучами. Между ними проглядывали островки голубого неба, и вдруг из-за туч пронзительно сверкнул чистым зеленым светом последний луч солнца. Духота стояла страшная, Валера взмок, да и старик выглядел не лучше. Крупные капли пота струились по его плохо выбритому, бугри-

стому лицу. Он тяжело дышал, то и дело утирался грязноватым клетчатым платком.

— Вроде гроза собирается, — неуверенно сказал Десяткин.

— Давно пора, — поддакнул старик, — а то жарит и жарит. Уж какой день...

— А дождь нам не помешает?

— А чего ему мешать. Не размокнем, не сахарные... Еще и копать будет полегче.

— Так где находится твой клад? Под тополями, что ли?

— Приедем на место, покажу...

— А не боишься, что я тебя в потемках тюкну лопатой по башке? — зловеще произнес Валера.

— Не боюсь, — спокойно ответил Аполлон Аполлонович. И в словах его Десяткину послышалась насмешка.

Да не водит ли он меня за нос? — с тревогой подумал Валера. — Если так, тогда я его прибью, как собаку. Но ведь старик это прекрасно понимает, зачем же тогда едет? А что если возле полей их поджидает сообщник, тот же Флегонтыч-Ферапонтыч. Но для чего? Кроме того, он справится с двумя стариками. Нет. Тут что-то не то. Все-таки слишком быстро старик раскололся насчет клада. Весьма подозрительно. А может, он не врет? Ведь действительно, куда он может деть ценные вещи? Только толкнуть специалисту вроде него, Десяткина. Впрочем, не стоит пока забивать голову.

Проехали совершенно пустынную в этот час деревню, выехали на тракт. Тем временем совсем стемнело. Десяткин включил фары, машина медленно двигалась по ухабистой дороге. Неожиданно впереди сверкнули две огненные точки.

— Кошка, — сказал Десяткин.

— Вряд ли, — откликнулся старик.

— Кто же тогда, заяц?

— Черт.

Валера хмыкнул:

— Мрачно шутишь, старик.

— А ты знаешь, какой сегодня день? — спросил Аполлон Аполлонович.

— Среда. Или четверг? Я в этих путешествиях совсем со счету сбился.

— При чем тут среда или четверг! Сегодня канун Иванова дня.

— Какого дня?

— Иванова. А еще краевед! Иванова дня не знает. Ночь на Ивана Купалу, слышал?

— А, понятно. — Валера смущенно засмеялся. — Ночь, когда всякая нечисть по земле шастает.

— Вот-вот. А знаешь ли ты, краевед, что в эту ночь лучше всего выкапывать клады.

— Но по-моему, для этого нужен цветок папоротника, — вспомнил Валера, выказывая некоторую начитанность.

— Правильно, краевед! Но лишь в том случае, когда местонахождение клада не известно. А мне оно известно.

— Смотри, вон еще на дороге чьи-то глаза сверкают, — сказал Десяткин. — Кто это, по-твоему? Тоже черт?

— Ведьмы.

— Ну ты даешь. Ведьмы. А послушай, старик, как все-таки ты узнал о местонахождении клада?

— При помощи волшебства, — как ни в чем не бывало, сообщил Аполлон Аполлонович. — Сидя в одиночестве среди развалин, многое начинаешь понимать. К тому же, общение с призраками...

— С какими призраками?

— Да мало ли... Прежние обитатели поместья. Невинно убиенные. Там, знаешь, в двадцатых годах трудкоммуна была, а в тридцатые детская исправительная колония. Думаешь, стены не сохраняют память?

— Ничего я не думаю, — оборвал его Десяткин. — Пугать меня, что ли, решил? Это ты зря. Так, говоришь, призраки тебе подсказали, где лежит сокровище? Как бы нам не прозевать в потемках эти тополя.

— Не прозеваем, — отозвался старик, — место приметное. Да вот и они. Останови машину.

— Постой, не торопись. Куда это ты собрался? Успеешь. Сначала скажи, где лежит клад, а потом иди. Если ты опять какое-нибудь коленце выкинуть вздумал, пеняй на себя.

— Все угрожаешь, — спокойно промолвил старик. — Не бойся, не сбегу. Можешь вылезать. Сейчас покажу.

Десяткин вылез из машины, и густая летняя ночь обступила его. Несмотря на то, что фары машины остались включены, они словно разбивались о плотную невидимую стену мрака. В трех метрах уже ничего не было видно. Дышать стало полегче. Подул слабый ветерок, листва тополей зашелестела, будто сотни невидимок шептали нечто неясное, но чрезвычайно важное.

Далеко на востоке края туч уже вспыхивали неживым призрачным светом, но гроза была еще за тридевять земель.

Старик куда-то исчез, и в душу Десяткина вновь закрались подозрения.

— Эй, дед, где ты?! — крикнул он.

— Тут я, иди сюда, только осторожно, не упади с откоса.

Валера достал из бардачка фонарик и осветил на голос. Аполлон Аполлонович стоял метрах в десяти от дороги, возле того самого ржавого металлического обелиска, который совсем недавно напомнил Валере торчащий из земли палец.

— Здесь, — хрипло сказал старик.

— Здесь? — недоверчиво переспросил Валера. — Ты хочешь сказать, что под этой жестянкой уже почти восемьдесят лет лежат сокровища?

— Точно, — подчеркнул старик.

— Но этой могиле от силы лет двадцать, ну тридцать... И уж никак не восемьдесят. Ты что-то путаешь.

— Видишь звезду?

— И что?

— Точно такая же на гербе рода Елагиных. Перевернутая...

— Не знаю насчет ихнего герба, но могила относительно недавняя...

— Хорошо, — спокойно сказал старик, — я вижу, ты не привык к физическому труду, боишься работы. Тогда я сам буду копать. Давай лопату и кирку...

— Не обижайся, — примирительно проговорил Десяткин, — я просто пытаюсь логически рассуждать.

— Сейчас время не рассуждать, а дело делать. Даже если здесь ничего нет, все равно нужно проверить.

— Что значит, ничего нет?! Опять за старое?!

— Ну, чего ты все орешь? Успокойся. Копать ведь буду я.

— И черт с тобой, копай на здоровье, а я посмотрю.

— Ты только убери машинку с дороги, мало ли чего... А лучше подгони ее сюда, чтобы фонари светили.

— Это можно, — охотно согласился Валера. Он вспомнил, что совсем рядом имеется съезд в эту сторону. Через пять минут включенные фары осветили место раскопки.

Валера с интересом следил за действиями старика. Тот подошел к ветхой пирамидке и схватился руками за звезду, собираясь вытащить памятник из земли.

— Тут баба какая-то похоронена, — сообщил Десяткин.

— А ты откуда знаешь?

— Написано же "...ова" или "...ева". Краской масляной. Буквы от времени стерлись.

— Ничего тут не написано, — сказал старик — С чего ты взял?

Десяткин приблизился к памятнику и стал водить лучом фонарика по его ржавым бокам. Действительно, надпись отсутствовала.

— Странно, — с удивлением сказал он, — точно помню, были какие-то буквы, только плохо читались.

— Не знаю, что уж ты видел, — сердито сказал Аполлон Аполлонович, — но время позднее и ни к чему надписи разбирать. — Он рывком выдернул пирамидку из земли и отбросил в сторону. Потом взял кайло и врубился в твердую глинистую землю.

— А если все-таки это настоящая могила? — нерешительно произнес Десяткин.

— Ну и что?

— Неудобно как-то.

— Что тут неудобного? Если могила, засыпем, а памятник поставим на место. Делов-то.

И правда, успокоился Валера, чего он, собственно, переживает. Всегда закопать можно.

Старик, между тем, довольно шустро для своих лет работал кайлом, а потом схватил лопату и принялся выбрасывать землю.

— Лихо у тебя получается, — заметил Десяткин, — прямо экскаватор. — Он сплюнул, потом достал сигареты, закурил. Старик продолжал все так же методично попеременно махать кайлом и лопатой.

В лучах фар вились бабочки, жуки и прочая летучая нечисть. И чего это их всегда тянет на свет? — соображал Десяткин. — Неужели им дня мало. Или они днем спят?

Внезапно ему послышался шорох. Он поспешно оглянулся, повел фонариком по сторонам — никого. Наверное, ветер. Сейчас бы выпить. В машине есть водка. Достать, что ли?

Он вновь взглянул на старика. Тот уже по пояс стоял в выкопанной яме.

Помочь, что ли? Нехорошо, старик все-таки.

— Эй, дед! Помощь нужна?

— Да не мешало бы.

Валера отбросил окурок и подошел к яме. Ладно, поработаем. Он взял кайло и замахал им, рыхля землю. Почва оказалась твердой как камень. Он посветил под ноги. Непохоже, чтобы тут была могила. Кайло еле-еле разбивало неподатливый грунт.

— Ты думаешь, что мы роем в нужном месте? — спросил Валера.

— В нужном, — раздраженно отозвался старик. — А что, уже устал?

Десяткин с остервенением замахал кайлом. Он работал минут пятнадцать, потом остановился, перевел дыхание. Возможно, за столько лет земля слежалась и вновь стала тем, чем была — однородным монолитом. И все же странно.

— Давай я, — сказал старик.

Валера без слов вылез и снова закурил. Поблизости что-то шевельнулось. Он обернулся и увидел десятки огненных точек, перемещающихся чуть поодаль.

— Что это за светляки? — Десяткин показал старику на огненные точки.

— Не знаю, — равнодушно ответил тот. — Наверное, нечисть вокруг нас крутится.

— Опять ты! Когда только перестанешь молоть...

Налетел сильный порыв ветра, похоже, гроза приближалась. Пыль запорошила глаза Валере, а когда он протер их, то увидел, что горящих точек стало еще больше.

Старик как заведенный рылся в яме. Он углубился в нее уже по грудь. Похоже, никакая помощь ему не требовалась.

На лицо Десяткину упала первая капля. Вдали громыхнуло. Молнии сверкали уже не только на востоке. Полнеба почти непрерывно освещалось яркими сполохами. Снова налетел ветер, на этот раз Валера предусмотрительно зажмурил глаза, но ветер был настолько силен, что едва не сбивал с ног.

— Кончай копать! — закричал Десяткин старику. — Идем в машину, переждем грозу.

Но Аполлон Аполлонович, казалось, не слышал. Вокруг завывало, завизжало... Ветер бушевал с такой силой, что Валера уцепился за дверь автомобиля. Казалось, вот-вот его понесет по степи, как перекасти-поле. Ослепительно сверкнуло над головой. Степь на секунду озарилась мертвенным светом, и Валера отчетливо увидел, что шагах в двадцати от них стоят странные бесформенные силуэты, одновременно люди и вроде бы не люди...

Гром шархнул так, что Валера инстинктивно пригнулся. Небеса точно обрушились. Дождя пока не было, лишь редкие капли падали на иссохшую землю, и чмокающий звук их напоминал звук пуль, врезающихся в плоть.

Снова ударила молния, за ней почти одновременно еще одна. Валера ясно различил место, куда вонзилось огненное жало. Ему стало нестерпимо страшно. Проклятый старик, завел...

— Иди сюда!!! — вновь заорал он.

— Нашел! — донеслось из ямы.

Десяткин, забыв про свои страхи, кинулся к могиле. При свете фонаря он увидел, что перемазанный глиной Аполлон Аполлонович сжимает в руках что-то блестящее.

— Вот оно, — заорал он. — Мы на верном пути.

С сухим шипением почти в край могилы ударила новая молния, а следом раздался страшный грохот, от которого разом заложило уши. При ослепительной вспышке Десяткин различил в руках старика большое блюдо.

В этот миг очередная молния вонзилась прямо в могилу. Запахло горелым мясом, и Валера от ужаса бросился ничком на землю.

Хлынул проливной дождь. Молнии перестали колошматить по сухой земле, гроза передвинулась дальше. Водяные струи изверглись с небес сплошным водопадом.

Валера пришел в себя, поднялся с земли и подошел к раскопанной могиле. Старика в ней не было.

Десяткин принялся лихорадочно водить фонариком по мокрой земле, потом подошел к машине. Но и там старика не оказалось.

Где же он, — лихорадочно соображал Десяткин. — Если его убило молнией, то ведь труп все равно должен остаться? Куда он провалился?

И в этот момент Валера увидел... ее. Перед ним стояла Мара. Несмотря на тьму, он отчетливо различал ее лицо, провалы глаз, легкую усмешку. Он не смог бы сказать, во что одета, да и одета ли вообще, не мог определить, молода ли, стара, но он прекрасно осознавал, что это именно Мара стоит и смеется над ним — дураком, так глупо польстившимся на мифические сокровища и угодившим в ловушку, из которой нет выхода.

— Теперь я всегда буду с тобой, — скорее понял, чем услышал он.

Вспышка. Ярчайший розово-сиреневый свет. Сноп искр... и все исчезло. Осталась только степь, заливаемая дождем, мрак, а посередине он — словно палец, торчащий из земли.

Десяткин открыл глаза, когда июльское утро было в самом разгаре. Ярко светило солнце, еще чувствовалась утренняя свежесть, но жара приближалась быстро и необратимо. Он взглянул на часы, около десяти. Ничего себе, продрых. Десяткин отодвинул дверцу и вылез из машины. Вокруг было по-прежнему пустынно, лишь поодаль по высохшей желтой траве прохаживался чибис. Десяткин посмотрел в сторону глупой птицы. Своим присутствием чибис нарушал привычный порядок вещей, ведь место его на болоте. Потом посмотрел еще раз. Птица определенно что-то напоминала. Что-то нехорошее. Но вот что? Он напряг память, но ничего не приходило на ум.

Наскоро умывшись из канистры, Валера решил пробежаться. Побегав вокруг машины, он поднялся на дорожную насыпь и трусцой побежал вперед. Внезапно он заметил прямо напротив тополей странный предмет, который напомнил ему высунувшийся из земли неестественных размеров палец, направленный в небо. Он приблизился к непонятному предмету, оказавшемуся могильной пирамидкой, и снова почувствовал, что с этим памятником связано что-то загадочное и страшное.

Переутомился, — решил Валера. — Однако надо ехать. Он сел в машину, завел мотор и отправился вперед... в неведомый Чернотал.

Дорога шла по степи ровной и гладкой, словно обеденный стол. Она была совершенно пустынна, и вдруг впереди Десяткин увидел черную точку.

Автомобиль, понял он, движется навстречу...

Машина приближалась, и скоро Валера уже мог различить, что это БМВ. Уж не та ли безэмвущка, что обогнала меня вчера, — с некоторой тревогой подумал он.

Десяткин сбавил скорость. БМВ тоже. Теперь они медленно ехали навстречу друг другу, и вскоре Десяткин уже мог различить сидящего за рулем. Это была женщина. Валера всмотрелся.

Все внутри мгновенно обдало холодом. Он оцепенел, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. В мгновение ока перед ним пронесли все события, случившиеся за последнее время. Собственная квартира. Психушка... Старый посад... Зброшенное имение... И, наконец, грозовая ночь возле могилы.

“Теперь я всегда буду с тобой”, выплыли из подсознания последние слова этой...

Он смотрел на лицо за лобовым стеклом БМВ. Оно, казалось, улыбается ему. Снисходительно и понимающе, словно старому знакомому. Мара все так же красива. Она ждет его. Десяткин

вспомнил ее ласки. Невероятное наслаждение, смешанное с болью. Ничего острее и ярче испытывать ему не доводилось. Это было как взрыв.

И может повториться в любое время, — пронеслось в мозгу, — хочешь сейчас, прямо здесь, в степи... Ты никогда раньше... Нагие тела под обжигающим солнцем. Его ли это мысли или не его... Ты получишь очень многое, продолжало нудно жужжать в голове, деньги, ценности... Ты будешь... будешь...

Едет она или стоит? И где БМВ? Да вон же, приближается с черепашной скоростью. Но как же можно на таком расстоянии различить лицо? Да нет же... Он рядом!

Но разве это молодая красавица? Это отвратительная старуха. Мара! Ночной кошмар, который уже никогда не отцепится. Все повторяется с ужасающим постоянством и будет повторяться день ото дня. Он уже никогда не выберется из липкой паутины. Дурной сон продлится вечно. И нет выхода.

— Ты будешь мой... — шептал шелковый голос. — Ты уже мой...

— А если?..

— Мой... мой...

— И все-таки?..

— Мой... мой...

Десяткин изо всех сил затряс головой, потом до отказа нажал на педаль акселератора.

Вперед, а там — будь что будет!

— Странная, однако, история случилась с вашим мужем, — сочувственно сказал пожилой седенький доктор, рассеянно переверачивая страницы истории болезни.

Заплаканная дама, сидевшая перед ним, была Татьяна Десяткина, жена несчастного Валеры. Она прилетела из Москвы сразу же, как только получила телеграмму с сообщением о том, что ее Десяткин попал в автокатастрофу и находится в тяжелом состоянии.

— Совершенно непонятно, как он умудрился на совершенно пустой дороге врезаться в молоковоз. Да как еще врезаться! На вашем муже буквально места живого нет. Сломана рука, ребра, повреждены внутренние органы, в частности, легкие. Сильное сотрясение мозга... Да что перечислять. Три дня не приходил в сознание! Словом, он у вас счастливчик. Не подвернись, на счастье, машина, которая отвезла его в село, в здравпункт, быть вам вдовой.

— И в ГАИ мне то же самое говорили, — дрожащим голосом сообщила Татьяна. — Но почему, почему? Он ведь — прекрасный водитель!

— Меня это тоже удивляет. В крови ни капли алкоголя. Совершенно трезв. Остается допустить, что авария произошла из-за общей усталости. Проще говоря, он заснул за рулем. Но все хорошо,

что хорошо кончается. Сейчас уже его жизнь вне опасности. Так что, молитесь Бога...

Когда Валера очнулся, он долго не мог понять, где находится. Тишина... Белые стены... Потом дошло — он в больнице. Пока лежал неподвижно, вроде ничего не болело, но едва стоило чуть пошевелиться, вдохнуть поглубже, и сильная боль пронзила его от головы до кончиков пальцев ног.

Возле кровати стояла капельница. Десяткин некоторое время смотрел, как пузырьки воздуха бегут вверх в банке с раствором, потом снова заснул. Во сне ему приснилась Мара. Она навалилась на него и высасывала по капельке его жизнь. Он дернулся, пытаясь оттолкнуть, сбросить ее, и проснулся от сильной боли.

И долго еще виделся ему один и тот же сон. Пустынная выжженная солнцем степь, пыльные тополя, одинокая придорожная могила... И Мара. Она являлась ему в снах во всех своих обликах и душила, душила его... Иногда он думал, что кошмар не кончится никогда...

Но все проходит. Поправился и Десяткин. Он вышел из больницы, когда на улице уже ощутимо пахло осенью. Шел мелкий дождик, жары как не бывало. Валера рассеянно взял из рук встречавшей его жены цветы, пурпурные гладиолусы, сел на заднее сиденье "девятки" и поехал домой.

Все то время, что он провел в больнице, во всяком случае, когда по-настоящему пришел в себя, Валера не переставал размышлять о том, что же в действительности с ним произошло. И сейчас думал о том же самом.

Жена деловито сообщала ему о состоянии дел; за это время она взяла торговлю в свои руки и, как ни удивительно, добилась определенных успехов. Фирма процветала, клиент валил косяком, и получилось, случившееся с ним только пошло на пользу. Свои предположения на этот счет Десяткин не преминул сообщить жене, на что она фыркнула и заявила, мол, некоторые не ценят добра и хорошего отношения к ним.

Но Десяткин не стал вступать в дискуссии. Вообще, после всего случившегося он стал задумчив и замкнулся в себе.

В первый же вечер дома он взял карандаш и листок бумаги и стал составлять временной ряд произошедшего. Было совершенно не ясно, сколько же продолжились события. Был ли он на самом деле в Черногале? Валера долго чертил понятные только ему одному схемы, затем скомкал бумагу и обхватил голову руками. Верная Татьяна, с тревогой наблюдавшая за его упражнениями, осторожно поинтересовалась, чем это он занят, но Валера лишь досадливо отмахнулся.

Первым делом он решил разыскать Флегонтыча-Ферапонтыча. Но в лавке старик больше не объявлялся, а его адреса Валера не знал. Он пошел в адресный стол.

Гороховых в городе оказалось более десятка, но ни у кого из них не было отчества Аполлонович.

А может, он и не Аполлонович вовсе? — думал Валера, возвращаясь ни с чем. — А может, и не Горохов.

Тогда он решил навестить Боря. К его удивлению, в помещении, где совсем недавно процветала фирма “Раритет”, а еще раньше общественный туалет, находился банк. На настойчивые вопросы Десяткина, где можно увидеть прежнего хозяина апартаментов, шкафообразный молодой человек вежливо, но твердо сказал, что, к сожалению, никакими сведениями не располагает. Валера дал детине десять долларов, и тот вполголоса рассказал: вроде бы Боря уехал из страны совсем, а вот куда, в Израиль или в Нью-Йорк, он не знает.

Ниточки обрывались.

В заключение Десяткин вспомнил о существовании такого очага культуры, как библиотека. Он набрал умных книг, и из них выяснил: Мара — злой дух, воплощение ночного кошмара. Садится на грудь спящего и вызывает удушье. Там же было написано, что Мара ассоциируется с суккубами и инкубами. Он начал разбираться: кто же такие, эти суккубы и инкубы, и залез в такие дебри, что плюнул и пошел домой.

Больше никаких изысканий наш герой проводить не стал, хотя непрестанно думал о случившемся. Допустим, все произошедшее — результат колдовства. Можно найти какую-нибудь бабку-ворожью и с ее помощью добиться истины, но, памятуя о событиях в Старом посаде, Валерий Павлович отверг эту идею.

Он часто вспоминал прочитанное в каком-то старинном фолианте в библиотеке: “В жаркие летние ночи, в знойный полдень, особенно накануне Иванова дня, духи степей преследуют одиноких путников, кружат вокруг них, насылают морок. Чем жарче лето, тем вероятней встреча в глухой степи с Марой. Зачарованный странник, одурманенный бесовским мороком, вполне может найти там свою погибель. Чары сладострастья сводили с ума не одного путника”.

Но почему именно на меня обрушились эти чары? И с чего все началось? С ночевки возле тополей или с прихода Флегонтыча-Ферапонтыча? Этот вопрос не давал покоя. Ведь должна же быть какая-то причина. Не оттого же, в конце концов, все случилось, что лето выдалось слишком жарким?

Он перебирал различные варианты, но разумного объяснения не находил. И вот однажды в его домыслах вдруг забрезжил лучик света. Он вспомнил слова Флегонтыча-Ферапонтыча, сказанные у речки, что-то вроде того, мол, если имеешь дело со старинными вещами, поневоле попадешь в некую странную историю. Может, в этом все и дело? Ведь кто он, собственно, такой? Антиквар? Старьевщик? Скорее уж могильщик. Раскапывает то, что хоть и принадлежало давно умершим, но сохранило частицу их души, их бытия. А он делает на этом деньги. Он, Десят-

кин, осквернитель праха. Помнится, рассказывали ему в какой-то деревне: пришедшие в негодность иконы в старину не сжигали, не отдавали старьевщику, а бросали в речку, и вода уносила их прочь. Валера тогда еще посмеялся над глупым обычаем, а ведь зря посмеялся. Старые вещи, как и люди, должны обрести покой.

А впрочем, может, все гораздо проще? Нет никаких Мар, никаких суккубов и инкубов. Просто Флегонтыч-Ферапонтыч заранее сговорился с Борей, они дождались результатов его экспедиции, а потом опоили какой-то дрянью и спокойно забрали добычу. Боря прямо намекал на это.

Такое объяснение расставляло все по своим местам, но почему-то не нравилось Валере.

Прошло время, миражи и кошмары забылись, но осталось удивление, какой-то неясный, боязливый восторг от всего случившегося. И грезилось: Мара где-то рядом, незримо присутствует, наблюдает... И чары сладострастья, о которых было написано в книге...

— Ах, эти чары, — шептал иной раз по ночам Валера, лежа рядом с мирно сопящей женой, и вздыхал. И ему казалось, появившись вновь Мара, он без оглядки побежал бы за ней.

Нужно будет на следующий год снова съездить в Чернотал. ■

Елена ПРОКОФЬЕВА

КИНО РАЗВЕД И ЛЮБОВЬ

Ольга Константиновна Чехова прожила очень долгую и очень интересную жизнь. Впрочем, правильнее будет сказать, что она прожила не одну, а целых три жизни...

Жизнь киноактрисы, с которой немногие могли сравниться в популярности и "долговечности".

Жизнь разведчицы, умудрившейся не "рассекретиться" не только при жизни, но и долго после смерти.

А еще — просто жизнь очень красивой женщины, которая сама по себе могла бы стать сюжетом авантюрного романа... Даже если бы не было в этой жизни ни кино, ни разведки!

КА

I

Она родилась 27 (13) апреля 1897 года в семье инженера путей сообщения Константина Леонардовича Книппера, родного брата знаменитой актрисы — супруги знаменитого писателя — Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой.

Олечка Книппер была названа в честь тети. Никто не мог предугадать тогда, что она станет второй Книппер-Чеховой, а актерская слава ее даже затмит славу тетушки... Во всяком случае, мировую славу Ольги Леонардовны, потому что на Родине первая Книппер-Чехова известна, а о второй до недавнего времени даже не знали.

Ослепительная улыбка на рекламе зубной пасты “Фтородент” — вот тот единственный отблеск мировой славы Ольги Книппер-Чеховой второй, который сумел-таки проникнуть за “железный занавес”.

Девочка Оля не была похожа ни на кого из родных. Уже в детстве — ослепительно красивая, тогда как ни отец, ни мать, ни тем более знаменитая тетка, ни брат с сестрой не отличались внешней привлекательностью. К тому же с самых ранних лет она поражала окружающих своим невероятным упрямством, просто негибимой волей. Никто не мог противостоять ей, даже отец. Она была не капризна, нет. Просто становилась чудовищно упряма, когда ей случалось отстаивать свою правоту.

Сестра Ада и брат Левушка были куда мягче.

Левушка — единственный сын, с него много спрашивалось, и подчас отец был просто жесток к нему, хилому и плохо учившемуся, — и Ольга защищала брата со всей дерзостью и пылкостью своей натуры. Однажды даже выпрыгнула из окна, когда отец повел себя уж слишком жестоко и несправедливо... Ей было восемь лет, но она готова была стоять на своем до конца — до смерти.

Уже в детстве ее окружали необыкновенные люди. Такова была ее судьба — вращаться в кругу избранных, великих, сильных мира сего, — а она очень верила в судьбу, во всевозможные предначертания, предназначения...

Совсем малышкой ее возили в Ясную Поляну, и Лев Николаевич Толстой беседовал с ней — будто со взрослым человеком, серьезно, — и почему-то о войне, словно предвидел, что войны будут властно вторгаться в судьбу этой женщины, сокрушая все и возрождая к новой жизни.

Естественно, в доме Книпперов часто бывали Антон Павлович Чехов и актеры, друзья Ольги Леонардовны...

И даже блистательная Элеонора Дузе, пораженная красотой и необыкновенной серьезностью девочки, предсказала ей блестящую артистическую карьеру — еще одно предсказание в череде многих!

Правда, тогда в это никто не поверил. Ольгу считали недостаточной эмоциональной, слишком холодной для того, чтобы стать актрисой.

Да она и была такой — холодной, чистой, даже наивной, с запертыми где-то на дне души страстями, туманящими воображение чем-то неясным, несбыточным... Как Даша Булавина у Алексея Толстого — в те времена часто встречался в интеллигентской среде такой тип девушек. Она и актрисой хотела стать, и художницей, и любви невероятной хотела, и всего — сразу, немедленно, но ничего — по-настоящему. Главное — вырваться из скучной действительности, убежать от обыденности.

II

Лет с двенадцати она считала себя влюбленной в племянника Антона Павловича Чехова — Мишу.

Она была совсем еще девочка, прелестное дитя. Он — уже юноша: угрюмый, странный, нервный.

Миша не замечал Олю, пока не исполнилось ей шестнадцать. Тогда красота Ольги сделалась уже настолько совершенной, отточенной, что сияние ее проникло даже в затуманенное сознание Михаила Чехова, в то время уже — известного артиста, уже — полубезумного и сильно пьющего.

Они вместе играли в любительской постановке "Гамлета" на даче у Чеховых. После спектакля Миша-Гамлет поцеловал Олю-Офелию. И предложил ей бежать вместе, чтобы обвенчаться. Для него это был — порыв, а для нее — решилась судьба. Ее наивность была так велика, что она была уверена: от такого

пылко поцелуя можно забеременеть... А он — на следующее утро, возможно, уже сожалел. Но решил не отступать и довести дело до конца: жениться.

Тем более, что в Ольгу до беспамятства влюбился его кузен, Владимир Чехов.

Между кузенами с детства существовало непримиримое соперничество. Благоразумный Владимир в семействе Чеховых считался более “удачным ребенком”, чем нервный, впечатлительный Михаил.

На Чеховских чтениях в Ялте прозвучала такая история: бабушка Евгения Яковлевна, “намекая на небольшой рост Миши и желая подчеркнуть его ничтожество, говорила: “Ну, разве ты человек? Ты не человек, ты гнида!” Это прозвище на некоторое время укрепилось за Мишей в узком семейном кругу”.

Но это, разумеется, не более чем семейная злая шутка.

Однако именно теперь различие между кузенами стало так явно, и сравнение шло не в пользу Михаила...

Владимир — молодой, подающий надежды юрист. Михаил — актер. Пусть даже гениальный актер, которого сам Станиславский называл “гением”, актер, в двадцать два года блистательно игравший на сцене стариков... И все-таки — всего лишь актер.

В общем, не будь Владимир Чехов так пылко влюблен в Олечку Книппер, не присутствуй в их с братом отношениях дух соперничества — возможно, никакой свадьбы и не случилось бы.

Миша и Оля чуть ли не тайно обвенчались в церкви маленькой подмосковной деревушки. Это было невероятное, восхитительное приключение, но... Уже новобрачной вернувшись в убогую трехкомнатную квартирку мужа, познакомившись с его больной, вечно брюзжащей матерью и полубезумной нянькой, Ольга начала жалеть о содеянном. Она осознала вдруг, что рядом с ней — чужой человек... Она — абсолютно невинна, несведуща... Он — абсолютно лишен всякой деликатности в интимной сфере... В первую же ночь Ольга поняла, что брак ее — ошибка. В первую же ночь почувствовала себя несчастной. А еще предстояло объяснять все родителям!

Ольга Леонардовна была потрясена, узнав о происшедшем. Она забрала Олю и отвезла домой — к родителям. Миша не протестовал...

Ольга надеялась, что родители как-то помогут ей выпутаться из ужасной ситуации, но отец ее был человеком строгих правил: раз она приняла решение, раз обвенчалась — все, нет над ней родительской власти, но и на защиту родителей она не вправе претендовать. Ей отдали ее приданое и отправили к мужу.

Жизнь с Михаилом Чеховым стала для Ольги подлинным кошмаром. Конечно, он был невероятно талантлив, но... На гения приятно смотреть издалека, в данном случае — из зрительного зала. Но не жить с ним! Маленький, некрасивый Миша, за-

стенчивый до угрюмости, чувствительный до юродства, безгранично любивший свою мать, бесконечно от нее зависевший... Какой неподходящий сосуд в лице этого человека избрал для себя актерский дар! К тому же Чехов пил. И отвратительно, дерзко изменял юной жене. Его мать, до безумия обожавшая сына, ненавидела невестку и поощряла его связи с другими женщинами.

В довершение всех бед, Ольга почувствовала себя беременной... Она не хотела ребенка. Боялась, что его рождение еще сильнее привяжет ее к Чехову. Ольга испробовала все средства, чтобы избавиться от плода — но только подорвала здоровье: она проглотила невероятное количество порошков, должных вызвать выкидыш, что сказалось на ее почках и печени. Появились страшные отеки, порой она не могла втиснуть распухшие ноги даже в домашние тапочки, и живот раздулся, и лицо пожелтело... Она сильно подурнела. И Михаил окончательно охладил к ней.

Зато к Ольге теперь часто приходил Владимир — уговаривал бежать с ним.

Свекровь, бывшая свидетельницей этих частых визитов, упрекала невестку в безнравственности.

А Ольга уже ничего и никого не хотелось: ни мужа, ни Владимира, ни бегства, ни ребенка... Только покоя и свободы, которые теперь казались ей недосягаемыми: слишком сильно было в ней чувство долга, а жена должна быть рядом с мужем — какой бы он ни был.

Ольга отказала Владимиру и просила больше не преследовать ее.

Владимир застрелился.

И в этом его родные обвинили опять же Ольгу...

В девятнадцать лет она стала матерью. Рожала долго и болезненно, едва не умерла. Появилась на свет дочка, названная Ольгой — третья Ольга Чехова! — но все звали ее Адой, в честь тети... Михаила не было в Москве, когда жена рожала, он даже не приехал поздравить ее с новорожденной, поглядеть на дочь.

Еще во время беременности Ольги у него начался роман с его будущей — многолетней, постоянной — супругой Ксенией Зиммер.

Материнство раскрыло в Ольге те черты, которых она не знала в себе прежде. Она стала еще сильнее — и, вместе с тем, дерзновеннее. Она обожала, боготворила дочь. Некоторое время оставалась рядом с Михаилом — ради дочки, чтобы у дочки был папа, — но потом поняла, что лучше вовсе никакого папы, чем такой: пьющий, изменяющий, истеричный. На пьянство Михаила Чехова ее внимание обратил сам Станиславский — его учитель, любивший и уважавший своего ученика.

Только тогда она решила уйти. А Михаил вдруг воспылал к ней запоздалой любовью — к ней и к дочери. Расставание пере-

жили тяжело. Позже он упрекал ее в холодности, она его — в жестокости...

Отец, Константин Леонардович, позволил дочери вернуться домой — без особой, однако, радости. Она пыталась зарабатывать на жизнь, делая всякие забавные сувениры для магазинов подарков, но этого, разумеется, хватало только “на булавки”.

И как раз в это же время начались настоящие бедствия: сбежал на фронт младший брат, обожаемый всеми Левушка. Один раз вернули — по возрасту он еще не годился — всего-то шестнадцать исполнилось! — но он снова сбежал... И пропал без вести. Несколько лет Книпперы ничего не будут знать о нем.

III

Грянула революция, началась гражданская война... Голод и холод, разруха, и среди всего этого кошмара Ольга Чехова встретила своего второго мужа: австрийского офицера Фридриха Яроши. Он был авантюрист по духу, актер-любитель и “начинающий писатель”, как вспоминали о нем современники, — в общем, идеальный подходил для того, чтобы стать спутником Ольги в нынешнем ее душевном отчаянии. И она не могла упустить такой шанс: ослепила, обольстила — и уехала с ним в Германию.

Дочку она оставила с бабушкой, дедом и тетей Адой, души не чаявшей в малышке.

Потом, в воспоминаниях своих, Ольга Константиновна почему-то вовсе не упомянула второго своего мужа. Зато придумала душераздирающую историю побега из России с кольцом, сохраняемым под языком — на деньги от продажи кольца предстояло жить. Почему? Не хотелось о муже вспоминать? Или просто ей нравилось мистифицировать окружающих?

В ее знаменитой книге “Мои часы идут иначе” (изданной на русском языке издательством “Вагриус” в 1998 году) не меньше половины — вымысел. Описала голод в Москве, которого на самом деле в 1915 году не было, отца произвела в министры путей сообщения, историю с самоубийством Владимира Чехова приписала своей матери — дескать, застрелился “дядя Володя” от любви к прекрасной и неприступной Елене Юльевне, — а себя сделала актрисой МХАТа, одной из “Трех сестер”. Впрочем, там присутствовали фальшивые — но весьма экзотические — подробности не только из ее собственной жизни, но и из жизни совершенно посторонних ей людей, например — Царской Семьи. При этом она умолчала о многом важном, значительном...

Возможно, все это делалось в коммерческих целях — чтобы привлечь читателя, покупателя.

“Мемуары” действительно принесли Ольге Чеховой неплохой доход.

Впрочем, об этом — впереди...

Приехав в Германию, красивая и целеустремленная “русская аристократка” легко завоевала светские салоны, богемный круг, и была приглашена играть в кино — немом, по-немецки она еще плохо говорила. Первая же роль принесла ей успех. Она как-то завораживающе смотрелась в серебристом сиянии экрана... Ольга Чехова начала все чаще сниматься: она отличалась редкостной работоспособностью — и на экран выходили один за другим фильмы, где она играла аристократок и авантюристок, преимущественно — иностранок, а в сущности — себя саму. Она была так загадочна, эта русская с холодными глазами... Чаще всего ее снимали в “костюмных” фильмах.

Она действительно была несколько несовременна: роскошная женщина, тогда как в моде господствовал стиль “сорванец” — короткая стрижка, костлявые плечи, узкие вихляющиеся бедра. Но она обладала неким таинственным очарованием, ее взгляд, ее смех завораживали! И вот у Ольги — такой “немодной” — появилось огромное количество поклонников, в том числе — очень состоятельных людей, очень знаменитых и обладающих очень большой властью.

Она развелась со своим австрийцем.

Встретилась после долгой разлуки с братом Левушкой, жившим теперь в Германии и рвавшимся домой.

Получила приглашение играть на сцене — это было серьезным рубежом в ее карьере, ведь в России она о сцене и мечтать не могла, в России принято было считать, что красивая женщина никак не может быть талантливой актрисой, и талантливыми неизменно провозглашали дурнушек.

Тетя Ольга Леонардовна видела фильмы своей племянницы, но особого восторга актерский талант Ольги у нее не вызывал — собственно, она вовсе не признавала в Ольге актерского дарования. Михаил Чехов, напротив, был горд и счастлив тем, что жена приобретает мировую славу под его фамилией. И — завидовал, смертельно завидовал...

Тем временем умер отец Ольги. И оставшиеся члены семьи — мать, дочка, сестра и появившаяся к тому времени племянница — приехали к Ольге в Германию.

Наконец, после долгой разлуки, Ольга снова знакоилась со своей дочерью. И полюбила ее еще сильнее. Она купила прелестьную квартирку в центре Берлина, роскошно обставила ее и стала еще больше работать, теперь уже — чтобы обеспечить безбедную жизнь всем своим дорогим, чтобы вознаградить их за лишения, которые они претерпели в России. Она одна обеспечивала всю семью — и считала это своим долгом.

Правда, вскоре сестра Ада вышла замуж. Первый брак ее, как и у Ольги, был неблагополучен, а в новом браке, с немцем, и сама Ада, и дочка ее, Марина, обрели наконец покой и довольство.

И в конце концов только брат Левушка — один из семьи — остался в России. Вернее, вернулся в Россию после долгих лет пребывания за границей вместе с другими офицерами побежденной и выброшенной из страны белой армии.

Впоследствии он станет известным советским композитором: Лев Книппер, это он написал “Полюшко-поле”.

А в воспоминаниях Льва Константиновича Книппера, изданных в начале 80-х, имена сестер Ады и Ольги будут упомянуты всего один раз.

Слава Ольги Чеховой была столь велика, что ее пригласили в Голливуд. Она плыла за океан, преисполненная радужных надежд, но все окончилось горьким разочарованием: “империя грез” показалась ей тошно-бездушной... Жить и работать она здесь не смогла — даже ради того, чтобы вытащить маму и Аду из Европы, из Германии, где снова было как-то беспокойно... Не могла — и все!

Вернувшись в Германию, Ольга решила создать собственную киностудию и попробовать себя в качестве режиссера. Нашлись “компаньоны”, поддерживавшие ее... Правда, деньги вкладывала только она и занимала — под склад дома.

В 1928 году в Германию — в поисках лучшей доли — приехал Михаил Чехов с женой: с той самой девушкой, с которой он изменял Ольге едва ли не в ее присутствии! Он пожелал увидеться с дочерью. Ольга разрешила. А потом — сочувствие ли это было, или желание хоть немного повластвовать над некогда так жестоко оскорблявшим ее человеком, унижить его, облагодетельствовав? — Ольга Чехова сняла для Михаила и его жены квартиру, начала знакомить его с кинопродюсерами и режиссерами... Никто не заинтересовался им — правильнее сказать, никто не заинтересовался им, как актером, потому что интерес этот некрасивый, нервный русский вызывал лишь как бывший муж великопешной Ольги Чеховой. И тогда Ольга решила сама снять его в своем фильме, на своей студии. Фильм был снят, но успеха и прибыли не принес.

Огорченный Чехов уехал искать счастья в Голливуд — где, кстати, преуспел вполне и даже прославился, где и умер на своей калифорнийской вилле в возрасте 64 лет.

IV

В дни прихода к власти нацистов Ольга Чехова познакомилась с швейцарским миллионером Марселем Робинсом. Он был влюблен — до безумия, как и прочие, кто влюблялся в нее. Для нее же это был только холодный расчет: уехать из Германии.

Впрочем, Марсель ей нравился. Сильный, волевой мужчина, знающий, чего он хочет, умеющий добиваться своего... После неуравновешенного и безвольного Михаила Чехова, после легкомысленного Яроши он казался ей просто образцом муже-

ственности. В 1936 году они поженились, и Ольга вместе с мамой и дочкой переехала в Швейцарию.

Уже тогда заключение брака с иностранцем для гражданки Германии сопровождалось множеством бюрократических препонов, но Ольга их преодолела. Как выяснилось — зря. Прожила она с мужем недолго. Сестра навещала их — восхитилась богатством обстановки и “избранным обществом”, окружавшим Ольгу, но это было не то “избранное общество”, которое ей нравилось. В среде коммерсантов и их жен, где брак по любви был редкостью, Ольга скучала и задыхалась, почти как в Голливуде.

Единственным развлечением ее стало посещение косметических курсов, что вызвало непонимание и даже насмешку в ее новом окружении: Ольга Чехова — косметичка!

Потом начал проявляться жестокий, собственнический характер мужа, а Ольга уже в юности натерпелась — и не желала терпеть снова.

Они развелись. Ольга вернулась в Германию — с мамой и дочкой.

Ольга боялась, что после такого перерыва ее уже не станут снимать, что зрители позабыли ее, — но немецкие кинематографисты приняли Ольгу Чехову буквально с распростертыми объятиями. Вскоре она вернулась и на сцену. И — в “свое” избранное общество. В среду осевших в Берлине русских аристократов, немецкой творческой интеллигенции и... фашистских партийных бонз. Три разных общества, три разных мира, и везде она была — своя. Это было немного страшно — и очень захватывающе. Как в тех авантюрных фильмах, в которых она играла.

В Германии того времени очень любили именно развлекательное кино. Фильмов идеологической направленности, как ни странно, было очень немного. Впрочем, в двух из них Ольга Чехова успела “отметиться”. А непосредственно во время войны снимались фильмы далекие от действительности. Костюмы — о прошлом, где войны еще не было. А если действие все-таки происходило в настоящем времени, снимали так, будто никакой войны и нет. То есть, вроде как о будущем, о том счастье и достатке, которое ждет всех немцев после победы.

В 1936 году Ольга Чехова получила звание “Государственной актрисы Германии”.

Ее приглашали к Гитлеру, к Геббельсу, к Герингу.

Гитлера она находила скучным, а Еву Браун — милой.

Дружила с женой Геринга — тоже бывшей актрисой. Восхищалась самим Герингом — вальяжным, обходительным, знавшим вкус во всем: в винах, в еде, в произведениях искусства...

Презирала Геббельса — хромого коротышку, домогавшего всех красивых женщин, с которыми ему случалось сталкиваться, — и его так часто рожающую жену, безжалостную фанатичку Магду.

Ольга Чехова осмелилась даже как-то раз надерзить Геббельсу, ответив "Нет!" на вопрос, заданный ей на одном из роскошных банкетов осенью 1941 года: "Закончится ли эта война еще до зимы и будем ли мы до весны в России?"

И Геббельсу пришлось это стерпеть, ведь Чехова была Государственной актрисой, а значит ей позволялось больше, чем другим. Даже провозить в Германию из Франции запрещенную, но столь милую сердцу каждой женщины контрабанду: духи, шоколад и шелковые чулки.

Сам же Адольф Гитлер был восхищен и очарован Ольгой Чеховой до глубины души и никогда не скрывал этого.

Генри Пикер в книге "Застольные разговоры Гитлера" приводит фразу, сказанную Гитлером за ужином в бункере "Волчье Логово" 2 апреля 1942 года, — сетуя на необразованность и отсутствие аристократических манер у многих высокопоставленных лиц как в Рейхе, так и среди послов союзников, фюрер сказал: "Строго следовать протоколу для многих суще наказание. Если хотя бы хватило ума сделать так, чтобы лицо, прибывшее с официальным визитом, за столом сидело рядом с поистине очаровательной дамой, владеющей соответствующим языком. Нам повезло, что в Берлине в нашем распоряжении есть именно такие дамы в лице актрис Лил Даговер, Ольги Чеховой и Тианы Лемнитц".

Следуя собственным рекомендациям, на официальных приемах Гитлер предпочитал появляться с одной из "таких дам", а вовсе не со своей возлюбленной Евой. Ева Браун в скромном платьице и хорошеньком фартучке ждала его "дома" — в крепости "Орлиное Гнездо". А в ложах театров и в банкетных залах рядом с ним была Ольга Чехова — сверкала обнаженными плечами и изысканнейшими вечерними туалетами.

Дочка Ада как-то незаметно выросла, стала красавицей. Ее с удовольствием снимали в фильмах рядом с мамой. В шестнадцать лет она объявила, что выходит замуж за известного кинооператора Франца Ваймера. Мать не воспротивилась — хорошо помнила себя в этом возрасте и свою глупую, но пылкую любовь к Мише Чехову.

Накануне свадьбы мать и дочь побывали у гадалки, которая предсказала, что брак Ады продлится недолго, что после сорока лет ее ждет "опасность в бесконечности". Дочь не поверила ни в одно из предсказаний. А мать испугалась: она уже была мистически настроена — сказывалось влияние окружающего мира, Германии, погруженной в мистицизм, — она уже верила в предсказания и в вещие сны, которые так часто ей снились и всегда сбывались...

Ольге Чеховой уже исполнилось сорок — но выглядела она никак не старше двадцати восьми! (Вообще до самой смерти она неизменно выглядела лет на двадцать пять моложе своего истинного возраста.) Открытки с фотографиями фрау Чеховой во

всевозможных фантастических туалетах печатались огромными тиражами. В нее влюблялись даже совсем юные, годившиеся ей в сыновья. Слали письма, фотографии.

Началась война — она часто ездила выступать перед солдатами на фронте. На *их* фронте... Перед *их* солдатами...

V

Нападение Германии на Советский Союз для “сонного царства” русских эмигрантов в Берлине было хорошей встряской. Одни готовы были немедленно идти в армию, чтобы отомстить большевикам любой ценой, чтобы наконец въехать в Россию на белом коне — пусть даже по пути, проторенному гусеницами немецких танков: эти ненавидели свой народ — народ, который их изгнал! Другие выражали робкую надежду, что русские поднимутся на борьбу с немцами, а потом скинут и собственных преступных правителей, и они — эмигранты — смогут наконец вернуться: эти, вроде бы, народ свой любили, но страшно далеки были от него — даже тогда, когда еще жили в России.

Но некоторые — очень немногие — действительно любили Россию, русских, и готовы были на все, лишь бы помочь стране, которую они по-прежнему считали своей... Этих людей отыскивала советская разведка. И вербовала.

Одной из них стала Ольга Чехова — “Государственная актриса Германии”.

Согласно утверждению нашего знаменитого разведчика генерала Павла Судоплатова, Ольгу Чехову завербовал Януш Радзвилл — польский аристократ, в свою очередь завербованный во время пребывания в советском плену. Якобы Чехова сотрудничала с разведкой “на основе доверительных отношений и вербовочных обязательств”.

Ольга Чехова была очень ценным “кадром” для советской разведки. Она была близка к высшей партийной элите — и через нее намеревались организовать покушение на Гитлера. В книге “Лубянка и Кремль” Судоплатов вспоминает об этом подробно и откровенно.

“У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзвилл и Ольга Чехова должны были при помощи своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру”.

Да, все было продумано и подготовлено, ждали только команды из Москвы... Но команда все никак не поступала.

Забавно, что все в тех же “Застольных разговорах Гитлера” Генри Пикер приводит высказывание фюрера от 10 марта 1942 года: “Я лично никогда не использовал в своих целях разведку и не принимал у себя шпиона. А тем более шпионки. Что-то в этом есть очень грязное! Не только потому, что она по сути про-

ститутка, она делает вид, что испытывает к мужчине чувства, которых нет, и губит его”.

Разумеется, это утверждение фальшиво: у Германии была могущественнейшая разведывательная организация — Абвер, в которой служило достаточно женщин. Но куда более забавно то, что фюрер не понимал, насколько он заблуждается, утверждая, что “не принимал у себя ни одной шпионки”! Уж одну-то разведчицу точно частенько видели в его обществе, даже фотографии сохранились!

...Как она жила все эти годы — снимаясь, играя в театре, посещая светские вечера, выезжая к солдатам на фронт — и, вместе с тем, каждый миг ожидая команды? Той самой команды, после которой придется действовать, а действие наверняка приведет к гибели — не только ее, но и людей, которых она любила: мамы, дочери?

В каком адском напряжении жила она эти годы! Какую волю надо иметь, чтобы перенести все это, не изменяя внешней безмятежности! Ведь вокруг царил страшный террор. За любую оплошность, неосторожно сказанное слово людей бросали в тюрьмы, подвергали пыткам, отправляли в лагеря или на гильотину — политических преступников в Германии казнили по старинке: “посредством отделения головы от тела”. Казнили близкого друга Ольги — известного оперного певца — и родным прислали счет за расходы на содержание его в тюрьме и погребение тела... Правда, Ольга Чехова была очень популярна, ей прощались многое, считается даже, что именно в угоду ей немцы не разрушили усадьбу Чехова, хотя дома-музей Толстого и Тургенева были практически стерты с лица земли. Но тем страшнее была бы расплата, если бы выявились ее “предательство”!

И при этом она еще находила в себе силы любить.

Да, именно в эти страшные годы она встретила свою самую большую любовь. Ее возлюбленный, Йеп — он был летчик, капитан Люфтваффе, он был моложе ее, играл на фортепьяно, писал ей поэтические письма... Он ее обожал! Йеп сражался с англичанами над Ла Маншем и бомбил английские города, в убийстве ее соплеменников он повинен не был. Это была отчаянная любовь перед лицом возможной смерти. Он думал — только его смерти. Но она знала: ей грозит не меньшая опасность. Возможно, именно опасность придала силы их чувствам.

Ах, какие письма писали они друг другу! Нескольким из них Ольга Чехова приводит в своей книге. Вот отрывки:

“Я так радуюсь медальону с маленьким фото потому, что теперь всегда могу носить его с собой. Всегда, когда мне захочется, я смотрю на него, оно будет со мной в тысячах метров над Англией, оно разделит мою судьбу, сторит, пойдет в плен или замерзнет вместе со мной в ледяных волнах.

Ночью на улице воет ветер. Я вслушиваюсь в него — я хочу услышать твой голос и твои легкие шаги и вправду слышу их...”

“Вчера я... проходил мимо французского кинотеатра, в котором шел фильм “Les mains libres” (“Освобожденные руки”). Я видел фильм раньше, но мне захотелось увидеть тебя. Я счастлив. И замечаю там много деталей: например, твою сумочку с монограммой “Le Journal d’Olga Tschecnova”. Ты все время стараешься держать ее так, чтобы нельзя было прочесть твое имя...”

“Ты так нежно описываешь, как тебе снится, что я, с маленьким чемоданчиком, небритый, сижу около тебя. Как верны твои сны — я действительно часто небрит...”

Мое сердце всегда рядом с твоим”.

Он погиб. Иначе, наверное, быть не могло.

В ту ночь, когда самолет Йепа вспыхнул в небе над Англией, Ольга увидела один из своих пророческих снов: Йеп с окровавленной головой и счастливой улыбкой, среди необыкновенно красивых, пышных, благоухающих цветов...

Она была беременна — и потеряла ребенка. Впрочем, возможно, она не смогла бы выносить, даже если бы Йеп остался жив: она была не так уже молода, да и попытки прервать первую беременность не прошли даром для ее организма.

Из Москвы поступил приказ снова готовиться к покушению... И снова — отбой. Сталин боялся, что, в случае смерти фюрера, немецкие военачальники заключат сепаратный мир с Великобританией и США. И не так уж не прав он был... Хотя некоторые военачальники и министры, в том числе Йозеф Геббельс, больше надеялись на сепаратный мир с СССР. Гитлер мешал и тем, и другим...

В 1944 году сторонники сепаратного мира с Великобританией совершили покушение на фюрера.

Фюрер уцелел — и последовала страшная расправа, потрясшая даже ко всему уже привыкших немцев. “Дурную траву” вырывали с корнем. Родственников заговорщиков отправляли в концлагеря, детей моложе двенадцати — в другие семьи, под чужими именами.

Глядя на фотографии процесса в газетах, Ольга Чехова не могла не понимать, что среди этих истерзанных, полумертвых людей на скамье подсудимых могла бы сидеть она! Правда, и остальные подсудимые тоже были бы другие...

Именно тогда в ее волосах появилась первая седина.

Германия была уже захвачена в кольцо советскими и союзническими войсками, Берлин бомбили каждую ночь... Начали формировать батальоны фольксштурма — забирали детей допризывного возраста, стариков, слабовидящих — всех. Все они должны были отдать жизнь — для того, чтобы Гитлер с Евой и овчаркой Блонди, Геббельс с Магдой и шестеро их белокурых ангелочков могли прожить еще несколько дней в своих бункерах.

Ольга и Ада прятали в своем доме друзей, пытавшихся избежать смерти в рядах фольксштурма.

Муж Ады, мобилизованный в конце 1944 года, пропал где-то на западном фронте.

Мать Ольги Чеховой была тяжело больна... Она совсем долго не дожидая до прихода советских войск. До победы, о которой она искренне мечтала.

Еще шли бои за Берлин, а Ольга Чехова в самолете, высланном Абакумовым, уже летела в Москву. Давать показания. Она жила на частной квартире — на конспиративной квартире военной контрразведки. Почти ежедневно ее допрашивали на Лубянке. Некоторые страницы из протоколов — те, на которых не стояло печати “особо секретно”, — впоследствии даже печатались в разных изданиях... Впрочем, на этих страницах не было ничего важного. Только описание светской жизни в военном Берлине.

Но в Москву ее вызывали явно не для этого. И назад, в Германию отпустили тоже с какой-то целью...

Конечно, она продолжала работать на разведку и после войны. В противном случае ее бы уничтожили. Как многих других видных разведчиков. Пуля в затылок, официально — автомобильная катастрофа. Или просто пропадали без вести...

Ольга Чехова не “попала в катастрофу” и не пропала без вести. Она жила в Западной Германии и преуспевала. Значит, она оставалась нужна. И продолжала работать. Отпустить ее “из гуманизма” или “из благодарности” не могли. Не то ведомство. Она знала много и многих — была опасна. Но, видимо, необходимость ее услуг превышала возможную опасность.

Что конкретно она могла делать после войны? Возможно, пользуясь старыми связями в богемных немецких кругах, отыскивала следы ушедших на запад и очень нужных Советскому Союзу бывших нацистов: не секрет, что многие нацистские преступники получали новое имя и возможность жить и работать в США. Что было на самом деле — никто не знает. Ясно одно: в живых ее не оставили бы, не будь она нужна.

Правда, после войны последовала серия “разоблачительных статей” об Ольге Чеховой. Ее называли агентом едва ли ни всех разведок. Она так и не выступила с опровержением. Даже в книге своей четко не сказала “нет”. Возможно, правда, ее все это даже забавляло.

Уже во времена перестройки ее родственники — в том числе двоюродный брат ее, Владимир Книппер, написавший интереснейшую книгу “Пора галлюцинаций” о судьбах членов семьи Книппер, — запрашивали тогда еще в КГБ СССР хоть какую-нибудь информацию об Ольге Чеховой, о связях ее с разведкой. Никакой конкретной информации им, разумеется, не дали. Сказали, будто документов, подтверждающих сотрудничество Ольги Константиновны Книппер-Чеховой в архивах не обнару-

жено. Обнаружены только протоколы допросов... Да и то — не полностью.

Серго Берия, сын всемогущего Лаврентия Павловича, объясняет это так: “Меня нисколько не удивляет, что органы государственной безопасности бывшего Союза, а ныне России не смогли подтвердить причастность Ольги Чеховой к деятельности советской разведки. Наверняка таких документов нет. Объяснение простое: мой отец и тогда, в сорок пятом, и позднее решил ее не раскрывать. Случай, должен сказать, довольно типичный. По картотекам органов государственной безопасности не проходили — знаю это совершенно точно — сотни фамилий. Отец считал, что “настоящего нелегала через аппарат пускать нельзя”.

VI

В первое время после возвращения из Москвы Чехова жила с дочерью в “восточной зоне” оккупации, хотя имя ее находилось в “западной зоне”. Ольга снова играла — в передвижном театре. Жизнь постепенно налаживалась. После войны Ольга Константиновна вернулась не только на сцену, но и в кино. Она по-прежнему выглядела гораздо моложе своих лет, только волосы приходилось оттенять голубоватой краской, чтобы не так ярко сверкала седина на черно-белой киноплёнке. Тщательно ухаживала за своей кожей, сама для себя разработала серию косметических масок и шлаковыводящую диету. Верила в целебные свойства чесночного сока, называла его “эликсиром вечной юности”, готовила из чеснока всевозможные настойки, пыталась найти рецепт, благодаря которому чеснок сохранял бы все целебные свойства, утратив, однако, свой специфический запах. Кстати, о самой Ольге Чеховой поклонники говорили, будто природный запах ее кожи напоминал “аромат земляники и березовых листьев”.

Выглядела она хорошо, но характер изменился: она стала более сурова. (Сестра — Ада Константиновна — навещала ее все реже: Ольга напоминала ей их отца, покойного Константина Леонардовича, и находиться рядом с ней казалось просто невыносимым.) Наверное, так сказывались годы войны, годы чудовищного напряжения... О котором никто из близких даже и не подозревал.

Финансовые дела постепенно приходили в упадок. Дом был заложен — очень неудачно. Один за другим приходилось продавать предметы роскоши, еще оставшиеся от былых времен.

И тогда Ольга Константиновна решила на невероятное: почти в шестьдесят лет она начала свою новую карьеру — карьеру хозяйки косметического салона. Продала последние украшения и ценные вещи — в том числе подарки Гитлера и Геринга. Сняла квартиру в центре Мюнхена, оборудовала ее под салон. Сама спала в крохотной комнатке рядом с кухней. На кухне готовила кремы, лосьоны и маски.

Сначала в салон шли только бывшие восторженные поклонники, привлеченные громким именем Чеховой. Но постепенно он сделался популярным.

Ольга Чехова написала несколько статей об омолаживающей диете и об уходе за кожей, потом небольшую книжку...

Заработав достаточно денег, Ольга Константиновна распорядилась с салоном и в 1965 году открыла свою собственную фирму "Косметика Ольги Чеховой". Фирма процветает и по сей день... Правда, принадлежит не потомкам Чеховой, а ее партнерше по бизнесу.

Между тем очередное испытание обрушилось на эту негибкую женщину: в 1966 году сорокадвухлетняя дочь погибла в авиакатастрофе — сбылось предсказание гадалки относительно "опасности в бесконечности"! Горе надломило Ольгу Константиновну, но по-настоящему сломаться она не имела права: на ее руках остались дети Ады — Вера и Миша. Ради них она жила и напряженно работала еще много лет.

Вера выросла очень красивой девушкой — и поддержала семейную традицию: стала актрисой. Мише передан другой — давно позабытый — талант Ольги Константиновны: он стал художником, архитектором. Мишу она особенно любила — в нем находила какое-то странное, необъяснимое сходство с Йепом.

Она еще успела увидеть своего правнука...

В 1980 году Ольга Чехова написала свои фантастические мемуары, принесшие ей весьма ощутимые деньги. Теперь они изданы и у нас.

Ольга Константиновна Книппер-Чехова долго мечтала навестить Россию. Неоднократно принималась оформлять документы, но всякий раз что-то ее останавливало. Страх? После смерти любимой тети Ольги Леонардовны прекратились даже эти слабые попытки. Однажды Ольга Константиновна увидела в журнале "Советский Союз" репродукцию знаменитой картины Александра Дейнеки "Сбитый ас": горящий в небе над Россией немецкий самолет и с нераскрывшимся парашютом за плечами летчик, летящий вниз головой, — прямо на противотанковый еж, установленный на улице какого-то русского городка... Ольгу Константиновну картина потрясла до самых глубин души, и после этого она даже советской периодики в руки не брала.

А лет за десять до смерти — когда у нее определили опухоль мозга — она вдруг начала бояться вообще всего русского, даже телевизор выключала, когда там говорили о России... Или — о войне. Упоминаний о войне она боялась еще больше, чем разговоров о России.

Умирала она долго и мучительно. Но в периоды просветления снова возвращалась к своему бизнесу, проглядывала бумаги, давала советы фармацевтам и менеджерам...

Она прожила восемьдесят три года. Действительно, очень долгая и очень интересная жизнь. ■

А ДУШУ МОЖНО ЛЬ ИСЦ

“Сегодня
наркотик
агрессивен
как никогда,” —
утверждает
психолог

*“Сам не знаю, почему
сделал это”, “сам не знаю,
почему стал колотиться”,
“почему-то мне захотелось
пойти туда...”* Бессозна-
тельные мотивы. Бессоз-
нательные силы... Одних
они приводят на трон, дру-
гих — на плаху...

*Мы беседуем об этом с рязан-
ским психологом Юлией Валерь-
евной ВЛАСОВОЙ. Она работает с
наркозависимыми людьми, но ее
гипотезы, рассуждения, выводы,
сделанные на основе общения с
ними, странным образом позво-
ляют многое понять в нас, в про-
цессах, происходящих в общест-
ве. Оставив в стороне вопрос о
том, почему люди вообще упот-
ребляют наркотики, Юлия зада-
лась другим, на первый взгляд,
узкоспециальным: почему боль-
шинство тех, кто одержим в Рос-
сии наркотиками, сегодня пред-*

едить?

почитают героин, а не другие формы наркотических веществ? Она обратила внимание на то, что более половины ее пациентов — именно героиновые наркоманы, причем большинство из них сразу же стали употреблять этот тяжелый наркотик. Не случайно и Всемирная организация здравоохранения объявила Россию зоной эпидемии именно героиновой наркомании.

— Не правда, что наркоман будет постоянно употреблять тот препарат, который ему попался первым или встретился случайно. У каждого, и это признают все ученые, есть наркотик, который ему наиболее приятен и к которому у него гораздо быстрее вырабатывается зависимость, чем к какому-либо другому. Отсюда и легенды о том, что можно, мол, попробовать дурман и не заболеть, не стать зависимым от него, — просто человек попробовал не "свой" препарат, — говорит Власова.

— От чего же зависит предпочтение наркоманом того или иного зелья? Неужели здесь есть какие-то закономерности?

— Мне очень близка идея знаменитого психотерапевта Станислава Грофа о том, что судьба человека во многом зависит от того, каким был его жизненный старт.

— Под стартом подразумевается рождение, сам процесс родов?

— Да. Гроф, используя специальные методы дыхания, помогал людям оживить чувства, которые они испытывали, пребывая в утробе матери, во время и сразу после родов. Беременность и роды можно условно разделить на четыре периода, которые многие психологи считают не только важными в жизни человека, но и структурообразующими для личности.

Первое образование Власовой — медицинское. Семь лет она работала в роддоме, в отделении выхаживания новорожденных. Ее рассуждения, гипотезы и выводы стали результатом многолетних исследований. Работая с наркоманами, она подробно расспрашивала их мам о том, был ли ребенок желанным, об абортах, о детских смертях в семье, о том, как протекли роды. Власова пыталась уловить какие-то взаимосвязи и обнаружила поразительные закономерности. Она пришла к твердому убеждению: если человек станет наркоманом, то бессознательное предпочтение им одного ядовитого вещества другому, наибольшая зависимость от конкретного наркотика определяются тем, как человек... родился на этот свет. И даже тем, насколько он был... желанен.

В поисках потерянного рая

— Первым периодом беременности и родов считается время с момента зачатия примерно до седьмого месяца внутриутробного развития. Что происходит, если женщина не хочет ребенка, называет свой живот "толстым брюхом", сильно переживает? Младенец еще не знает, что такое "толстое брюхо", но то, что он — "накая-то гадость", чувствует. И тогда состояние умиротворения, любви и гармонии, рай вокруг него превращаются в апокалипсис. Не успеет родиться, ребенок уже чувствует себя чужаном. Если мама испытывает стрессы, болеет, то в среде, окружающей его, Бог знает что плавает, и он заглатывает эти хлопья, что-то противное. У детей после рождения часто бывают срыгивания, рвоты. Надо поработать в роддоме, чтобы понять, о чем я говорю, потому что есть младенцы, которые рождаются с безразличным выражением лица, и оно сохраняется очень долго. Это отвращение, ощущение себя мерзким и в мерзком мире, чужим среди чужих может стать стержнем личности, на который потом нанизываются другие эмоции. Отвращение — обратная сторона блаженства, nirваны. Как света не бывает без тьмы, любви — без ненависти, так и блаженства — без отвращения.

— *И что же будет употреблять человек, травмированный в первый период маминной беременности (до своего рождения?!), если он — не дай Бог! — станет наркоманом?*

— Он рано или поздно интуитивно "выйдет" на тот препарат, который будет псевдокомпенсиро-

вать именно отвращение, а не какое-то иное негативное чувство, будет употреблять то, что даст иллюзию мира, тепла, nirваны — героин рано или поздно догонит его. Об этом говорит весь опыт моей работы с наркозависимыми и их родственниками. Вот почему именно героиновые наркоманы — в группе риска по затягиванию их в нирванические секты. Они ищут там потерянный еще в утробе матери рай, который компенсирует их глубочайшее отвращение к себе и к окружающему миру, где кругом — чужаки. Вот почему таких наркоманов и к бандитам тянет. Потому что на первых порах там называют друг друга "братнами", погружаются в утопическую иллюзию: рядом с тобой "брат", который тебя поддержит, наконец-то ты — не "чужой среди чужих". На мой взгляд, к криминальному миру, в первую очередь, их влечет идея братства, а не деньги, не девушки, которых можно часто менять, не машины, как это может показаться.

Жизненная позиция: боюсь!

— Вторым периодом беременности считается время примерно с седьмого месяца до начала родов. Расскажу о девочке (назовем ее Наташей), травмированной как раз к этому моменту родов. Воды у мамы уже отошли, но схватки были слабые, ребенок оставался недвижим, и весь этот ужас продолжался двенадцать часов. Представьте, что стены комнаты сейчас начнут сжиматься, скрипеть и шататься, мебель начнет летать из стороны в сторону, а чайник понадаёт нам пинков. Вот и младенец испытывает ужас,

он ничего не может поделать, находясь в тесноте и духоте. Есть данные, что в этот момент у него бывают видения, галлюцинации (конечно, от такого ужаса можно и "заглюкаться"). Не случайно Наташа пристрастилась именно к галлюциногенам. Наркоманам, травмированным во второй период родов, кажется, что эти препараты помогают справиться с ужасом, владеющим их душой. Но это иллюзия.

Когда мы в психокоррекционной группе разыгрывали какие-то сцены, отображавшие проблемы Наташиной жизни, мы каждый раз упирались в ее ощущение ужаса, в ее страх. То есть до какого-то момента она старалась разрешить свои проблемы, а потом вдруг начинала паниковать, просила остановиться, говорила, что ей страшно работать дальше. Когда я рассказала в группе, как рождается человек, Наташа вдруг сильно разволновалась. Она описала свой сон: из стен вылезают страшные морды и грозятся ее убить, потом они превращаются в единую массу, угрожающую ей. Мы разыграли сцену ее рождения. Вдруг у девочки вылилась страшная обида на маму, которая никак не могла ее родить. Я предложила Наташе побыть ее мамой и тогда она стала плакать: "Что же мой ребеночек никак не родится, я боюсь, что он умрет..." Девочка вдруг поняла: мама ее очень хотела, мама не виновата, что так случилось. И Наташа из роли своей мамы (психодрама позволяет такие вещи делать) успокоила себя, внутриутробную: "Все хорошо, весь этот ужас обязательно кончится и ты обязательно родишься..." Это были очень силь-

ные переживания, девочка пережила катарсис. Только после этого она почувствовала великое облегчение и все активнее и активнее начала набирать какой-то жизненный потенциал. Я считаю, что подлинное выздоровление от наркомании — это когда человек начинает жить счастливо, ощущая всю полноту жизни без наркотиков. Я не приемлю кодирование, шоковую терапию, потому что у больного отбирают наркотик и оставляют его наедине с его тяжелым душевным состоянием — и живи как хочешь.

— *Родовые травмы переживают очень многие, но далеко не все становятся наркоманами...*

— Обычно люди находят альтернативный — без наркотиков — способ существования со своим аффектом. Например, те, у кого в момент рождения глубоко в душе поселился страх, ужас, могут "лечиться", погружаясь в творчество, в игру, в конце концов, уходят в богоискательство. Давайте подчеркнем: то, что человек пережил родовую травму, не означает, что он обязательно впоследствии станет наркоманом. Но если он станет таковым, то предпочтение им определенного наркотика будет зависеть именно от того, какие чувства сопровождали его в момент рождения.

Яростное желание вырваться на волю

— В третий период плод начинает проходить по родовому каналу. Сейчас уже умеют делать специальные съемки всего этого, и в фильмах видно, как ребеночек сжимает кулачки, какое у него напряженное выражение лица. Если же он пострадал в этот пе-

риод, то он злобен и вообще вид его ужасен. Это бывает, когда мама, например, отказывается тузиться, на него накладывают щипцы, применяют вакуум-экстракторы, на женщину орут: "Тужься, кому твой урод будет нужен?!" Ему кричат: "Что ты там застрял?" В нашей стране "жесткое", насильственное извлечение плода долго считалось нормальным. Те, кто переживают этот период вторично (по методике Грофа), вспоминают видения огня, крови, ощущают пытки, боль. Вообще, роды — первое и основное испытание человека на прочность. Во время движения по родовому каналу он чувствует сновывающую тесноту и одновременно — сильнейший импульс двигаться дальше, чтобы преодолеть то, что он воспринимает как воцаряющийся хаос. Основное чувство, которое сопровождает его в этот момент, — ярость. Она может быть веселой яростью здорового крепкого человека, революционера, а — в случае осложнений при родах — может стать и злобной, слепящей. Наркоманы с "базовой яростью", как мы говорим, чаще всего употребляют кокаин, стимуляторы и амфетамины. Человеку кажется, что они помогают ему быть активным, ощутить истинный порядок вещей, но это — иллюзия, которая приводит к бессмысленному агрессивному разрушению, аутоагрессии. Мне пришлось столкнуться со случаем, когда девушка, злоупотреблявшая стимуляторами и амфетаминами, в момент опьянения проколола себе глаз. Не говорю о вскрытых венах — это стало банальностью. Когда к нам поступает наркоман, предпо-

читающий психостимуляторы, я уже не удивляюсь, что его мама рассказывает о нарушениях именно в этот, третий период беременности и родов.

Расскажу об одном пациенте. Двадцатилетний парень. Бабушка (мамы уже нет в живых) рассказывает, что в момент его рождения пришлось применять щипцы. Это очень мучительная операция — вмешательство во время движения плода по родовому каналу (как раз третий период родов). Парень действительно очень легко впадал в ярость, очень тяжело реагировал, если его заставляли что-то делать, категорически не терпел малейшего насилия по отношению к себе. Мы попробовали научить его жить именно таким, какой он есть, — с его яростью, превращать ее в активность, созидательную энергию. Удивительно, что психологический перелом произошел тогда, когда молодой человек осознал, что те самые щипцы были наложены ради его спасения. То, что он, еще не родившийся, воспринимал как грубейшее насилие, на самом деле оказалось реальной помощью. Иными словами, то, что раньше принадлежало бессознательному, усвоилось и интегрировалось в сознание. Человек оказался способен принять себя и свою ярость, и сейчас он весьма успешен.

"...Что б нам было с трех-четыре-пяти бутылок?"

— *Какое же "ведущее" чувство характерно для последнего периода родов?*

— Четвертая стадия — рождение в огромный холодный свет.

После теплых стен матки — небывалая пустота, потеря себя в огромной бескрайней вселенной. Ребенок испытывает то, что наша прекрасная молодень называет "отходняк". Если он желанен, успешно прошел предыдущие три периода, быстро приспособился к дыханию и гравитации, то эта пустота стремительно заполняется красотой окружающего мира... Но что-то может сложиться неблагополучно, скажем, он обмотался пуповиной, ему трудно дышать, холодно... А тут подходит тетка-анушерка и начинает поливать его то холодной, то горячей водой, делать унолы, лезет с электроточком в нос... Ребеночек открыл глаза на мир посмотреть, а ему туда хлоп — капли: понял, куда попал?! Первое, что он получает, появившись на этот свет —... пинок под зад! (Можно ведь помассировать пятни, например, есть много способов стимуляции первого крика.) Младенец сразу впадает в депрессию. Опять же это надо видеть, насколько он огорчается, как он сразу нытнет под влиянием всех этих манипуляций.

— И наким же нарнотином будет одержим такой человек, если он все-таки станет наркоманом?

— Мы дошли до мерзкого и самого распространенного наркотина, который подл еще и тем, что уподобляет себя пищевому продукту, претендует на элемент культуры. С одной стороны, алкогольное опьянение наполняет вас приятными переживаниями, делает мир привлекательным, с другой — это злобная депрессия, натужная рвота как желание вернуться к состоянию пустоты и освободиться от пресыщения образами.

Получается, наибольшая зависимость наркомана от того или иного препарата диктуется не случайностями (просто предлонили в компании именно героин, попался "под руку" галлюциноген...), а бессознательными силами — бессознательным стремлением компенсировать определенное "лидирующее" чувство, оставившее неизгладимый след в душе в момент рождения. Но если знаешь, какая сила толкает человека к нарнотинам, то можно попытаться... использовать ее "в мирных целях". Если же игнорировать ее, если не принимать во внимание, наким основным аффектом (эмоцией, страстью), как говорит Власова, сопровождался жизненный старт наркомана, то бесполезно увещевать человека, пугать его страшными последствиями нарномании, уговаривать быть хорошим. Если же знать, как он стартовал, что пережил при рождении — отвращение, ужас, ярость или депрессию, — то можно попытаться научить его трансформировать их в чувства позитивные.

А форма "любимого" зелья наркомана, получается, может подсказывать, что он пережил при рождении. Вот почему, по мнению психолога, так важно знать, что именно употребляет нарнзависимый человек.

— Все ученые — педагоги, психологи, медики — все, занимающиеся профилактикой нарномании, пришли к выводу, что запугивание ее последствиями абсолютно неэффективно, — размышляет Юлия Власова. — Это очень архаичный метод. Его эффективность равна нулю. Альтернатива ему — обучение людей умению решать свои проблемы без нарнотинов.

Какое время — такие и песни

Покопавшись в истории, Юлия Валерьевна открыла для себя, что, оказывается, впервые в мире эпидемия подростковой наркомании была зафиксирована в России, в начале века. И это была эпидемия кокаиновая. Видимо, не стоит напоминать, что в более позднее, "брежневое", время у нас была иная эпидемия — алкогольная. Нынче — героиновая. Получается, не только у каждого человека, но и у каждой эпохи, у каждого общества есть "свой", любимый наркотик? Но это, казалось бы, никак не вяжется с родовыми травмами: в самом деле, нельзя же утверждать, что в Советском Союзе абсолютно все алкоголики были травмированы на четвертом этапе родов (и потому становились именно алкоголиками), а целое поколение сегодняшних наркоманов — на первом (и потому предпочитает именно героин).

И вот тут начинается самое интересное. Как полагает знаменитый психолог и философ Юнг, у нас у всех есть нечто общее — какая-то единая структура, равная абсолютно для всех людей, — коллективное бессознательное. Каждый из нас в своей психике содержит всю память человечества в виде первообразов, которые Юнг назвал архетипами. Например, у нас у всех есть первообраз матери (даже у тех, кто ее никогда в жизни не видел), а наполняет каждый из нас его своим содержанием, своей мамой.

Оказывается, в нашем "коллективном бессознательном" есть не только представление о матери или об отце, но и о сезонах, временах года. Психологи называ-

ют это универсальным архетипом сезонности. Вспомните четыре стороны света, четыре периода суток, четыре времени года... Годовой цикл сезонов — действительно замечательная метафора поэтапного развития жизни. Кому не знакомо сравнение рождения человека с весной, "утром жизни", а его старости — с осенью? Мало того, с сезонами можно сравнить и фазы внутриутробного развития плода, изучавшиеся Станиславом Грофом. Известный психотерапевт Елена Лопухина в одной из своих научных статей развила эту идею и связала четыре архетипа сезонности с периодами беременности и рождения человека (по научному это называется "перинатальные матрицы"), о которых рассказывает Юлия Власова. Получается, первому периоду внутриутробного развития соответствует архетип Весны, второму — архетип Лета, роды — это Осень, момент появления ребенка на свет — это Зима. Значит можно проследить, как наркотики сочетаются не только с родовыми травмами, с негативными чувствами, но и с архетипами сезонов. Получается, Весне "соответствует" героин, Лету — галлюциногены, Осени — стимуляторы и амфетамины, кокаин, Зиме — алкоголь.

Но если человек, испытавший в четвертый, "зимний", период своего рождения всепоглощающую депрессию, из всех наркотических веществ предпочтет алкоголь, то этот наркотик догонит и общество, в коллективном бессознательном которого царствует архетип Зимы, время застоя. Думаю, уже понятно, что основным чувством, которое витает в "зим-

нем" обществе, будет депрессия. Остается только удивляться тому, как гениально Илья Зренбург, назвав время шестидесятников "оттепелью", угадал архетипический сезон в жизни нашей страны — зиму (ведь именно зимой бывают оттепели).

— Каким будет сезон в коллективном бессознательном страны — таким будет и "лидирующий" наркотик. Мнение, что нынче кокаин у нас не популярен потому, что слишком дорог — заблуждение. У нас нет кокаиновой эпидемии только потому, что он сейчас не приживется. Сейчас время другое. Наркотик вползает в культуру и догоняет молодежь, которая (в основной своей массе) должна быть в определенном психическом состоянии. Вспышка кокаиновой наркомании в России в начале века совпала со вспышкой ярости в коллективном бессознательном. Это было время борьбы, которая, как ничто иное, предполагает ярость. Ее у молодых людей было хоть отбавляй. Помните хотя бы стихи и песни тех лет. Вообще не случайно эпидемия наркомании возникает именно в кризисный период. Ведь в коллективном бессознательном тоже бушуют страсти, и их, как волны на море в шторм, вышвыривает на берег. "Вылезают" те самые аффекты, основные чувства, о которых мы только что говорили. Они как бы витают в воздухе, молодежь их "вылавливает", инфицируется ими и спешит их куда-то выплеснуть, вкинуть. Нужен был какой-то повод для ярости, а тут — революция, гражданская... Если помните, ярость соответствует архетипу Осени в коллективном бессознательном.

Но за яростной Осенью пришла тоскливая застойная Зима. И присущая ей депрессия. Долгие десятилетия она заставляла нас наполнять свою жизнь "красивыми" образами алкоголя. Помните эти уютные типично зимние тусовки на кухнях, где пелись под гитару песни, люди согревались алкоголем. (Соответствующий "сезон" — это просто метафора, образ, который максимально точно отражает настроения в обществе, владеющие большинством людей на подсознательном уровне чувства, похожие на то, что человек переживает в определенное время года.)

"Черная весна"

— А что сегодня, на ваш взгляд, наблюдается в коллективном бессознательном молодежи России?

— Специалист нашего наркодиспансера Ольга Юрьевна Васильева сравнила последнее десятилетие двадцатого века в России с тем, что в народе называется "черной весной". Это когда лед лежит чуть ли не до конца мая, когда уже не остается надежд на грядущее лето, не тянет на улицу, но и дома не сидится, когда шатает от перепадов давления и нехватки витаминов, стены давят, но ничего делать не хочется. Возможно, именно таково состояние современного молодого человека. Основное чувство "черной весны" — отвращение к себе и окружающим. Часто не только наркотически зависимые, но и вполне здоровые молодые люди говорят, что испытывают неприятие окружающих и себя. Хочется поменять "минус" на "плюс", заменить отвращение блаженством. А ведь

наркотик, соответствующий Весне — героин. Проще говоря, он идеально наложился на внутреннее состояние современного молодого человека, смог псевдонимом пенсировать ведущее чувство — отвращение — “плавающее” в коллективном бессознательном. Однако мне не хотелось бы слишком далеко уходить от традиционных взглядов на возникновение наркомании, где основное место уделяется семье. Что такое весна? В это время не только птички поют, почки набухают, романтические чувства расцветают. Весна — это еще и голодное время, когда все запасы исчерпаны, когда обостряются все болячки, большая смертность, чаще умирают хронически больные люди. Мы знаем, что первобытные племена, спасаясь от голода, очень часто оставляли ослабевших детенышей на произвол судьбы. В мифах и сказках нередко встречается подобный сюжет — добровольное оставление детей на попечение природы. Давайте вспомним, например, сказку братьев Гримм “Ганс и Гретель”. “Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми. Мальчика звали Ганс, а девочку Гретель. Жили они впроголодь. Вот однажды наступила в той земле такая дороговизна, что не на что было купить даже хлеба на пропитание. Однажды под вечер, лежа в постели, стал дровосек раздумывать. И говорит он жене: “Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей? Ведь нам самим есть нечего”. “А знаешь что, — отвечала жена, — давай-ка завтра пораньше утром, только начнет светать, заведем детей в лес, в самую глухую чащу,

разведем им костер, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдем на работу и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся. По крайней мере, не увидим, как они у нас на глазах умирать будут”.

Родители, не уверенные, что завтра для каждого найдется кусок хлеба, сейчас бессознательно отрабатывают эту “весеннюю” метафору. Они пытаются как бы “избавиться” от детей, чтобы не увидеть их гибели. Больше половины родителей наркоманов, находящихся сейчас в нашем диспансере, не замечали того, что их дети заболевают, на протяжении примерно года, двух. И это несмотря на то, что наркомания — достаточно заметная в быту болезнь. Сегодня взрослые могут не знать, где проводят время их дети, где они учатся, работают. Распространена такая фраза: “Сын занимается какой-то коммерцией. Я в подробности не лезу”. Конечно, это не физическое отвержение, не реальное изгнание из семьи, а, скорее, эмоциональная отстраненность. Родителями владеет не гнев, а боль и тоска. Неожиданные беременности у молодых людей часто вызывают чувство, похожее на... отвращение. Детеныш угрожает выживанию да и сам вряд ли выживет. Ведь даже самая благополучная семья не может быть совершенно автономной от бессознательных процессов, происходящих в обществе. Между прочим, когда мы разыгрываем сказки с мотивом добровольного отвержения детей (“Ганс и Гретель”, “Мальчик-с-Пальчик...”), это вызывает очень сильные эмоции, особенно у наркоманов и их родителей. Эти дети живут в семьях,

родители их всячески поддерживают. Оттуда же, казалось бы, взяты обильным слезам? Однако все участники терапевтической группы обычно отмечают прямую связь подобных сказок со своей повседневной жизнью, хотя не всегда могут ее объяснить.

Одновременно можно наблюдать другую тенденцию. Желая отгородиться от невыразимого отворачивания, люди пытаются вступить в псевдоутопическое сообщество, создать себе маленький рай на земле. Отсюда увлечение эзотерическими науками, мистикой в начале девяностых. Сейчас это попытки укрыться в спойной лоне Церкви, занятие огородничеством. Иными словами, в коллективном бессознательном сейчас очень ярко выражено стремление к уходу от голодной и опасной реальности в некое убежище.

Однако мои коллеги, которые работают не с наркоманами, говорят, что им все чаще и чаще приходится сталкиваться с проблемами, которые каким-то образом замешаны уже не на отворачивании, а на ужасе, — продолжает Власова. — Становятся характерными жалобы на страх смерти, страх случайного попадания в какую-то смертельную ситуацию. Теперь очень часто на приеме у психолога люди говорят о своих опасениях, что жизнь внезапно изменится в какую-то страшную, неизвестную сторону. А эти чувства характерны уже для Лета...

"Крепитесь, скоро лето!"

Конечно, наблюдения Власовой интересны и, наверное, помогают совершенствовать методы

лечения от наркомании, но так ли это важно для нас? Казалось бы, какая разница, от чего человек зависим — от кокаина или героина? Важно, что он болен, его надо лечить и надо постараться сделать так, чтобы наркоманией не заболели еще больше молодых людей.

Есть вещи, которые трудно рационально объяснить. Может, поэтому мы плохо осознаем, что любая наркомания (алкогольная или героиновая — неважно) — это болезнь общества. И форма предпочитаемого большинством наркоманов дурмана позволяет диагностировать общество. Наркотик подобен ланмусовой буманне, которая показывает, что витает в коллективном бессознательном, какое чувство готово завладеть нами помимо нашей воли. Ведь, согласитесь, можно заразиться не только гриппом, но и... чувствами — злостью и радостью, печалью (на похоронах) и оптимизмом (на свадьбе). Психологи утверждают, что и молодежь заражается не наркотиками — чувствами, выхватывая их из коллективного бессознательного, из этого штормящего океана, как говорит Власова. А если знаешь, что можешь "подхватить", то легче защититься от инфекции...

Вот почему не только медикам или психологам, но всем нам — инженерам и журналистам, родителям и учителям... — так важно знать, что именно употребляют большинство наркоманов, эпидемия наго наркотина у нас в стране.

— А что такое эпидемия? — размышляет Юлия Валерьевна. — Ведь вирусными инфекциями, например, люди болеют не только

зимой, но и летом — болеют ослабленные, с низким иммунитетом. Однако когда начинается эпидемия гриппа, вирус меняет свои свойства, он начинает нападать и на крепких здоровяков. В период эпидемии наркомании происходит то же самое — наркотики начинают употреблять даже те ребята, у которых нет черт, общих для всех наркоманов (тревожность, подчиняемость, внушаемость). Образно говоря, наркотик сейчас изменил свои свойства, он стал особенно агрессивен, сегодня героин нападает даже на тех, кто, казалось бы, никак не должен заболеть наркоманией. Если раньше многие подростки начинали с относительно слабых наркотиков, то нынче, в период эпидемии, молодежь начинает сразу с тяжелых.

Что же нас ждет впереди?.. Сегодня мы живем в мире сюрреалистических ужасиков, нагнетаются мотивы ужаса — война, взрывы домов, ощущение угрозы... Не случайно вичинфицированные ребята начинают употреблять наркотики, характерные уже для Лета, — препараты, которые "глушат" страх, ужас, засевавший в глубине души. Эти люди, постоянно ощущающие возможность собственной гибели, особенно чувствительны к процессам, происходящим в обществе. По их поведению можно делать прогнозы. Если я права, и в коллективном бессознательном начинает витать ужас, то нас ждет галлюциногенная эпидемия. Ребята начнут употреблять такие вещества, кото-

рые выключают из реальности, дают грезоподобный мир.

В наших силах попытаться разобраться в причинах, побуждающих к одержимости наркотиками. Поняв суть этой драмы, можно пытаться делать все возможное, чтобы спасти каждого молодого человека, попавшего в бездну наркомании. Спасти, не грубо вторгаясь в его душу, а терпеливо исцеляя его боль.

*"Крепитесь, скоро лето!" — поется в веселой бардовской песенке. Насколько иной смысл вкладывает психолог в эти простые слова... Все мы пытаемся понять, что там, впереди? Нам хочется знать, что ждет там, за очередным поворотом? В нашем желании — тревога за будущее, корни которого — в сегодня. И это очень важно понимать. Да, конечно, есть вещи, нам неподвластные, но недаром же астрологи так любят это выражение — "Предупрежден — значит вооружен". Размышления Юлии Власовой заставляют задуматься о странных взаимосвязях, трепетнее относиться к так называемым случайностям, к нашим желаниям и нежеланиям... Что происходит в обществе — в нас, с нами, за нашими спинами, у нас на глазах?.. Каждый ли способен, как Юлия, испытать благоговение перед внутренним миром **каждого** человека?*

Подумать только, как зависимы мы друг от друга, от нашего коллективного бессознательного, которое, как утверждают психологи, философы, у нас на всех — одно... ■

«ЦЕНТР МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ» в Сокольниках

Москва, ст. м. «Сокольники», ул. Короленко,
д. 2/23, эт. 3, тел.: 964-4634, 964-4293

КРУГЛЫЕ СУТКИ: консультации специалистов и стационарная помощь в области наркологии

- Дальнейшее амбулаторное наблюдение и лечение.
- Бесплатные первичные консультации.
- Индивидуальный подход.
- Анонимность.
- Консультации для родителей.
- Тестирование на содержание наркотиков.
- Возможность реабилитации в Москве и Подмосковье.

Мы готовы Вам помочь. Необходимо Ваше желание.

лиц. МДКЗ 10294/1753

АЛКОГОЛИЗМ

Безвозвратное избавление от алкогольной зависимости в результате безопасного физического и биологического воздействия на заинтересованные мозговые системы.

Канд. мед. наук, доцент.

Лечение индивидуальное, одноразовое.

Тел.: 378-32-89

БЕЗВОЗВРАТНО

Наркология

*Лечение психологической зависимости.
Компьютерный психоанализ.
Обнаружение причин зависимости.*

Нафедра психонэологии
Российского Государственного Университета Дружбы народов
Лиц. №58303\5826
Тел.: 949-15-46

НАРКОМАНИЯ ПРЕОДОЛИМА — ОБ ЭТОМ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ ВСЕ

За последние годы распространенность наркомании в России возросла в десятки раз. Сухие цифры статистики напоминают сводки с полей сражений: наверное, нет семьи, которая прямым или косвенным образом не столкнулась бы с этой проблемой.

Такая болезненная особенность пациентов — скрытность, с одной стороны, и недостаток информации о проявлениях наркомании, — с другой, являются причиной запоздалого обращения за помощью, а порой невозможных утрат. Необходимо знать, что наркотическая зависимость — это именно болезнь, а не безволие и слабость, и как любая болезнь, она требует обстоятельного и продолжительного лечения.

Реклама пестрит предложениями о снятии наркотической "ломки", то есть воздействием исключительно на биологическую основу заблуждения. **Купирование только наркотической "ломки" приводит к воздержанию от наркотика в течение полугода лишь у 1% пациентов. Но наркомания — болезнь не только биологическая.**

Изменение функционирования головного мозга, вызванное наркотиками, проявляется в психической зависимости, целом комплексе эмоциональных и поведенческих расстройств, которые требуют систематической медикаментозной и психотерапевтической коррекции. Кроме того, проблема наркотической зависимости имеет не только медицинский, но и духовный аспект: употребляя наркотики, человек нарушает Законы Бытия.

Избавление от наркотической зависимости достигается медикаментозным лечением, психологической и духовной работой с пациентом в течение многих месяцев. При таком подходе удается добиться воздержания от наркотиков в течение не менее одного года у 30% пациентов.

Многочисленные неудавшиеся попытки лечения и отказа от наркотиков порождают миф, что болезнь фатальна, а лечиться бессмысленно. **НЕТ!** При совокупности всех приведенных мер — наркомания становится преодолимой.

Именно такой комплексный подход осуществляет медицинский центр "Томакс Компани". Здесь трудятся высококвалифицированные врачи: психиатры-наркологи, психотерапевты, физиотерапевты, психологи, реабилитологи. Работает отделение физиотерапии с новейшим оборудованием, сауной и тренажерным залом. Помимо работы с больными проводятся занятия с их родственниками.

**Адрес медицинского центра "Томакс Компани":
Москва, ул. Большая Очаковская, д. 25А
Телефоны: 430-57-52, 273-44-32**

В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ
РОЖДАЕТСЯ НАУКА БУДУЩЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Уходящее столетие — время
разительных, беспрецедентных
в истории человечества
перемен. Но перемены не
менее беспрецедентные — и не
только в науке и технике —
сулит землянам и век
грядущий. Как полагает
московский физик-теоретик,
академик Российской Академии
Естественных Наук
Г. И. ШИПОВ, мир изменится в
принципе: произойдет
переворот не только в нашем
сознании, но и в основах
бытия...

Автор столь смелого
утверждения — один из
разработчиков новой теории
физического вакуума, он же —
директор Международного
центра Физики Вакуума,
президент научно-коммерческой
компании вакуумно-
инерционных технологий.
Геннадием Шиповым найдены
вакуумные уравнения,
получившие международное
признание и названные его
именем. Американским
Биографическим институтом
Г. Шипов включен в число 500
наиболее влиятельных лидеров
последнего столетия. Он избран
Человеком Года за 1998 год...

От века
атомного —
к вакуумному?

В Библии сказано:
"Вначале было Слово".
А Слово — План.

В основе всего — пустота

— *Геннадий Иванович, когда в своих интригующих трудах вы утверждаете, что уже в ближайшее время наши представления о мире изменятся коренным образом, то что вы прежде всего имеете в виду?*

— Одну из главных проблем естествознания — взаимоотношения материи и сознания. Ведь до сих пор физика научные явления изучала без учета влияния сознания на протекающие в природе процессы, полагая, что по отношению к материи наше сознание играет вторичную роль. Материя первична, а сознание — вторично. Это — всем известный основной тезис материалистической науки, несмотря на то, что есть немало надежных свидетельств обратного, когда сознание человека воздействует на окружающий мир. Один только простой пример. В Пензе живет Анатолий Антипов, обладающий поразительной способностью притягивать различные предметы. Скажем, своим телом он может притянуть три металлические плиты общим весом 160 килограммов. С помощью же сознания Анатолий заставляет перемещаться по телу 60-килограммовую плиту. Ни теории Ньютона, ни Эйнштейна, ни электродинамика, ни другая современная физическая теория не в состоянии объяснить это регулярно повторя-

ющееся — по воле А. Антипова — явление. Уже один этот сюжет доказывает ограниченность существующей научной парадигмы.

Теория же физического вакуума восполняет такого рода пробелы. Но это частности. Самое же серьезное достижение новой теории — научное предсказание существования тонкоматериальных миров и Мира Высшей реальности, играющих существенную роль в эволюции материи и человека. Иначе говоря, мы получили совершенно новую картину мира, состоящую не из четырех, а из восьми уровней реальности. В школе нам говорили: структура Мира складывается из элементарных частиц, газов, жидкостей и твердых тел. Но эти уровни — основа грубого материального мира, который и изучает современная физика. Между тем удалось установить, что есть и другие уровни. Пятый — это первичные торсионные поля — носители информации с весьма необычными свойствами: они появляются во всех точках Вселенной и мгновенно охватывают ее всю разом. И для них, заметьте, нет понятия распространения или скорости. А далее — еще три уровня: вакуумный, уровень первичного вакуума и наконец Абсолютное Ничто, или Абсолютное Все, что я отношу к Миру Высшей реальности. Так вот, самый устойчивый из них — Абсолютное Ничто. Оно же — основа основ реальности! И без преувели-

По утверждению Геннадия Шипова,
им создана единая теория поля,
о которой мечтал Альберт Эйнштейн.

чений Абсолютному Ничто можно придать статус Творца или Создателя, ибо с него все начинается.

— *Один из ведущих авторитетов в космологии и астрофизике Фрэнк Типлер, автор нашумевшей книги "Физика бессмертия", заявил недавно в интервью: "Иммануил Кант утверждал, что есть три фундаментальных вопроса метафизики: существует ли Бог? Обладаем ли мы свободной волей? Будет ли жизнь после смерти? Я трансформирую эти вопросы метафизики в физические задачи, решаю их и отвечаю на все три: "да", "да", "да". Можно ли утверждать, что вы, как и Типлер, доказали существование Бога?"*

— Нет, конечно. Это в принципе доказать невозможно. Ведь с точки зрения формальной логики, Абсолютное Ничто как бы бессодержательно, поэтому мы, люди, вынуждены присваивать ему специфические гуманитарные категории, такие, как Сверхразум, ибо этот уровень — со сверхвозможностями, — он способен — пока по не понятным нам причинам — из себя создавать первоначальные планы. Вот я его и определяю как Максимальный Устойчивый Уровень реальности. И я говорю не о мифическом или гипотетическом явлении, а исключительно о физическом. Все в этом мире исчезает, но этот уровень остается всегда. Он вечен. С него абсолютно все начинается и им же абсолютно все завершается! Мир Выс-

шей реальности — мир планов, законов, отношений между элементами материи, и они, замечу, более устойчивы, чем сама материя.

Как таковой религии я вообще не касаюсь, но утверждаю: в результате развития представлений Альберта Эйнштейна создана новая физическая теория, позволяющая обнаружить некий уровень реальности, синонимом которого в религии является Бог. Я утверждаю только это, не более. Я не знаю, как это Божество устроено, но оно реально существует, хотя современными методами его невозможно познать или изучить. Наука не доказывает, а лишь указывает на существование Бога. Да она и не претендует на большее. Ученые умы в основном интересуются грубой материя. Другое дело — религия. Она давно "работает" с Миром Высшей реальности. И все религиозные ритуалы как бы предназначены для связи сознания человека с Миром Высшей реальности — через те же тонкоматериальные структуры.

— *Вы сказали, что Абсолютное Ничто, или Сверхразум из себя создает некие "первоначальные планы". А планы — это что?*

— Это некие отношения, законы, если угодно — матрицы возможного, замысел, по которому и будет строиться материальный план — конкретная материя. Снажем, прежде чем возвести дом, мы в сознании рисуем некий об-

раз — план, затем реализуем его в чертежах и только потом закупим кирпич — строим дом. Нечто подобное происходит и в Природе. Но Абсолютное Ничто творит не материю, а планы — замыслы. И после того, как они готовы, начинается процесс рождения материи из вакуума. Снажем, уровень физического вакуума — это план построения грубой материи, а уровень первичного вакуума — план создания первичных торсионных полей, которые, как я уже говорил, тут же и сразу охватывают всю Вселенную. Но всем этим — через планы — "управляет" Абсолютное Ничто. В Библии сказано: вначале было Слово. А Слово — План. Только после его проявления началось рождение материи. Как мы уже говорили, есть материя в виде элементарных частиц, газов, жидкостей, твердых тел, но существует и потенциальное состояние материи, чем, собственно, и является вакуум. То есть и он — все тот же план.

В том, что в основе мира лежит Великая Пустота — физический вакуум, мы можем убедиться с помощью простейших рассуждений. Представьте себе: вы сидите за столом и рассматриваете его. Перед вами — твердая, плотная материальная поверхность. Но у вас имеется микроскоп с достаточным увеличением. И вы видите не только молекулы, из которых состоит вещество стола, но и пустое пространство, в котором по определенным законам расположены молекулы. Направив микроскоп на молекулу и изменив увеличение, замечаете, что молекулы состоят из атомов, а между ними — опять пустота. Рассматривая отдельный атом, в его центре

обнаруживаете ядро, а вокруг него — вращающиеся электроны, подобно планетам вокруг Солнца, а между ядром и электронами — пустота. Следующая степень увеличения покажет, что ядро состоит из элементарных частиц — протонов и нейтронов, а между ними — опять пустота. Если посмотреть на самую элементарную частицу, снажем, электрон, то он также состоит из пустоты, поскольку представляет собой "возбужденное состояние физического вакуума" — особое состояние пустоты. Как весьма справедливо заметил английский математик Р. Клиффорд, материя — всего лишь "сгустки пустоты", своеобразные холмы и ямы на фоне плоского пространства.

Заметьте: уже оноло пяти тысяч лет тому назад философы Индии знали, что вся материя порождена пустотой. Абсолютную Пустоту они представляли как гладкую поверхность озера в отсутствии ветра. Возникновение частиц материи из пустоты сравнивается с появлением на глади озера ряби под воздействием ветра. Процесс рождения материи из вакуума и уход ее обратно в вакуум описывается и в индийских ведах, где утверждается, что источник этого мира — пространство.

Из области запредельного

— *Насколько я понял из ваших рассуждений, вакуум не является мертвой областью, однако в любом справочнике говорится: вакуум — ничто...*

— Ныне — это уже устаревшее понятие. Да, у вакуума нет ни массы, ни заряда, но тем не менее он живой, постоянно флунтуи-

Новая теория вакуума доказывает, что сознание человека может влиять на протекающие в природе процессы.

рует... И если при большом увеличении внимательно взглядеться в каждую точку вакуума, можно увидеть бесконечные процессы рождения и уничтожения виртуальных частиц и античастиц. Вакуум напоминает поверхность кипящего бульона: что-то вроде пены. Вакуум все время в действии — из него рождаются частицы. Энергия его колебаний бесконечна. И хотя она не столь велика, мы ею живем. Она — неотъемлемая часть нашего существования. Еще неизвестно, что бы из нас получилось, как бы мы жили, если бы такой энергетической подпитки не существовало.

— *Выходит, вакуумный "бульон" — своего рода информационная матрица?*

— Да, в которой, согласно выведенным законам, должны происходить процессы рождения — уничтожения материи. То есть, когда первичное торсионное поле (оно переносит не энергию, а информацию) создано, во Вселенной, из вакуума, начинаются процессы рождения грубой материи. Прежде всего появляются элементарные частицы, причем не из одной точки, как это утверждают современные сценарии рождения Вселенной, а сразу во всех точках. Рожденные частицы объединяются, образуя более сложные конструкции — атомы, молекулы и так далее. Вот каким образом появилась Жизнь, возник Разум на Земле... Правда, с разумом че-

ловека не все так просто. Из теории физического вакуума следует, что наш мозг, представляющий собой материальное образование, в то же время является некой точкой "привязки" чего-то, что связано с тонкоматериальным миром и Миром Высшей реальности.

— *Насколько я понимаю, некоторые положения теории физического вакуума из области запретельного, их не опишешь формулами или уравнениями...*

— Видите ли, судя по всему, в познании реальности существует два подхода: индуктивный (развитие знания от частного к общему) и дедуктивный (от общего к частному). Первый подход характеризует западную науку, которая, начиная с времен Ньютона, при изучении наного-либо явления занимается накоплением опытных данных. Такой подход предполагает колоссальную коллективную работу. Дедуктивный же метод присущ восточным умам. Его сущность заключена в "подключении" сознания к так называемому Банку данных, или — Сверхсознанию. Такого рода "подключение" происходит в состоянии медитации, когда мысли человека, играющие роль своеобразного шума в канале связи с Банком данных, исчезают вовсе — наступает как бы состояние безмыслия. Таким образом человек получает знания "напрямую" и именно те, которые его интересуют. Вот вам и ответ на воп-

рос, откуда древние искатели истины узнали о том, к чему современная наука пришла в результате более чем трехсотлетнего развития.

Но тут, видимо, есть и свои ограничения, условности. Полагаю, если человек внутренне честен и чист, то ему действительно могут открыться некие, если хотите, космические каналы, помогающие ему решить задачу. То есть вам открывается тот канал, который ваше сознание связывает с Банком данных. Я имею в виду тонкоматериальный мир, первичное поле, где хранится информация буквально обо всем. И это — опять-таки некий божественный план, или, как часто нынче утверждается, информационное поле. Его можно назвать и святым духом. Первое, что создает Абсолютное Ничто — Банк данных, где сосредоточены предназначенные на все времена законы, отношения, нормы. Человеческое сознание, преодолевая барьеры, прорывается к Банку данных и — напрямую — получает важнейшие для человеческого бытия сведения. Скажем, всем известно, что Ампер и Фарадей не получили специального образования, Вольта учился в школе иезуитского ордена, Джоуль был пивоваром, Коперник, Гельмгольц и Майер — врачами, Авогадро, Лавуазье, Ферма, Хаббл — юристами, но это вовсе не помешало им совершить великие открытия в далеких от основной профессии областях.

В награду — психушка...

— Среди ваших многочисленных научных работ значится и такая: "Возможна ли связь с вне-

земными цивилизациями с точки зрения физики?"...

— Возможна. Во всяком случае, принципиальных технических проблем тут нет. Но лично у меня сомнения иного рода. Встретившись с представителями внеземной цивилизации, мы ведь должны найти с ними общий язык. Но удастся ли это, если даже говорящие на одном языке люди зачастую не слышат и не понимают друг друга, что особенно выражено в стане ученых. Например, появляется новая и неожиданная научная теория. Все ли академические умы ее воспринимают с одобрением? Отнюдь! Главная причина — нет и никогда не было логического пути от старого к новому, а его, как правило, требуют. Не может быть логического доказательства нового! Отсюда трудности, трения, гонения, костры в духе инквизиции.

— *Костры? Что вы имеете в виду?*

— Хотя бы судьбу гениального российского инженера В. Н. Толчина. Он еще в 1936 году создал машину — инерциод, который работал так, что, с точки зрения современной науки, нарушал фундаментальные физические законы, ибо двигался как бы сам по себе, не имея лопастей, винтов или колес, не опираясь ни на какие среды. Инерциод передвигался только за счет внутренних сил инерции. Работая главным конструктором Пермского машиностроительного завода, В. Толчин изготовил инерциоды различных типов и продемонстрировал свое изобретение где только мог, пытаясь заинтересовать ученых мужей, но, увы, они даже и не пытались проникнуть в суть. Видя

На основе теории физического вакуума впервые создан отечественный действующий макет "летающей тарелки".

работающую машину, с поразительным упорством стояли на своем: этого не может быть, этого не может быть никогда. Мало того, в начале 70-х годов, после очередной демонстрации инерциоида, В. Толчина — здорового человека — упрятали в ... сумасшедший дом!

— За что, право?

— За поназ машины. Лопнуло терпение у одного из академиков, надоела ему непонятно как работающая машина В. Толчина. И академик решил проблему просто: позвонил в соответствующие органы, которые, повязав изобретателя, отправили его в дурдом. Но и этого кому-то показалось мало. Тогда был предпринят второй акт расправы, который происходил уже за стенами академии имени Жуковского, где перед строем военных сжигали книги Толчина... Чем не инквизиция? И это — во второй половине двадцатого века. Заинтересовавшись инерциоидом, я в конце концов понял, что он работает по законам, вытекающим из теории физического вакуума.

— А сам Толчин понял, что его машина работает по новым физическим законам?

— Разумеется, нет. Он построил ее интуитивно, по наитию — озаренный идеей. Толчин так и не понял, почему она работает, однако, вне всяких сомнений, он изобрел движитель нового типа — двигатель будущего.

— И какова судьба его?

— Все по-прежнему. Нуда я только ни обращался... Правда, по нашей просьбе в НПО "Энергия" все же было изготовлено два инерциоида Толчина. Один из них я выкупил. Что же касается научного отзыва, то специалисты "Энергии" опять-таки дали отрицательную рецензию, заключив, что этого не может быть... Не нашли мы понимания и у тех, кто разрабатывал и создавал "Бураны"... Так что наше стремление испытать инерциоид Толчина в космосе не реализовалось.

В США — НЛО. А у нас?

— Ваш интерес к движителю Толчина понятен, но имеет ли это какое-то отношение к практике? Почему вас заинтересовал космос?

— Потому что мы видим и понимаем, что можно и уже в ближайшее время создать движители нового типа, способные заменить нынешние ракетные двигатели, что даст возможность очень дальних перелетов — появится возможность выйти за пределы Солнечной системы. Поясню. Как известно, существуют четыре силы инерции, известные более трехсот лет, начиная с Ньютона. Но, как ни странно, до сих пор не было понятно, что является источником этих сил. Эти силы не удовлетворяют третьему закону механики Ньютона и из-за этого не

подчиняются некоторым теоремам этой механики.

Мы же выяснили, что источником инерции являются упругие свойства вакуума, проявляющиеся через торсионные поля. Достаточно какой-либо материи вращаться, как тут же появятся торсионные поля и — наоборот: есть торсионные поля — непременно что-то вращается. Иначе говоря, источником всех полей инерции является вращение любых материальных тел, сред. Силы, поля инерции являются торсионными полями.

— *И ими можно управлять?*

— Так в том-то и дело, что да! Стало быть, в перспективе — принципиально новый движитель — транспорт, который сможет перемещаться не так, как это объясняет механика Ньютона, а совершенно необычным образом. К примеру, наши земные космические аппараты будут иметь те же характеристики и свойства, что и НЛО: они так же смогут мгновенно менять скорость, траекторию полета — поворачиваться под углом 90 градусов... И — никакого горючего. Ни капли. Скорость же движения такого аппарата приблизится к скорости света — 300 000 километрам в секунду.

— *И когда же появится первая земная летающая тарелка? И — где?*

— В ближайшие годы, максимум через пять лет. И, на мой взгляд, раньше всех тарелку построят американцы, ибо к этому проекту они относятся достаточно серьезно, в чем я, бывая в США, убедился лично.

Кстати, проблемой движителя нового поколения занимаются

во многих странах, и, замечу, весьма усиленно. Уже созданы действующие инерционные установки, черпающие энергию вакуума.

Торсионное оружие

— *Чем еще наука о вакууме может нас осчастливить?*

— Она способна дать многое. Судите сами: я сейчас вплотную занимаюсь автомобилем будущего. Он будет не только двигаться по шоссе, но и передвигаться как по воде, так и под водой и даже — летать. Возьмем развитие связи. Скажем, каким образом установить контакт с иными мирами? Свет тут не годится: его скорость ограничена, и если аппарат уйдет в Космос на очень большие расстояния, то сигнал будет идти десятки, сотни световых лет. А моя теория говорит, что есть носители информации, которые распространяются со сверхсветовыми скоростями — мгновенно, в любые точки мироздания. Такими свойствами обладают первичные торсионные поля, на основе которых вполне реально создать новые источники связи, а именно — торсионную связь. Она-то и позволит быть в контакте с очень отдаленными объектами Вселенной, не говоря уже о ее использовании на Земле. Так как торсионные сигналы не поглощаются природными средами, то это обстоятельство и позволяет обеспечивать подземную, подводную связь, да еще связь через плазму. Первые эксперименты по передаче сигналов по торсионному каналу связи были проведены в апреле 1986 года в Москве. Тогда и было донесено: торсионный сигнал не по-

глощается и не ослабляется с расстоянием. И рельеф ему не помеха.

Возьмем торсионную металлургию. Ее технологии способны изменять внутреннюю структуру металла. У нас уже есть запатентованная технология на изготовление силумина — металла поршней двигателей внутреннего сгорания для автомобилей, самолетов... Чтобы этот материал сделать качественным, надо тратить редкоземельные металлы, что очень дорого. А мы его получили с помощью торсионных излучений, облучая специальным генератором. И наш силумин более качественный и, разумеется, дешевле. Реальна и весьма перспективна торсионная геофизика. С ее помощью, к примеру, можно получать важную информацию о внутреннем строении планет, обрабатывать аэрокосмические снимки, выявлять полезные ископаемые и так далее.

Или проблема медицины: любое лекарство имеет и негативные побочные действия. Скажем, вы принимаете таблетки от диабета, но они дают осложнение на сердце. Но, оказывается, с помощью торсионных полей информацию, содержащуюся в препарате, можно переписать на дистиллированную воду, и вы ее принимаете как лекарство — без побочных эффектов... Есть исследования, свидетельствующие, что болезнь начинается на полевом уровне. Ведь все мы состоим из элементарных частиц, которые представляют собой как бы вращающиеся микрогирископички. И тем самым создаются торсионные поля наших органов. И если какой-либо из них заболевает —

его торсионно-полевая структура меняется. Как понимаете, воздействуя торсионным излучением на орган, его можно привести в норму.

— Или, наоборот, навредить...

— Верно, это палка о двух концах. Вспомним мудрые слова иудейского царя Соломона: "Большие знания — большие горести". Чем обернулось открытие спонтанного деления ядер урана? Созданием ядерного оружия. Как ученый, признаю: все работы, связанные с торсионными полями-излучениями, должны находиться под надежным общественным контролем. Ведь эти разработчики способны не только помочь человеку, но и разрушить сложившиеся условия существования человека.

— Кто-то может создать и торсионное оружие?

— Не исключено.

— И на чем оно может быть?

— Психическое оружие. Дело в том, что вторичные торсионные поля (от генератора) родственны первичным. Они также влияют на нашу психику, могут воздействовать на самые тонкие структуры человека — его плоть на уровне элементарных частиц, атомов, молекул... Надо понять главное: новые технологии при старом сознании — самоубийство, это спички в шаловливых детских руках.

Прогресс, конечно, не остановишь. И Мир Высшей Реальности нам как бы дает шанс: либо вы будете сознательными и полученные знания используете для своего же блага, либо эти же знания вас и уничтожат. Для чего нужна наука? С одной стороны, она пытается понять, как уст-

роен окружающий мир, а с другой — должна менять нашу жизнь к лучшему. Об этом и стоит помнить. Формирование научного мировоззрения является следствием эволюции сознания человека. Поэтому научная картина мира нового тысячелетия должна отражать реальность более полно, включая сознание человека, и таким образом, чтобы применение новых знаний против человечества было бы просто невозможным. А XXI-й век, как я полагаю, будет веком торсионных технологий. И те исследования, которые проводятся в России в этой области, позволяют нам утверждать, что пока наша страна является ведущей в этом направлении. Главное тут — не упустить время и наши преимущества в теоретических и экспериментальных исследованиях. То, что не сделаем мы, рано или поздно сделают другие.

Беседу вел

Сергей КАЛЕНИКИН.

От редакции.

Идеи, высказанные Геннадием Шиповым, кажутся фантастическими — они ломают незыблемость привычных аксиом. Но вспомним совсем недавнюю историю. Всего несколько десятилетий назад генетика и кибернетика, без которых немислимо представить нынешнее мировое знание, объявлялись в нашей стране лженауками. Вспомним и судьбу идей великого Александра Чижевского. Ведь именно о его пророческой докторской диссертации знаменитый ученый-биолог Тимирязев сказал, что "большого бреда трудно себе представить". Жизнь показала, что маститый ученый проглядел рождение гения. Так, быть может, время докажет истинность и новой теории физического вакуума, которая обыденным сознанием воспринимается сегодня как гипотеза писателя-фантаста... ■

Леонид РЕПИН

Какого цвета победа?

В прошлом номере "Смены" мы начали разговор о том, каким будет спорт в XXI веке. Предсказать развитие событий помогают опыт Олимпиад античного мира, новая наука — антропомансимальология, развитие производства спортивного снаряжения и, наконец, достижения психологии, медицины. Продолжаем эту тему.

Рекорды приобретут краски олимпийских колец. Только, конечно, не "позеленеют" и не "поголубеют" — потому что людей с кожей такого цвета на планете пока нет. Но высшие мировые достижения в индивидуальных видах спорта значительно пожелтеют и почернеют, потому что уже близится цунами из стран третьего мира. Уже сейчас, например, среди победителей в беге на самые короткие дистанции белоконные спринтеры стали экзотической редкостью. А последним на сегодня белым бегуном, победившим на классической стометровке на Олимпиаде в Мюнхене аж в 1972 году, стал Валерий Борзов.

Но, может быть, это просто случайность?

Нет. Закономерность. Трудные природные, климатические условия как бы закаляли генетику африканцев, сделали их выносливее и быстрее европей-

цев. Нан только в развивающихся странах появятся современные условия для занятий спортом — вот тогда и обрушится гребень цунами. Может быть, приближение этой новой спортивной волны запрограммировано самой природой и теперь остается только одно — покориться ей?

Вообще-то, нан следует пригладевшись, давно бы уже можно было заметить, что спортсмены нандного континента с настойчивым постоянством добиваются успехов только в определенном виде спорта. Европейцы, к примеру, избрали для покорения "королевы спорта" — легкую атлетику, а еще велосипед, бокс, гимнастику. Азиаты часто показывают высокие результаты в тяжелой атлетике, борьбе, гимнастике. Страны Африки лидируют в забегах сильнейших в спринте, в беге на средние и длинные дистанции, в марафоне. Темноконные атлеты часто побеждают в

барьерном беге, в прыжках в длину и высоту. Однако среди них нет ярких метателей. Про американцев можно сказать, что у них нет национального (в смысле окрашенного в цвет давней, природной традиции) вида спорта кроме легкой атлетики, баскетбола, хоккея и американского футбола. Возможно, это происходит и потому, что американская нация, формирующаяся только последние пятьдесят лет, впитывает в себя кровь пришельцев из стран Европы, Азии и Африки. Так что вряд ли можно назвать случайностью такую устойчивую "специализацию" различных народов. Ведь все мы, жители одной планеты, обитатели разных континентов, вовсе не только цветом кожи отличаемся друг от друга. А раз так, то, может быть, заранее изучив особенности строения тела спортсмена, можно рекомендовать ему какой-то вид спорта, в котором он сможет добиваться наибольших успехов? Конечно, не только физические данные создают великих спортсменов, но все же антропологические особенности будут играть в спорте грядущего все возрастающую роль.

Английскому ученому доктору Дж. М. Таннеру удалось выявить типы спортсменов, заранее как бы предрасположенные к определенному виду спорта. В своих исследованиях применял методы фотограмметрии, рентгенограмметрии и даже аэрофотосъемки — и все это ради изучения особенностей строения тела спортсмена.

Назалось бы, какие могут быть различия в группе спринтеров? Но спринт — это не только 100 и 200, это еще и 400 метров. Вот-вот к этой группе примыкает и средняя ныне дистанция в 800 метров. Исследования доктора Таннера показали, что бегуны на 100 и 200 метров чаще всего ниже, чем бегуны на 400 м. И ноги у них несколько короче даже по отношению к длине собственного тела. И еще те, кто спе-

циализируется на классическом спринте, как правило, массивнее, чем бегуны на 400 метров. Хотя и тут бывают исключения: нынешний рекордсмен мира в беге на 400 м Майкл Дженксон, темнокожий атлет, сложен как штангист и, вероятно, поэтому одинаково здорово бежит и короткий спринт.

И еще такое наблюдение ученого: самый тяжелый из обследованных марафонцев оказался значительно легче самого легкого из четырехсотметровиков. Произошел... естественный отбор спортсменов. Человек, сложенный так, как марафонец, никогда просто физически не смог бы добиться даже и незатейливых успехов в спринте. И наоборот, спринтер недалеко бы убежал на марафонской дистанции. Именно такой естественный отбор происходит в соревнованиях спортсменов разных континентов — атлетов разных стран.

Другие исследователи связей антропологии и спорта пришли к открытиям, назалось бы, ленащим на поверхности, и тем не менее... После обследования атлетов африканского происхождения статистически неопровержимо выяснилось, что у них руки и ноги длиннее, чем у спортсменов белой расы. И к тому же у них значительно уже таз, тоньше голень. Именно эти особенности строения тела делают их отличными прыгунами в высоту и длину, превосходными барьеристами. Можно даже сказать, что негритянские атлеты самой природой созданы именно для барьерного бега. В самом деле, барьерист должен обладать всеми свойствами спринтера, но при этом не коротковатыми, как у многих спринтеров, а наоборот — длинными ногами. Иначе ему не добиться успеха на барьерных дистанциях. Чтобы убедиться в справедливости такого наблюдения, достаточно посмотреть на финалистов в барьерном беге практически на любой из Олимпиад. За редким исключением

все — темноконие. И среди призеров — тем более. Естественный отбор.

И что же, не будет в XXI веке белоконных победителей? Европейцам остается только сдать с таким трудом завоеванные позиции? Да нет, конечно. Всегда надо рассчитывать на появление — и притом нежданное — яркого, самобытного таланта, который опровергнет все прогнозы. При этом одни лишь физические данные в спорте решают далеко не все. Воля, неудержимое стремление к победе часто ведут к ней быстрее, чем самая феноменальная физическая одаренность. Так что длинные ноги — это весьма полезно, но в соревнованиях, где разыгрываются высшие спортивные титулы, а значит, и слава, и деньги, даже при равных возможностях к победе ведет умение мобилизовать себя в какие-то мгновения, отдать все, что копилось, совершенствовались годами.

И все же... Природные качества, свойственные разным народам, подобны застоявшемуся гигантскому озеру, из которого вода готова вот-вот низвергнуться могучим водопадом. В центральной Африке, например, живет племя ватуси. Про его мужчин давно уже ходят настойчивые слухи, что они преодолевают чуть ли не по ... два с половиной метра в прыжках в высоту.

Снарядили небольшую экспедицию, добрались до этих прыгучих ватуси. И что же? Действительно, первобытным способом они перепрыгивают через веревку, натянутую на высоте 220-230 см. Только прыгают они с земляного трамплина высотой в полметра или чуть больше. Но все равно ведь здорово! Если с лучшими из этих прыгунов как следует поработать, они заставят восторгаться спортивный мир. Только вряд ли скоро: никто из ватуси уезжать из родных мест не захотел. Мир наменных джунглей отчего-то их совершенно не привлекает.

А на севере Мексики, в ее горном штате Чиуауа обитают индейцы племени тарахумара. Говорят, что практически все они — непревзойденные стайеры. Или могут стать таковыми. Американцы создали компетентную комиссию из опытных тренеров и физиологов и отправили ее в гости к тарахумарам. Там был организован забег на весьма редкую — неопределенную — дистанцию: кто сколько пробегит, и за сколько.

Члены комиссии следовали за темноконными бегунами в "лендровере". Они очень устали ехать по плохой горной дороге, а тарахумары без признаков особой усталости преодолели... почти 180 км!

Потом отдельно бежали мальчишки от шести до десяти лет на 10 км. Выиграл десятилетний мальчик, пробежавший эту дистанцию за час с небольшим. А самое удивительное, что уже через пять минут пульс его возвратился к норме! Неслыханная способность к естественному восстановлению! Члены комиссии не верили своим глазам.

После обследования скороходов выяснилось: затраты энергии и кислорода у индейцев во время бега более чем в десять раз превышали нормы, считавшиеся в спортивной науке максимально возможными для человека. Такими индейцев сделали условия жизни в горах. Тарахумары — вегетарианцы. Они едят в основном кукурузу и фасоль, обильно приправляя свои блюда перцем. Назалось бы, вот оно — путь совершенствования стайеров! Но что хорошо на одном континенте, вовсе не обязательно годится на другом. Да и люди мы все разные. У каждого за спиной своя жизнь, свои предки.

Спорт XXI века уже готовит свои сюрпризы. Они сделают его еще самобытней и ярче во всех отношениях. ■

В СТРУННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**Ивана
СМИРНОВА**

рождается
НОВАЯ МУЗЫКА...

Его называют гитаристом от Бога, а его музыку фантастически совершенной и утонченной, исполненной русского духа, западного изыска и восточной тайны. Но ни одно определение не может полностью объять впечатление, которое производят на слушателей и композиции этого музыканта, и его манера игры. Потому что на самом деле Иван Смирнов, по свидетельству и наших, и зарубежных специалистов, — создатель уникального направления в современной инструментальной музыке.

TBE

Впрочем, сам он с этим не согласен и считает, что одному человеку создать новое направление не под силу, можно говорить лишь о собственном стиле игры на инструменте — акустической гитаре. Стиль Смирнова включает строгость классики и дерзость джаза, технику фламенко и томление романса, блюзовые ощущения, энергетичность рока и фольклорную подсветку... В 1996 году вышел его первый сольный диск "Нарусельный дед", с редким единодушием названный музыкальными критиками сенсационным и великолепным. Сейчас дисков уже три. На сольных концертах аншлаги... Одна из ведущих мировых фирм-производителей гитар — "Takamine" (Япония) — выбрала его "лицом" для рекламы своей продукции. Но с особым теплом он вспоминает другую гитару — самую первую, ленинградскую, за десять рублей.

— Однажды в пионерском лагере — мне было лет десять — я испытал потрясение. Вроде ничего особенного: какой-то парень пел и аккомпанировал себе на гитаре, но для меня внезапно открылся целый мир. Гитара, впервые увиденная так близко, заколдовала меня и формой, и цветом, узором вокруг розетки, даже запахом, и, уж конечно, звуком. А главное — сочетанием простоты, доступности, какой-то тайны. Я сразу же помчался писать письмо маме со слезной просьбой купить гитару и по возвращении домой получил ее. Схватил, начал брэнчать дни напролет... Вот так все и началось.

В доме родителей все время звучала музыка — Стравинский,

Прокофьев, Бартók... Отец, научный работник, профессиональным музыкантом не был, но музыкой увлекался настолько, что практически всю жизнь посвящал ей. Он играл на фортепиано, писал прелюдии, сочинил даже концерт для фагота с оркестром. Мама — веселая, зажигательная, была генератором идей и не давала трем сыновьям ни секунды сидеть без дела: хочешь рисовать — иди в художественную школу, хочешь заниматься музыкой — занимайся, вот тебе все условия. Однако первый педагог Ивана — известный композитор Владимир Дашневич — не смог привить ученику любви к фортепиано. Его избранницей стала гитара.

С 13 лет играл в школьных рок-группах. Тогда в каждой школе выпиливали гитары и играли мелодии "Beatles", "Animals", "Rolling Stones"... Иван учился в музыкальной школе (бросил), потом в музыкальном училище (тоже). Сейчас, кстати, родное училище приглашает его в жюри студенческого конкурса. Но, открывая для себя сначала "Битлз", а позже — Джона Колтрэйна и Майлза Дэвиса, он счел методу преподавания классики скучной, сухой, консервативной. И начал искать какие-то выходы. В группе "Второе дыхание" играл джаз-рок, в "Бумеранге" Эдуарда Артемьева, вместе со скрипачной Татьяной Гринденко, пианистом Алексеем Любимовым, электронную инструментальную музыку с элементами рока и авангарда. Не избежал, как и многие тогда, работы в ВИА ("Толубые гитары"). А следующим этапом стал "Арсенал" Алексея

Нозлова. Пятилетняя работа в ансамбле блестящих музыкантов дала ощущение свободы, возможность объездить весь мир и записать нучу альбомов... Но снова все бросил и вернулся к акустической гитаре.

— Почувствовал, что нужно искать свой язык. И что мне играть американский джаз — нет никакого основания. Конечно, джаз удачно заполняет вакуум там, где нарушена связь с собственной традицией. Можно увлечься им, быть любителем и даже отдать этому всю жизнь, как коллекционеры — маркам или, скажем, трубам... Но мне захотелось открытий. Пришлось забыть чуждые интонации, к примеру, нантри. Не понимаю, какой смысл петь русские песни с нантри-интонациями, как делают некоторые. Мне кажется, надо искать живые, естественные элементы, связанные с языком, образом мыслей. Потому что весь этот западный драйв и метрический ритм не свойственны нашим пространствам. У нас язык не метричный, не укладывается в квадрат. Из-за больших пространств у нас даже пляшут по-особому, широко разводя руки, а на Западе — например, в Ирландии, — там вообще без рук пляшут. Потому что границы кругом: тут страна, тут страна... Только послушайте, как глупо рэп звучит по-русски. Русский язык как океан, а его пытаются втиснуть в убогий метроритмический наперсток. Нет, надо искать свой путь.

— *Вы предпочитаете называться композитором или музыкантом?*

— Музыкантом, конечно. Я стал композитором вынужденно,

из-за нехватки репертуара. Понял, что готовых музыкальных форм, подходящих мне, нет, зато в каждом стиле и жанре можно найти составной элемент той музыки, которую хотел бы играть.

Нажнется, это и называют эклентикой и полистилистикой. Но он избегает прямолинейных связей. Может играть вещь на испанский сюжет, или на азиатский, но это не становится имитацией фламенко или подражанием дугару. Сочетая несовместимое, Смирнов создает свое понимание Испании, Востока, Балкан...

— *Считается, что мелодизм — наивысшее достижение композитора...*

— Нет. Для меня главное — тема и идея, а идея — не всегда мелодия. Бывает, она складывается из фантуры, интонации, ритма, музыкального образа, гармонического ряда. Просто мелодия — это самое понятное для слушателя.

— *Что вас вдохновляет?*

— Да что угодно. Классика, русский фольклор, но только не кремлевско-матрешечный "а ля рюс" — он мне отвратителен. Вдохновляют балканские интонации, сербские, болгарский национальный хор... Американская музыка нравится все меньше и меньше. По-моему, она выдохлась. Состояние современной музыки вообще весьма удручающее. К сожалению, из нее уходят творчество, красота. Сочинение музыки становится ремеслом, а его продукт — деталью интерьера, фоном, заставкой, приспособлением на все случаи жизни: музыка танцевальная, медитативная, для кино, автомобилей и даже для лифтов.

— Карлос Сантана, недавно получивший очередную престижную премию "Грэмми", называет музыку средством исцеления. А что значит она для вас?

— Живое, непредсказуемое, парадоксальное явление, в котором открывается то, чего не найдешь нигде. Кажется, и время в музыке может останавливаться, течет в разные стороны. Даже когда играю свое, тот же "Ноктюрн", я разные вещи переживаю, иногда этот опус течет часами, а иногда — полсекунды. Музыка — самая таинственная область искусства.

В искусстве и в жизни Иван уже вырастил себе помощника и единомышленника. Его 26-летний сын Михаил — замечательный, прекрасно образованный музыкант (онучил училище при Московской консерватории), но главное — "брат по духу", играет на

клавишных в отцовских концертах, пишет вместе с ним музыку для кино. Их последняя работа — художественный фильм "Женская собственность", отмеченный целым рядом призов в 1999 году...

— Когда у меня было трое детей, мне говорили: так много? да вы в нищете умрете! Сейчас их уже восемь: пять дочерей и трое сыновей. И ничего, нормально живу, без всякого параллельного бизнеса, и даже творчеством умудряюсь заниматься. Для чего же еще брак, как не для рождения детей? Чтобы продолжить род, цепь. Я сам себя чувствую звеном, знаю, кто у меня были дед, прадед, прапрадед. И у Миши уже трое детей. Моя старшая дочь — тоже музыкант, и остальные учатся в музыкальных школах. ■

Беседу вела

Маргарита БЕЛАЯ.

Каждому — свою долю

"5 лет назад мы приватизировали нашу квартиру на четырех человек без определения долей. Можем ли мы сейчас распределить доли между членами семьи, или время уже упущено?"

Л.Ю.Семенова,

Ростовская обл.

Приватизация квартиры с определением долей удобна для распоряжения жилой площадью, а также для оформления прав на наследство. Поэтому целесообразно определять доли в процессе приватизации. Общую совместную собственность можно перевести в общую долевую в любое время, используя два способа, указанных в ч.5 ст.244 Гражданского кодекса РФ.

Во-первых, общая собственность с определением долей может быть установлена соглашением участников совместной собственности. В соглашении распределяются доли только в количественном выражении, например, 1/2, 1/4 и т.д. Во-вторых, доли в собственности на квартиру может установить суд, если соглашение между сособственниками не достигнуто. Для этого один из собственников вправе обратиться в суд с иском об определении долей.

Заклучив соглашение или получив судебное решение, вы можете получить новое свидетельство о праве собственности на квартиру с указанием размера доли, принадлежащей каждому из участников собственности.

Чем ограничен вывоз валюты

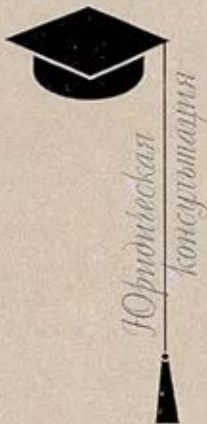
"Слышал, что недавно изменились правила вывоза валюты за

рубеж. Наную сумму сейчас можно вывозить из России?"

А.Максимов,

Екатеринбург

Новое "Положение о порядке вывоза физическими лицами из Российской Федерации наличной иностранной валюты", утвержденное Центральным банком РФ и Государственным таможенным комитетом РФ 12.01.2000 г., регламентирует три ситуации вывоза валюты. Во-первых, вывоз наличной валюты в сумме, равной или не превышающей в эквиваленте 1500 долларов США. В этом случае не требуется предоставления документов, подтверждающих перевод, ввоз валюты в РФ, ее покупку или снятие со счета в российском банке. Во-вторых, вывоз валюты в сумме, превышающей в эквиваленте 1500 долларов США, при котором указанные документы должны быть представлены таможенным органам. В третьих, при вывозе валюты в сумме, превышающей в эквиваленте 10000 долларов США, требуется разрешение Центрального банка РФ.

Таким образом, в настоящее время свободно, без разрешения можно вывозить за пределы России валюту, в эквиваленте равную или не превышающую 1500 долларов США.

Только для совершеннолетних

"Моего семнадцатилетнего сына приняли на работу продавцом в продовольственный магазин. Затем обнаружилась недостача, и всю сумму приписали ему по договору о материальной ответственности. Неужели он должен сам возмещать ущерб на очень большую сумму?"

К.М.Зименко,
Самарская обл.

В описанной вами ситуации администрация допустила существенную ошибку, заключив договор о полной материальной ответственности с лицом, не достигшим 18-летнего возраста. Это прямо противоречит положению ст.121-1 Кодекса законов о труде РФ. Нарушивший таким образом трудовое законодательство работодатель не может требовать возмещения ущерба от недостачи в полном объеме.

В случаях, если договор о полной материальной ответственности заключается с лицом, достигшим совершеннолетия, такне не всегда возмещение ущерба возлагается на работника в полной сумме. Ущерб может возникнуть из-за невыполнения администрацией своих обязанностей по хранению, перевозке и другим операциям с материальными ценностями. В связи с этим, размер возмещения, возложенный на работника, может быть соразмерно уменьшен судом.

Льгота для разведенных родителей

"Я разведен и добросовестно плачу алименты на двоих детей. Налоговая инспекция отказывает мне в льготе, по которой исключаются из дохода расходы на содержание детей, так как дети со мной не проживают. Правы ли налоговые органы?"

В.Семкин,
Красноярский край

Налоговые органы не правы, так как абзац 8 п.п. "г" п.14 Инструкции ГНС № 35 о подоходном налоге с физических лиц, в соответствии с которым льгота не предоставлялась разведенному родителю, выплачивающему алименты на детей, признан Верховным Судом РФ недействительным и не подлежащим применению. Суммы расходов на детей должны исключаться из совокупного дохода родителя, не проживающего с детьми, но выплачивающего алименты на их содержание.

Комната в коммуналке

"Я занимаю комнату в коммунальной квартире. Нанимателем я могу этой комнатой распорядиться?"

В.М.Чернов,
Калужская обл.

Прежде всего, для того, чтобы распоряжаться жильем (в том числе комнатой), необходимо, чтобы жилая площадь находилась в собственности. В 1998 году были сняты ограничения на приватизацию жилых помещений в коммунальных квартирах. Вы можете независимо от воли лиц, занимающих другие помещения, приватизировать комнату, а затем, поль-

зуюсь правом собственника на распоряжение, передать жилую площадь по договору купли-продажи, дарения, ренты и т.д.

При этом необходимо учитывать следующее. Если в коммунальной квартире несколько комнат уже приватизированы, действует положение ст.250 Гражданского кодекса РФ о преимущественном праве покупки. В соответствии с данной статьей, продавец приватизированной комнаты должен письменно известить собственников других приватизированных комнат о намерении продать жилое помещение. Только в случае отказа от приобретения продавец может передать комнату любому другому лицу.

Соглашение вместо суда

"Мой сын расторг брак с женой. Ребенок проживает у него, мать не желает участвовать в его воспитании. Можно ли как-то закрепить юридически то, что ребенок проживает с сыном? Необходимо ли обращаться в суд?"

М.Куликова,

Екатеринбург

Проживание ребенка с одним из родителей не только можно, но и целесообразно закрепить юридически. Для этого необязательно обращаться в суд с иском об определении места жительства ребенка, если между родителями нет спора по этому вопросу. Данная проблема может быть решена в добровольном порядке путем составления соглашения (нотариально удостоверенного) об определении места жительства ребенка на основании ч.1 п.3 ст.65 Семейного кодекса РФ.

Чек не обязателен

"В магазине мне была продана некачественная вещь. К сожалению, чек на нее оказался утрачен. Мои претензии магазин не принимает, так как отсутствует документ. Как я могу заменить этот товар?"

В.В.Бельченко,

Тверская обл.

Отказ магазина заменить товар ненадлежащего качества не соответствует Закону РФ "О защите прав потребителей". Пункт 5 ст.18 этого закона в новой редакции от 17.12.99 г. устанавливает, что отсутствие у покупателя кассового или товарного чека или другого документа, подтверждающих факт и условия покупки, не может быть основанием для отказа в удовлетворении требований потребителя.

При отсутствии у вас товарного или кассового чека на покупку вы можете воспользоваться правом, предоставленным ст.493 Гражданского кодекса РФ. Данное положение позволяет ссылаться на свидетельские показания в подтверждение заключения договора и его условий. ■

Ольга КОРЫТКО,

*консультант "Смены"
по юридическим вопросам*

Гуляй

Олег ПОЛОНСКИЙ

Июль — макушка лета. Называли его сенозарником. Говаривали так: "Июнь с косой по лугам пошел, а июль с серпом по хлебам победил". У крестьянина в это время забот с лихвой. В свою холотушну бьет пастух ни свет ни заря. Стало быть, прежде надо скотину обрядить, а после — по росе на понос спешить. Ведь недаром преднами сказано: "Носи, коса, пока роса, роса долой, и ты домой". Роса силами травы ведаёт. Называют июль и грозником. Настоящий дождь без грозы не приходит. Отсюда и примечали: глухой гром — к тихому дождю, гулкий — к ливню. Коли гремело протяжно — считали, что на долгое ненастье. Гром беспрерывен, ходу не сбавляет — на землю град повалит. А редкий гром, ко-

роткий, словно кто в лесу по дереву обухом ударяет, силу срубленного дерева проверяет, такой гром — к ведру. В июле зацветает липа. Внезапно поднимается круто пыль, несется неведомо откуда темная туча, и уже свищет горячий ветер, блещет молния. Грозник набирает силу.

6 июля. Аграфена-купальница.

В стародавние времена избы в этот день украшали венками из травы и цветов. И виделось, будто на телеге, усталенной сношенной травой, охалками цветов, едет русская красавица Аграфена с Иваном Купалой свидеться.

К 6 июля травы и коренья набирают сок. Считалось, что в этот день нечистая сила собиралась портить людей и скотину, тещи-

- не хочу?

июль

ся над девами и парнями, водить их по лугам к болотному омуту. В двери стучится болотная нечисть, засов отодвигает, плачет и хохочет. По народному поверью, избу надобно от нечистой силы уберечь. Для этого рвали и связывали чертополох и крапиву, устилали порог, втыкали в оконные щели. Чтобы предохранить скотину и малых ребят от порчи, подрезали шиповник, рвали крапиву, чертополох и складывали кучу посредине деревни. Затем заставляли сначала через нее прыгать ребятяшек, а после прогоняли скотину. Верили, что Аграфена-нупальница изгонит травами телесную нечистоту.

7 июля. Иван Купала.

Древний языческий праздник в честь Ивана Купалы отмечается в

самую короткую ночь в году — 24 июня по старому стилю. В России после календарной реформы 1918 года Иванов день пришелся по новому стилю на 7 июля, а в других странах он празднуется, как и прежде, 24 июня. Происхождение имени славянского божества "Купало" или "Купала" по сей день точно не установлено. По одним источникам Купала был бог земных плодов и считался третьим по значению в иерархии славянских богов. Отмечали его в день жатвы и приносили жертвы из некоторых трав, из которых заигали костер и плясали вокруг него с песнями. По другим данным слово "Купала" происходит от глагола "купать" и вообще связано с купанием в водоемах. Так или иначе в народной традиции празднование

рисунок Виктора Ковале

Ивана Купалы обязательно связано с обрядом массового купания в реке или озере.

Возникновение обычаев, основанных на явлениях природы и коренных идеях человека, имеет древнее происхождение. С давних времен вода и огонь почитались как главнейшие стихии мира, обладающие очистительными свойствами. От этого верования получили свое название купальские огни и омовения, то есть обрядовое купание в воде. Но главные чудеса в Иванов день совершались ночью. Обычно сразу после захода солнца люди начинали собираться около реки и разводили костры. По обычаю девушки приносили большую ветку вербы или ивы, украшали ее цветами и лентами. Вокруг веток устраивались хороводы с песнями и плясками. Затем делали деревянную или соломенную куклу, украшали ее голову веннами и одевали в широкую рубашку. Наряженная кукла называлась Купалой, а дерево, под которым ее помещали, Мареной. После этого все поочередно прыгали через костер, полагая, что таким образом все нечистое, что есть в человеке, сгорает в огне.

Ночь на Ивана Купалу, по древним представлениям, считалась чудодейственной. Существовало поверье, что будто бы накануне Иванова дня, в ночь, цветет папоротник. Что он в эту ночь сияет огненным пламенем и освещает местность. Если его в этот момент сорвать и бежать домой, не оглядываясь, чтобы не увлечь за собой нечистую силу, то цветок папоротника даст возможность его обладателю открывать клады и получать богатство.

Накануне праздника топили бани, парились, воткнув в веники

собранный траву, которая считалась целебной. В этот день знахари пытались отыскать так называемую "разрыв траву", против которой, якобы, не сможет устоять ни один замок. Собирали и другие цветы, которые, по мнению поселян, обладали целительной и чудодейственной силой. Эти растения использовались для врачевания людей и скота, а также для чарования и волшебства.

В древние времена праздник заканчивался символическими похоронами самого божества Купала. Спустя вена хоронить стали соломенную или деревянную куклу или купальскую березку. На рассвете, по окончании гулянья, ее топили в рене, сжигали или разрывали на части и разбрасывали по огородам.

9 июля. Земляничник.

На этому дню в лесах поспевала земляника, и ее шли собирать. Землянику почитали за ее целебные свойства. Шли за ягодой, пока роса еще не опала. Собирали на чистую льняную тряпицу, чуть разминали и прикладывали к больному месту. Листья земляники зимой заваривали и пили — этот чай и сил прибавлял, и с сердца боли снимал.

12 июля. Петр и Павел. Петровки.

День памяти апостолов Петра и Павла по православному церковному календарю приходится на 12 июля. Этому празднику предшествует непродолжительный и не очень строгий пост, а сам праздник называют Петровнами, или Петрово говейно. С давних времен этот период времени имел большое значение для жизни русского крестьянина. В Петровки в деревнях начиналась кипучая деятельность на полях, где развора-

чивался сенокос. С Петрова дня погода устанавливается жаркой, наступают "петровские жары".

В коммерческом плане Петровни тоже имели большое значение, так как в это время всегда происходили петровские торги, то есть устраивались ярмарки с широкой распродажей всевозможных товаров. В юридическом отношении Петров день бывал днем суда, взимания пошлин, а также сроком платежа оброков и податей.

14 июля. Петние Кузьминки.

По народному поверью торопятся в этот день пособники женщин — Кузьма и Демьян к лугам. Ведь начинается покос, а на него полагается одеться празднично. Кузьма с Демьяном косы отбивают, а женщины варят кашу. Наша эта общая. Всем миром крестьянским собирают крупу, масло, молоко, соль. Вместе отведают кашу, чтобы потом разделить между собой долю великих страдных дней.

15 июля. Берегиня.

С давних времен идет поверье, что в этот день связывала Берегиня между собой два берега реки и хранила крестьянский род, живущий по берегам рек, от всех напастей. Берегиня берегла крестьянский скот, считалась пособницей рыбакам. На вышитых старинных полотенцах была изображена Мать Берегиня, держащая в руках цветы и травы. Вышивальщицы украшали полотенца знаками росы, животворная сила которой, касаясь лица крестьянина, снимала усталость и передавала утреннюю прохладу.

20 июля. Фома серпы ладит.

К этому времени в деревнях приходит пора жатвы. Повсюду звенят наковальни, серпа готовят, да носы точат-отбивают. А покровительствует в этом Фома.

Преподобный Фома — персонаж евангельский. Но и в этот день его почитание слилось с народными представлениями о крестьянском труде и сельских заботах.

28 июля. Кирики-Улиты.

День памяти евангельских мучеников Кирика и Улиты в народном сознании связан с пагубным влиянием в этот день жаркого зноя на человека и природу.

29 июля. Афиноген.

В этот день лето поворачивает в сторону осени. Хотя еще впереди целый летний месяц, но солнечно уже не будет таким жарким, как до сего дня. Замечено также, что в лесах и полях замолкают птицы — не слышать больше их звонкого пения.

На этом, дорогие читатели, мы заканчиваем публикацию "Народного календаря". Теперь у вас есть 12 номеров "Смены", в которых, начиная с августа (№ 8) прошлого года, можно узнать все о многочисленных народных праздниках, обрядах, обычаях, приметах, запечатленных многовековой историей русского народа. Приоткрывая эту страницу жизни и быта людей, видишь, сколько мудрости, знаний, добра и смекалки таит в себе русская душа. Конечно, в наши дни многое уже утрачено, потеряло свою актуальность, но традиция отмечать важные православные и народные праздники осталась. Возрождается многое из того, что забыто или было под запретом. Поэтому так важно знать сущность каждого отмечаемого праздника, понять и почувствовать его смысл. Надеемся, что в этом вам будет помогать наш "Народный календарь".

Аудиотеатр "Чистые пруды"

предлагает записи литературных и литературно-музыкальных произведений:

"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН".

Музыкально-поэтическая композиция по роману в стихах А. С. Пушкина и одноименной опере П.И. Чайковского.

Читают Яков Смоленский, участвуют солисты, хор и оркестр ГАБТ СССР.

Дирижер Марк Эрмлер.

Продолж. зв. 1 час 56 мин. 36 сек. В 2-х кассетах.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.

Рассказы.

Читает Александр Котов.

В сборник включены рассказы:

"День человеческий", "Под столом", "Костя", "Страшный мальчик".

Продолж. зв. 1 час 07 мин. 1 кассета.

"СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА".

Литературная композиция по произведениям А.К. Толстого.

Читает народный артист России Рафаэль Клейнер.

"Средь шумного бала", "То было раннею весной", "Колокольчики мои" и другие стихи, отрывки из романов "Князь Серебряный", "Царь Борис", "Смерть Иоанна Грозного".

Продолж. зв. 1 час 29 мин. 40 сек. 1 кассета.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО.

Рассказы о любви.

Читает Александр Котов.

"Рассказ о старом дураке",

"Жениться — не напасть, как бы не пропасть", "Мелкий случай из личной жизни", "Свадебное происшествие", "Забавное приключение". Послесловие.

Продолж. зв. 57 мин. 1 кассета.

"НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ".

Стихи Лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского.

Автор композиции и исполнитель народный артист России Рафаэль Клейнер. В сборник включено 21 стихотворение.

Продолж. зв. 1 час 21 мин. 56 сек. 1 кассета.

САША ЧЕРНЫЙ.

Солдатские сказки.

"Штабс-напитанская сласть", "Солдат и русалка".

Читает Виктор Шимановский.

Продолж. зв. 55 мин. 48 сек. 1 кассета.

"РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА"

(на русском языке).

Аудиоспектакль по трагедии Вильяма Шекспира

в переводах Александра Соколовского и Бориса Пастернака

Продолж. зв. 2 часа 10 мин. 37 сек. В 2-х кассетах.

По вопросам приобретения обращайтесь письменно по адресу: 117218, г. Москва, а/я 95 или по телефону: (095) 125-03-08.

НАШИ ЦЕНЫ ДОСТУПНЫ!

Журналы издательства

ТОВАРЫ И ЦЕНЫ

Журнал "Товары и цены" – еженедельно обновляющаяся огромнейшая база данных о покупке или продаже товаров оптом и в розницу. Каждый месяц выходит электронная версия – компакт-диск "Товары и цены + Услуги и цены".

Для желающих найти работу! По понедельникам выходит журнал вакансий "Работа & зарплата" (более 4000 предложений от работодателей). В каждом номере – информация о всевозможных учебных заведениях, курсах, школах, а также статьи о проблемах трудоустройства.

Работа & зарплата

ПРАЗДНИЧНАЯ
ИЮЛЬСКАЯ СКИДКА 35%
+ ПОДАРОК!!!

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АВТОШКОЛА

735-2207, 450-8706, 440-2676

Степень независимости – основа права!

ОБУСТРОЙСТВО & РЕМОНТ

Еженедельный журнал "Обустройство & ремонт" посвящен вопросам строительства, ремонта, проектирования, отделки и внутреннего обустройства помещений. Все о сырье, современных строительных и отделочных материалах, инструментах, комплектующих, запчастях и оборудовании, а также полезные советы по ремонту.

"Сервис делового мира"

Журнал "Туризм и отдых" – каждую неделю свежая информация о турах в любую страну мира на любой вкус.

Ежемесячный журнал "Услуги и цены" – весь спектр услуг, какие только могут быть востребованы, а также полезные советы потребителям.

Ежемесячный журнал "Красота & здоровье" – для тех, кто стремится всегда великолепно выглядеть и хорошо себя чувствовать. Полный справочник по косметическим клиникам, салонам красоты, лечебно-диагностическим и реабилитационным центрам, клиникам и аптекам, а также много другой полезной информации.

Срочная доставка: т. (095) 250-20-76, 235-11-50

1		2		3		4		5		6		7		8		9
10								11								
				12												
13								14								
				15												
16	17		18					19	20		21		22		23	
					24		25									
26																
27																
28		29		30		31		32		33		34		35		36
								37								
38												39				
								40								
41												42				
								43								

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Марианский... — самое глубоководное место на Земле. 10. Поморское название пологого каменистого берега. 11. Человек разносторонних знаний. 12. Русский художник и ученый, рассматривавший историю и природу как процесс единой "космической эволюции". 13. Американо-американский страус, заботливый папа. 14. Первая концепция эволюции живой природы, созданная знаменитым французским естествоиспытателем. 15. Полуостров в Финском заливе, известный героизмом советских войск. 16. Трава второго уноса. 19. Риторическая фигура: повторение одного и того же слова или оборота. 26. Ван Гог, Гоген, Тулуз-Лотрек (течение в живописи). 27. Должность Воробьянинова в загсе ("Двенадцать стульев"). 28. Млечный Путь как звездная система. 34. Угодливость (по В. Далю). 37. Креолка, героиня в романе Майн Рида "Всадник без головы". 38. "Ну, скушай же еще тарелочку,

мой милой!" (стилистическая фигура в строке из "Демьяновой уха" И. Крылова). 39. Собрание документов по одному вопросу. 40. Утес. 41. Ряды подстриженных кустов вдоль дороги. 42. Птица, предсказывающая морянам погоду. 43. Крупная африканская ящерица, способная менять окраску.

По вертикали. 1. Рекордсмен мира из СССР, лучший прыгун в высоту конца 70-х годов. 2. Великий композитор, утверждавший, что может писать музыку только по-русски. 3. Родственница капусты, которую долго считали незаменимым средством от невралгии и лихорадки. 4. Пушкинская героиня, написавшая самое известное в русской литературе письмо. 5. Бизонова трава на североамериканских пастбищах. 6. Нарликовый народ в Африке. 7. Юноша на Руси, забриваемый в солдаты. 8. Шоколадное мороженое. 9. Синяк, шишка. 17. Антипод ансиомы. 18. Революционная народница, снегшая себя в Петропавловской крепости. 20. Круг прихожан священника. 21. Большая продолговатая кладь снопов. 22. Сорт яблонь, используемый как подвой. 23. Земляничный томат, очень вкусный соленым. 24. Иордания — королевство, Кувейт — ... 25. Подмосковный город, центр ядерных исследований. 28. "Папа по саду пойдет, папа с дерева сорвет Маше — ..., Зинне — ботинки, Нинке — чулки" (Н. Чуковский. "Чудо-дерево"). 29. Объем бака с горючим. 30. Морской угорь весом до 65 килограммов, ценный рыбами Северной Америки. 31. Предательство. 32. Штат США, называемый "Последней границей". 33. Самое голосистое насекомое. 34. Тип шахматной композиции. 35. Игрок футбольной или хоккейной команды. 36. Имя французского поэта и гуманиста Маро.

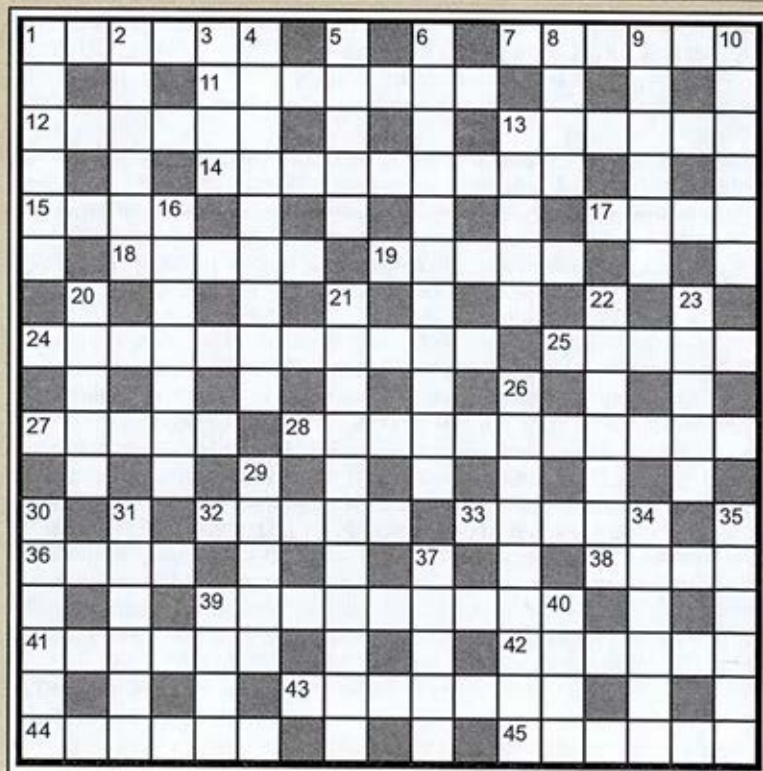
Составил **И. МАНЕГА,**

г. Речица Гомельской области

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали. 1. Угонщик. 5. Обводна. 11. Сантиметр. 13. Эсналатор. 14. Хартия. 15. Аллея. 16. ...дворик. 19. Ясли. 20. Прокофьев. 21. Зной. 24. Ячмень. 25. Истопник. 27. Черепаха. 28. Ламарк. 31. ...марш. 32. Предзимье. 33. Гриф. 37. Тониец. 38. Шторм. 39. Сербна. 42. Сансовино. 43. Жаворонок. 44. Нельсон. 45. Банкра.

По вертикали. 2. Гонерилья. 3. Наитие. 4. Иден. 6. Бокс. 7. Облава. 8. Наторжник. 9. Психея. 10. Юрский. 12. Рильне. 13. Эренфест. 17. Транспорт. 18. ...целованье... 22. Смерч. 23. "Анчар". 26. Ехидство. 27. Чиринанье. 29. Нарабинер. 30. Витраж. 31. Матисс. 34. Фиалка. 35. Щепоть. 36. Петрик. 40. Вино. 41. ...овца.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Рай и ад золотодобытчиков. 7. Нязь, в чьем доме начали убивать Г. Распутина. 11. Жанр фортепьянной музыки, созданный в России ирландским композитором Джоном Филдом. 12. Оптовый скупщик скота в России. 13. Танец нимф на острове Бали. 14. Объект, любящий падать маслом вниз. 15. Десятая часть ведра с русской водой. 17. Социалист-утопист, один из пионеров хлопчатобумажного производства в Англии. 18. Сказочный русский всеведец. 19. Вестник Бога. 24. Сапожник в прямом значении слова. 25. Русское название корабельной мачты. 27. "Всегдашний товарищ лентяя" (Гесиод). 28. Тип профиля лица, когда за плоскость лба выдается только нос. 32. "Излишек народа" на языке древнеегипетской знати. 33. "Отец памяти" (Томас Фуллер). 36. Брат Устины Кузнецовой, выдавший ее замуж за Емельяна Пугачева. 38. Французский живописец XVII-XVIII веков, в уго-

ду дамам изображавший их в виде прекрасных богинь Олимпа. 39. Тесть А. Блока. 41. Старинный женский суконный кафтан с перехватом. 42. Гармонь, впервые сделанная в 1870 году в Туле. 43. Уговор. 44. Герпиллида, от которой у Аристотеля был сын, по своему положению. 45. Поэт, в конце жизни писавший язвительные эпиграммы на Н. Некрасова.

По вертикали. 1. Обращение Базарова к отцу в романе И. Тургенева "Отцы и дети". 2. Художник, "явивший" Христа народу. 3. Обыватель, ослепленный модой высшего света. 4. Римский писатель, чью главную книгу считают древнейшей энциклопедией сельского хозяйства. 5. Часть спортивной лодки с местом для одного гребца. 6. Заводчик, чей завод, основанный в 1724 году в Москве, был первым русским керамическим предприятием. 8. Простывший отпечаток. 9. Самовольный выходной. 10. Южноамериканский верблюд, дающий тонкую и мягкую шерсть. 13. Дантес по отношению к счастью и чинам в лермонтовском стихотворении "Смерть поэта". 16. Французский писатель, чьи "Приключения Телемана" изучала Екатерина Вторая. 20. Древнегреческий философ, считавший равно преступным ударить отца или раба. 21. Похититель детей в древней Греции для продажи, "делатель рабов". 22. Время, когда шахматисту думать не приходится. 23. "Большой", наряду с ушами, символ мудрости у шумеров. 26. Конечный результат перехода от возможности к действительности в философии Аристотеля. 29. Противница Джинны Лоллобриджида в знаменитой "войне бюстов". 30. Удивительный "Южный крест" как самоцвет. 31. Блюдо общепита, о котором юмористы шутили: "Фрунты помыли". 34. Вождь восстания рабов на острове Хиос, которому после его смерти воздвигли алтарь с надписью: "Герою-благодетелю". 35. Барин из первой сатирической комедии А. Островского, огорченный отменой крепостного права, так как она лишила его возможности часами распекать слуг. 37. Английский поэт, сказавший: "Род человеческий не может выдержать большой доли реализма". 39. Знаменитая московская залогинская тнань. 40. Кадр, дополнительно вмонтированный в фильм с той или иной художественной целью. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали. 3. Баянист. 7. Югер. 10. Мыпра. 12. Подсолнечник. 13. Ляпунов. 14. Затворница. 15. Ризотто. 17. Эри. 20. Вальс. 21. Дартс. 22. Ярвет. 23. Хан. 24. Вай. 25. Ширин. 26. Гоген. 27. Жизнь. 28. Лев. 34. Оглобля. 35. Франасторо. 36. Орясина. 37. Мгновенность. 38. Щипцы. 39. Карп. 40. Цыганка.

По вертикали. 1. Вытягивание. 2. Треугольник. 4. ...Ахов. 5. Наснас. 6. Сальварсан. 8. Генрих. 9. Рюкзан. 11. Федра. 12. Понти. 16. Ианов. 17. Этвеш. 18. Арциховский. 19. Чернильница. 21. Дагестанцы. 29. Угорь. 30. Ефимок. 31. Вагнер. 32. Санва. 33. Арроба. 36. Отек.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

73. **Х. ГРУДЗИНСКИ**
Польша

2

74. **А. СПЕСАРЕНКО**
Дубна, Московская обл.

2

75. **Л. ЛЕБЕДЕВ**
Бобруйск, Беларусь

6) Крб6-с7

2

76. **А. КОШЕЛЬКОВ**
Псков

2

77. **В. СУРКОВ**
Рязань

2

78. **В. ДЯЧУК**
Мукачево, Украина

2

79. **В. ШУМАРИН**
Москва

2

80. **М. ЧЕРНУШКО**
Уссурийск

2

81. **С. ЛАТЫШ**
Мурманск

2

82. В. СИМОНОВ
Самара

3

83. А. СЫГУРОВ
Самарская обл.

3

84. Е. ЦИММЕР
Польша

3

85. Н. КУЛИГИН
Запорожье, Украина

3

86. В. КОВАЛЕНКО
Приморский кр.

3

87. С. ДЕМИДЮК
Брест, Беларусь

3

88. М. МАТРЕНИН
Ленинградская обл.

4

89. Ю. СУШКОВ
Санкт-Петербург

б) · n.d7

4

90. В. МЕТЛИЦКИЙ
Киев, Украина

б) Le3 ↔ Kd2

4

91. В. КОЖАКИН
Магадан

б) n.d6-b4

4

92. В. БАРСУНОВ
Санкт-Петербург

5

93. М. НЕДЕЛЬКОВИЧ
Югославия

7

ЮРИЙ ПОПКОВ

сновные темы творчества Юрия Попкова — человек и культура, человек и природа. Окружающая нас природа всегда статична, спокойна, умиротворенна, считает художник, а вот в человеке, в его сущности, заключен некий драматизм: он находится в постоянном беспокойстве, стремлении достичь

недостижимого. Пластика, поза, даже костюмы людей резко контрастируют с ясной, спокойной природой. И все это художник передает преимущественно сочетанием черных и белых пятен. Монет, поэтому у Юрия почти нет ярких, сочных красок. Напротив, все четко, как-то геометрично разделено на светлое и темное.

Путь к творчеству Юрия Попкова оказался непростым. Поначалу с искусством его связывало только одно — он был племянником известного художника Виктора Попкова. И хотя в детстве любил бывать в мастерской своего знаменитого дяди — жили они одной большой семьей в подмосковных Мытищах, — часами наблюдать за процессом рождения полотен и даже копировать его работы, Юра и не мечтал стать художником. Поэтому после окончания школы он отправился на завод, где работали родители, осваивать профессию электромонтажника. Впрочем, в свободное время по-прежнему заглядывал к дяде в мастерскую, пробовал писать и сам. Но уже не копировал, а пытался создавать свои композиции, осваивал технику акварели. Как-то нарисовал автопортрет, показал дяде... И вот тогда Виктор Попков всерьез взялся за племянника. Юрий оставил завод, поступил в студию при доме культуры и стал учеником Виктора.

В Училище живописи памяти 1905 года на живописно-педагогическое отделение Юрий поступил уже после трагической гибели Виктора Попкова. Первая выставка Юрия прошла в Минске, когда он еще учился. Тогда же одну его работу приобрел Томский художественный музей. С той поры у него прошло более двухсот выставок, он участник художественных ярмарок в Тонио, Лос-Анджелесе, Лондоне.

В прошлом году Юрий побывал во Франции, в Провансе, в местах, где жили Ван Гог и Сезанн. Предгорья Альп, роскошная природа, ро-

Уходящий Христос.

манская архитектура дали новые темы для творчества. А еще — новые ощущения света и цвета, они стали более яркими, насыщенными. "Живопись, — считает Юрий Попков, — несет в себе огромный заряд энергетических сил. Картины снимают стрессы, несут радость, да и просто украшают пространство, в котором обитает человек. Подлинная живопись — это рукотворное чудо, называемое нами искусством".

Людмила КАНДАЛОВА

Мыльные пузыри.

Странствующая домовладелица.

2-я ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНСКАЯ ВЫСТАВКА "ЭКВИРОС-2000"

21-25 сентября

Москва, парк "Сокольники",
павильоны 3, 11

ВЫВОДКА ЛОШАДЕЙ

*
АУКЦИОН

*
ВСЕ ДЛЯ ВЫРАЩИВАНИЯ
И СОДЕРЖАНИЯ ЛОШАДИ, СПОРТА
И СКАЧЕК

*
ВETERИНАРИЯ

*
КОРМА

*
СЕМИНАРЫ, КОНФЕРЕНЦИИ

Лошади
Амуниция
Все для ухода за лошадью
Одежда и обувь для
верховой езды и работы
с лошадью
Оборудование конюшен

Качалки
Клипки
Ипподромное
оборудование
Оборудование для
проведения конных
соревнований

Коневодство
Снаряжение для ковки
Ветпрепараты
и ветоборудование
Корма и кормовые
добавки
Конный туризм

Иппотерапия
Кумыс
Перевозка
лошадей
Книги
Видео
Компакт-диски

К участию в выставке приглашаются отечественные и зарубежные фирмы, государственные и частные структуры, конные заводы, ипподромы, вузы и научные учреждения, конноспортивные ассоциации, клубы, школы, фармакологические фирмы, производственные и торговые компании, предлагающие оборудование, товары и услуги для

Организаторы выставки

ФЕДЕРАЦИЯ
КОННОГО
СПОРТА РФ

АССОЦИАЦИЯ
КОННО-
СПОРТИВНЫХ
КЛУБОВ

КВЦ
"СОКОЛЬНИКИ"

При поддержке Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ, Правительства Москвы

Информационный спонсор:
журнал "Золотой мустанг"

Директор выставки:
Архипова Любовь Петровна
Тел./факс: (095) 268-7605, 268-7603
Факс: (095) 268-0891
E-mail: info@exposokol.ru
http: //www.exposokol

Приглашаем Вас принять участие в выставке «ЭКВИРОС-2000».